

Г. В. КСЕНОФОНТОВ

УРААНГХАЙ-САХАЛАР

ОЧЕРКИ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯКУТОВ

Том I

в 2-х книгах

«Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства,— благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества...»

Карл Маркс

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 22. Партиздат, 1934.).

Национальное издательство
Республики Саха (Якутия), 1992

63.5 К 86

Текст печатается по изданию Восточно-Сибирского областного издательства. Иркутск, 1937 г. Ксенофонтов Г. В.

К86 Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Том 1, 1-я книга / Художник М. Г. Старостин.— Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992.— 416 с.

Автор данного исследования— Гавриил Васильевич Ксенофонтов, известный историк, этнограф и фольклорист, в 1938 году по ложному обвинению был расстрелян, поэтому его книга не дошла до широкого читателя.

В книге на основе данных языка, фольклора якутов исследуются южное происхождение якутов, пути их переселения на Лену.

0503020900—080

М 137-92 без. объявл.

ISBN 5—7696—099—3 (1-я книга) ISBN 5—7696—100—0 (2-я книга)

Г. В. Ксенофонтов, 1937.

Нац. изд-во Республики Саха (Якутия)

Предисловие, оформление, 1992

«УРААНГХАЙ-САХАЛАР» Г. В. КСЕНОФОНТОВА

Идея переиздания этого интересного и оригинального исследования назрела давно. Монография стала библиографической редкостью, ее мало знают даже специалисты. Широкая читательская аудитория знает ее по слухам. В общем и у автора, и у книги — трудная судьба. Выло время, когда ее нельзя бы-ло цитировать...

Однако, как это нередко бывает в жизни, наперекор трудной судьбе люди и книги выживают. Это — справедливость истории, правда жизни. Автора книги и самую книгу народ не забыл, помнил их всегда. Почему? Мне думается, что автор в свое время смело взялся за решение вечного вопроса, над которым думал его родной народ: где наши истоки, кто мы? И дал свой ответ в форме огромного фолианта, что остался в понятии народа, и сегодня наконец-то читатель спокой-но, хотя и с опозданием, может ознакомиться с содержанием этого ответа.

Итак, центральная проблема монографии Г. В. Ксенофонтова — проблема происхождения якутов и расследования путей переселения их на Лену. Автор считал ее загадочной «якутской проблемой», которая содержала в себе ряд вопросов: «когда, как и почему, под давлением каких исторических причин и в каком географическом пункте этот «татарский» (читай тюркский — В. И.) народец оторвался от своих единокровных братьев, какими путями он добрался в глухой и таежный Ленский край». Главный ответ автора на эти вопросы — южное происхождение якутского народа. Однако неоднозначное содержание процесса за-ставляет автора делить его на три крупных этапа и только на третьем «якутский народ в конце XII в. нашей эры в полном составе уже переселился в пределы своей современной родины».

Для обоснования этой позиции автор мобилизовал огромный материал устной летописи народа, данные специальной литературы, опубликованные источники и суждения историографического характера. При этом автор был убежден в правоте и аргументированности своей позиции и с высоты науки тех лет она действительно казалась убедительной. А сейчас иные времена, иные требования к науке и иной уровень научной методологии и методики. Именно поэтому мне не хотелось бы заниматься пересказом содержания монографии, тем более критикой монографии Г. В. Ксенофонтова с высоты современных научных достижений. Я усиленно рекомендую эту книгу читать для самостоятельного, личного прочтения, для индивидуального восприятия.

Но справедливость все же требует, чтобы я остановился на некоторых особенностях работы Г. В. Ксенофонтова, которые могут быть полезны для читателя. Прежде всего необходимо отметить следующее — многие думают, что в книге получили решение общие вопросы происхождения якутского народа. Однако автор строго ограничил свою задачу — он подвергает «расследованию» вопрос о происхождении только северных и вилуйских якутов, будучи уверенным в «двухсоставности современного якутского народа и в постепенном слиянии двух этнических элементов в однородную массу». По его мнению, второй «состав» якутского народа связан с жителями центральных якутских улусов и исследованию происхождения этого «состава» он обещал посвятить второй том книги. Так что мы имеем дело как бы с усеченным вариантом решения проблемы происхождения якутского народа.

Во-вторых, Г. В. Ксенофонов имеет дело с «загадочной проблемой» бесписьменного народа и ему оставалась только одна возможность — исследовать эту проблему главным образом на основе того материала, который сам народ сохранил в исторической памяти (в фольклоре) и своем языке. Он широко воспользовался этой возможностью — мы имеем дело с крупным профессиональным знатоком фольклора, стремившимся использовать позитивный материал народных представлений для исторических реконструкций. Я не ошибусь, если скажу, что автор «Ураангхай-сахалар» первым в якутоведении поднял значение фольклора до понятия «историческое сознание народа» (все виды фольклора — «застывшие формы древнего сознания якутов»). В этом качестве историк оказал впечатляющее влияние на всех своих последователей, прежде всего на академика А. П. Окладникова... Вместе с тем Г. В. Ксенофонов не абсолютизировал «реализм героического эпоса» якутов, учитывал его способность «перерождаться» под нажимом различных процессов исторического развития. Именно поэтому он считал многие свои рассуждения «рабочими гипотезами», которые должны быть «доказаны подробным анализом всех элементов якутского героического эпоса, экономического быта, материальной и духовной культуры, монографических и физико-географических условий...». Читатель запомнит, думаю, эту оценку самого исследователя, но в дальнейшем изложении ему придется обнаружить, что автор не всегда верен выдвинутой им же методике использования фольклора в качестве исторического источника и волей-неволей становится жертвой исследовательской увлеченности, любования легендарными сюжетами устной летописи народа.

В-третьих, Г. В. Ксенофонов в качестве одного из основных объектов исследования рассматривает т. н. особую этническую группу северных якутов, представляющую собой, по его мнению, «конгломерат из тунгусов, турок и монголов». Исследовав «основы их экономического быта, обычаев и нравов», родовые названия, численность и расселение, он обосновал тезис «об особых путях исторической судьбы северных или оленных якутов». Говоря о датировке передвижения их на север, он пишет: «Большая самобытность, обособленность и своеобразие культуры северных якутов с большой вероятностью свидетельствуют за то, что их раздельное существование на Вилюе было очень длительным, во всяком случае, не одна и не две сотни лет» (можно предположить) — до второй волны появления якутов-скотоводов на Вилюе. Рассуждения Г. В. Ксенофопова о роли северных якутов-оленоводов в этногенезе якутов представляют с точки зрения историографической определенный интерес, в свое время они внесли свежую струю в якутоведение и стимулировании исследовательской мысли. Вместе с тем пространные и внешне эффектные суждения автора оставляют как-ую-то внутреннюю неудовлетворенность, что объясняется, на мой взгляд, недостаточной аргументированностью и некоторой заданностью авторской позиции. Но это не означает отсутствия в исторической науке проблемы северных якутов. Она существует, другое дело — ее конкретно-историческое содержание. Я хотел бы напомнить читателям, что современная историко-этнографическая литература достаточно убедительно доказала, что якуты стали заселять северные районы после вхождения Якутии в состав Российского государства, т. е. с XVII в. и именно с этим процессом связано появление проблемы северных якутов. Не находит своего подтверждения и утверждение автора книги о том, что северные якуты являются «ураангхайской частью якутского народа».

В-четвертых, Г. В. Ксенофонов процесс формирования современных якутов связывает с тремя крупными этническими элементами: северными якутами-оленоводами, вилюйскими якутами-скотоводами и собственно якутами («народ Саха») Амгино-Ленского плоскогорья. Эта идея находит отражение в следующем обобщающем выводе: «Колонизация якутами бассейна Лены, начавшись с ее верхнего течения, должна была перекинуться через Нюю на Вилюй и захватить весь Вилюйский округ. Якуты-оленоводы, раньше поселившиеся на Вилюе, при заполнении последнего якутами-скотоводами, должны были отойти на север — в бассейн Оленека и в низовья Лены. Только лишь по заполнении Вилюя якутами-скотоводами последние, постепенно распространяясь на восток, могли

нащупать территорию Якутского округа и колонизовать Амгино-Ленское плоскогорье. Подробные доказательства раннего появления вилюйчан в Амгино-Ленском плоскогорье мы приведем во втором томе наших очерков». Как видно, второй активный элемент в формировании якутов-саха составляют вилюйские якуты-скотоводы, в которых историк видит представителей «вилюйской скотоводческой колонии прибайкальских якутов». Сама постановка вопроса о вилюйских якутах также представляется интересной, но читатель, думаю, вынужден будет состыковать наблюдения Г. В. Ксенофонтова с позицией современной науки, согласно которой якуты появились в районе среднего и верхнего течения Вилюя, начиная с 30-х годов XVII в. При этом историки и этнографы едины во мнении, что вилюйские якуты выходцы из Центральной Якутии.

В-пятых, Г. В. Ксенофонтов не успел сформулировать законченную и полную теорию происхождения якутского народа — наиболее важная и фундаментальная ее часть должна была быть изложена, как об этом неоднократно обещано автором, во втором томе «Ураангхай-сахалар». К сожалению, реализация обещанного не состоялась... Вместе с тем на многих страницах книги читатель найдет своеобразные суждения автора по некоторым общим вопросам исторического развития якутов. В числе других я имею в виду прежде всего вопросы о социально-экономическом развитии и общественном строе древних якутов. Читатель, думаю, не пройдет мимо таких формулировок и оценок, как: «на южной родине якуты прошли через стадию рабовладельческой социально-экономической формации; имели дело с феодальной верхушкой; у них был своеобразный азиатский скотоводческий феодализм» и т. д. С другой стороны, историк считал, что на второй родине (на севере) социально-экономическое развитие якутского народа пошло вспять по пути регресса — «от древней феодальной организации могли остаться одни рожки да ножки», «в момент прихода русских казаков якутский феодальный строй мог представлять картину сплошной руины» и т. д.

Далее Г. В. Ксенофонтов писал, что у древних якутов был «феодално-деспотический строй»; знали царизм «в форме центрально-азиатской деспотии», династию князей тыгенидов, которые якобы посылали из Прибайкалья своих воевод «на кормление» на Вилюй, и т. п. Интересны рассуждения историка о Тыгыне. С одной стороны, он пишет, что термином «тыгын» обозначался древнетюркский титул «тегин» — князь, С другой — связывается с последним уйгурским Энен-Тегинем, который якобы исчез в 840 г., но объявился у якутов-саха

и основал династию тыгенидов. Наряду с этим он говорит о конкретном истори-ческом якутском царе Тыгыне.

Хотелось бы в связи с этим обратить внимание читателей на то, что современная историко-этнографическая и филологическая науки не подтверждают вышеприведенные наблюдения Г. В. Ксенофонтова. Мне представляется, что именно в этих тезисах заключается концептуальная слабость монографии, во многом объясняемая недостаточно критическим и объективным отношением автора к информации устной летописи якутского народа. Кроме того, надо иметь в виду уровень развития обществоведческой, в том числе исторической науки того времени. Как специалист, кроме всего прочего, я вижу и непосредственное влияние теоретических конструкций автора монографии «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» Б. Я. Владимирцова (1934 г.) на социологические построения автора «Ураангхай-сахалар».

Не получает подтверждения и тезис «о русском завоевании» Якутии в XVII в. — он слишком прямолинеен, не учитывает противоречивый и многоаспектный характер событий, связанных с вхождением народов Ленского края в состав Российского государства. Думается, что и здесь он оказался под влиянием уровня решения данной проблемы в советской историографии 20—30-х годов.

В целом в монографии Г. В. Ксенофонтова выдвигаются и решаются многие другие вопросы, о которых можно было бы сказать особо и более пространно, но я думаю, что читателю самому нужно дать возможность разобраться в них, оценить и определить свое отношение к высказываемым суждениям автора монографии. Я далек от навязывания читателям своего личного мнения; я стремлюсь только к тому, чтобы эта интересная книга удивительно эрудированного автора была прочитана с учетом достижений современной исторической науки. Тем более, что книга написана увлекательным, богатым и сочным языком

— я нахожу в языке автора слияние фундаментального научного языка с языком юриста, знающего и понимающего историю и этнографию своего народа, и, конечно же, с языком фольклора — это бесспорно. Как историограф по всем этим параметрам — я горячий поклонник Г. В. Ксенофонтова.

В заключение — пора представить самого автора, это нужно прежде всего тем, которые не знают Якутию, ее людей. Тем более такого, как Г. В. Ксенофонов — человека трудной судьбы.

Историк родился в 1888 г. в Якутской области, в III Мальжегарском наслеге Западно-Кангаласского улуса Якутского округа в семье состоятельного якута.

Окончил реальное училище, юридический факультет Томского университета. В 1913—1917 гг. работал адвокатом в г. Якутске. В период революции и гражданской войны принимал участие в общественном движении с позиции антицаристской идеологии; после падения колчаковской власти и окончательного установления Советской власти участвовал в проведении судебной реформы.

С 1920 г. начинается новый этап в жизни Г. В. Ксенофонтова — этап общения к научной деятельности. Ему повезло — он поступил в Иркутский университет, в котором в то время работали известные стране и миру крупные ученые, патриоты Сибири. Он работал ассистентом на факультете общественных наук и под руководством профессора Б. Э. Петри начал заниматься историей и этнографией народов Азии. Одновременно активно сотрудничал с Восточно-Сибирским отделением РГО, успешно продолжавшим дореволюционные традиции общества в деле познания сибирских народов. В 1921 г. побывал в Якутии с целью сбора материала по фольклору и этнографии.

Проработав в университете три года, в 1923 г. он уволился и приехал на родину, чтобы заняться основательно сбором этнографических и фольклорных материалов. В течение года находился на Севере (побывал в с. Кюсюр Булунского округа, в устье р. Оленек) и вернулся с богатым материалом по быту, фольклору и верованиям северных якутов. Затем в 1925—1926 гг. Ксенофонов предпринял путешествие по маршруту Якутск — остров Тойон Арыы на Лене — наслеги Западно-Кангаласского и Средневилюйского улусов — г. Вилюйск — Верхневилюйск — Марха — Нюрба — Шея — Сунтар — Хадан — Садын — Чона — Ербогачан — Новотуруханск — Красноярск. В завершение заехал в Хакасию и Западную Бурятию. Путешествие принесло ему исключительно богатый материал, составивший фундамент «Эллэйады».

В последующие годы Г. В. Ксенофонов работал в библиотеках и архивах страны, что также оказалось полезным. С 1928 г. обосновался в Иркутске, занимаясь обработкой собранных материалов. Имея богатый материал, активно участвовал в научной жизни города, писал статьи, выступал с докладами. В 1933 г. опять побывал в Якутии, в 1935 г. участвовал в работе I языковедческой конференции в г. Якутске. И все эти годы неустанно занимался подготовкой своего главного труда и в 1937 г. ему удалось издать в г. Иркутске 1 том «Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов». В предисловии к труду было написано: «Автор впервые приступил к разработке вопросов древней истории якутов и к систематическому собиранию фольклорных источников (героического эпоса

якутов) в течение 1920— 1922 гг. ...С января 1925 г. он переключился в научные организации Якутии, будучи определен стипендиатом Совнаркома ЯАССР. Настоящая книга написана им по поручению Якутского государственного изд-ва в течение 1932—1933 гг., позже частично дополнялась».

В 1937 г. Г. В. Ксенофонтов с семьей переехал на жительство в г. Димитров Московской области и занялся подготовкой к печати своих трудов. Тогда же ему удалось подготовить огромную рукопись памятников фольклора якутов под названием «Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории яку-тов».

22 апреля 1938 г. Гавриил Васильевич был арестован в Москве по необоснованному обвинению, затем приговором военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 августа того же года осужден к расстрелу, который был исполнен в тот же день. Дело Г. В. Ксенофонтова было пересмотрено через 19 лет — в августе 1957 года Гавриил Васильевич Ксенофонтов был полностью реабилитирован.

Один из ярких представителей первой якутской научной интеллигенции Г. В. Ксенофонтов был незаурядным ученым. Его характеризует широкая, разносторонняя эрудиция, многообразный интерес, знание языков. Об этом свидетельствуют основные направления его научных трудов, в которых он чувствовал себя профессионально подготовленным специалистом: шаманизм, история религии и культуры народов Азии, этногенез, язык и письменность якутов.

Все созданное Г. В. Ксенофонтовым оставило особый след в науке, активно входит в актив современного якутоведения. Переиздание главного его труда, думается, послужит стимулом для развертывания новых исследований по этногенезу якутов, а широкой читательской массе представив массу во многом забытой научной информации. Думаю, что произойдет интересная встреча интересной книги с современным читателем — читателем подготовленным, грамотным, думающим над вопросами прошлой истории своего народа. В добрый путь.

В. Н. Иванов доктор исторических наук,
профессор. Якутск, март 1991 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Классики марксизма-ленинизма придавали истории первостепенное значение. Энгельс писал: «...Мне история представляется ещё величественнее природы... Ведь в конце концов природа и история — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя». (Энгельс — Да-сону Лемпло. 11 апреля 1893 г.)

К группе исторических наук Энгельс относит науки, изучающие «в их исторической преемственности и современном состоянии условия существования людей, общественные отношения, юридические и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочин. т. XIV, стр. 89).

Совершенно ясно, что Энгельс неразрывно связывает историческое познание с классовой борьбой.

Вот почему марксистское исследование исторического прошлого любого народа, в частности якутов, представляет не только большой теоретический интерес, но и является актуальной проблемой для самой практики революционной борьбы рабочего класса и трудящихся всего мира.

Разработка истории народов советского Севера, не исключая и якутов, по-настоящему только начинается. Между тем, марксистское исследование экономики, социального строя, быта, нравов и проч. этих народов вскрывает огромное количество фактов, совершенно опровергающих нелепые «теории» буржуазных ученых, оголтелые расистские измышления фашистов.

Народы Севера, значительная часть финнов, народов горного Кавказа и многие другие в царской России не признавались историческими народами. Если буржуазные этнографы, в редких случаях и историки, пытались заниматься судьбами этих народов и признавали какие-либо изменения в их жизни, то это относилось, главным образом, к области узко-общественных установлений (развитие брака, правовых воззрений, культа и т. п.). Считалось, что можно говорить об истории этих народов только с момента соприкосновения их с русским населением, т. е. с того времени, как они очутились в пределах Русского государства. Такого взгляда на историю малых народностей держалась, и т. н., школа Покровского. Центром исторических проблем в работах этой школы выступала история великоруссов. В замечаниях тт. Сталина, Кирова и Жданова указывается, что

группа историков, которой было поручено написать учебник, «не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов: татары, башкиры, мордва, чуваша и так далее»),

К числу таких «неисторических» народов отнесены были и якуты. Об якутах старые буржуазные историки, а равно и последователи Покровского, считали возможным упоминать лишь в связи с т. н. «колониальными» захватами в Сибири. В то же время, однако, нельзя сказать, чтобы об якутах мало писали. Напротив, литература об якутах по сравнению со многими северными народами весьма обширна. К числу обстоятельств, способствовавших обилию этой литературной продукции, надо отнести политическую ссылку. В XIX и в начале XX века тогдашняя Якутская область служила тем «гиблым краем», куда царское правительство ссылало политических. Многие из ссыльных, живя в крае годами, принимались изучать его в различных отношениях. Большие заслуги политических ссыльных в деле научного познания якутского народа общепризнаны. Однако, научные работы «политиков» направлялись главным образом по линии этнографии и языкознания. Только некоторые из них давали в своих работах те или иные ученые домыслы о происхождении якутского народа и по вопросам социальной и общественной организации их в эпоху до прихода русских.

В настоящее время к изучению истории каждого из народов Советского Союза обязывает нас великая сталинская Конституция, провозгласившая равноправие всех рас и национальностей. Это есть одно из величайших завоеваний социалистической революции. Оно является одним из основных устоев социалистической организации государства рабочих и крестьян. Товарищ Сталин в своем докладе на VIII Чрезвычайном Всесоюзном Съезде Советов о проекте новой Конституции, разъясняя его принципиальные отличия от всех буржуазных конституций, высказал следующее:

«В отличие от этих конституций, проект новой Конституции в СССР наоборот — глубоко интернационален. Он исходит из того, что все нации и расы равноправны. Он исходит из того, что разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или в уровне государственного развития, равно как какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие. Он исходит из того, что все нации и ра-

сы, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы, или слабости — должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества».

Царская Россия, бывшая «тюрьмой народов» и «очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме», конечно, не способствовала зарождению и развитию подлинной исторической науки о народах, населяющих Россию, тем более о народах Севера и в частности об якутах.

Выше мы указывали, что об якутах написано не так мало, и было бы крайне ошибочным совершенно игнорировать буржуазную науку об аборигенах Сибири. Действительно, эти материалы, за редким исключением, можно рассматривать лишь как запас фактических данных, который подлежит вдумчивой теоретической обработке в свете историко-социологического учения Маркса и Энгельса, дополненного и развитого дальше их гениальными учениками — Лениным и Сталиным.

Мы считаем необходимым указать на ряд наиболее ценных исследований культурной и общественной жизни якутов, произведенных в дореволюционное время.

Богатейший фактический материал по культуре якутов содержится в словаре якутского языка, на составление которого в царскую эпоху потратил полвека своей жизни Э. К. Пекарский, политический ссыльный, революционер из среды русских народников. Словарь Э. К. Пекарского, по словам академика С. Ольден-бурга, содержит в себе разъяснение и истолкование до 25 тысяч якутских слов. Академия Наук СССР в настоящее время приступила к переводу этого словаря на турецкий язык.

Значительный запас материалов по фольклору якутов накоплен при царизме же трудами И. А. Худякова, С. В. Ястремского, того же Э. К. Пекарского и других. Обычное и семейное право якутов, а также порядок землепользования у них изучались Н. А. Виташевским, Л. Г. Левенталем, Д. М. Павликовым, Д. А. Кочневым и многими другими. Материальная культура, обычаи, нравы якутов, а также вообще вся внешняя сторона их быта неплохо изучены в классическом этнографическом труде В. Серошевского, опубликованном под заглавием «Яку-ты». обстоятельную монографию о дохристианских верованиях якутов написал В. Ф. Трощанский.

Однако, при царизме не появлялось ни одного солидного научного труда по общественному строю и социальной организации якутов, по конкретной гражданской истории, а тем более по их древней истории. Известная и очень ценная монография Л. Г. Левенталя — «Подати, повинности и земля у якутов» — посвящена разработке узко-специальной темы о развитии податного обложения с половины XVIII в. по архивным данным, и стоит совершенно одиноко.

В советское время вышли три крупные работы, посвященные истории якутов: «Очерки по истории Якутии» — Г. А. Попова, статья профессора С. В. Бахрушина — «Исторические судьбы Якутии» в сборнике «Якутия» Академии Наук СССР и, наконец, обширная статья Л. Мамет под заглавием «Колониальная политика царизма в Якутии в XVII—XIX веках», по замечанию самого автора, являющаяся «изложением первой части» его монографии «по истории якутского народа». Несмотря на разнокачественность этих работ, все они историю Якутии ограничивают тремя последними столетиями. Правда, Г. А. Попов в своей книге дает вводную главу, где мы находим ряд общих соображений по истории Якутии до XVII столетия и краткие резюме господствующих в предшествующей литературе гипотез о происхождении якутов. В этой главе дан общий обзор эпохи палеолита, неолита и «медного века». Древними насельниками края автор считает палеоазиатов, позже пришли тунгусы и, наконец только в XIV—XV веках откуда-то с юга якуты.

Таким образом, в известной нам исторической литературе об якутах, вышедшей после Октябрьской революции, также нет ни одной работы, которая была бы посвящена изучению древней, дорусской истории якутов. И то, что у Попова уместилось на нескольких страницах, у автора настоящей книги, Г. В. Ксенофонтова, развернуто в целый том. Следовательно, Г. В. Ксенофонтов поднимает вопросы, о которых прежние дореволюционные и пореволюционные исследователи говорили лишь мимоходом или совершенно обходили их.

Весьма характерно то, что царская эпоха не дала ни одного, более или менее известного якутоведа из среды самих якутов, не было тогда ни одного якут-этнографа, фольклориста, историка, лингвиста, которые занялись бы делом изучения культуры и истории своего народа. При Советской власти ученые якуты начали появляться в первые же годы после Октябрьского переворота. Таким коренным якутом, который после укрепления в Якутии Советской власти посвятил себя изучению культуры и истории своего народа, является автор настоящего исследования — «Очерков по древней истории якутов» Г. В. Ксенофонтов.

История бесписьменного народа, каковыми были древние якуты, может быть восстановлена по археологическим данным, по писаным источникам культурных соседей и, наконец, по показаниям языка и фольклора. В археологическом отношении Якутия обследована очень мало. Да и сам по себе археологический материал совершенно беспомощен, если он не опирается на близкие ему письменные памятники. Культурные соседи, обладавшие письменностью (Древний Китай, орхонские турки и проч.), от якутов далеки, кроме того показания их исторических памятников требуют весьма кропотливого изучения и особых методов расшифровки и истолкования, прежде чем уяснить их отношение к истории народов отдаленного Севера. Таким образом, оставалось исследовать древнюю историю якутского народа, главным образом, по тому материалу, который сам народ сохранил в своем языке, легендах, былинах и в фольклоре вообще.

Автор настоящего исследования по своим исходным положениям очень близко стоит к тем исследователям, которые занимались Гомером. Им исследуется такой исторический период из жизни якутского народа, от которого кроме легендарных и былинных воспоминаний и следов почти ничего не осталось. Перед исследователем стояла задача — из мифологических и сказочных (если иметь в виду былины) элементов выжать такой положительный материал, который помог бы реконструировать прошлую жизнь данного народа. В этой области, и по вниманию к эпохе, и по новизне методических приемов, автор настоящей работы является пионером. Но, однако, было бы неверно утверждать, что автор единственный научный источник усматривает только в одном фольклоре. Он в своем исследовании использует разнообразные научные источники и доказательства — физико-географические условия территории, занятой якутами, и соседних областей Восточной Сибири, их топографическое устройство, основы экономического быта разных отделов якутского народа, их язык, обычаи и нравы, сравниваемые с таковыми же у соседних по языку к культуре народов, наконец, и показания письменных источников по истории древнетурецких и монгольских народов. Но тем не менее в системе его научной аргументации безусловно превалирует использование материалов по героическому эпосу и мифологии как самих якутов, так и других народов. Причем героические сказания народа автор квалифицирует как его "устные летописи".

В нескольких главах своих очерков он разрабатывает методику использования легендарного материала как исторического источника, иллюстрируя свои

выводы на конкретных примерах разбора той или другой группы легенд и мифов, (См. в 1 ч. главы IV и V, во 2 ч. главы III, в 3 ч. главы III, IV, VI и VII).

Марксистско-ленинское историческое мировоззрение бесспорно дает опору для реставрации фактов давно прошедшей истории по пережиточным явлениям из сферы народной идеологии, сохраняющихся до поздних эпох в форме легенд и мифологических представлений. Маркс и Энгельс этим методом пользовались при изучении первобытной религии, а иногда даже и религиозных обычаев культурных народов.

Дорусскую историю якутского народа, в пределах его современной родины, автор делит на три крупных периода, представляющих собою разные ступени культурного развития. В начале эпохи великого переселения народов Азии (конец I века н. эры) из Прибайкалья переселяется на Вилюй по-якутски говорящий оленеводческий народ смешанного этнического происхождения. Потомки этих ранних «якутов», по мнению автора, проживают и теперь за полярным кругом Якутии от полуострова Таймыр на западе до низовьев р. Индигирки на востоке. Это — якуты-олeneводы, занимающиеся также рыболовством и охотой. Эта ранние якуты занесли на Лену железную технику и якутский язык, унаследованные ими от древних хуннов или гуннов, занимавших тогда обширные монгольские степи.

Второй период якутских переселений на север характеризуется заносом и развитием в бассейне Вилюя скотоводческого хозяйства якутского типа предками современных вилюйских якутов, которые должны были вытеснить дальше на север ранних переселенцев, якутов-олeneводов. По гипотезе автора, проживание предков вилюйских якутов на запад от Байкала в пределах Приангарского края устанавливается в VII и VIII вв. нашей эры показаниями китайских летописей и древнетурецкими орхонскими надписями. Китайские историки описывают их под названием гулигань, а в орхонских надписях они упоминаются под названием «юч-курыкан». Они входили в состав древнетурецких племен, обитавших тогда в степной Монголии и известных китайцам под названием гао-гюйцев или хой-хоров (уйгуров). По мнению Г. В. Ксенофонтова, культурный уровень этих первых якутов-скотоводов, занявших бассейн р. Вилюя, должен был характеризоваться господством переходных форм от быта якутов-олeneводов вплоть до развития более современного нам якутского скотоводческого быта. Автор доказывает, что якуты б. Вилюйского округа в некоторых своих отделах вплоть до наших дней наряду с рогатым скотом и лошадьми держали оленей, занимались в

широком масштабе рыболовством и охотой, а также в своей материальной культуре, обычаях и нравах сохранили явные признаки своего этнического и культурного родства с северными якутами-оленеводами. Основываясь на этих данных, Ксенофонт высказывает гипотезу, что как северные якуты-оленеводы, так и основное ядро виллюйских якутов-скотоводов по своему этническому происхождению не были турками. Всю эту группу автор объединяет под названием якутов-урянхайцев, усматривая в этом этническом термине позднейшую лингвистическую метаморфозу имени ороchon (оронchon) с переходными формами оронкон, уран-кан, урааныкаан. При таком предположении, якуты-урянхайцы образовались из отуреченных тунгусских племен Манчжурии, Амура, Прибайкалья и самой Лены. В их составе автор предполагает небольшую примесь западных монголов-ойратов, в числе которых были и предки современных северобайкальских бурят, эхирит-булагатов.

Третий период древней истории якутов на Лене начинается с переселения из Предбайкалья в бассейн средней Лены (территория быв. Якутского округа) основной массы древнетурецкого народа, якутов-саха. В настоящем томе своих очерков автор ограничивается лишь констатированием того факта, что, по данным исторических летописей монголов (по труду Рашид-Эддина), в эпоху образования монгольской империи Чингис-Хана народа «саха» нигде в пределах Южной Сибири, Прибайкалья и Урянхая уже не существовало. Отсюда автор заключает, что якутский народ в конце XII в. нашей эры в полном составе уже переселился в пределы своей современной родины. Подробное изложение исторических судеб якутов-саха автор имеет в виду дать во 2 томе своих исторических очерков.

В какой мере исторические построения Ксенофонта о древних судьбах и происхождении якутского народа обоснованы и могли бы войти в инвентарь науки как бесспорные и положительные достижения, а также какие существенные промахи и ошибочные суждения и выводы содержатся в его прогнозах и проч., само собой разумеется, все это составляет задачу последующей серьезной критики соответствующими специалистами на основе иного понимания использованных автором материалов или привлечения других упущенных им исторических источников.

Однако, нельзя не отметить теперь же, что исторические очерки Ксенофонта должны заинтересовать не только лиц, занятых разработкой вопросов древней истории якутов, но также и знатоков истории и культуры бурят-

монголов, эвенкийских и манчжурских племен, присаянских турок и специали-стов по истории древнетурецких и монгольских племен. Радиус научных выво-дов и обобщений автора и общий диапазон работы как по объему использован-ного материала, так и по методической проработке его, захватывает довольно широкий круг исторических тем и проблем, выходящих за пределы древней ис-тории одной якутской народности.

Остановимся еще на административной и этнической терминологии авто-ра. Самая тема работы, а именно, изучение древнейших исторических судеб якутского народа, обязывала его пользоваться дореволюционными родовыми названиями, а не современными советскими, в которых отражаются новые и но-вейшие фактические отношения среди якутов. Точно также в научных историче-ских исследованиях, при необходимости почти на каждой странице цитировать и пользоваться дореволюционными источниками, нет никакой возможности из-гнать из обращения старую установившуюся этническую, терминологию — яку-ты, тунгусы, юкагиры и проч. К этому же выводу пришли и составители недавно (в 1936 г.) изданного сборника исторических документов «Колониальная поли-тика московского государства в Якутии XVII в.» (См. предисл. стр. VIII и XV).

При передаче якутских и тунгусских собственных имен, слов (особенно в прилагаемом словаре) и выражений автор пользуется русским алфавитом, ибо новый якутский алфавит сделал бы работу недоступной для неякутов. Древней историей якутов могут и должны заинтересоваться центральные научные работ-ники, историки Бурятии, Казахстана и многих других тюркоязычных народов СССР, нельзя также исключать интерес турковедов вообще. Для читателей якутов мы даем ниже примечание самого автора, в котором значение употребляемых им русских букв уясняются при посредстве знаков современного якутского алфа-вита¹.

Считаем необходимым дополнить предисловие фактическими сведе-ниями по вопросам происхождения и издания настоящей работы.

Автор впервые приступил к разработке вопросов древней истории якутов и к систематическому собиранию её фольклорных источников (героического эпоса якутов) в течение 1920—1922 гг., состоя ассистентом факультета обще-

¹ Первые буквы употребляются автором при передаче якутских слов и выражений, а вторые соответ-ствующие им знаки современного якутского алфавита (на основе унифицир. новотюркского): а—а; э—е; ы—ь; и—и; о—о; ё—е; у—и; б—б; д—д; ч—с; г—г; й—ј; к—к; л—л; м—т; н—п; п—р; х—q; р—г; с—s; т—t; дж—ç; нг—носов, н нь, ннь—nj; njnj; ль, лль —lj, ljlj, Дифтонги: уо—ио; юё—уо; иэ—је; ыа—ья: Долгота гласных передается удвоением. Придыхательные «г» и «с» не обозначаются.

ственных наук Иркутского государственного университета при кафедре археологии и этнографии, а также работая в составе краеведческих организаций Восточно-Сибирского края. С января 1925 г. он переключился в научные организации Якутии, будучи определен стипендиатом Совнаркома ЯАССР. Настоящая книга написана им по поручению Якутского государственного изд-ва в течение 1932— 1933 гг., позже частично дополнялась, а издается она Восточно-Сибирским областным издательством по специальному заказу Наркомпроса ЯАССР и Якутиздата.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЗОР ТЕОРИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ И ИХ ДРЕВНИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ

«Wenn ich bei deisen meinen Untersuchungen dei Ansichten mei-ner Vorgänger öfters angreife, so möge man meine Frei-müthig-reit nusht übel deuten, mein Angriff gilt- stets nur der Sache, nie der Person des Autors’.

W. Radloff «Phonetik der Türksprachen».
Nördlichen Liepzig, 1882.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЯКУТАХ

Чуть ли не с самого начала пробуждения научной мысли в царской России было обращено внимание на обособленное положение якутов от общей массы родственных им «татарских» народов, являющихся, по преимуществу, степняками и обитателями западных пределов Азии и восточной Европы. В связи с этим разрывом якутского племени от своего родного ствола и возникла загадочная «якутская проблема», содержащая в себе ряд вопросов: когда, как и почему, под давлением каких исторических причин и в каком географическом пункте этот «татарский» народец оторвался от своих единокровных братьев, какими путями он добрался в глухой и таежный Ленский край, за время своего путешествия в глубь Лены не имел ли он где-либо продолжительную остановку и т. д?

Разного рода попытки разрешения якутской проблемы, предпринятые учеными людьми царской эпохи, отчасти и иностранными авторами, не лишены научного интереса и теперь. Даже больше того, как убедимся дальше, самые ранние авторы, заинтересовавшиеся якутской проблемой, проявили более трезвое и правильное понимание исторической действительности, нежели позднее и почти современное нам поколение ученых деятелей, несмотря на то, что последние располагали более богатыми научными источниками и совершенными методами. На данном конкретном примере мы можем получить наглядную иллюстрацию постепенного гниения и разложения буржуазной исторической мысли.

Само собой разумеется, что проблема о происхождении якутов и расследование путей переселения их на Лену есть только минимум вопросов по древней истории этого народа не разобравшись в которых нельзя приниматься за разрешение других. Хотим ли мы разобраться в туманных образах якутской эпической поэзии, задаемся ли целью истолковать мифологические образы, понятия, представления или обряды древней религии якутов, пытаемся ли разгадать их социальную организацию и общественный строй к моменту прибытия русских завоевателей, изучаем ли мы происхождение, смысл и значение элементов якутского орнаментального искусства и т. д., и т. д.— совершенно безразлично: ни одна из этих тем не может быть проработана с желательной полнотой и

ясностью, если мы не знаем — где, под какой географической широтой и долготой и при какой окружающей обстановке сложились самые устойчивые привычки, понятия и представления якута. Не может быть спора о том, что человек, со всем комплексом его понятий и представлений есть переменная историческая категория, которая при новых изменившихся условиях может дальше развиваться, деградировать или оставаться, приблизительно, на одном уровне. Карл Маркс в письме к Анненкову говорит:

«...Всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительная сила — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства,— благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества...»² *(Выделено везде нами).*

Таким образом, производительные силы, добытые прежними поколениями, и общественные формы, существовавшие в ранние эпохи, при посредстве непрерывной цепи новых нарастающих звеньев должны оказывать большое влияние на течение, характер и содержание позднейших исторических событий. Если эти положения Маркса применить к интересующим нас вопросам, то древнюю или дорусскую историю якутов не только можно, но и должно рассматривать как общий фундамент, на котором с некоторыми видоизменениями вырастает новый или порусский этап их исторической жизни. Иначе говоря, исчерпывающее знание и понимание новой истории якутов немыслимо без изучения их древней истории.

От царского периода нами унаследована обширная этнографическая литература о якутах. Как известно, наиболее ценная часть этой литературы принадлежит этнографам якутоведам, вышедшим из рядов русских революционеров народнического направления. Последние, между прочим,

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV. Партиздат, 1934 г., стр. 22.

уделили очень много внимания вопросам социальной и общественной организации якутов до и после русского завоевания. Но, к сожалению, научные работы подавляющего большинства этнографов-народников характерны в том отношении, что в них применяется абстрактный социологический метод. Элементы древней якутской культуры познаются ими при помощи готовых социологических и этнологических схем, обычно позаимствованных у классиков западноевропейской колониальной этнографии. Вопросы же гражданской истории якутского народа — события и факты, относящиеся к его этническому составу, уясняющие взаимоотношения его отдельных частей, пути и даты переселения последних с юга на север, исторические связи якутов с известными народами древности, объем и точное содержание культурного капитала, унаследованного ими от родственных или иноплеменных народов, последовательные стадии в культурном развитии самих якутов и многие другие вопросы того же порядка совсем не затрагивались народниками или же освещались поверхностно и без учета известных в науке обширных источников по древней истории кочевых народов Центральной и Восточной Азии. Вот почему увязка вопросов якутской истории с данными ориенталистики должна быть признана одной из очередных задач якутоведения советского периода. Но эта задача осуществима лишь при условии применения исторического, а не социологического метода,

Из числа якутоведов народников в настоящем обзоре исторической литературы о якутах мы останавливаемся лишь на тех авторах, которые высказывались по вопросу о происхождении якутов и их древних переселениях. Что же касается их социологических прогнозов по вопросам культурного состояния якутов дорусского периода, то на них мы будем останавливаться лишь в соответствующих главах нашего собственного исследования.

Первыми этнографическими и историческими сведениями о якутах мы обязаны иностранцам. Из них к нашей исторической теме имеют прямое отношение труды Исбрандта Идеса, Филиппа Страленберга, Герарда Миллера и Иоганна Фишера. Эти деятели науки, впервые высказавшиеся по вопросу о южном происхождении якутов, образуют одну группу историков. Они жили в XVIII веке и могут быть названы «ранними историками якутов». Их мнения и суждения тесно связаны друг с другом и образуют

одну цепь. Эти авторы представляют для нас большой интерес ещё и потому, что в их воззрениях на историческое прошлое якутов еще не чувствуется влияния русской общественности и политических установок царизма. Они подходили к вопросу более объективно, чем позднейшие ученые.

По прошествии значительного перерыва после выступления ученых иностранцев начали сказываться плоды усвоения европейской культуры и науки самими русскими. Последние усваивают литературное наследство иностранных авторов и тоже начинают трактовать о происхождении и историческом прошлом якутского народа. Работы этих новых авторов образуют второй период в развитии якутской историографии. Их мы объединили в одну группу под названием «поздних историков». Эта группа довольно многочисленна, но мы ограничиваемся изложением воззрений лишь тех авторов, которые не только выставляют те или другие гипотезы происхождения якутского народа, но и дают их научное обоснование. Работы поздних историков якутского народа любопытны в том отношении, что в их теоретических взглядах больше всего отразилась великодержавная политика царизма и господствующих классов старой России, помещичьего дворянства и буржуазии, а также националистические предрассудки мелкобуржуазных кругов.

Несколько в стороне от поздних историков стоят труды грамматиков и знатоков турецких наречий, которые тоже брались за разрешение якутской исторической проблемы или давали очень ценную для её разгадки лингвистическую экспертизу. К ним принадлежат академик Отто Бётлингк, первый составитель якутской грамматики и словаря, известный австрийский тюрковед Герман Вамбери и, наконец, знаменитый тюрколог академик В. Б. Радлов. Каждый из этих крупных деятелей науки выступает со своей свитой последователей и почитателей, которые повторяли их взгляды и суждения по вопросу о происхождении якутов. Об этих представителях той или другой лингвистической школы мы будем говорить в связи с изложением учений их основоположников.

В наш обзор исторической литературы об якутах мы не нашли возможным включать все разрозненные высказывания отдельных авторов о состоянии якутской культуры в дорусский период, чтобы без особой надобности не увеличивать объем настоящего раздела наших очерков.

Глава 1. РАННИЕ ИСТОРИКИ ЯКУТОВ

1. ИСБРАНДТ ИДЕС И ПЕРВИЧНЫЙ ИСТОЧНИК ГИПОТЕЗ О ЮЖНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ

Теория южного происхождения якутов оформилась ещё в конце XVII столетия в записках одного иностранного купца, немца или голландца, Эверта Исбрандта Идеса, который по поручению русского правительства ездил через Сибирь в Китай для улажения пограничных дел. Он выехал из Москвы в 1692 г. и вернулся через три года в феврале 1695 г. Во время своего путешествия Исбрандт вел дневник, в котором между прочими сведениями заключались и краткие этнографические данные о некоторых туземных народах Сибири, в том числе о бурятах и якутах. Сведения о последних автор должен был получить, конечно, проезжая через Иркутск, путем расспросов бывалых людей при посредстве местной администрации. Отрывки из дневника Исбрандта Идеса через год после его возвращения в 1696 г. были изданы в Берлине Менцелем, опубликовывались также и Г. Г. Лейбницем в 1697 и в 1699 гг. Наконец, в 1704 г. дневник Идеса был издан полностью в Амстердаме в переводе на голландский язык под редакцией Н. Витцена. По словам М. П. Алексеева, автора книги «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей», откуда мы заимствуем сведения о труде Исбрандта Идеса, «книга эта привлекла к себе большой интерес и переиздавалась много раз на разных языках»³. Часть дневника Идеса, относящаяся к бурятам и якутам, полностью переведена на русский язык и напечатана в упомянутом выше труде М. П. Алексеева.

Исбрандт Идес, по собранным им слухам, описывает одежду якутов, их верования, кое-что из религиозных обрядов и обычаев, дает сравнительную характеристику якутского языка и отмечает их южное происхождение. Ввиду особо почетной роли Идеса в деле развития якутской историографии, мы позволим себе привести все те данные, которые удалось ему собрать о якутах во время своего путешествия.

³ См. названное сочин. М. П. Алексеева. Т. 1, часть II, Иркутск. Крайгиз. 1936 г., стр. 141. Амстердам.

«Перехожу к большой реке Лене, которая течет на юго- запад (?) из озера Байкала, отделяющего, как сказано выше, Сибирь от Даурии. На этой реке расположен город Якутск — главный город северной области Сибири. Народы, живущие в окрестностях этого города и на берегах реки Амги, называются якутами. Они носят одежду, составленную из кусков меха различного цвета, образующих странную смесь. На швах и вокруг всей одежды господствует обшивка из шерсти белого оленя, шириной в руку; одежда открыта с обоих боков и сделана вроде как бы по немецкой моде. Народы эти носят длинные волосы, свисающие до плеч. Обычай носить рубашку им незнаком».

Осведомленность Идеса по географии Якутского края для того времени довольно точна. Он сообщает ещё и названия притоков Лены: «Витим, Олекма и Майя, которые текут все на юг. Берега их так богаты черным соболем и некоторыми другими сортами прекрасного меха, что зимой там можно купить множество шкур за три- четыре рубля».

О верованиях якутов мы находим следующие сведения:

«Они (якуты) убеждены в существовании некоего бога в небе, которому считают себя обязанными своим имуществом, женами и детьми. У них в году всего лишь один праздник, они празднуют его весной, с большой торжественностью. Церемония состоит в том, что они разжигают большой костер и поддерживают его во все время, пока длится праздник; они воздерживаются в это время от питья, но употребляют свой кумыс или арак на изготовление возлияний, которые они, один за другим, приходят выливать с восточной стороны. Этот кумыс представляет собой водку из молока, которую они обычно употребляют».

«Когда кто-нибудь из них умирает, ближайший из его родственников принужден быть погребенным совершенно живым рядом с умершим, прискорбный обычай, происходящий, возможно, из той области Индии, где жена обязана идти на костер и смешать свой прах с пеплом супруга, дабы иметь возможность на том свете возобновить их обоюдное наслаждение».

Довольно близкое к истине описание Идесом якутского кумысного праздника «ысыах», устраиваемого в начале лета в честь творца неба и земли, главного виновника размножения людей, скота и молочного изобилия, небожителя Юрюнг- Айыы (Белого Создателя), передача им до-

вольно популярного и теперь фольклорного сюжета о похороне в древности со знатным лицом его раба — стремянного («ююнньют, ынгырджыт» — дословно — взнуздателя и седальщика) (осведомители Идеса вряд ли умели отличать предание от живого обычая), а также уловления таких узкоместных географических названий как Амга и Мая — ясно свидетельствуют о том, что этот первый якутовед получил свои сведения от какого-то уроженца Якутского края, вернее, конечно, г. Якутска, который, но всей вероятности, был хорошо знаком и с якутским языком.

«Язык жуток,— сообщает Идее,— очень близок к языку магометанских татар, живущих в окрестностях Тобольска и происходящих от бухар; может быть, именно, в подражание этим татарам каждому якуту разрешается иметь столько жен, сколько он может прокормить».

Здесь не только намечается родство якутов с турецкими племенами, но уловлен и ясный признак классовой организации тогдашнего якутского общества, ибо содержание целого гарема жен не могло быть доступно «каждому якуту», как пишет Идес, а только представителям господствующего класса.

О переселении якутов на север откуда-то из южных мест Идес говорит в следующем отрывке:

«Они имеют обыкновение говорить, что предками их были монголы и что они населяли некогда часть страны калмыков, откуда русские их выселили, чтобы переселить в эти свои земли. Они добавляют, что гораздо охотнее предпочли бы жить на своей родине, чем в крайне холодной стране, где они вынуждены проводить три четверти года в подземных пещерах»⁴.

Как видим, южная родина якутов определяется здесь со ссылкой на исторические воспоминания самих якутов. Мы имеем некоторое основание предполагать, что приведенная выше формулировка южного происхождения якутов могла принадлежать не самому Идесу, а редактору голландского издания его дневников Николаю Витцену. М. П. Алексеев в своей книге ссылается на воспоминание Н. Витцена в письме на имя Х. Кюперу от 24 сентября 1709 г. следующего содержания, (Витцен вспоминал) — «Описание путешествия Исбрандта в той форме, как оно издано, было редактировано мною по бумагам, которые он мне прислал и которые были

⁴ См. там же, стр. 147—148.

написаны весьма запутано на его гамбургском или нижнесаксонском наречии»⁵.

Наше подозрение о редакторском произволе Витцена при издании дневника Идеса подтверждается ещё одним фактом, а именно, цитатой из тех же дневников сообщения Идеса о южной родине якутов Ф. Страленбергом в его известном сочинении о северной части Азии, изданном в Стокгольме в 1730 г. Этот автор, не указывая места и года издания, приводит маленькую выдержку из какого-то немецкого издания его «Путешествия»:

«Исбрандт Идес говорит, что они (якуты) и буряты, которые теперь живут около Байкальского моря, прежде составляли один народ»⁶.

За восемь лет до издания дневников Идеса в 1692 г, был переведен на голландский язык труд французского иезуита Филиппа Авриля «Voyage en divers états d'Europe et d'Asie» и проч., в котором содержится краткое сведение и о якутах, Авриль пишет:

«Кроме тех родов татар, о которых я говорил, есть ещё другие, называемые: остяки, братские якуты, и тунгусы, рассеянные по рекам и озерам, находящимся на пространстве земель от Сибири до земли монгольской. Но как у всех сих народов — одинаковая физиономия и один язык с калмыками, то должно полагать, что они суть разные отделившиеся роды от калмыков, и что, привыкнувши постепенно к московитянам, они покорились, наконец, им»⁷.

Что Н. Витцен был хорошо знаком с трудом Авриля, конечно, не может подлежать никакому сомнению. Если дело обстояло так, то что же удивительного в том, что «путанное», по его мнению, сочинение Идеса он местами выправил, согласно приведенной выше, «ученой» и довольно самоуверенной классификации Аврилем народов Сибири и Центральной Азии. Авриль, который тоже прожил некоторое время в Москве и написал свое сочинение по собранным там сведениям, мог показаться Витцену более ученым и надежным авторитетом, чем простой купец Идес. Этот густой туман этнографического неведения, как убедимся дальше, стал рассеиваться лишь с выходом в свет известного научного труда Ф. Страленберга, которому впервые, на основании более точных лингвистических

⁵ См. там же, стр. 140.

⁶ См. соч. Страленберга. Стр. 128.

⁷ М.П. Алексеев. Там же, т.1, ч.2, стр.88

данных, удалось создать более или менее точную классификацию народов Северной и Центральной Азии, раскрыв вместе с тем и картину близкого или дальнего родства их между собою.

На основании приведенных выше данных, мы вправе признать купца Исбрандта Идеса родоначальником всех позднейших теорий, роднящих якутов то с западносибирскими татарами, то с бурятами, то с монголами.

Идес ездил в Китай через Южную Сибирь и Даурию. Следовательно, самих якутов он не видел и получил сведение о них только в г. Иркутске, где находилось главное управление тогдашней Восточной Сибири. Высказываясь о южном происхождении якутов, Идес, по-видимому, повторяет прочно сложившееся мнение местных русских людей, которые были представлены ему в качестве знатоков тех или других туземных народов Сибири. В тогдашнем Иркутске людей, долго проживших в г. Якутске и хорошо осведомленных о якутах, конечно, можно было найти в любое время, ибо Якутск как в административном, так и в торговом отношении, зависел от Иркутска. Таким образом, научное открытие Идеса упирается на убеждение и осведомленность русских людей, проживших в центре Якутского края.

Но, спрашивается, почему же у русских сложилось такое мнение о прошлом якутского народа?

Старинный г. Якутск был совсем не похож на другие города Сибири: он, по справедливости, мог бы называться городом якутов, ибо там в частной и общественной жизни господствовал якутский язык.

Отдаленность Якутского края от центров русской оседлости и ничтожное количество русских, затерявшихся маленькими кучками среди массы туземного народа, способствовали объякучению русских старожилов во всех городах Якутского края, что констатируется многими старинными авторами. Адъютант Академии наук Иван Исленев, побывавший в г. Якутске в 1769 г. для астрономических наблюдений, в своем дневнике, между прочим, отмечает:

«Живучи с младенчества между якутами, все жители научились говорить по-якутски, ибо у последнего казака служитель и работник бывают якуты и якутки и не малое число ныне таких, как уже худо говорят по-

русски, отчего мало- помалу вкоренились в них якутские обычаи и суеверия...»⁸.

Н. Щукин, побывавший в г. Якутске в 1830 г. пишет:

«Старушки нередко толкуют между собой по-якутски. Этот язык господствует здесь между всеми классами, как у нас в столицах французский. Нет ни одного жителя, который не знал бы по-якутски. Да и неудивительно: в доме няня — якутка, кухарка — якутка, кучер, работник, все — якуты. Здешний житель лучше говорит по-якутски, нежели на отечественном. Если вам нужно найти чей-нибудь дом, то не скоро доберетесь до него: у кого ни спросите, никто не знает по-русски»⁹.

Почти то же самое о старожилах г. Якутска констатируется несколько позднее и Миддендорфом.

«...Укажу на самый г. Якутск, где в мое время на чиновничьих, купеческих вечеринках говорили по-якутски... Укоренился якутский язык между русскими, очевидно, вследствие якутской прислуги»¹⁰.

У Маака о русских на Вилюе мы находим следующие строки:

«В городе Вилюйске я видел русских казаков в присвоенной им форме, относящих царскую службу, но не знавших почти ни одного русского слова»¹¹.

Таковы русские горожане, а о немногочисленном русском крестьянстве не приходится и говорить. Все крестьяне, поселенные в старину вдоль Иркутско-Якутского тракта по берегу Лены, до сих пор в своем домашнем быту разговаривают только по-якутски, а знающих русский язык можно встретить лишь в виде редкого исключения из числа хорошо грамотных или лиц, отбывавших воинскую повинность.

Барон Майдель обратил внимание на полное объякучение олекминских и нюрбинских крестьян. Автор в двух русских селениях Олекминского округа с населением в 1800 душ нашел только одного парня, который говорил по-русски¹².

⁸ См. журн. «Новые ежемесячные сочинения». Ч. XXII, апр. 1788, «Из дневниковых записей адъютанта Акад. н. Ивана Исленева, бывшего в г. Якутске для наблюдения явления Венеры в солнце 1769 г.»

⁹ «Поездка в Якутск». 1844 г., 2 изд., стр. 228.

¹⁰ «Путешествие на север и восток Сибири». Спб., 1869 г., ч. II, стр. 759.

¹¹ «Вилюйский округ». Спб., 1878 г., ч. 3, стр. 38.

¹² «Путешеств. по северо-вост. части Якут. обл. в 1868—1870 гг.». Перевод с немец. Спб., 1894 г.. стр. 450—451.

Столетием раньше картина объякучения русских в городах Якутского края не могла не быть ещё более полной, ибо тогда, ввиду недостатка в русских женщинах, гораздо чаще должны были иметь место браки с якутками. Для наших целей особенно важно полное объякучение русских старожилов в г. Якутске и образование в нем смешанного русско-якутского общества, пользующегося в своем быту якутским языком. Первые иностранцы, писавшие о якутах, почерпали свои сведения, несомненно, при посредстве единичных представителей этого старожилого населения г. Якутска, временно или постоянно проживавших в Иркутске.

В цикле устных сказаний якутов о своем прошлом центральное место занимает сюжет о воображаемом прародителе всего племени «Эр Соготох Эллэй-Боотуре» (Муж-одиночка Эллэй-богатырь), который, поссорившись со своими родственниками, решил бежать с дряхлым отцом из родного края. Отец умирает по дороге, а Эллэй прибывает к верховьям реки Лены, строит здесь маленький плотик или даже просто садится верхом на бревно с корневищем и плывет вниз по реке. Он прибывает к местожительству богача Омогоя, у которого две дочери. Эллэй поступает к богачу в работники и женится на одной из дочерей Омогоя. Все якутское племя, якобы, и является размножившимся потомством Эллэй-богатыря. Во многих вариантах народных сказаний и богач Омогой представляется точно таким же беглецом из верховьев Лены, как и его зять. По поводу популярности этой легенды Серошевский замечает:

«Всякий якут, равнодушный к преданиям своего народа, знает его и может передать с большей или меньшей полнотой» (Якуты. 190 стр.).

Замечание Серошевского справедливо лишь в отношении населения центрального и обширного Кангаласского улуса, на землях которого поставлен г. Якутск. Якуты Верхоянского и Колымского округов этих мифологических имен не знают и понятий об общеплеменном предке не имеют. Во всех прочих якутских улусах знатоки легенды об Эллее встречаются реже, главным образом, в улусных центрах; относительно большей популярностью она пользуется в пределах юго-западного Вилюя, благодаря обилию там эмигрантов из того же Кангаласского улуса.

Не может быть двух мнений о том, что приведенная легенда очень рано была усвоена и русскими старожилами г. Якутска. Так как второе и третье поколение казаков-завоевателей большею частью происходило от

якуток и должны были чувствовать себя полуякутами, то якутские генеалогические сказания оказывались далеко не чуждыми и для русского служилого класса. Мы думаем, что на почве родства старинных казачьих родов с якутами и совершенного знания их представителями якутского языка, в г. Якутске создались весьма благоприятные условия для дальнейшей эволюции сказаний об Омогое и Эллэе. Казаки, как народ бывалый и обладающий более широким этногеографическим горизонтом, чем якуты, значительно изменили основной строй якутской легенды, внося в неё серьезные интерпретации. Например, они включили в сказ об этих мифологических героях сюжет столкновения якутов с бурятами — «бырааскай». (Это название бурят есть ничто другое, как якутское произношение русского «братский»), тогда как это имя якутам дорусской эпохи было абсолютно чуждо и не могло заключаться в их первоначальных сказаниях. (Современные буряты представляют историческое новообразование и в эпоху проживания якутов около Байкала, как самостоятельная народность, можно сказать, и не существовали. Об этом см. в продолж. наших очерков ч. III, глава VI).

Как мы видели выше якуты своих легендарных предков обычно представляют беженцами: бежит с семьей Омогой-Баай, за ним, сев на бревно, плывет Эллэй-Боотур, что тоже носит характер бегства. Отчего и почему они бегут? В устах самих якутов бегство их прародителей большею частью объясняется семейными раздорами, лишь в редких случаях вводится мотив притеснения иноплеменных народов. Но русские люди, знающие туземное население Предбайкалья откуда течет Лена, не могли удержаться от соблазна соответствующим образом корректировать легенды темных якутов:

«Их предки бегут по Лене. Знамо дело, побежали от тамошних бурят, которые живут там в Верхоленских степях».

Так, несомненно, родился псевдоякутский сюжет о проживании якутов около Байкала «совместно с бурятами» и о бегстве их предков, вследствие неудачных войн с бурятами. Приведенное выше краткое сообщение Исбрандта Идеса доказывает, что уже в конце XVII столетия якутские генеалогические легенды стали достоянием русских людей и рассказывались ими с интерпретациями, применительно к этнографическому горизонту по русской истории. Несколько лет спустя после проезда Идеса легенду об

отделении якутов от бурят черпает из того же источника иркутских знатоков Страленберг. Сюжет о войнах и бегстве якутов от бурят ещё более укоренился в историко-этнографической литературе, когда исследователи добрались до самих старожилов г. Якутска, этих главных носителей псевдоякутских сказаний. Наличие русских обывателей, могущих сойти за настоящих якутов, делало излишним расспрашивание самих якутов. И первые писатели о якутах почти до конца 70-х годов прошлого столетия пробавляются пересказами все той же легенды полурусского общества г. Якутска.

Итак, гипотезу Исбрандта Идеса, об южном или прибайкальском происхождении якутов нужно рассматривать не как научно-исторический прогноз о прошлых судьбах якутского народа, а как простую запись основного содержания легенды самих якутов о переселениях вниз по Лене Омогоя и Эллэя, ставшего известным при посреднической роли обьякученного старожилого населения г. Якутска. Таким образом, легендарное воспоминание самих якутов стало краеугольным камнем и исторической литературы об народе. Вот почему необходимо обратить сугубое внимание на героический эпос якутского народа и в нем искать дальнейшие указания о прошлых этапах его исторической жизни.

Имя якутов и данные об их местожительстве попали в западноевропейскую литературу ещё за 12 лет ранее издания путевых записок Исбрандта Идеса, а именно по расспросным сведениям писал о них упомянутый выше голландский ученый Николай Витцен, прозванный современниками «новым Колумбом и открывателем северо-восточного света», в своем труде о «Северо-восточной Тартарии» с очень длинным и описательным заглавием. (I-ое изд. вышло в Амстердаме в 1692 г.).

В книге Витцена приводится в переводе на якутский язык молитва «Отче наш», имена числительные и 35 якутских слов. (Эти сведения заимствуем из труда академика Бётлингка: «Über die Sprache der jakuten»). Если бы в те времена существовали специалисты — тюркологи, то они, по данным Витцена, безошибочно определили бы турецкую природу якутского языка, ибо, как известно, якутские числительные не дают существенного расхождения с другими турецкими языками. Кроме того, у Витцена приводятся такие общераспространенные тюркские корни, как «ат» — конь, «тангара» — небо, «сир» — земля и т. д., хотя и в сильно искаженной

транскрипции, но все же допускающей возможность уловления языковых параллелей.

Витцен имеет правильное представление и об основах экономического быта якутов. Он сообщает о наличии рогатого и конного скота. От него мы узнаем о таких фактах из области хозяйства, которые в позднюю эпоху, когда умножились писанные и печатные источники, не могли быть наблюдаемы ввиду разрушения старинного хозяйственного уклада якутов. Он, например, сообщает о владельцах многотысячных табунов конного скота, т. е. такое явление, которое до недавнего времени могло быть наблюдаемо лишь среди киргиз-казахов и у забайкальских бурят. Эти факты, два столетия тому назад имевшие очевидцев, в памяти современного нам поколения превратились в сюжеты легендарных сказаний. Такое сосредоточение в единичных руках живой собственности, несомненно, говорит о господстве в древнем якутском быту олигархических порядков и наследственного дворянства, составляющих особенности скотоводческого феодализма, ибо в течение двух-трех человеческих поколений немыслимо такое накопление движимой собственности. Так как всякого рода крайности, обычно, бывают обусловлены друг другом и уживаются вместе, то мы вправе предположить, что среди якутов того времени имелся гораздо больший процент народной бедноты, бесскотных, безлошадных и безземельных, чем возможно было наблюдать в позднюю, более или менее известную нам эпоху.

2. ФИЛИПП СТРАЛЕНБЕРГ (ТАББЕРТ)

В области якутской историографии и этнографии имеет большое значение труд Филиппа Страленберга. Будучи офицером шведской армии, он в битве под Полтавой попал в плен к русским, а затем, в порядке административного усмотрения, был сослан в Сибирь, где провел 13 лет. Получив возможность разъезжать по Сибири, он ознакомился с бытом и нравами её коренных обитателей и с разными вещественными памятниками старины. По возвращении на родину он выступил в качестве автора довольно солидного этногеографического описания Сибири и восточной части Европы со включением многих данных из русской и цен-

тральноазиатской истории под заглавием «Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia» u. s. w.¹³

Благодаря новизне и обилию сведений, добытых многолетними наблюдениями самого автора, из области географии, этнографии и археологии, это сочинение должно было обратить на себя большое внимание образованных кругов Западной Европы и до появления более обширных трудов членов русских академических экспедиций в течение нескольких десятилетий оставалось в роли почти единственного «окна Сибири», обращенного на внешний мир. Тем больший интерес представляет для нас этот первый по времени научный труд с серьезным этнографическим уклоном.

Страленберг в местах обитания самих якутов не был и осведомлялся о них, несомненно, из того же источника, откуда почерпнул свое сообщение и Идес, т. е. у проживающих в Иркутске якутских служилых и торговых людей или объякутевших казаков. Из приведенных им отрывков якутской легенды ясно видно, что он столкнулся с таким знатоком якутов, их языка и фольклора, который мог бы дать очень много ценных сведений, если бы у самого автора было желание и хватило умения фиксировать нужные факты.

К сожалению, Страленберг, как по уровню своего общего развития, так и по воззрениям тогдашнего образованного общества на дикарей, не смог использовать благоприятный момент, чтобы полностью записать интересные нас теперь сюжеты якутских исторических преданий. Лишь по отдельным отрывочным данным мы можем теперь догадаться о содержании слышанных им преданий. Поэтому его писания носят характер своеобразной шарады, которая может быть понята лишь при современном уровне изучения якутского фольклора.

Главная научная заслуга Страленберга в области якутологии заключается в том, что он впервые определил принадлежность якутов по лингвистическим признакам к обширной семье турецких народов — «татарских», как их называет Страленберг. В дальнейшем родство якутского языка с татарским становится одним из решающих научных доказательств южного происхождения якутов.

¹³ Стокгольм, 1730.

Путешествуя во Сибири вместе с Мессершмидтом, Страленберг составил небольшой сравнительный словарик по языкам важнейших туземных народов, обратив главное внимание на имена числительные и на простейшие слова из имен существительных и прилагательных.

Несмотря на полное отсутствие грамматических данных, этот лингвистический материал оказался вполне достаточным для установления родства языков и расположения их в соответствующие семейные группы. Таким образом, Страленберг впервые указал на родственную связь целого ряда языков, объединяемых ныне под названием «урало-алтайских», наметив в общих чертах и дальнейшее их внутреннее подразделение. Автор о родстве языков судит, конечно, по простому совпадению значений созвучных слов, взятых из разных диалектов. Несовершенного примененной им транскрипции туземных слов, очень далекой от научной точности, а также и неумение унифицировать при сравнении грамматические формы (напр., якутское слово «бас» — голова он берет в форме «баспыт» — наша голова, «иньэ» — мать в форме «иньэгэтэ» (правильно — иньэтэ) — его мать, не умея выделить от основы местоименные аффиксы, и т. д.) не помешали ему усмотреть родство якутского наречия с диалектом татар, обитающих по верхним притокам Оби и даже чувашей. Дальше он замечает:

«Mit diesem dreiyn Volchern haben die Tiirchen, Crim — Usbech, Baschirr, Kirgis und Tiirkomannische Tatern, fast einerley Dialect»¹⁴.

Эта первая попытка классификации алтайских языков и установление тесного родства турецких языков, со включением и якутского, вызвала и соответствующую историческую гипотезу о древнем местожительстве якутов. Автор намечает такой пункт исхода для якутского народа, который мог бы удовлетворительно объяснить последующее расхождение членов одного языкового семейства, когда-то развивавшихся, так сказать, в одной общей колыбели. Страленберг, по-видимому, был убежден, что все турецкие племена искони веков были обитателями центральноазиатских протяженных степей. С другой стороны, разрешая проблему отрыва якутов от прочих тюрков, он проглядел население Алтае-Саянского горного массива со включением Урянхайского края. Поэтому, вслед за признанием при-

¹⁴ Перевод цитат из иностр. авторов см. в конце книги — Прил. I.

байкальского этапа якутской истории, он строит гипотезу о пребывании якутов в далеком прошлом в степях Южной или Внутренней Монголии:

«Das unsere Jakuten zuvor im Mitag gegen das Königreich Tanguht zu dewohret (so sie mir selber berichtet) und Isbrand jdes in so weit confirmiret, der da saget «sie und die Bratten, welche ietzo noch am Baikal Mare wohnen, weihe ietzo noch am Baikal Mare wohnen, waren vorhinn ein Volk dewesen»¹⁵.

Автор этой гипотезы, проехавший взад и вперед через таежную полосу Средней и Восточной Сибири, не мог, конечно, в приемлемой форме объяснить генетическую связь якутского языка с наречиями западносибирских степных татар, не допуская обходный путь исторического общения народов крайнего Востока и далекого Запада через монгольские степи. Что Страленберг допускал исторические связи обитателей древней Монголии с кочевниками степей Туркестана, подтверждается сопоставлением им племенного наименования якутов «саха» с «сака'ми» греко-персидских писателей со ссылкой на византийского историка VI-го века Прокопия. Сопоставление этих же имен «саха» и «сака» мы находим позже у Германа Вамбери и Н. А. Аристова, очень сведущих тюрковедов конца XIX века.

Не мешает отметить также и другую научную заслугу Страленберга, а именно, точное установление того положения, что русское официальное название «якут» является чуждым для носителей этого имени и что они называют себя «цаха-саха». Он пишет: «Ein heydnisch Volk, von denen Bus-sen also («Jahuten») genannt,.. nennen sich aber belbstim ihrer Sprache Zinn Zasha oder Zinn Zogotoch»¹⁶.

Между прочим, даже некоторые современные авторы путают племенное название якутов, допуская форму «зоха» или «соха». (Этот вариант имени «саха» узаконяет, напр., современный историк Сибири, профессор Н. Н. Козьмин, предполагая существование «окающих» якутов. Оканье и акание не имеет никакого отношения к слову «саха»).

Страленберг племенное название якутов осложнил лишь прилагательным эпитетом «Zinn — джинг». Для каждого, кто знаком с якутским языком, смысл приведенного им сочетания слов ясен: «джинг-саха» значит — истинный, настоящий «саха». Дальше мы увидим, что автор допускает употребление имени «саха» и без предшествующего эпитета. В речи

¹⁵ См. соч. Страленберга. Стр. 128.

¹⁶ См. там же.

самых якутов прилагательное «джинг» нередко сопровождает нарицательное имя «сах» (См. словарь Пекарского: «джинг- саха» — настоящий (завзятый) якут. Ст. 830).

Что же касается другого аналога того же имени, а именно, «Джинг-Соготох», допускаемого Страленбергом, то здесь мы имеем дело с несомненным недоразумением, обусловленным неверным пониманием сообщения информатора. Чтобы понять происхождение этого ложного синонима имени «сах», нужно обратить внимание на попытку Страленберга углубиться в семасиологическое истолкование этого имени. Он пишет: «Sie nennen sich Zach a von einem Fürsten, der sie vor alten Zeiten gehabt»¹⁷.

Таким образом, по мнению автора, «сах» первоначально было собственным именем князя или царя якутского племени. В связи с сообщением о древности этого якутского князя мы вправе умозаключить, что Страленберг слышал легенду о первом якутском царе, прародителе всего племени, до появления которого породы настоящих (джинг) якутов и не существовало. Наше предположение находит прямое подтверждение в том обстоятельстве, что Страленберг дает ему второе имя «Джинг-Соготох», где вместо имени «сах» вставлено слово «Соготох». Выше мы указывали, что якуты своему легендарному предку дают сложное имя «Эр Соготох Элэй-Боотур». Прозвище «Эр Соготох» дается прародителю племени не случайными единицами, а подавляющим большинством сказителей древних мифов¹⁸.

В легенде о бегстве Эр Соготох Элэя с дряхлым отцом между прочим, мы находим сюжет перехода через безводную степь, где беглецы страдают от отсутствия воды¹⁹. Это обстоятельство Страленберг мог истолковать как переселение предков якутов через пустыню Гоби и Шамо, ибо, отыскав их раннюю родину около государства Тангут, он ссылается на показание самих якутов. Вот почему мы имеем основание думать, что Страленберг двести лет тому назад слышал остов легенды о первом якуте — Эр Соготох Элэй-Боотуре. Не поняв своего собеседника, он придал Элэю два имени «Саха» и «Соготох», одновременно понимая и то, и другое, как племенные названия якутов, заимствованные от имен героя — эпонима. Прилагательный эпитет «джинг» — истинный, настоящий, должен был

¹⁷ См. там же.

¹⁸ См. наш сбор. «Эллэйада» §§ 1, 4—10, 13; 14, 19, 26, 37, 49, 229, 232—235, 236, 265, 316.

¹⁹ Там же, §§ 1, 20, 37 и 224.

возникнуть в связи с утверждением сказителя, что до Эллэя, собственно говоря, и не существовало еще народа, обозначаемого именем «саха», и что лишь (Эр) Соготох (Эллэй) есть «джинг-саха». Ясно, конечно, что в подлинном рассказе «джинг-саха» было не собственным именем, а пояснением той мысли, что Эр Соготох есть прародитель народа или иначе «первоякут».

С приведенными комментариями фольклорные материалы Страленберга могут принести большую пользу в деле изучения якутского героического эпоса. Они не только устанавливают древность цикла сказаний об Эллэе, но и дают нам возможность определить принципиальные изменения в их структуре, происшедшие в результате более тесного соприкосновения с русскими за последние два столетия.

При современном уровне развития лингвистики и этнологии мы имеем возможность с гораздо большими подробностями записать якутские предания об Эр Соготох Эллэе, но над нами висит неотвратимый закон всемогущего времени, разлагающего первобытные верования якутов. Вот по чему при наличии серьезного расхождения между записью Страленберга и современными вариантами тех же легенд, мы вынуждены будем оказать больше доверия фольклористу начала XVIII века. Но в чем же заключаются эти расхождения?

Мною в пределах разных улусов Якутской республики записано 35 вариантов сказаний об Эр Соготох Эллэе. В 19-ти случаях ему приписывается татарское происхождение (современные якуты под «татарами» разумеют татар Европейской России), в двух случаях он рисуется бурятом, а остальные 14 сказителей не определяют его национальности, по видимому, предполагая в нем якута. А у Страленберга, как мы указывали выше, он фигурирует в качестве «джинг-саха» — истинного якута. С особой народностью «татар» якут познакомился, по всей вероятности, не ранее XIX столетия, когда они стали прибывать в Якутский край в качестве ссыльных. Замечая сходство татарского языка со своим, рядовой якут должен был прийти к выводу, что его предок Эллэй когда-то был татаринком и, отделившись от них, поплыл вниз по Лене, чтобы породить там целый якутский народ. В самом сюжете мифа об Эллэе имелись некоторые элементы, которые натолкнули якута на такое умозаключение. Следовательно, татарское происхождение Эллэя в современных вариантах якутских сказаний

нужно рассматривать, как продукт влияния по русской истории на фольклорное сознание якута. Краткая запись Страленберга «джинг-саха» (Эр) Соготох (Эллэй) — князь древних якутов дает нам полную уверенность в правильности этого вывода. На это обстоятельство мы обращаем особенное внимание читателей, ибо в течение XIX века на почве этого измененного сюжета сказаний об Эллэе выросло целое историческое течение, роднящее предков якутов с «красноярскими татарами», предполагая родину их в степях Южного Енисея. Весьма возможно, что мысль о татарском происхождении предков якутов (Эллэя) сначала родилась среди русских старожилов г. Якутска, а позже усвоена и якутами.

С другой стороны, чрезвычайно важно и ценно в записи Страленберга то, что в его время этот же самый «Соготох» (Эллэй), настоящий якут, представлялся древним князем или правителем якутов. В настоящее время большинство якутских сказителей рисует его простым человеком, лишь в пределах одного Кангаласского улуса наделяют его званием ханского сына, т. е. царским происхождением. Так как и мифологические параллели, обнаруживаемые у южных степных народов, турецких и монгольских племен, приводят к тому же выводу, что идея предка народа находится в тесной связи с образами легендарных царей, то запись Страленберга опять-таки воскрешает пред нами фольклор «подлинного» якута с его ранней и самобытной психологией.

Заслуги Страленберга в области установления основных фактов якутского героического эпоса изложенным не ограничиваются. Ему же мы обязаны первым печатным зафиксированием общеякутской легенды о том, что они до прихода русских жили под управлением своего царя Тыгына. По его словам, того князя, под предводительством которого они переселились из Прибайкалья на Лену, называли «Deptzi Tarchan Tegin» — Дэпци Тархан Тэгин²⁰.

И в данном случае, к нашему величайшему удивлению, мы констатируем существенное отклонение от фактов современного фольклора. Во всех известных нам вариантах сказаний о якутском царе Тыгыне он представляется старожилом Якутского края и живет постоянно там, где теперь стоит г. Якутск. По Страленбергу же, он со своим народом переселяется на Лену из Прибайкалья. Значит, двести лет тому назад среди якутов ещё бы-

²⁰ Там же, стр.375.

ли живы воспоминания о последних волнах их переселения с юга во главе с Тыгыном. Это тем более вероятно, что Тыгын прежде всего представляется вождем Кангаласского улуса, который занимает самые южные окраины Якутского округа, ввиду чего кангаласцы должны быть отнесены к самым поздним переселенцам на Лену. Весьма сильные и сложные переживания якутских масс в период порусской истории, конечно, могли заклонить в их памяти некоторые варианты их сказаний о своем прошлом. Страленберг же ещё застал второе или третье поколение якутов, отцы и деды которых совсем не знали русских. Вот почему мы даже и не вправе спорить со Страленбергом, обвиняя его в искажениях якутских легенд по непониманию или по какому другому недоразумению. Опять-таки наталкиваемся на такой момент, по поводу которого мы вынуждены признать, что этот автор имел дело с истинными якутами, тогда как мы можем изучать якутский героический эпос лишь через призму в значительной мере обрусевшего сознания.

Достоин удивления и то, что Страленберг записал «Тэгин», а не «Тыгын», как звучит теперь это имя в устах якута. Дело в том, что современные знатоки турецких языков уже согласились на том, что якутское «Тыгын» — не собственное имя, а нарицательное, обозначающее звание или титул древнетурецких князей, принадлежащих к царствующей ханской фамилии. (Этот титул констатируется, по преимуществу, в пределах Монголии и отчасти Китайского и Русского Туркестана). Причем этот титул у древних турок произносился и обозначался на письме именно «тэгин»²¹.

В связи с записью Страленберга «Тэгин», а не «Тыгын» возникает очень спорный вопрос: возможно-ли допустить, чтобы якуты двести лет тому назад сохраняли древнетурецкое произношение этого слова или автор не уловил своеобразие якутского произношения? Так как у нашего раннего якутолога при транскрипции слов встречаются довольно грубые ошибки, последний вывод был бы не лишен основания, но, с другой стороны, архаическая форма современного «Тыгына» могла быть «Тэгином».

Надо заметить, что и слово «Тархан», в древнетурецком орхонском диалекте, обозначавшее тоже особый титул или достоинство²², современ-

²¹ Радлов. Опыт словаря. Т. 3, стр. 1034 и 1038.

²² Радлов. Там же, т. 3, стр. 851 и 854.

ные якуты произносят «дархан»²³. Таким образом, и это слово транскрибируется Сграленбергом по-древнетурецки.

В обоих случаях имеем ли мы дело с неточной передачей якутской фонетики или с русифицированной передачей этих слов или, наконец, во времена Страленберга у якутов сохранилось ещё такое произношение? Мы лично придерживаемся того положения, что за два последних столетия якутская общенародная фонетика не могла сделать столь резкий скачок от мягких гласных к твердым и от глухих согласных к звонким, тем более потому, что этнический состав якутов оставался неизменным. С другой стороны, очень мудро допустить, чтобы Страленберг при записи обоих слов столь удачно ошибся, что воспроизвел их действительное архаическое произношение. Выход из затруднительного положения нам представляется в исторической гипотезе, что в момент прибытия русских в самом центре Якутского края, на том самом месте, где стоит теперь г. Якутск и в его ближайшем окружении ещё сохранился особый говор якутского языка, значительно разнящийся от известного нам говора массы. Этот говор мог принадлежать группе последних завоевателей якутского народа. Те части их, которые расплылись небольшими родами среди подавляющей массы якутского населения, должны были быстро утратить следы своего первоначального наречия, но более компактная масса их, группирующаяся вокруг своего Тэгина, до прихода русских продолжала хранить следы своего первоначального якутского наречия. Самые сильные удары русских казаков обрушились именно на эту небольшую головку якутского народа, расселившейся на левом берегу Лены, на Сайсарской равнине между двумя Ытык-Хая (Почтенными горами. Собственно говоря, это не горы, а мысы возвышенного берега Лены). Сохранились довольно точные сведения о том, что почти все население упомянутой равнины при первом разгроме от русских и значительно позже при ликвидации ряда восстаний кангаласцев разбежалось в дальние окраины Якутского края. С этого момента, само собой разумеется ликвидация особого говора старых господ якутского народа не могла дольше задерживаться, ибо их носители все без остатка разбросались маленькими группочками среди массы собственно якутского народа. Но, однако, некоторые слабые следы этого говора господствующих родов (из среды которых выделился старинный

²³ Пекарский. Якут, слов., стр. 678.

якутский тоёнат) могли сохраняться ещё некоторое время около г. Якутска. Иными словами, мы думаем, что Страленберг записал совершенно верно «Тэгин» и «Тархан», но это было не общеп якутское произношение, а маленькое отличие тех якутов, которые жили тогда в окрестностях г. Якутска.

Если фонетика языка и грамотность нашего раннего лингвиста не являются достаточно надежным основанием, чтобы на них строить историческую гипотезу о завоевании якутов какими-то другими тюрками, то в материалах Страленберга сохранилось ещё одно, пожалуй, более веское указание на не якутское происхождение того говора, на котором говорил его информатор. В лингвистической таблице Страленберг понятие «золото» у якутов передается словом «алтан», которое у якутов повсюду значит «медь», тогда как «алтын» «алтун» на всех прочих тюркских языках, действительно, имеет значение золото. Здесь речь идет не о маленькой фонетической разнице, а о значительном расхождении лексического состава по сравнению с современным якутским наречием. Имеются ещё аргументы в пользу иного этнического происхождения якутских «тэгинов» и их ближайших родов, но об этом подробно мы будем говорить позже в соответствующих местах наших очерков.

Имя Тэгин Страленберг дает в сочетании ещё двух лишних слов «Дэпци-Тархан». Эти имена в якутском героическом эпосе встречаются, а именно, в сказаниях Кангаласского улуса. Сыновья Элэй или его ближайшие потомки имеют двойные имена — «Мунньан-Дархан», «Кюрсэн-Дархан», «Мэнги-Дархан», «Дэги-Дархан», отдельно — Дэнгси и Дэхси; в легендах других улусов можно констатировать имена «Дэри-Дархан» и «Дэли-Дархан» (См. Эл. §§ 6, 13, 65, 172, 180, 182, 185 и 187). Носители этих имен, по легендам — очень важные персоны, большею частью принадлежащие к поколениям, жившим ранее Тыгына. Мунньан-Дархан во многих вариантах Кангаласского улуса обычно представляется отцом Тыгына, а остальные Дарханы его дядья. По моим записям, якутский царь Тыгын выступает без всякого дополнительного прозвища, но зато его имя не прилагается к именам упомянутых Дарханов. Возможно, что и тут мы имеем дело с потускнением памяти позднейших поколений, которые уже забыли, что царь Тыгын был не один и что ранее его было ещё поколение Тыгинов, которые носили дополнительно прозвище «Дархан» или «Тархан». Вместе с тем получает подтверждение и вывод современной линг-

вистической науки, что «тыгын» не собственное имя, а лишь звание, и что устные сказания самих якутов во времена Страленберга знали ещё других «тыгынов».

Вот сколько серьезных и принципиально важных вопросов в области якутской истории и даже лингвистики затрагивают краткие заметки «полтавского героя». «Мал золотник, да дорог», так и Страленбергу, в очень немногих по счету словах, удалось показать нам совершенно иную стадию в развитии якутского героического эпоса, а также вызвать основательное подозрение в существовании у якутов ко времени прибытия русских особого центрального говора, по своим фонетическим признакам и лексическому составу приближающегося к древнетурецкому диалекту. И этот первый, по времени историк якутов, фольклорист и лингвист, пожалуй, заслуживающий звания «отца научной якутологии», по какой-то несправедливости судьбы оказался забытым.

В доступной нам литературе по истории якутов мы не нашли ни единой строчки, посвященной историческим прогнозам Страленберга. «Полтавский герой», в качестве историка якутского народа, предан полному забвению. Право первого почина по научной разработке истории якутов обычно, приписывается профессору Миллеру, который шел по следам Страленберга. Не ведает о гипотезе Страленберга и Сорошевский и позднейшие историки В. И. Огородников и Н. Н. Козьмин. Мы имеем теперь и прямые заявления, закрепляющие научный приоритет за Миллером²⁴.

Забвение имени Страленберга, положившего первый камень в теорию южного происхождения якутов, объясняется умолчанием о нем Миллера и Фишера, позаимствовавших его основное положение о родстве якутского языка с татарским. Особенно Фишер усердствует в отрицании ценности и важности труда Страленберга, который, по его словам, якобы, наполнен «многими безпутными слов произведениями»²⁵.

Однако, в современном урало-алтайском языкознании трудам Страленберга, этого вольного старателя науки, придается серьезное научно-историческое значение, о чем мы можем судить по следующему отзыву известного лингвиста Н. Н. Поппе на I Всесоюзном тюркологическом съезде (1926 г, Баку):

²⁴ См. сбор. трудов «Саха кэскилэ». Вып. III. 1927 г., стр. 7.

²⁵ «Сибирская история». Стр. 5—6, прим. 4.

«Начало урало-алтайскому языкознанию, из которого впоследствии выросло алтайское сравнительное языкознание, относится к XVIII ст. Основание ему было положено выходом в свет замечательного для своего времени труда Strahlenberg'a, сделавшего много ценных наблюдений над языками целого ряда народностей... Труд этот замечателен, прежде всего, как первая попытка обосновать родство уралоалтайских языков... Стра-
ленберг выдвинул урало-алтайскую проблему и в этом — его заслуга»²⁶.

Конечно, вслед за Поппе и историк якутов обязан отметить: Стра-
ленберг выдвинул проблему прибайкальского и южного степного проис-
хождения якутов, дав ей лингвистическое обоснование. Этим было поло-
жено начало якутской истории. Кроме того, «безпутные слова» Стра-
ленберга, в которых констатируются элементы генеалогических сказаний яку-
тов, как первые по времени записи, при всем их несовершенстве пред-
ставляют из себя ценный и незаменимый вклад в науку.

2. ГЕРАРД МИЛЛЕР И ИОГАНН ФИШЕР

С Петра I в правящих верхах появляется интерес к изучению истории завоевания Сибири, а также быта и нравов её многоязычных туземных обитателей. В императорской России об истории Сибири заговорили тогда, когда составление «Истории государства Российского» проходило ещё подготовительную стадию в работах предшественников знаменитого Ка-
рамзина. В этом явлении нет ничего странного, ибо оно вытекало в свое время из притязаний русского царизма на громкие титулы — «император» и «империя», с чем неохотно мирился культурный Запад.

Ещё в Древнем Риме все известные полководцы, завоеватели об-
ширных и богатых провинций, закрепили за собой право устраивать пыш-
ные триумфальные въезды в столицу. Это был живой и красноречивый от-
чет полководца державному римскому народу, одновременно и иллю-
страция его заслуг пред Отечеством. Позже римские императоры триум-
фальный въезд в столицу превратили в исключительную прерогативу сво-
ей священной особы, как главы государства и войска. Нельзя сомневаться
в том, что и «Описание царства Сибирского», составившее целую эпоху в
истории научной деятельности вновь учрежденной Академии Наук, было

²⁶ «I Всесоюзный тюрколог, съезд. Стен. отч.» Баку. 1926 г., стр. 106

ни чем иным, как разновидностью того же императорского триумфа коронованных особ, которым обычно посвящались эти труды. Проф. Миллер свое сочинение «Описание царства Сибирского» посвятил императрице Елизавете, а работа Георги «Описание обитающих в Российском государстве народов» была посвящена Екатерине 2-ой. Точнее говоря, здесь шла речь о выявлении исторических заслуг царей Романовской династии, присоединивших к России обширную Сибирь и расширивших её пределы до Великого океана, чуть не до стен «недвижимого Китая». Этим самым обосновывалось право российских венценосцев носить громкий титул «император», ибо культурный Запад был, несомненно, сильно озадачен дерзостью отсталых «москвитов» поставить свое государство рядом «со священной Римской империей». Вот почему к триумфальной колеснице российских императоров был прицеплен довольно длинный обоз из «инородцев Сибири», имена которых фигурируют в числе победных трофеев «российского оружия».

Первый историограф Сибири, проф. Герард Миллер в своем капитальном труде «Описание Сибирского царства», изданном в 1750 г., уделяет внимание и якутам, притом, по преимуществу, с точки зрения разъяснения их далекого исторического прошлого, находя последнее весьма достопримечательным:

«Из всех сибирских инородцев, что касается до происхождения, нет такого достопамятного, как живущие внизу реки Лены якуты, которых язык и телесный вид довольно являют, что они и татары из древних лет один народ были».

«Немалое затруднение», проистекающее, по мнению Миллера, «от разобщенности жилищ» якутов и татар разъясняется «древней повестью» первых:

«Они сказывают, что в древние времена предки их с мунгалами и бурятами, которые им по именам только знакомы, в соседстве жили, но прогнаны от них войной, после чего они вверху реки Лены со своим скопом на плоты сели и около Олекмы и Якутска поселились, а потом и по прочим, ныне обитаемым, местам расселились».

По Миллеру, «сия повесть есть, подлинно; не без основания». Об этом он умозаключает по следующим соображениям:

«Я заподлинно полагаю, что в произведении народов никакое доказательство столь достоверно не будет, как то, которое от их языка возьмется. Наперед уже объявлено, что надлежит из языка рассуждать, что якуты с татарами один народ были. Однако, тот же язык имеет в себе и много мунгальских слов и таких, которые с диалектом бурятским сходны. Из сего прежние их жилища подтверждаются, о которых якуты объявляют, что они с бурятами вместе жили».

«Состояние верхних мест реки Лены служит ещё к доказательству, что такой народ, который в степях обык жить и по большей части от скота пропитание имеет, ни чем иным, как только войною и, яко в отчаянии будучи принужден, стал при оной реке свое жилище выбрать, ибо она течет там между крутыми и высокими горами, где для многого числа скота довольно угодьев нет»²⁷.

Позднейшие историки якутов (Серошевский, Кочнев, Аристов и Козьмин), невнимательно разобравшись в текстах Миллера, приписали ему авторство гипотезы о минусинском происхождении якутов. Но, однако, приведенный выше рассуждения Миллера не уполномачивают нас на такое заключение. Он очень охотно увязывает прошлую историю якутов с какими то «татарами», но этому этническому обозначению придает довольно широкое значение, которое ни в коем случае не ограничивается понятием минусинских или красноярских татар. (Ныне они известны под названием «хакасов»). Мы имеем даже прямое указание Миллера, что древние родичи якутов совсем не южно-сибирские татары. Вот это место:

«Когда татаре начало своего имени производят от владельца Татар-Хана, который, как сказывают, произошел в 7 колене от Яфета, Ноева сына, то весьма примечания достойно, что якуты между богами, которым они поклоняются, имеют и такого, которого именем сего древнего татарского владельца называют... И по тому видно, что оная повесть не в наши дни пронеслась, но по крайней мере с того времени, как сей народ с оставшимися татарами и мунгалами кочевали вместе»²⁸.

По поводу Татар-Хана Миллер ссылается на сочинение Абуль-Гази. Ознакомившись с Абуль-Гази, Миллер не мог не знать, что западно-турецкие ханы, в том числе и сам Абуль-Гази Багадур-Хан, производят себя

²⁷ Опис. Сиб. царст. Спб., 1787 г. Изд. 2, стр. 21.

²⁸ Там же, стр. 22.

от монгольского Чингис-Хана. Кочевание якутов вместе с татарами Абуль-Гази и мунгалами совсем не ведет их через водораздел Ангары и Енисея в Минусинский край. Если Миллер признал, что какой-то легендарный предок якутских владетельных князей, превратившийся в божество, есть тот же мифологический персонаж, от которого производили себя западно-турецкие ханы и чингизиды Монголии, то есть исторические воззрения о прошлом якутского племени нельзя комментировать иначе, как приписав ему мнение об исходе якутов из степей древней Монголии.

Историческая работа Миллера состояла из 23 глав, из которых в его «Описании Сибирского царства» вошли только шесть глав, а остальные 17 глав, со всеми неиспользованными им источниками в рукописи, были переданы академику Иоганну Фишеру с просьбой переложить эту работу в сокращенном виде и продолжить до позднейшей поры²⁹.

Фишер в своем историческом труде, написанном по-немецки, указал в предисловии, что эта сокращенная история Сибири составлена по просьбе историографа Миллера и на основании материалов, вывезенных им из своего сибирского путешествия³⁰. Но в русском переводе фишеровой истории упомянутой оговорки о происхождении книги сделано не было, поэтому, говорит проф. Огородников, — «русские читатели, знакомые с книгой Фишера по её русскому переводу, долго думали о ней, как о труде совершенно самостоятельном, тогда как она была простым сокращением сибирской истории Миллера, доведенной, правда, до начала 1660-х годов».

Ввиду указанных разъяснений мы вправе в фишеровском сокращении труда Миллера искать более подробных комментариев к изложенным выше тезисам этого ученого по вопросу происхождения якутов. История Фишера интересна в том отношении, что она сопровождается обширным введением, в котором широкими мазками набрасывается общая картина исторических взаимоотношений кочевых народов центрально-азиатских степей и аборигенов таежной Сибири. Это введение приводит в полную ясность отрывочные суждения Миллера и Фишера, помещенные в особом разделе их труда, относящемся собственно к якутам. Фишер, касаясь происхождения якутов, почти буквально повторяет все утверждения Миллера.

²⁹ Огородников. Очерки истории Сибири. Ч. I. Иркутск. 1920 г., стр. 51.

³⁰ Там же, стр. 52.

Поэтому мы лишены возможности различать суждения того и другого историка.

Фишер при составлении своего введения использовал, главным образом, названный выше труд Абуль-Гази — «Родословная о татарах история», сочинение иезуита Гобиля «История о владении монголов» и «История Чингис-Хана» Пети де ла Круа, а также описание путешествий Рубруквиса, Марко Поло и Плано Карпини. На основании этих сравнительно скудных материалов автор или авторы (Миллер-Фишер) предвосхищают почти целиком основные достижения новейшей ориенталистики по истории древних народов Центральной Азии. Во всяком случае, они более подготовлены для разбора исторического прошлого якутов, нежели целая серия позднейших авторов (Серошевский и др.), высказывавшихся по данному вопросу, даже и не подозревая о существовании сочинения Абуль-Гази.

Во-первых, они констатируют передвижение кочевых племен из глубин монгольских степей, пограничных с Великой китайской стеной, в западном направлении. Они совершенно правильно устанавливают, что манчжурское племя кара-кидане, в дочингисову эпоху владевшее Туркестаном вплоть до Каспийского моря, переселилось на запад из Южной Манчжурии, уступив владычество над Северным Китаем другому манчжурскому племени ниуче (нью-чжи или чжур-чжени). Точно также и многочисленные татарские племена, наводнившие западные страны, по их мнению, вышли из той же Монголии в эпоху чингисовых завоеваний и позже при его преемниках. Вот что, например, они заявляют о роли татар в эпоху монгольских завоеваний:

«Может так же случиться, что, так называемых татар, в войсках чингисханов было гораздо больше, нежели самих моголов. О преемнике Чингис-Хана Оготое объявляется, что у него было больше полутора миллиона солдат. Заподлинно принять можно, что между сим неслыханным множеством была едва десятая часть настоящих моголов»³¹.

«...А что по времени имя татар смешалось с моголами и верх одержало, то может быть произошло от того, что татары, по приведении Чин-

³¹ Фишер. Сибир. ист. Спб., 1774 г., стр. 17818.

гис-Ханом всех их поколений под одну власть, в войсках его и наследников его, служили в гораздо большем числе, нежели самые моголы»³².

Интересно также мнение наших историков о древних местожительствах могол и татар. Они совершенно правильно комментируют сбивчивое показание Рубруквиса о древнем местожительстве основного ядра монголов Чингис-Хана: «Рюбрюкис объявляет, что настоящее отечество моголов, и место, где Чингис-Хан кочевал, называлось Манхеруде, или, как он в другом месте говорит, Онамхеруде. Трудившиеся над чтением рюбрюкисовых путешествий по сих пор пренебрегали сие слово, как не вразумительное. Но оно не иное, что есть, как испорченное сложение имени обоих рек Онона и Курулана (Керлона). А что в сих местах было настоящее древних моголов жилище, свидетельствует везде китайская история о их владетельном поколении»³³.

К тому же выводу пришли все новейшие знатоки древней истории монголов. По поводу раннего местожительства другого крупного отдела монгольского племени, ойратов или ёлётов, Миллер-Фишер, после некоторого колебания между верховьями Амура и Желтой реки, остановились на последней, толкуя сообщение Абуль-Гази о проживании ойратов на восьмиреции, которые, якобы, вливаются в большую реку Икран-Муран³⁴.

В этом пункте наши историки, несомненно, заблудились благодаря неточности передачи во французском переводе текста Абуль-Гази. В новейшем русском переводе Саблукова (1914 г.) значится «Айкара-Муран» вместо Икран-Муран. Кроме того, в настоящее время точно установлено, что Абуль-Гази большую часть своих исторических сведений позаимствовал у персидского историка Рашид-Эддина, выступая в роли его компилятора. У последнего автора, вместо «Айкара», значится совершенно ясно «Ангара-Мурэн» (мурэн — по-монгольски значит река):

«Юрт и жилище этих племен ойратских было восьмиречье: в древности на тех реках обитало племя тумэт. Из того места выходят реки, все вместе соединяются, и образуется река, которую называют Кем и после того впадает в Ангару- Мурэн. Имена тех рек суть: Кокэ-Мурен, Он-Мурен,

³² Там же, стр. 89.

³³ Там же, стр. 18.

³⁴ Там же, стр. 25—29.

Хора- Усун, Ибэй-Усун, Ухут-Мурен, Ук-Мурен, Хорха-Мурен, Чаган-Мурен»³⁵.

Конечно, не может быть никакого сомнения в том, что здесь речь идет об Ангаре и Верхнем Енисее, известном у туземных народов под названием Кэм. Иными словами, предки ойратов до переселения в Западную Монголию проживали в Урянхайском крае и отчасти, может быть, на северном склоне Саянского хребта, где протекает много рек, впадающих в Ангару.

Миллер-Фкшер точнее помещают «уйратов» «у самого Гоанга выше земли Ортусской», т. е. к западу от Ордоса, приблизительно в Ала-Шани.

Теперь интересно узнать, где они размещают татар.

К числу татар они, между прочим, причисляют и караитскую орду» (кераит), «которая имела жилища по реке Толе и Орхону» и в начальный период чингисовой эпохи находилась под управлением «Унк-Хана» или «Тогоуля»³⁶.

К татарам же причисляют и найман, которые жили «на западной стороне древних и природных подданных чингис-хановых»³⁷, которые, по словам Миллера-Фишера, очутились в составе узбеков «в великой Бухарии, и Хорасмии».

Наши историки думают, что и «киргизы и они жили все конечно недалеко от Китайской стены»³⁸. Они предполагают также, что «все поколения, которые именуются киргизами, одного происхождения». «Особенно вышепомянутые бурутские киргизы (т. е. современные кара-киргизы) с соседними киргизами составляют бесспорно один народ»³⁹. К тому же народу причисляют они и тех киргиз, которые «появились паки в верьху у реч Кема (или как её россияне называют Енисея) у Абакана, Белого и Черного Июса (которые места принадлежат ныне к Красноярскому уезду)»⁴⁰. Время рассеяния киргизов из своего древнего местожительства наши ав-

³⁵ Рашид-Эддин. Истор. монголов. Введ. о турец. и монг. Труды Вост. имп. арх. общ. Ч. V. 1858 г., стр. 78—79.

³⁶ Там же, стр. 16, 44 и 48.

³⁷ Там же, стр. 56.

³⁸ Там же, стр. 54.

³⁹ Там же, стр. 59.

⁴⁰ Там же, стр. 57.

торы с некоторым сомнением относят к смутной эпохе, когда началась вражда между потомками Чингис-Хана, Огодая и Тулуя⁴¹.

Местожителства других татар, не определяя их племенных наименований, предполагают в разных местах Монголии: на северо-западе от Китая в верхних местах реки Гоан-го, У озера Боронон (Буир-нон. Г. К.), другие у Онока, какие-то «белые татары», по данным китайской истории, помещаются к юго-востоку от Алтайских гор⁴² (со ссылкой на Гобиля). Уйгуров авторы тоже причисляют к татарам и их раннее местожителство указывают «в земле Турфанской»⁴³. Наконец, ещё каких-то безыменных татар, следуя Абуль-Гази, помещают в земле, «ныне Ортус называемом», т. е. в Ордосе за Гоан-го⁴⁴.

Итак, по мнению Миллера-Фишера, главная масса турко-татар до эпохи возвышения Чингис-Хана обитала в пределах Монголии в ближайшем соседстве с монголами. Причем первые по своей численности должны были, чуть не в десять раз превосходить последних.

Любопытно ещё одно соображение авторов:

«Древние татары, как которые монголам были соседи, содержали такие же обыкновения и ту же веру, что так же явствует из взаимного снесения праздничных дней и других церковных обрядов у якут и языческих татар. Но в рассуждении махуметанских татар другое должно утверждать, ибо, принятая ими, новая вера принудила их оставить стези своих предков»⁴⁵.

Здесь авторы ссылаются на старинный обычай якутов при смерти знатного господина сжигать на костре его любимца, каковой обычай сопоставляется с сообщением Марко Поло о погребальных обрядах монгольских ханов, для посмертного служения которым хватались «кто ни попадется в дороге и умерщвлялись».

Это место для нас особенно интересно потому, что якуты не только не исключаются из числа татар, когда-то живших в Монголии, но даже выделяются из среды прочих, как наиболее отчетливо сохранившие следы своего соседства с древними монголами. К тем же преимущественным

⁴¹ Там же, стр. 63.

⁴² Там же. Прим. 66 на стр. 89.

⁴³ Там же, стр. 56.

⁴⁴ Там же, стр. 54.

⁴⁵ Там же, стр. 66.

признакам проживания якутов в Монголии, само собой разумеется, нужно относить и особенность их диалекта, а именно, обилие монгольских слов, о чем говорит Миллер. Опять-таки, по мнению историка, якуты оказываются, по преимуществу, древнейшими обитателями Монголии и притом самыми ближайшими к монголам. Слова историка — «сей народ с оставшимися татарами и мунгалами кочевали вместе», «в степях обыкли жить», «по большей части от скота пропитание имеют» — разве еще могут нуждаться в более ясных комментариях?

Все выселения турецких племен из степей Монголии историки, по видимому, склонны связывать лишь с эпохой возвышения монголов при Чингис-Хане и его ближайших потомках. Это положение, пожалуй, можно рассматривать, как наиболее слабое место в исторических построениях Миллера-Фишера, но в данном случае мы пока суживаем нашу задачу лишь уяснением их теоретической позиции. По частному поводу о якутских переселениях в бассейн средней Лены, мы уже имели случай установить точку зрения Миллера: «Ничем иным, как только войной и, яко в отчаянии, будучи принужден стать при оной реке». Иначе говоря, татары вытеснялись монголами силою оружия. У Фишера мы находим повторение той же мысли:

«Сие (переселение) по всему видно возпоследовало в великую при Чингис-Хане перемену, при которой побежденные народы по большей части во все искоренены были, а победители поселились в землях побежденных. Что сие самая правда, о том легко можно удостовериться из девятой части абуль-газовой истории, в которой находим мы народов, кои прежде чингисханова нашествия жили в Монголии, а потом переселились к Каспийскому морю, или к рекам Аму, Сирту, или в землю Канчакскую, Персидскую, Багдатскую и в др.»⁴⁶.

По мнению авторов и второстепенные отделы самого монгольского племени, как, например, буряты, которые около озера Байкала «всеко-нечно пришельцы», и ойраты-калмыки (между прочим, эти оба народа прежде составляли якобы один народ) вытесняются из глубин Монголии войною же. Таким образом, Чингис-Хан становится источником общих бед как для турецких племен, так и для одной части самих монголов.

⁴⁶ Там же, стр.31.

«На сороковом году возраста своего он приходит в знать и, покоря себе сперва все турецко-татарские поколения, напал и на прежде бывшего своего государя Алтан-Хана (император Северного Китая из племени нунчжи. Г. К.), которого одолев, продолжал далее свои победы»⁴⁷.

Другая причина выселения татар из Монголии усматривается историками в завоевательных предприятиях монгольских властителей:

«По смерти Чингис-Хана большая часть монгольских татарских орд, оставя старинные свои жилища, переселились на другие места, не по собственной, правда, воле, но поскольку, завоеванные земли разделены были между потомками этого великого победителя, за которыми монгольские и татарские народы необходимо следовать, и новым государям для защиты и охранения служить должныствовали: ибо иначе не можно бы было ни побежденных народов удержать в послушании, ниже завоеванных земель и крепких мест сохранить»⁴⁸.

В отношении переселения якутов на север основные мысли историков теперь уясняются вполне отчетливо. Татары выселяются из Монголии в период предварительных войн Чингиса, когда он, покоряя их, создавал и укреплял свою власть. Тут бегут все, которые не хотят подчиниться левому повелителю. Беженчество развивается в двояком направлении — на запад по степям и на север в Южную Сибирь. Второе выселение татар, так сказать, плановое, по предначертаниям преемников Чингиса. Переселенцев второго порядка, само собой разумеется, нужно искать в тех странах, куда распространялись завоевания чингизидов. Очевидно, татар-якутов нужно относить к первой категории, т. е. к беженцам от войн Чингиса. По видимому, в таком же порядке часть киргизов попадает за Саяны в Минусинский край. Точно так же калмыки-ойраты оттесняют телеутов (алтайцев) на север.

Общую историческую концепцию Миллера-Фишера можно понять в том смысле, что турко-татарские племена впервые появились на территории Южной Сибири в период чингисовых войн, т. е. в конце XII и в начале XIII веков по Р. Х. и позже. Во всяком случае, мы нигде не находим оговорок, которые допускали бы более раннее появление татарских племен в

⁴⁷ Там же, стр. 16-17.

⁴⁸ Там же, стр.56.

пределах Сибири. Точно так же не заикаются и о возможности существования в этих краях татар- аборигенов.

По вопросу о том, в какую историческую эпоху якуты под давлением бурят покинули область Предбайкалья, у Миллера-Фишера мы не находим никаких указаний. По-видимому, это событие предполагается намного позже смерти Чингис-Хана, ибо якут, якобы, некоторое время прожили по соседству с бурятами.

В какой же части степной Монголии Миллер-Фишер помещают прародину якутов? Этот вопрос, по-видимому, по недостатку исторически данных, они оставили открытым. Но тем не менее в их трудах мы находим намеки на то, что и этот вопрос не ускользнул из их внимания. Мы позволим себе привести здесь ещё одну цитату, в которой сохранился след их раздумий:

«Абуль-Гази-Хан... упоминает о татарах, как о многочисленном народе между всеми турецкими поколениями: он говорит ещё, что разделились они на равные части, и что одна из них имела тяжкие войны с китайцами: что все весьма хорошо согласует с китайскою историею, так же Есукай, отец Чингис-Хана, и Чингис-Хан сам имел кровопролитные войны с одним из татарских поколений. Наконец, по мнению моему, не малой важности сие, что якуты считают между богами своими Татара; ибо по тому с вероятностью можно догадываться, что сей татар как якутов, так всех других татарских орд, которые не вместе, но по разным, далеко между собою отстоящим, местам, в рассеянии жили, конечно, был праотец».

Дальше, историки выражают сомнение по поводу рассуждений Абуль-Гази о том, чтобы «Татар и Могол, праотцы обоих по нем названных народов, были два родные братья, ибо монгол очень много разнится от татарина наружным видом и языком»⁴⁹.

По нашему мнению, «не малой важности сие» упоминание имени якутов и их общего с татарами предка на том самом месте, где говорится об особых «кровопролитных войнах» чингисова рода с одним татарским поколением. Очевидно, историков очень соблазняет мысль сблизить якутов с теми татарами Абуль-Гази, которые имели особенно упорную вражду с монголами еще со времен Эсукай-Багадура, отца Чингис-Хана. Это место по мнению Абуль-Гази заимствовано у Рашид-Эддина, которой во вве-

⁴⁹ Там же, стр. 88-89.

дении своей «Истории монголов» трактует о борьбе чингисова рода с «бонкорскими татарами».

Не лишено интереса и то обстоятельство, что Миллер по каким-то своим соображениям счел нужным скрыть от читателей известный ему факт, что по своим антропологическим признакам буряты и якуты не различимы друг от друга. Прожив среди якутов целый год и проехав через Бурятию, проф. Миллер не мог не заметить этого обстоятельства. Сопоставьте с этим приведенное выше место «монгал очень много разнится от татарина наружным видом и языком», ввиду чего нельзя их рассматривать, как родных братьев. Но, однако, Миллер свое повествование о прошлом якутов начал с утверждения — «язык и телесный вид (якутов) довольно являют, что они и татары из древних лет один народ были». Профессор дает заведомо неверное освещение фактам, несомненно, по соображениям научной стратегии, чтобы ученые, знающие почти европейскую наружность западных турко-татар, не отнеслись подозрительно к его теории о близком родстве якутов и древних татар. Но с другой стороны, очевидная для него истина о чисто монгольском «телесном виде» якута дала ему полную уверенность в том, что они в древности из числа всех татарских племен должны были быть самыми ближайшими соседями монголов и бурят, чтобы получить от них свое монгольское обличие. Тот же монгольский облик якута подсказал профессору мысль и догадку о том, что в его языке имеется «много мунгальских слов и таких, которые с диалектом бурятским сходны». Это положение мог бы высказать лишь современный лингвист, знакомый со всеми тонкостями монгольских и турецких наречий. Между прочим, ещё ни один турколог до сих пор не решился утверждать, чтобы якутский язык был ближе к бурятскому диалекту, чем к другим монгольским наречиям. Все изложенное характеризует очень выпукло научные воззрения Миллера на древнюю историю якутов. Якуты самые близкие к древним монголам турки, ибо омонголились по типу и по языку. Из близости рождается и ярая, непримиримая вражда, ввиду чего якуты, когда монголы при Чингис-Хане пришли в силу, «в отчаянии будучи» бегут на север в Предбайкалье и дальше войною же принуждаются» при оной реке (Лене) свое жилище выбрать».

Миллер-Фишер во всяком случае были твердо уверены в том, что общение якутов с монголами было настолько тесное и длительное, что

нельзя было бы отличить их от последних, если бы не сохранился язык: «Сумнительно от монголов ли они произошли или от татар, ибо с обеих сторон являются важные основания, и равномерно вероятные».

«Но остался ещё один (довод), который берется от языка, и сим⁵⁰ должно решиться дело»⁵⁰.

Позволительно теперь задаться нам вопросом, на каком же основании якутоведы (Серошевский, Кочнев, Аристов и Козьмин) навязывают Миллеру и Фишеру авторство теории исхода якутов из Минусинского края? При поверхностном ознакомлении с трудами обоих историков, а именно, при беглом и отрывочном просмотре двух-трех страниц, посвященных собственно якутам, действительно может создаться такое впечатление, что Миллер и Фишер допускают самое близкое родство между якутами и минусинскими татарами. Лишь, проштудировав целиком всю историю Фишера, можно понять, что оба автора прошлое якутов увязывают с общими историческими судьбами всех турко-татарских племен, которые лишь в эпоху чингисовых войн эвакуировались из степной Монголии. Фишер историю Сибири излагает в пяти книгах, предпослав им введение в 106 страниц, в котором намечаются общие контуры прошлых судеб туземных народов Сибири. Внимательно не изучив эти 106 страниц, нельзя понять общей мысли историка, что турецко-татарские народы рассматриваются им не как коренные обитатели Сибири, а как недавние пришельцы из степной Монголии, не исключая и якутов, отступивших не особенно давно с юга на север в зону оленеводческого хозяйства. В домонгольскую эпоху историки, по-видимому, допускают турецкие переселения по степям в западном направлении, что видно, например, из признания ими в мадьярском языке татарских элементов, принесенных, якобы, «в древние времена уйгурами»⁵¹.

У Фишера имеются достаточно определенные заявления о том, что ни татары и ни киргизы не являются коренными обитателями южных частей б. Енисейской губернии. Остатками древних насельников этого края признаются им малые народности — котовы, ассаны, арины, камаши и койбалы, по языкам родственные с северными остяками и самоедами, ко-

⁵⁰ Там же, стр.64, 67.

⁵¹ Там же, стр.99

торые раньше должны были обитать южнее. Мы приведем эти места из Фишера:

«Они (котовы)... говорят почти тем же языком с аринами. Но арины и остяки у Енисея, хотя и имеют в своем языке несколько котовских слов, однако, весьма разнятся не токмо от них, но и между собою в языке. Чая; , . ч можно бы было между самоедью у Ледовитого моря, которые живу между реками Енисеем и Леной, найти языка сих народов. Не без вероятности догадываться можно, что сии народы, суть древнейшие обитатели средней Сибири, из которых иные, киргизами выгнанные, ушли к Ледовитому морю, а другие, оставшиеся, приведены под их власть»⁵².

«Как арины, котовы и ассаны с енисейскими остяками так же с мезенскою и югорскою самоедью имеют в языке некоторое общество, что наиболее явствует из сравнения их чисел... Камаши — древнейший народ средней Сибири, и по времени, пришедшими вновь другими народами, притеснен к северу, и, наконец, принужден был удалиться и к Ледовитому морю»⁵³.

В примечании 51 на стр. 271 указывается, что арина в древнейшие времена жили у великой реки Кема, именуемого ныне Енисеем от устья Качи до порогов и что многие из них забыли старинный свой язык и говорят по-татарски.

«Томские остяки и камаши жили прежде всего вместе и составляли один токмо народ, хотя ныне живут далеко друг от друга. По всему видно, что они остатки древних жителей в средней Сибири, из которых часть, боясь татар, пошла в ближайшие к северу страны. Живущих там ныне называют самоедью»⁵⁴. В приложенной карте Сибири (Таб. I и II) — камаши, арины, ассаны и котовы показаны в числе жителей южных частей б. Енисейской губ., наряду с татарами и киргизами. На 74 странице Фишер, возражая Стра- ленбергу, который роднит остяков, обских и енисейских, с самоедами, а тех и других производит от финнов, говорит:

«Может статься, что остяки у Тома и живущие у рек Кана и Маны камаши с пустозерскою или югорскою самоедью одного происхождения, ибо они имеют почти половину одинаковых слов с ними. Но я не соглашюсь на это мнение, что они от Ледовитого моря переселились в южные

⁵² Там же, стр. 285, прим. 64.

⁵³ Там же, стр. 287, прим. 65.

⁵⁴ Там же, стр. 84.

страны, а наипаче думаю, что они древние и первоначальные жители средней части нынешней Сибири, и что таким образом, не они отделены от самоеды, но наипаче самоедь может почестся за отдельные их поколения, которые, боясь татар, а наипаче киргизов, которые нападают на них неприятельски, вышли оттуда к Ледовитому морю, а остальные приведены в рабское состояние. Таким образом, конечно, заняты берега Ледовитого моря, которые иначе для ужасной стужи и совершенного неплодородия может быть вечно остались бы в запустении»⁵⁵.

На стр. 85 он пишет: «Как татары овладели Сибирью, то скорее по примеру многих древних народ он стала себе воображать, что они от бога и от естества одарены пред другими людьми, конечно, некоторыми преимуществами и так коренилось в них презрение к побежденным народам».

Мы уже отмечали, что Миллер-Фишер эпоху распыления татарских орд приурочивает ко времени деятельности исторического Чингис-Хана, а рассеяние киргизов, появившихся в долине южного Енисея и Абакана, даже к более позднему сроку возникновения междоусобий среди его потомков. Следовательно, тогда же должен был начаться отход остяков и самоедов на север и отатаривание их остатков — камашей, котов, аринов, ассанов и койбал, «приведенных в рабское состояние».

Теперь мы укажем на одно место в трудах Миллера-Фишера, которое дало некоторое основание к неправильному истолкованию исторических воззрений этих авторов о происхождении якутов.

Проф. Миллер, настаивая на татаризме якутов, между прочими аргументами приводит и следующий:

«Между прочим надлежит здесь упомянуть и из описания народов, коим образом якуты называют себя соха, с чем весьма изрядно сходствует, что между татарами Красноярского уезда имеется небольшое поколение, которое тем же именем называется»⁵⁶.

Здесь Миллер, несомненно, имеет ввиду тот отдел минусинских тюрок, который известен под названием «сагай» или «сагайцы». «Саха» и «сагай», конечно, «весьма изрядно сходствует». Проф. Н. Н. Козьмин думает, что Миллер сравнивал наименование якутов «соха» с именем одно-

⁵⁵ Там же, стр. 74.

⁵⁶ Миллер, стр. 22.

го из родов минусинских татар «соххы» или «сохы». Но мы не имеем никаких данных утверждать, что последнее название было известно Миллеру. Первые историки Сибири, конечно, не имели возможности устанавливать названия мелких родов или сюёков. А племенные подразделения минусинских татар на «качских» (качинцы), «сагайских», «кизиллы» Миллеру-Фишеру хорошо известны. Название «сагайские татары» крупным шрифтом обозначено и на карте, приложенной к истории Фишера, упоминается о них неоднократно и в тексте. Что же касается пресловутого «соха» в отношении якутов, то это название, по всей вероятности, является продуктом какого-то недоразумения, ибо даже Страленберг точно зафиксировал племенное название якутов «цаха-саха». Здесь, надо полагать, у Миллера имеет место простая опечатка или описка, своевременно не замеченная автором.

Нигде в трудах Миллера, кроме приведенной цитаты, мы не находим указаний на то, чтобы он прародину якутов помещал в Красноярском уезде. Что же касается приведенной выше лингвистической справки Миллера, то, во-первых, он приводит её «между прочим» и, во-вторых, не делает из неё никаких исторических выводов. Он даже остерегается прямо утверждать, что «небольшое поколение» минусинских татар, соименное с якутами, является родичем последних. В самом деле, сходство имен можно толковать по разному: это — маловажная случайность, которой историк не придает серьезного значения, чтобы разбираться в её происхождении, или, когда «саха» жили совместно с бурятами около Байкала, их небольшая часть пробилась на запад и осела в долине южного Енисея, или, наконец, когда «саха» кочевали в степях Монголии, совместно с мунгалами и татарами, от них отделилась маленькая ветвь, которая раньше или позже через Урянхайский край попала в Минусинские степи. Можно толковать и так: часть «саха», сдавшаяся монголам Чингис-Хана, могла быть направлена за Саяны с монгольскими частями при покорении Чингис-ханом Минусинского края с его киргизскими властями и осталась там в качестве монгольского гарнизона.

Вообще, в связи с общими историческими воззрениями Миллера-Фишера на древние взаимоотношения монголов и турко-татар, о чем мы достаточно подробно говорили выше, по поводу разъединения саха-якутов и сагайцев можно высказать сколько угодно гипотез.

Фишеровское сокращение истории Миллера, как известно, было написано по-немецки, а потом переведено на русский язык. В русском издании Фишера упомянутое замечание Миллера, приняло следующую форму:

«Между татарами Красноярского уезда остался ещё один малый род, который называется «соха», так как якуты»⁵⁷.

Вот это случайное словечко «остался», весьма возможно, неудачно введенное переводчиком Голубцовым (к сожалению, мы не имеем под рукой немецкий текст Фишера, чтобы проверить точность перевода), и нужно рассматривать, как камень преткновения новейших знатоков якутской истории, которые на нем построили псевдо-миллеровскую гипотезу об енисейском происхождении якутов.

Итак, если Миллер и Фишер не могут быть признаны основоположниками теории южного происхождения якутов, то ещё того менее они причастны к минусинской гипотезе.

Миллеру и Фишеру можно приписать только дальнейшее развитие и более глубокое обоснование гипотезы Страленберга об исходе предков якутов из монгольских степей с приурочением даты их переселений к эпохе возвышения монголов при Чингис-Хане.

Труды этих авторов создали целую эпоху в развитии якутской историографии и в течение почти полутора столетий служили общим руководством для всех последующих работников, интересующихся вопросом происхождения якутов. Они подошли к делу как настоящие историки, давши свод обоснованных и систематизированных знаний с использованием всех источников, доступных по состоянию науки того времени. Самое достоверное доказательство они видят в данных языка якутов и в их «телесном виде», т. е. в их антропологических признаках. Наряду с этим они обращают внимание на экономику, то, чем народ живет, из чего извлекает пищу, как он «обык» хозяйничать. На втором плане, по-видимому, они ставят народное предание, называя его «древней повестью», а также религиозные воззрения и обычаи народа. («Божества» и похоронные обычаи).

В лингвистических показателях они обращают внимание на монгольские примеси в якутском языке, выдвинув этот вопрос как программ-

⁵⁷ Фишер. § 60.

ный тезис для будущих исследований. У Фишера мы находим и ссылку на слово «байкал», которое в якутском языке будто бы значит «богатое озеро»⁵⁸. Это неверное мнение, между прочим, до наших дней не сходит со страниц научных работ, ставши притчей во языцах.

Собственно якутские источники они дополняют параллельным изучением известных писанных памятников истории центральноазиатских степных народов» придавая им более решающее значение. Метод изучения исторического прошлого якутов, путем смычки его с общими судьбами исторических народов Центральной Азии, особенно ярко проявившийся во вводной части труда Фишера, до сих пор не имел ни сознательного отношения к себе, ни критиков, и тем более продолжателей. В какой мере Миллер-Фишер правильно поняли далекое прошлое якутского народа, мы не можем решать до приступа к подробному изучению этой сложной проблемы на основании всех обнаруженных в наши дни научных материалов.

Бесспорная научная заслуга Миллера и Фишера заключается в том, что они поставили якутскую проблему, признав в якутах, так сказать, чуждый элемент среди коренных обитателей Сибири и завещав позднейшим исследователям убеждение, что они в прошлом были номадами- степняками.

В частности, касаясь заслуг профессора Миллера, мы должны отметить, что именно ему мы обязаны первым печатным зафиксированием общего остова якутской легенды об Омогое и Эллэе. В тексте своей истории, как мы видели выше, он ограничился приведением резюме этой легенды в том виде, в каком она жила среди обьякученных старожилов г. Якутска, т. е. порусскими интерпретациями по поводу бегства якутов от бурятских притеснений. Более подробный текст этой «древней повести» опубликован в трактате одного из товарищей Миллера по Камчатской экспедиции Иоганна Гмелина «Reise durch Sibirien»⁵⁹.

Мы имеем основание думать, что это предание записано самим Миллером и передано Гмелину для опубликования. Миллер, как ученый историк, опирается на эту легенду как на одно из важных доказательств своих научных воззрений на прошлое якутов. Поэтому он, конечно, был

⁵⁸ Фишер. Стр. 547.

⁵⁹ Т. 2-й, стр. 344—346.

заинтересован в том, чтобы ученые коллеги, историки не заподозрили его в фабрикации нужных для себя исторических фактов. даром проф. Миллер пытается уверить своих читателей: что:

«...оная повесть не в наши дни пронеслась, но по крайней мере с того времени, как сей народ с оставшимися татарами и мунгалами кочевали вместе...» и что «сия повесть есть подлинно не без основания».

В труде самого Гмелина можно найти целый ряд указаний на то, что все этнографические наблюдения и записи по верованиям якутов производились профессором Миллером. И что Гмелин присутствовал при этом лишь в роли простого зрителя. Так, например, Гмелин пишет: «Профессор Миллер заставил одного якутского шамана совершить свое фиглярство, при этом присутствовал и я. Была поставлена юрта»⁶⁰.

«Мы услышали о волшебнице, которая так прославилась. Профессор Миллер послал за ней и она явилась... И так она показала свое искусство. До сих пор она жила и кормилась у проф. Миллера...»⁶¹

В настоящее время мы имеем и документальное доказательство того, что Гмелин — «этнограф» опубликовал материалы проф. Миллера. В. В. Попов в Московском архиве иностранных дел в портфелях Миллера отыскал тетрадь с заголовком «Известие о шаманах или колдунах сибирских». Здесь Миллер дает протокольное описание всего хода якутского ысыаха, совершавшегося по их старинным верованиям. Этот материал опубликован в качестве приложения IV к труду В. Ф. Троцанского «Эволюция черной веры у якутов»⁶².

В книге Гмелина мы тоже находим подробное описание виденного им якутского ысыаха, устроенного каким-то князем 31 мая 1737 года в 14 верстах от г. Якутска. (Очевидно, в Багарацком или Орсюдском наслеге Западно-Кангаласского улуса). Сличая описание Миллера с немецким текстом Гмелина (т. 2-ой, стр. 499—507), нетрудно убедиться, что они относятся друг к другу, как краткая дневниковая запись (Миллера) к её позднейшей литературной обработке. Миллер отмечает все существенные фактические моменты виденного им ысыаха, а Гмелин расписал то же самое с небольшими, не идущими к делу, лирическими отступлениями, надуманными в кабинете. Если Миллер описал якутский ысыах, то тем бо-

⁶⁰ Назв. раб. т. 2, стр. 351.

⁶¹ Там же, стр. 493—499.

⁶² Казань, 1902г., стр. 182—185.

лее интересующее нас историческое сказание якутов должно было быть делом его рук, ибо праотец Эллэй почитается как организатор первого ысыаха. Легенда об Эллэе, по существу говоря, есть ответ на вопрос о том, как и почему якуты начали устраивать свои ысыахи:

«А это затеял наш праотец... Эллэй... Дело было так то и так то...».

И дальше следует рассказ о том, как он раньше жил где-то далеко на юге, бежал оттуда... Поплыл вниз по Лене, женился на дочери богача Омогоя, понаделал разную красивую посуду для кумыса и молока, а потом приступил к устройству невиданного и неслыханного ранее якутами праздника с держанием чаш с кумысом в честь богов и т. д.

Ввиду того, что запись легенды о прародителях якутов Миллером в гмелинской редакции является первой по времени и остается до сих пор неиспользованной в этнографических работах, мы позволим себе привести её полностью в русском переводе.

«У якутов существует старинное сказание о том, что их предки проживали в верховьях Лены. Будучи теснима бурятами, одна часть из них с семьями и скотом добровольно переселилась вниз по Лене. Часть якутов осталась по соседству с бурятами, оказывая им возможное сопротивление, но, наконец, и эти были поставлены в такое положение, что вынуждены были бросить на произвол судьбы все то, что имели, и даже не имели возможности совершить свое бегство на лодках, но поплыли по Лене, схватившись за первые попавшиеся бревна. Последние беглецы прибыли к тем своим соплеменникам, которые уже устроились ниже по Лене. Так как новые беглецы очутились в крайней бедности, то им пришлось приобретать себе имущество у своих же сородичей разными путями: кто женьбой, кто работой; так как якуты были очень воинственным народом, то они, если не имели правых путей (к обогащению), разграбляли своих богатых соплеменников и обращали их в своих рабов. Так как дальше среди своих уже было некого грабить и им стало известно, что патомские тунгусы зажиточные люди, то они изгнали их войной из той местности, где теперь стоит г. Якутск и где было их, якутов, собственное первое местожительство, точно так же и в местности Гусельма-Горы разграбили и уничтожили одну их большую часть. И теперь ещё патомские тунгусы и якуты, живущие на противоположной стороне Лены, находятся между собой в постоянных распрах. Якуты полагают, что Патомская местность принадле-

жит им так же, как и тунгусам, и потому ходят туда охотиться. Однако, тунгусы их часто прогоняют прочь, так как тунгус теперь много лучше владеет луком».

Ознакомившись с этой якутской легендой, нетрудно установить, что в основу её положены апокрифические сказания русского населения г. Якутска, о которых мы говорили раньше. В приведенной переработке выброшены собственные имена легендарных праотцев якутского народа — Омогой- Бая, в данном варианте, добровольно, переселяющегося в Якутский край от притеснений бурят, и Эр Соготох Эллэй-Боотура, плывущего вниз по Лене на коряжине. Эти персонажи народных мифов, трудно сказать по чьему произволу (русских сказителей, Миллера или Гмелина), размножились и представлены уже большими совокупностями. Однако, судьба легендарного Эллэя хорошо выдержана, как известно нам, он прибывает к богачу Омогою одиноким бродягой, поступает к нему конским пастухом и устраивает свое благополучие, женившись на одной из его дочерей. По миллеровской записи, последние беглецы из верховьев Лены тоже впадают в крайнюю бедность и приобретают себе имущество кто работой, а кто женитьбой.

Нам не приходится сетовать на проф. Миллера за то, что он дал народной легенде историческое истолкование и, так сказать, раскрывает скобки мифологических сюжетов. Ученый редактор в обращении с фольклорным материалом оказался весьма деликатен и набросил на него столь тонкую кисею, что, как говорится, в якутских былинах о красавицах: «сквозь тело кости просвечивают, а сквозь кости мозги виднеются».

Итак, мы теперь знаем, что якутская легенда об Омогое и Эллэе ровно двести лет тому назад, когда якуты ещё не приняли христианства и не впитали в себя много чуждого элемента, в основном своем сюжете рассказывалась так же, как и теперь. Установление этого факта, конечно, есть непреходящая научная заслуга проф. Миллера пред якутской фольклористикой.

Касаясь трудов Миллера в деле развития якутской историографии, конечно, нельзя умолчать об его огромной работе по собиранию и сохранению исторических актов, относящихся к истории завоевания Якутского края. Исторические акты, добытые им, полностью ещё не опубликованы, а дело изучения и комментирования их, по-видимому, и не сдвинулось

дальше с той точки, на которой покинули их сам Миллер и его преемник Фишер.

Труженики науки, которые на двести лет вперед определили состояние якутской историографии, конечно, заслужили глубокую благодарность потомства и всех последующих работников, приступающих к продолжению их дела.

Г лава II

ПОЗДНИЕ ИСТОРИКИ ЯКУТОВ

Если в XVIII веке происхождением якутов интересовались ученые иностранцы, то в XIX и XX веках мы встречаемся уже с их русскими учениками, которые дальше развивают краткие исторические замечания Миллера и Фишера на основе более близкого знакомства с якутским языком, преданиями, бытом и т. д. Из числа ученых деятелей, уделивших внимание вопросу происхождения якутов и уяснению путей их древних переселений, можно назвать в порядке хронологической последовательности появления работ следующих авторов — Н. Остолопова, неизвестного автора из «Русского архива» за 1822 г., Н. Н. Щукина, В. Л. Серошевского, Н. А. Аристова, Д. А. Кочнева, В. Ф. Трощанского, Н. Н. Козьмина и В. И. Огородникова. Эти авторы выделены нами в особую группу от лингвистов, знатоков турецких наречий — Германа Вамбери, академиков Отто Бётлингера и В. В. Радлова, ввиду своеобразия и особенностей применяемого ими научного метода. Если лингвисты-туркологи при определении происхождения и этнического родства якутов руководствуются, по преимуществу, данными сравнительного изучения языков — якутского, остальных турецких наречий, древних и современных, а также и монгольского в грамматическом и лексическом отношениях, то упомянутые выше авторы пользуются в основном лишь одним, правда, тоже лингвистическим показателем, а именно, этническими терминами, которые сохранились в самом якутском языке как самоназвание племени. Таких терминов в современном якутском языке констатируются два: первый, существующий в открытом сознании народа и постоянно употребляемый в живой разговорной речи, это — «саха», второй термин — «ураангхай», появляющийся обычно в песнях, в эпической поэзии, в шаманских молитвах, или, как

удачно выразился Серошевский, «в торжественных оборотах речи» и при том чаще в сочетании с первым термином — «ураангхай-саха» и «саха-ураангхай».

Э. К. Пекарский, составитель полного словаря якутского языка, термин «ураангхай» определяет как «старинное название якутского племени». По его мнению, в былинном языке слово «ураангхай» равносильно понятиям «якут, человек, земпородный», но в сочетании «саха-ураангхай» — «люди- якуты, все племя, все якуты»⁶³.

Вот эти-то этнические термины «саха» и «ураангхай» группа названных выше историков, не лингвистов, использует как решающие научные доказательства, которые предугадывают древнюю родину якутов и их ближайших родственников из числа ныне существующих турецких племен, ибо аналогичные и созвучные племенные термины обнаруживаются среди южносибирских и засаянских турецких народов, а именно, «сагай» в Минусинском крае, «уранхай» в Уранхайском крае, нынешней Тунгусо-Тувинской республике. Более ранние авторы — Остолопов, неизвестный автор из «Русского архива», Щукин, Аристов и Козьмин — отдают предпочтение главному и обычному самоназванию якутов «саха», а другие — Кочнев, Трощанский и Огородников — старинному и былинному термину «ураангхай». В. Серошевский, взвесив исторический смысл обоих этнических терминов при сравнении с их южными турецкими аналогами, останавливается в нерешительности и не знает, которому из них можно отдать предпочтение. Вопрос о южной родине якутов и их ближайших родичах он оставляет открытым. Однако, придавая решающее значение тому или другому этническому термину, каждый из авторов пытается подкрепить его целым рядом косвенных доказательств, позаимствованных из народных преданий, эпической поэзии и языка, ссылками на физико-географические условия края, на данные из истории древнетурецких и монгольских племен и т. д. Поэтому, чтобы получить ясное представление о путях развития якутской историографии, необходимо ознакомиться с каждым автором в отдельности.

Таким образом, мы имеем два ряда исторических построений о далеком прошлом якутского народа: по одному, раннее местожительство якутов и их ближайшие соплеменники намечаются в бассейне Енисея в

⁶³ Словарь, стр. 3061.

пределах Южной Сибири, а по другому — в бассейне того же Енисея, но южнее Саянского хребта. Характерным и общим признаком этих теорий является увязка древней истории якутов с водной системой верхнего Енисея и включение их в состав саяно-сибирских турецких племен, занимающих горно-таежную территорию, где степные места встречаются лишь оазисами. Если некоторые авторы в очень далеком прошлом и допускают исход якутов из центрально-азиатских степей, то это не конкретно-историческое представление, которое могло бы с какой-либо стороны характеризовать якутское племя и его культуру, а абстрактное суждение, относящееся к древним туркам вообще. Во-вторых, все эти теории проживание предков якутского народа около Байкала понимают как временный этап. Причем якуты,двигающиеся с запада или юго-запада в бассейн Ангары, могли временно заселить лишь область западного Прибайкалья. Имеется ещё группа историков, которые начинают древнюю историю якутов лишь с эпохи их проживания около Байкала в бассейнах Ангары и верхней Лены, считая это положение бесспорным и не требующим представления каких-либо особых доказательств. Такова, например, позиция известного историка Сибири П. А. Словцова, который древней истории якутов посвятил всего лишь одно предложение: «Якуты (сохи), с конца XIV в. оттесненные с севера Байкальских степей на рр. Лену, Олекму, Вилюй, и в последствии, когда война и оспа уходила юкагир, разделившие достояние их вместе с тунгусами...»⁶⁴. Тот же характер носит утверждение Л. Шренка: «...якуты, до пришествия своего в долину Лены, жили около озера Байкала в непосредственном соседстве и тесных сношениях с монгольскими племенами, а именно, с бурятами, под давлением которых и вынуждены были подвинуться на север...». В другом месте своего труда Шренк считает якутов первобытными обитателями территории, примыкающей к озеру Байкал с запада, а монголо-буряты натываются на них, двигаясь на запад с верховьев Амура⁶⁵. Таково же мнение В. И. Иохельсона:

«Якуты... не первобытные обитатели области. По мнению ученых, их первоначальной родиной были или верховья Енисея или берега Байкаль-

⁶⁴ П. А. Словцов. Истор. обзор. Сибири. Спб., 1886 г., т. I, стр. 86.

⁶⁵ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, стр. 95 и 211.

ского озера, откуда они были вытеснены бурятами во времена движения монголов под начальством Чингис-Хана»⁶⁶.

I. ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МИНУСИНСКО-ЕНИСЕЙСКИХ ГИПОТЕЗ

Исток енисейских гипотез происхождения якутов мы находим в самом начале XIX столетия. В журнале «Любитель словесности» за 1806 год, издававшимся неким Ник. Фед. Остолоповым, который известен как писатель, поэт, переводчик, появилась статья об якутах. Статья составлена и подписана самим издателем и редактором Остолоповым, но автор дает библиографическую справку об источниках своих довольно обширных и интересных познаний об якутах. По его словам, статья составлена «по запискам быв. в северо-восточной морской экспедиции доктора и проф. Мерка, проживавшего некоторое время в Якутске и ещё по другим запискам двух чиновников, находившихся в сем городе при должности (которые были «причиной сего описания») и все это было проверено с одним приятелем, там родившимся»⁶⁷.

Статья Остолопова, если не ошибаемся, первый по времени серьезный этнографический труд о якутах, в котором в качестве авторов выступают русские люди, а не иностранцы, как это имело место в XVIII веке.

Исторические воззрения автора статьи по вопросу о происхождении якутов, как и подобает быть истоку нового учения, излагаются очень кратко. Он, не соглашаясь с Гаттерером, профессором истории в Геттингенском университете (автор нескольких трудов по всеобщей истории), который роднит якутов с монголами-калмыками, заявляет:

«Якуты произошли от татар, живущих в Тобольской губ. по Барабинской степи».

Это положение доказывается ссылкой на физический тип якутов, «которые лицом похожи на названных татар», «имеют не малое сходство в языке» и тем, что «некоторая часть татар Красноярского уезда называется саха, как и якуты себя называют. Нынешнее же название дали им русские». Вот и все.

⁶⁶ «Заметки о населении Якутской обл. в историко-этнографическом отношении». Памятн. книжка Якут. обл. на 1896. Вып. I, стр. 114.

⁶⁷ Жур. «Любитель словесности» за 1806 г., ч. I, стр. 118—147 «О происхождении, вере и обрядах якутов».

В таком виде работа Остолопова не представляет для нас ничего нового. Это очень плохой комментарий к уже известным нам местам из исторических работ Миллера и Фишера. Но соучастие лиц, которые хорошо знали якутов и их язык, отразилось здесь в точной передаче племенного названия якутов «саха», а не «соха», как это имело место у Миллера и Фишера. Почему из наличия в Красноярском уезде части «саха» вытекает близкое родство якутов только с барабинскими татарами, это не обосновано. Однако, не взирая на всю несерьезность исторических суждений Остолопова, его статья превратилась в краеугольный камень енисейской гипотезы. Это случилось потому, что в ней содержится экстракт легенды якутов об их прародителях, Омогой-Бае и Эллэе, бытовавшей в обьякученной среде старожилого русского населения г. Якутска. Если раньше в трудах Страленберга, Миллера и Глемина мы нашли отдаленные отзвуки и силуэты знаменитой якутской легенды, то в статье Остолопова она как бы облекается в плоть и кровь с приведением точных якутских имен. В этом отношении труд Остолопова представляет большую историческую ценность, ибо опубликованная им запись, якобы, якутской легенды представляет собой образец труда ранних фольклористов. Кроме того в ней, по всей вероятности, мы имеем тот первоисточник, откуда черпали материал, названные выше иностранные авторы. Приведем подлинный текст этой самой ранней записи якутских легендарных сказаний:

«У них (у якутов) отличаются от прочих два поколения: 1) батулинское, происшедшее от Омогой-Бая, который неизвестно откуда перешел через лежащие около Иркутска бурятские земли и поплыл по Лене. К сему якуты присовокупляют, что, когда шел Омогой к Лене, тогда на него хотели напасть буряты, но показавшийся ущерб луны воспрепятствовал их предприятию, ибо, по суеверию своему и доныне ещё продолжающемуся, они в сие время ничего не начинают. Омогой, видя таковой удобный случай, перешел с товарищами своими через горы, сделал плот, пустился в путь, продолжая оный до Олекмы и... до того места, где ныне г. Якутск. 2) 2-ое поколение производит себя от Эллэя, чаятельно соотечественника Омогоя, который, узнавши об уходе последнего, отважился и сам пуститься в такую дальнюю и трудную дорогу. Он приплыл к тому же месту, соединился с Омогоем, приобрел доверенность его и женился на его дочери, от которой имел 12 сыновей. Размножившиеся от них потомки всегда вручали

начальство поколению старшего Эллеева сына Хангаласса, по имени которого называется Хангаласский улус. И сие преимущество продолжалось до Тыгына, то есть до времени покорения якутов под Российскую державу посредством одного отделившегося от них владельца Мымака. Род же Омогоев, под именем батулинского, находится и ныне около Якутска, в Верхневилуйском, Усть-Янском и других местах, но против поколения эллеева в весьма меньшем количестве.

К ним потом присоединились хоринцы — народ живший за Байкалом. Но когда они присоединились и в каком числе, время из памяти истребило, однако ж то известно, что и между якутами они долго свой язык сохраняли. Сие доказывается и поныне употреблением пословицы, ответствующая не вслушавшемуся в сказанные слова: (ведь) я говорю не похорински. А ныне и язык, и обряды, и обычаи имеют уже общие»⁶⁸.

Можно ли признать эту легенду за якутскую? В ней есть якутские имена, преданные безукоризненно точно, Омогой- Бай, Элэй и Тыгын, имеется слабый намек на сюжет омогое-эллеевских сказаний, выражающийся в том, что Омогой — первый переселенец, а Элэй прибывает позже, что Элэй делается зятем первого и почитается как прародитель большинства якутского племени. Но сюжет бегства Омогоя от бурят, присоединение к якутам хоринцев, живущих за Байкалом, этих элементов в подлинных якутских народных легендах, записанных нами во многих вариантах, не встречается и быть не может. Эти элементы несомненно попали в якутскую легенду в порядке интерпретации её в следующих кругах бывалых русских людей. Догадка последних, что Якутские роды хоро, в официальных русских документах фигурирующие в форме «Хоринские наслеги», суть ни что иное, как соплеменники многочисленных «одинадцати хоринских родов» забайкальских бурят (сами буряты это имя произносят «хори»), привела к дополнению якутского рассказа о предках соответствующей вставкой. Так же догадка что якуты, родственные по языку с татарами, должны были кинуть свою южную родину, будучи вытеснены бурятами, которые в качестве победителей остались на прежних якутских местах, должна была послужить основанием и для признания Омогоя беженцем от тех же бурят. Кроме того, в якутских преданиях, записанных

⁶⁸ Там же, стр. 119-120.

мною, Эллэй обычно наделяется не 12-ю сыновьями, а только пятью или шестью, по числу главных улусов Якутского округа.

Но ещё более интересна дальнейшая миграция этой легенды в трудах позднейших историков якутского народа. Вот пред нами её новая редакция в книге Н. Н. Щукина, изданной под заглавием «Поездка в Якутск».

«Сами якуты говорят, что они происходят от красноярских татар и рассказывают о происхождении своем следующую сказку:

Некто Омогой-Бай с 150 человек отделился по неизвестным причинам от своих родичей, обитавших в южных пределах Енисейской губ., пошел от реки Енисея на восток. Достигнув Манзурских степей, где кочевали буряты, он расположился тут на жительство. Встревоженные буряты решили было истребить их, но как луна была на ущербе, время, в которое буряты ничего не предпринимают важного, то отложили они намерение свое до благоприятного предзнаменования. Между тем татары узнали о заговоре. Не теряя времени, отправили несколько человек на реку Лену для постройки плотов и, когда все было готово, ночью перешли через гору на Лену со всем скотом, сели на плоты и поплыли. Достигнув до того места, где теперь стоит Якутск, остановились на жительство. Спустя некоторое время, приплыл к ним некто из татар Эллэй. Удалец этот приобрел любовь состарившегося Омогоя, женился на одной из дочерей его и прижил с нею 12 сыновей. Из них замечателен Хангалас, сообщивший свое имя хангаласскому роду.

Спустя несколько десятков лет после прибытия Эллэя, приплыли к татарам по Лене забайкальские буряты хоринского рода, перемешались с ними и составили теперешних якутов, народ, имеющий сходство языком и нравами с татарами и монголами. Доныне существует между якутами поговорка: я говорю тебе не по-хорински»⁶⁹.

Кто не узнает в этой щукинской редакции литературную переделку, приведенного выше остолоповского текста, со всеми его мельчайшими подробностями и с сохранением последовательности отдельных частей? Щукин нигде не заикается, что воспользовался статьей Остолопова.

В деле обоснования енисейской гипотезы происхождения якутов работа Щукина сыграла решающую роль и создала гипотезе большую популярность. Дальнейшие бытописатели и историки якутов стали ссылаться

⁶⁹ Н. Щукин. Поездка в Якутск. Изд. 2, Спб., 1844 г., стр. 273—274.

на Щукина. Его «Поездка в Якутск», написанная живым литературным языком и богатая разнородным содержанием, между прочим, и картинками из быта и нравов русского общества г. Якутска, в свое время должна была произвести большой шум и несомненно широко была известна как в самом Якутске, так и в других сибирских городах. О большом успехе этой книги свидетельствует и тот факт, что скоро потребовалось второе издание. (1-ое изд. в 1833 г., а 2-ое в 1844 г.).

Позднее барон Майдель, занимавший в Якутской области должность окружного исправника за время от 1861 по 1871 г., в своем большом научном труде «Путешествия и изыскания в Якутской области» зафиксировал очень любопытный вариант той же легенды с новыми дополнениями.

«По древнему якутскому сказанию, которое и теперь на Лене известно, якуты первоначально обитали на Енисее, в стороне Красноярска; были оттуда вытеснены и перешли на восток, в бурятские степи. Но там они долго не удержались, потому что буряты отнеслись к ним неприязненно и делали на них неоднократное нападение. Вследствие этого, приблизительно, 400 лет т. н., весь народ под предводительством Омогоя, по словам других, Оконома собрался в верховьях Лены, построил там челноки из воловьих шкур и плоты для скота из деревьев береговых лесов и поплыл по течению реки, пока не нашел хороших пастбищ около устья Олекмы. Здесь он остановился. Через некоторое время к Омогою присоединился некто Элэй, по одним сведениям — якут, находившийся в плену у бурят и от них бежавший, по другим же — бурятский старшина, пожелавший присоединиться к якутам. Элэй женился на дочери Омогоя или Оконома и от его 12 сыновей произошли главные роды якутов. Так, напр., от его сына Хангаласа ведет свое начало большое племя хангала или кангала, которого жилища простираются по обоим берегам Лены от Олекмы до Якутска. Один из позднейших старших этого племени Тыхын или Тыгин построил укрепленный городом на горе Чебодал, на правом берегу Лены. Но пришли русские, крепость его разрушили и построили на его месте острог»⁷⁰.

Вилуйский исправник Кларк в своем труде «Вилуйск и его округ», изданном в 1864 г., тоже заявляет:

⁷⁰ Baron Maydell. Retsen und Forchungen im Jakutskischen Gebiet Ostsibiriens. 1896. Zw. Theil 454 s.

«Якуты, происходящие от одного из поколений, принадлежащих к тюркским племенам и поныне называющие себя саха, кочевали в древности, как свидетельствуют изустные их предания, в верховьях Енисея, потом около Байкала, но оттесненные оттуда полчищами Чингис-Хана, были отодвинуты к вершинам Лены, по которой со скотом своим спустились до долины нынешнего Якутска и уже оттуда распространились по долинам других рек и, между прочим, по Вилюю. Встретившиеся им на Лене тунгусы называли их еко и это то имя русские казаки изменили в звание екут, как выговаривают и теперь русские, или якут, как принято называть их в письменном языке»⁷¹.

И здесь нетрудно узнать сокращенный пересказ того же Щукина, о чем свидетельствует, кроме ссылки на имя саха и кочевание в верховьях Енисея, производство современного «якут» от тунгусского «еко», на что впервые указал Щукин.

Изложенного, думается нам, вполне достаточно для того, чтобы понять на каком ненадежном фундаменте выросла гипотеза минусинского происхождения якутов, которая только благодаря частому повторению и некритическому отношению к своим научным источникам получает значение научно построенной теории. Щукин отрицал какую-либо возможность переселения скотоводческого народа из Красноярска до Ангары и, наоборот, уверял о простоте и легкости пути из Красноярска вниз по Енисею на плотках и дальше вверх по Нижней Тунгуске на Вилюй и на Лену, т. е. по такой территории, где до русского завоевания могли бродить толь ко оленеводы-охотники. По Нижней Тунгуске и теперь, за исключением её верховьев, на расстоянии почти 1500 км не имеется ни одного коня и ни одной коровы.

«Нет никакой вероятности и даже возможности перебраться народу со стадами лошадей, коров и овец с Енисея на Манзурскую степь. Это пространство, имеющее расстояние 1000 верст, покрыто и теперь лесами, а тогда эти леса были непроходимы. Остается допустить мнение, что татары из окрестностей Красноярска спустились на плотках по Енисею до устья Ниж. Тунгуски. Здесь от тунгусов узнали они, что к востоку лежали степи по реке Вилюю: татары перебрались с Енисея на Вилюй. А по этой реке

⁷¹ Вилюйск и его округ. Зап. Сиб. отд. Импер. рус. геогр. о-ва. 1864 г., кн. VII, стр. 39—40.

добрались и до Лены и, таким образом, распространились по всей Якутской области»⁷².

Мы не стали бы долго останавливаться на научных трудах Щукина, если бы В. Серошевский в своих «Якутах» не запнулся на этом щукинском варианте реставрации древней истории якутов в противовес движению их вниз по Лене и раннему проживанию около Байкала⁷³.

Серошевского заставил уделить большое внимание к гипотезе Щукина кн. Н. А. Кострова, который в своей, в общем довольно дельной, работе «Очерки юридического быта якутов»⁷⁴ теорию их родства с минусинскими татарами и переселения вниз по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске приемлет как бесспорную историческую истину. Он опять-таки ссылается на предание самих якутов:

«По преданию якутов, они — пришельцы с верховьев Енисея. Действительно, на юге Енисейской губ., именно в Минусинском округе, и теперь ещё в ведомстве Сагайского родоначалия, есть один род татар, называющий себя соха, сохалар...» (Дальше точное повторение Щукина).

Костров, по-видимому, бывал на Туруханском Севере и, в подтверждение переселения якутов вниз по Енисею, ссылается на один «незначительный шорохинский род якутов» около г. Туруханска, который «совершенно утратил свою народность и усвоил все обычаи русских». В этих шорохинцах Костров усматривает остаток якутов, главной своей массой двинувшихся на восток. Как увидим дальше, этот взгляд о происхождении шорохинцев не выдерживает критики. (См. след. разд. о Серошевском).

Итак, из научной аргументации сторонников минусинской гипотезы нужно совершенно выбросить ссылку на предание о родстве якутов с минусинскими татарами, якобы, когда-то записанное с уст самого народа. Такой же ненаучный характер носит и ссылка на псевдо-якутский сюжет о борьбе Омогоя с бурятами, а также и о присоединении к якутам части хоринских бурят. Мы уже имели случай указать на тот факт, что до эпохи русского завоевания якутам не было известно даже само этническое наименование «бурят», ибо этот народ известен якутам только под названием «бырааскай», в чем нельзя не узнать простую фонетизацию русского «братский». Да и сама легенда об Омогое и Элэе в том виде, в каком она

⁷² Там же, стр. 274.

⁷³ Серошевский. «Якуты», стр. 206.

⁷⁴ См. Зап. Импер. русск. географ. о-ва за 1878 г., т. VIII. Отд. 2, стр. 259—299.

сохранилась в устах якутов, не есть историческое воспоминание или предание, а искусственный миф религиозного содержания, преследующий определенные политические и дидактические цели. Это есть родословие о происхождении древних якутских феодалов, их господствующего класса, в частности, царствовавшего у якутов великокняжеского рода из среды каких-то древнетурецких тегингов. (Лингвисты, знатоки турецких языков, уже бесспорно доказали, что якутское мифологическое имя «Тыгын» есть ни что иное, как древнетурецкий титул «тегин»). Это положение доказывается и приведенным выше текстом русского фольклора, зафиксированного в начале XIX века Н. Ф. Остолоповым. Тыгыну, «как потомку старшего сына Эллэя Хангаласа», приписывается «начальство над всем размножившимся потомством Эллэя», т. е. над всем якутским племенем, ибо последний всеми якутами-скотоводами почитается как предок или прародитель всего народа. Тыгын же во всех, записанных нами, якутских преданиях, представляется повелителем и начальником (тойоном) всего племени, а его собственной и ближайшей вотчиной признается обширный улус «Хангалас» (в официальных бумагах «Кангаласский», разделившийся позже на два—Восточный и Западный— по ориентации на реку Лену). Этот улус в пределах всего Якутского края занимает центральное положение и самые лучшие земли по долине Лены с её заливными лугами на многочисленных островах на протяжении 400 км. Эти экономические преимущества, центральность положения улуса Хангалас и царственное положение его вождя Тыгына в момент прихода русских завоевателей, устанавливаемое всеобщим народным гласом, в связи с показаниями авторитетных лингвистов о значении имени «Тыгын», совершенно ясно и отчетливо свидетельствуют о действительном существовании у якутов феодальной монархии степного скотоводческого типа. На этом вопросе мы имеем ввиду подробно остановиться во 2-м томе наших очерков. Здесь же мы подчеркиваем большую научную ценность устного предания самих русских завоевателей, зафиксированного почти 150 лет тому назад Остолоповым со слов русских старожилов г. Якутска. Согласно этому сказанию, начальственное положение Тыгына прерывается лишь с приходом русских «посредством отделившегося от них владельца Мымака». Если Мымаку пришлось отделяться от чего-то, то значит, у якутов была единая, общеплеменная организация, возглавляемая Тыгином, князем Хангаласского улуса. Иными словами,

сами русские завоеватели после близкого общения с «владельцами» вроде Мымака (а Мымак — историческая личность, удостоверенная документами эпохи завоевания), ориентирующимися на них, уже понял, что у якутов раньше существовала единая власть. С этим новым научным источником, с устными преданиями старожилого русского общества в самом центре Якутского края, в деле познания древнего общественного строя якутов нельзя не считаться, ибо в архивных документах самой эпохи завоевания края чувствуются зияющие пробелы, обусловленные тем обстоятельством, что первые русские пришельцы до общения с самими якутами, не имели никаких путей и возможностей знакомиться с общественными отношениями, господствовавшими в неведомой для них стране.

Критикуя наивные исторические построения ранних якутоведов, мы обязаны отметить и их научные заслуги, в частности Н. Ф. Остолопова, опубликовавшего весьма важный фольклорный материал, почерпнутый с уст русских старожилов г. Якутска конца XVIII и начала XIX веков. В это время русских людей отделяло от эпохи завоевания края всего лишь три-четыре поколения и, кроме того, их общественная жизнь в такой отдаленной глуши, как Якутия, должна была течь безмятежно, не волнуемая нашествием новых людей. Гор. Якутск через столетие, в конце XIX и в начале XX столетия, после установления пароходного движения по Лене, основания приисков по системе Витима и Олекмы, а в особенности, после проложения великого рельсового пути через всю Сибирь, конечно, переродился до полной неузнаваемости. Во всяком случае, до эпохи развитых буржуазно-капиталистических отношений и оживленных торговых связей центра с окраинами старая нить устных преданий самих покорителей якутского народа не могла уже сохраниться.

Гипотезу енисейского происхождения якутов до Щукина поддерживал ещё один анонимный автор в жур. «Северный архив» за 1822 г. в пространной статье под заглавием «Описание якутов, их происхождение, население страны Ленской, внутреннее их управление, покорение под власть России, благосостояние, нравы и обычаи»⁷⁵. К сожалению, мы не имели возможности ознакомиться с содержанием этой статьи и знаем о нем лишь по отдельным цитатам из труда Н. А. Аристова. Этот автор, по видимому, дал новый вариант легенды, опубликованной Остолоповым.

⁷⁵ «Северный архив». 1822 г., ч. 3, стр. 204—221, 273—300, 367—380.

Основываясь на сходстве имени «саха» с «сагай», родовым термином у минусинских турок, он высказал лишь теорию родства якутов с сагайцами и возможном отделении первых путем откочевания от Енисея на Ангару и дальше на Лену. Теория родства племенного названия «саха» и «сагай» с точки зрения лингвистической науки сама по себе безукоризненна и, пожалуй, даже неоспорима, но отсюда никак ещё не вытекает, что передвигались только одни якуты, а минусинские сагайцы, по сравнению с якутами, представляющие лишь осколок народа, сидели неподвижно на своих прародительских землях. Проще и естественнее, конечно, допущение, что предки сагай когда-то оторвались от своего ствола «саха» и по той самой причине оказались заброшенными в приабаканские степи, в долину Южного Енисея. Дальше мы убедимся, что остаток якутов «саха» констатируется не только в пределах южного Енисея, но и в других географических пунктах. Чтобы разрешить сложный исторический вопрос, где первоначально проживали или кочевали общие предки саха и сагай, для этого, конечно, нужно иметь куда большую историческую осведомленность и дальний кругозор, чем это было доступно Остолопову, Щукину и другим ранним авторам.

Следующие сторонники енисейского происхождения якутов, Серошевский и Аристов, подошли к делу много серьезнее, но и их поиски далеко не увенчались успехом, ибо они колеблются и признают законность многих решений.

2. В. Л. СЕРОШЕВСКИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ

Большой и общепризнанный авторитет Серошевского по вопросам якутоведения вынуждает нас отнестись с особым вниманием к его высказываниям об историческом прошлом якутского народа, ибо большинство ходячих мнений об якутах, в конечном счете, опираются на этого автора. В его известном этнографическом труде «Якуты», глава «О южном происхождении якутов»⁷⁶, на первый взгляд, может показаться содержащей в себе самые блестящие страницы из всего того, что написано им о якутах, не только в стилистическом отношении, но и в смысле полноты всех науч-

⁷⁶ «Якуты». «О южном происхождении якутов». Стр. 183—210.

ных источников, использованных им. Создается впечатление, что Серошевский исчерпал все то, что можно было сказать о южном происхождении якутов. Но, однако, при более внимательном изучении этой главы, обнаруживается довольно поверхностное ознакомление автора с теми источниками, на которые он ссылается, необычайная спешка в проработке относящегося к вопросу материала и легковесные выводы. У него мы находим ссылку на Германа Вамбери с утверждением, что этот автор сближает якутов «по простому созвучию племенного имени саха с древними саками»⁷⁷. А на деле этот крупнейший знаток многих турецких языков и их древней истории впервые выдвинул гипотезу родства якутов с древними уйгурами на основании глубокого знания грамматики и лексики языка тех и других, ибо Вамбери, будучи уйгуроведом, пользовался обширной грамматической монографией акад. Бётлингка о якутском языке. (О воззрениях Вамбери на прошлое якутов см. след. главу). В свое время под влиянием теоретических воззрений Вамбери на характер якутского языка находились такие авторитетные туркологи, как проф. Н. Ф. Катанов и акад В. В. Радлов. Серошевский ссылается ещё на Риттера, который будто бы указывал древнюю родину якутов в Забайкалье. Но, однако, у Риттера мы не нашли ничего похожего, да и вообще высказывался ли он по вопросу о происхождении якутов? Наконец, он выдвигает никем из серьезных авторов необоснованную гипотезу об исходе якутов из Амура (кроме Аристова, который писал после Серошевского) и из верховьев Толы и Селенги. Кто, когда, где писал об этом, Серошевский не указывает.

Серошевский формально не объявляет себя сторонником минусинского происхождения якутов. Однако, у его читателя создается впечатление, что якуты жили раньше где-то в пределах Южной Сибири, в степных местностях, но только не около озера Байкал, и могли попасть на Лену либо вниз по Енисею, либо, долго проплутав в пути с Енисея на восток до Ангары, очень ускоренным маршем свернули на Лену.

Самый серьезный промах Серошевского, несомненно, заключается в его скептическом отношении к проживанию якутов около озера Байкал: «Могли быть и не быть там»⁷⁸. Этим самым он поднял в науке удельный вес совершенно наивной и фантастической гипотезы Щукина о древних

⁷⁷ Там же, стр. 197.

⁷⁸ Там же, стр. 201—202.

переселениях якутов вниз по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске, хотя формально Сорошевский опять-таки признает — «длину, сложность, суровый климат, большую глубину зимних снегов и отсутствие на огромных пространствах пастбищ» на этом щукинском пути⁷⁹.

Во всяком случае, от Сорошевского мы были бы вправе ожидать признания достоверности долгого проживания якутов около Байкала и движения их дальше на север, вниз по Лене. Но вместо этого у него безграничный скепсис, мы ничего не знаем и не можем знать:

«О пути, по которому прошли якуты на север, также ничего не известно; они нигде не оставляли следов, унося все с собою, как истые номады».

«Если трудно установить точно место южной родины якутов, то ещё труднее, почти невысказуемо, указать на время их выхода»⁸⁰.

Сорошевский твердо уверен лишь в том, что якуты не аборигены Ленского края, а пришельцы из южных степей. Как чуткий художник беллетрист Сорошевский констатирует в наклонностях, привычках и поэтических произведениях якутов любовь «к степному простору, к широким ровным полям»... «лес и воду не особенно жалуют». По его словам, к рыбам они относятся весьма пренебрежительно: «смердящий рыбак, живет рыбой, точно бродяга-чужестранец». «В этих отзывах чувствуется степняк-скотовод», — замечает он.

Наблюдения весьма тонкие и меткие, обнаруживающие долгое соприкосновение автора с якутами и хорошее знание их психики.

Дальше, Сорошевский указывает, что якуты имеют представление о львах, змеях, верблюдах, животных совершенно не встречающихся в теперешней родине якутов. Им известно и южное название этих животных. Змею называют по-монгольски «могой», верблюда по-тюркски «тэбиэн» (надо заметить, что это — общее турко-монгольское слово, ибо монгольское «тэмэн», есть то же, что и «тэбэ-тэвэ» турков. Лингвисты давно установили, что согласные звуки «м» и губные «б-в-ф» обычно замещают друг друга). Льва называют «хахай», что по-монгольски значит «свинья». Дикие

⁷⁹ Там же, стр. 206.

⁸⁰ Там же, стр. 206 и 209.

свиньи в Якутском крае не водятся, значит, якуты это слово вынесли из южной родины, рассуждает Серошевский⁸¹.

Между прочим, Серошевский удивляется, что у якутов не сохранилось названия тигра, известного южным тюркам под именем «пар, бар, барс, парс». Но это удивление напрасное, ибо в якутских былинах часто упоминается «бар-кыыл»⁸². Он известен также и под другим вариантом того же имени «баабыр»⁸³.

Серошевский приводит ещё названия растений, сопоставляя их с общетюркскими, тополя, сосны, лиственницы, березы, тальника, кедра, но эти имена, если бы даже и сходились с названиями в других тюркских наречиях, не могут служить веским доказательством южного происхождения якутов, ибо все эти растения встречаются и на теперешней родине их. Если же говорить о сходстве якутских корней вообще с общетюркскими, то их, конечно, бесконечное множество и помимо названий растений.

Не столь убедительны и его ссылки на мнения и соображения случайных якутов, что, якобы, в старину было теплее, снег выпадал поздно, таял рано, что травы росли выше и гуще, цветов на полях было много и т. д. Во-первых, Серошевский все эти мнения берет не из текстов цельных сказаний, отмечая в них типические черты, а из простых бесед с якутами, в которых решающую роль могли играть внушения и целевая установка их ученого собеседника. Во-вторых, подобные суждения свойственны всем народам бытовой и бесписьменной культуры. Они обычно бывают связаны с идеей «золотого века» в прошлом, что де, «в старину жилали деды веселей своих внучат», а также с культом предков и идеализацией давно живших поколений.

Иное дело художественные описания страны вечного лета и бесконечного дня («бараммат сайын, кюрюлююр кюнүс»), встречающиеся почти постоянно в якутских богатырских былинах. В этом явлении, с одной стороны, можно видеть переживание древнего беспечного пастушеского быта, возможного только в зоне открытых степей, когда люди не косили, не заводили покосов, не строили изгородей, крытых помещений для скота

⁸¹ В якутской поэзии «хахай» собственно и значит вепрь, ибо он всегда служит символом лютой, свирепости, а льва якуты обычно называют «кыыл ыраахтаагыта», царь зверей. Впрочем, у современных якутов, не видящих в природе ни того и ни другого зверя, эти названия вполне естественно путаются.

⁸² См. словарь Пекарского, стр. 366.

⁸³ См. там же, стр. 323. и Будищев. «Русско-якутский словарь».

и т. д. С другой стороны в них, может быть, чувствуются и отголоски обитания предков якутского народа в иных, более благоприятных климатических зонах. Эти былинные образы и картины у якутов находятся в связи с идеей «Хоро сирэ» (Страна хоринцев). С этими понятиями мы ознакомимся позже в связи с разбором т. н. хоринского вопроса в якутских легендах и его исторического смысла.

Заслуга Серошевского заключается в том, что он наметил важность былинных образов и картин, в которых может жить, так сказать, отблеск того, что когда-то переживалось предками якутов. Но, однако, историку нельзя забывать того, что былинные образы, вообще говоря, есть поэтическое восприятие житейских фактов, в котором творческую роль, прежде всего, играет фантазия певцов. А с фантастическими образами, конечно, нужно быть весьма осторожными. Они могут быть приняты за историческое доказательство, если их показания найдут подтверждение в целом ряде других аргументов и построений.

Серошевский указал также на несовпадение якутского лунного календаря с физико-географическими условиями их теперешней родины. Дело в том, что якуты «март» называют месяцем поимки жеребят, апрель — месяцем ледохода, тогда как в действительности и то и другое в местах их обитания опаздывает почти на месяц. В этом явлении Серошевский видит «отпечаток южного происхождения».

Впрочем, в интересах справедливости необходимо отметить, что самые важнейшие из приведенных выше оригинальных положений и аргументов Серошевского годом раньше были высказаны В. Иохельсоном в его статье «Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении», напечатанной в «Живой старине» за 1895

⁸⁴
г. :

«В некоторых песнях поется, что жили они (якуты) когда-то в теплой стране у моря...», где «не приходилось так мерзнуть и много трудиться, как здесь...». «(Март месяц по- якутски «кулун тутар ый», т. е. время когда ловят и привязывают жеребят... а здесь это делается только в начале июня месяца».

⁸⁴ Вып. 2, стр. 130—140, а также в «Памятн. книжке Якутской области за 1896 г.» — «Заметки о населении Якутской области в историко- этногр. отношении». Стр. 114. Прим. 2.

Вот все главные аргументы Серошевского по вопросу о южном происхождении якутов. При этом необходимо иметь в виду, что под «степями» он разумеет не научногеографическое понятие — область господствующих степных просторов — Азию, в частности Монголию. В его суждениях чаще фигурируют степи Верхоленские, Манзурские, Балаганские, Красноярские, Минусинские, а о возможности исхода якутов из собственно монгольских степей, он нигде не заикнулся. В главе о якутской лошади⁸⁵ он даже прямо отрицает возможное родство якутского конного скота с бурят-монгольским.

Фактически он готов увязать прошлую историю якутов с южными пределами Сибири, где изредка встречаются небольшие открытые места, носящие характер степей, т. е. не отрывает якутов из зоны тайги и не выводит их из пределов Сибири. В этом отношении воззрения Серошевского, несмотря на кажущуюся полноту и обстоятельность, представляют собой шаг назад по сравнению с известными нам положениями Страленберга и Миллера-Фишера, ибо первый из них в ранние эпохи поселяет якутов в южной Монголии, а оба последних автора, говоря «обыкли жить в степях», а последнее понятие, безусловно, вкладывают не обывательское содержание, а понимают его как физико-географическую зону, пояс господствующих степей.

За Серошевским в деле разработки древней истории якутов можно признать ту заслугу, что он указал на двойное этническое наименование якутов, а именно, «ураангхай саха», употребляющееся «в торжественных оборотах речи, в сказках, песнях и молитвах»⁸⁶. В связи с этим он обратил внимание ученых на тот общеизвестный факт, что дархаты, монголы и китайские чиновники тем же именем «уранхай» или «уряньх» называют обитателей современной Танну-Туvinской республики или Урянхайского края. Опираясь на исследования Г. Н. Потанина, Серошевский отметил также, что язык урянхайцев дархаты зовут уйгурским языком, а их самих — «народом уйгурского языка». Сам Серошевский из этих фактов никаких исторических выводов не делает, но они, по-видимому, помешали ему более определеннее высказаться за минусинско-енисейскую гипотезу, которой он весьма симпатизирует. Но тем не менее своими фактическими и

⁸⁵ «Якуты». Стр. 165.

⁸⁶ «Якуты». Стр. 203.

литературными справками об употреблении имени «ураангхай» у якутов, монголов и урянхайцев Серошевский указал путь для дальнейшего развития енисейской гипотезы в урянхайскую. Этими указаниями воспользовались Кочнев и Трощанский.

У Серошевского попадаются замечательно дельные исторические замечания, которые, в конечном счете, всегда обусловлены прекрасным знанием им якутского быта и его незаурядной наблюдательностью. Таковы, например, следующие мысли:

«Мы лично склоняемся к тому мнению, что якуты, по крайней мере значительная часть их, задолго до царствования Чингис-Хана уже попала в эту, вполне изолированную от остального мира, впадину, окруженную со всех сторон широким горным поясом, где они прожили независимые и никому неизвестные до самого пришествия русских»⁸⁷.

«Весь переход якутов с юга в места настоящего жительства длился, по всей вероятности, очень долго. Возможно даже, что он совершился по частям, в несколько промежутков, разделенных веками, и что в состав якутского народа вошли родственные, но различные по своей родине племена. Долго, десятки, а может быть и сотни лет, они отдыхали в тех степных участках, которые попадались им по пути, высылая далеко вперед в виде щупальцев свои передовые отряды. Отпрыски эти селились, обжигались, знакомились с местностью, а между тем глухая молва разносила по всему племени сведения, почерпнутые лазутчиками на новых землях»⁸⁸.

И дальше у автора мы находим ссылку на свои практические наблюдения: «Таковых приемов в колонизации новых земель держатся до сих пор якуты».

При ретроспективном анализе древнего общественного строя якутов дорусского периода Серошевский пользуется художественно-интуитивным методом и нагромоздил целую гору принципиальных заблуждений, но обо всем этом мы будем говорить в своем месте.

Серошевскому мы обязаны записью и опубликованием одного интересного варианта (Намского улуса) якутских сказаний об Омогое и Эл-

⁸⁷ Там же, стр. 210.

⁸⁸ Там же, стр. 208.

лзе⁸⁹. Но этот фольклорный материал в отдельных местах вызывает большие подозрения, ибо автор простонародный рассказ пропустил сквозь призму своей собственной художественной фантазии.

В заключение мы позволим себе остановиться ещё на одном пустяковом факте, на котором не раз запинаятся историки при поисках путей древних переселений якутов на север, в том числе и Серошевский. Он, сославшись на гипотезу Щукина о переселении якутов вниз по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске, пишет: (этот)... «путь имеет за себя то, что в окрестностях Туруханска, в Шорохине и южнее по Енисею в нескольких деревнях существовали небольшие колонии якутов, совершенно оторванные от восточной компактной массы. Они занимались рыболовством, но у них сохранился скот. (Выдел. Серошевского). Костров считает их поселения древними. В колониях этих можно, пожалуй, усматривать остатки главного отряда, впоследствии двинувшегося на восток»⁹⁰.

Фактически недалеко от старого Туруханска существует только одна деревня Сорокино (или Шорохино), которая среди старожилов края слышит ещё под вторым названием «Якуты».

По поводу происхождения этого названия среди самих шорохинцев бытует и поднесь смутная легенда о том, что их предки будто бы были якуты. Летом 1925 г. нам удалось видеть одного шорохинца в г. Ново-Туруханске. Однако ни в его физическом облике и ни в языке не осталось никаких следов его якутского происхождения. Это был обыкновенный русский крестьянин-сибиряк. По его словам, и остальные шорохинцы ничем не отличаются от массы русских старожилов. Шорохинцы русскими значатся и в официальных документах. В «Материалах приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибирском крае» мы читаем:

«Станок Якуты (Шориха), русские, 12 хозяйств, муж. 46, жен. 36, обо-его пола 82; 25 человек заняты сельск, хоз., 34 рыбол., 14 охотой, 14 чел. проч. занятиями. Лошадей 14, коров 14»⁹¹.

О физическом облике шорохинцев ещё Миддендорф отметил: «По общему наружному виду преобразились в русских».

Секрет происхождения шорохинских «якутов», столь смущавших воображение этнографов и историков, однако, довольно прост.

⁸⁹ Там же, стр. 183—190.

⁹⁰ Там же, стр. 206.

⁹¹ Красноярск. 1928 г. Изд. ЦЗУ СССР Сиб. Краев, стат. отд. Вып. 1, стр. 14.

Среди якутов южного Вилюя нам удалось записать в двух вариантах одно довольно популярное предание о вилюйских якутах Бордонского наслега, которые уплыли когда-то в далекую страну вниз по Нижней Тунгуске и поселились где-то около г. Туруханска. Один вариант, рассказанный якутом 2-го Бордонского наслега Семеном Даниловым (62 лет), мы приведем целиком:

«Давно когда-то, по существующему у нас преданию, семь человек якутов Бордонского наслега поехали в центр России (дословно «на юг»), чтобы высудить себе место по реке Чоне. Один из них, по рассказам, умер на реке Хатанге (так якуты и тунгусы называют Ниж. Тунгуску) в местности «Монастырь». (Это старое название теперь г. Ново-Туруханска), а остальные шестеро поплыли вниз и поселились в Туруханске. Там, рассказывают, есть одна якутская деревня»⁹².

По другому более разработанному варианту, поплыл вниз по Ниж. Тунгуске родовитый и знатный якут по имени Бээкээн, который по распоряжению окружного начальника был подвергнут телесному наказанию. Бээкээн поехал с целью добраться до столицы и подать жалобу императрице Екатерине на самоуправство местных русских властей. Он будто бы взял с собой свиту из 30-ти человек своих якутов. По легенде, сам Бээкээн, немного не доехав до г. Туруханска, схватил какую-то болезнь и умер. А его люди побоялась возвратиться на родину и остались жить в Туруханском крае. Сказитель свой рассказ заключает следующими словами:

«Здесь якуты рассказывают, что потомки тех людей будто бы и по сию пору живут там, о чем гласит неопределенная ходячая молва, идущая из дальних краев»⁹³.

Эта легенда, конечно, не могла бы сложиться среди вилюйских якутов без всякого основания. Во всяком случае, факт исхода каких-то якутов из предела южного Вилюя, плавание их вниз по Ниж. Тунгуске и поселение около г. Туруханска нужно признать достоверным. Вместе с тем взрывается и «камень преткновения» некоторых сторонников гипотезы минусинского или красноярского происхождения якутов.

На данном примере мы убеждаемся — какое огромное значение в деле прояснения исторического прошлого якутов имеют их собственные

⁹² См. «Эллэйада». § 315.

⁹³ См. «Эллэйада». § 315.

предания. Благодаря оторванному и уединенному положению своей родины от всего внешнего мира и замкнутости своей общественной жизни, якуты получили возможность сохранить много старинных преданий. Они любят рассказы о своей старине и хранят эти рассказы в большой неприкосновенности, иногда украшая разными мифологическими или поэтическими подробностями. Так, например, в приведенном предании сказитель рисует столкновение князя Бээкээн с окружным исправником, имевшее для него столь роковое последствие, в таких образах:

«Итак, г. начальник, вы сказали, что мое дело может выправиться, если изменится к лучшему ваше душевное рас положение?» (Т. е. намекает на то, что он требует от него взятку. Г. К.).

«Так сказав, Бээкээн потрясал в воздухе высоко поднятым указательным пальцем, направленным в небеса, и ещё добавил: «Пока существует (на свете) солнце-государь, я останусь непослушен вашим словам!».

Вслед за этим Бээкээн стремительно выхватил свой должностной кортик и, поворачивая так и сяк, поиграл в воздухе его металлическим блеском».

Дальше рассказывается о том, как исправник составил на него протокол, в котором говорилось, что этот наследный князец в присутствии всего улусного схода обвинил его в лихоимстве и грозил ещё оружием.

Якутские народные предания могут заменить отсутствующие у них своды писаных летописей, конечно, при надлежащем критическом отношении к ним.

3. Н. А. АРИСТОВ

Н. А. Аристов в своей работе «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей»⁹⁴ довольно определенно высказался за енисейское происхождение якутов. Он пишет: «Основываясь на якутских преданиях, на тождестве имени «саха» с «сагай» и на множестве этнографических данных, свидетельствующих не только о южном, но и об енисейском происхождении якутов, можно вместе с Миллером и большинством писателей, касавшихся этого вопроса, считать весьма вероятным, что якуты представляют собою часть тюркского племени сагай, перешедшего с

⁹⁴ Живая старина. 1896 г. Вып. III—IV. Стр. 329—333.

Енисея в бассейн Лены и получившего сильные примеси в аборигенах этой страны тунгусах и в соседних с нею с юга бурятах».

Свидетельство об енисейском происхождении якутов Аристов находит в наиболее ранних записях их сказаний об Омогое и Эллэе, которые прямо признаются татарами, вышедшими из Красноярского уезда. (Ссылается на «родословие якутов», опубликованное неизвестным автором в «Северном архиве» за 1822 г., на запись Н. Щукина и барона Г. Майделя).

Аристов признает трудным лишь разрешение вопроса о времени переселения якутов на Лену, но, руководствуясь тем, что русские застали их в начале XVII в. довольно многочисленным народом, он время этого переселения относит к эпохе не позже XIII или XIV вв.

В примечании на стр. 332 Аристов допускает ещё второй, более фантастический вариант, образования якутской народности, который несколько противоречит изложенным выводам. Он говорит, что в китайской истории династии Юань (монгольской — Чингис-Хана) имеется сообщение, что император Хубилай в 1293 г. переселил из Енисея в Манчжурию «орду кыргызов» и поселил их в земле Наян в укрепленном местечке Чао-Чжеу (ссылается на соч. Шотта). Это сообщение подтверждается будто бы и архимандритом Палладием, который пишет: «Некогда были в Манчжурии оседлые колонии тюркских племен с Енисея: из киргиз, урянхайцев и хакасы, которых Хубилай перевел (в 1293 г.) в Абалаху по близости к Амуру»⁹⁵.

Аристов допускает, что эти переселенцы состояли из сагайцев и урянхайцев, которые после изгнания монгольской династии из Китая во второй половине XIV в. во время неурядиц, обижаемые монголами, отодвинулись на север и из верховьев Амура ушли на Лену. Эта гипотеза, по мнению Аристова, дает ясную разгадку — почему якуты называют себя «ураангхай-саха». Правдоподобие такого пути якутов на Лену Аристов хотел бы видеть и в том, что имена их легендарных предков Омогоя и Эллэя, можно отыскать в верховьях Амура: «На истоках малого Агуза (бассейн реки Ингоды) есть скалистая вершина, называемая «Еллоо», на которой вьют свои гнезда коршуны-бородачи (по-монгольски еллоо), а на р. Аргуни есть деревня Онохой». (Автор ссылается на Риттера — «Землеведение Азии»).

⁹⁵ Зап. Импер. русск. геогр. общ. по отд. этнограф. Т.4, стр. 446.

Изложенные воззрения Аристова по вопросу о происхождении якутов нужно дополнить ещё одним положением, которое он выдвинул довольно неожиданно в конце своей книги. На основании рассмотрения родового состава различных тюркских племен и исторических известий о них он перечисляет «несколько главных тюркских племен, которые легли в основу существующих ныне народностей». В числе этих главных тюркских племен Аристов намечает большое племя сака, остатком которых являются якуты-саха:

«Племя саха или якуты, составляющее до 230 тысяч душ, главное население северо-восточной Сибири, является остатком древнего тюркского племени, главная масса которого некогда занимала Зап. Тяньшань под именем сака или са, се и закончила свое существование в Индии, оставив по себе следы в Зап. Тяньшани в виде кара-киргизского поколения саяк и на Енисее в виде рода сагай».

Автор не считает нужным представлять какие-либо доказательства. Он, очевидно, основывается лишь на сходстве племенного наименования «саха», «сака» и «сагай».

4. Д. А. КОЧНЕВ

Д. А. Кочнев, автор небольшого монографического исследования «Очерки юридического быта якутов», мимоходом занявшись вопросом происхождения якутов, высказал новую гипотезу об исходе их из Урянхайского края, а в более раннюю историческую эпоху из Туркестана. Автор думает, что «слово ураангхай и история тюркских племен дают некоторый ключ к разрешению вопроса о ближайшем происхождении якутов», ибо якуты называют себя «саха, а в сказках и в старину — ураангхай-саха». Он думает, что по понятиям якутов, «ураангхай относится к слову саха, как общее к частному, как племенное к родовому». Это обстоятельство дает Кочневу основание предполагать, что «якуты происходят от урянхайцев».

В родстве якутов с обитателям Урянхайского края убеждает Кочнева и «несомненная близость языка якутского и урянхайского», о чем он судит со слов проф. Катанова и по тем географическим именам, которые автор почерпнул у Серошевского и Потанина. Например, он географические названия Урянхайского края «Улу-Кем», «Бай-Кем» (названия рек) призна-

ет за «чисто якутские слова»: «улуу-кэм» по-якутски — великая мера, а «бай-кэм» — богатая мера. (Надо заметить, что «кэм» по-уряньхайски значит нарицательное имя «река», а «улуг» — прилагательное «большой, великий», ввиду чего «Улуг-Кэм» значит «Большая Река или «Большой Кэм», а не «великая мера», как думает Кочнев). Название хребта «Тангну-Ола» переделывает в «Танг-на-Уола» и переводит по-якутски «Сын Тангна». (Название Тангну-Ола вероятнее всего монгольского происхождения, ибо «уула» по-монгольски значит «гора-хребет», так что якутское слово «уол» тут не причем). А географические названия, которые не поддаются переводу на якутский язык, например, Косогол и Кобдо, Кочнев объявляет «или совсем неправильно написаны или названия не урянхайские».

Первоначальную родину якутов Кочнев помещает в Туркестане потому, что, якобы, лингвисты «первобытным местом происхождения тюрко-татарского племени считают Туркестан». По мнению Кочнева, когда явился Чингис-Хан и покорил монгольские и тюркские племена, то часть урянхайского народа — якуты «удалились на северо-восток, к берегам Байкала». Проживание якутов около Байкала Кочнев выводит из наличия в якутском языке слова «байгал» со значением море и объявляет:

«Гипотеза о байкальском происхождении якутов теряет свою силу и обращается в гипотезу о временном их пребывании около Байкала». Дальше, опираясь на предание самих якутов, «гласящее, что они убежали от бурят и единогласное мнение исследователей якутов, что они вытеснены в Якутскую область бурятами», автор примыкает к общему мнению об отступлении якутов на север по Лене. Племя сагай в Минусинском крае, урянхайцы Танну-Тувы и ещё какие-то урянхайцы в Северном Китае, по Кочневу, части якутов или «большого племени урянхайцев, вышедших под напором Чингис-Хана и осевших во время пути в названных местах»⁹⁶.

Автор не претендует быть историком якутов и не сопровождает свои общие исторические выкладки о взаимоотношениях турецких и монгольских племен в эпоху Чингис-Хана ссылками на научные источники, а свою гипотезу о происхождении якутов весьма скромно квалифицирует лишь как «приблизительное предположение». Поэтому мы, конечно, не вправе, быть слишком требовательными к автору этой гипотезы, который, не удовлетворяясь высказанными предположениями о далеком прошлом якутов,

⁹⁶ Извест. Общ. археол., истории и эти. при имп. Казанском универ., т. XV, вып. 5—6, 1898 г., стр. 21—29.

намечает новые пути для разрешения этой сложной научной проблемы. Ввиду того, что якуты в своих богатырских былинах и в песнях действительно именуют себя «ураангхай саха», теория урянхайского происхождения якутов, как рабочая гипотеза, конечно, должна была быть высказана. Историческую науку в целом можно уподобить правильно организованной войсковой части, которая имеет своих разведчиков, пробующих пути по разным направлениям. Кочнев выполнил роль одного из разведчиков и наскоро набросал план нового научного марша в сторону урянхайцев. В этом большая заслуга автора. Некоторые его исторические прогнозы безусловно заслуживают большого внимания. Автор по происхождению — вилуйский крестьянин, но объякученный с материнской стороны, ввиду чего якутский язык является для него родным.

«У якутов существует предание, читаем мы у Кочнева согласно с мнением исследователей якутов, что у них была высшая культура, была письменность, которую они утратили во время своего странствования»⁹⁷.

По его мнению, урянхайцы среди тюрков когда-то составляли «большое племя» и упорно боролись с Чингис-Ханом. «Часть урянхайцев покорила ему, а часть удалилась на северо-восток, к берегам Байкала». Таким образом, Кочнев превращает своих якутов в главную часть урянхайцев. Мало того, он даже наделяет урянхайцев званием культурных учителей монголов Чингис-Хана:

«Письменностью обладали почти все племена тюрков, а большей культурностью урянхайцы, так что они одни при дворе Чингис-Хана занимали должности, требующие письменности и способности к управлению»⁹⁸.

Чтобы понять это заявление Кочнева, нужно иметь в виду, что он, опираясь на свидетельство Г. Н. Потанина, отождествляет имена «ураангхай» и «уйгур». Дело в том, что Потанин за время своих этнографических поездок констатировал:

«Дархаты зовут язык урянхайцев уйгурским, а народ их народом уйгурского языка»⁹⁹.

Основываясь на этом факте, Потанин высказывает осторожное предположение, что урянхайский народ можно признать потомками

⁹⁷ Там же, стр. 28.

⁹⁸ Там же, стр. 29.

⁹⁹ Г. Н. Потанин. «Очерки Запад. Монголии». Ч. IV, стр. 13.

древних «хойхоров» (китайских летописей), т. е. уйгуров (там же, прим. 24). Это положение Кочнев распространяет и на якутов, т. е. признает в последних тоже потомков древних хойхоров-уйгуров. В связи этим стоит положение Кочнева:

«Слово уйгур, которым называют урянхайцев, известно и якутам и означает человека дерзкого; с таким же обозначением якуты употребляют и слово ураангхай»¹⁰⁰.

С другой стороны, «действительно слово ураангхай относится к слову саха, как племенное к родовому, что, по-моему, указывает на происхождение якутов от урянхайцев» (уйгуров).

Таким образом, гипотезу Кочнева в конечном итоге нужно квалифицировать, как теорию уйгурского происхождения якутов. Причем, по мнению автора, древние уйгуры были известны у монголов под общим этническим обозначением «ураангхай». В составе же этих урянхайцев-уйгуров было одно племя, именуемое саха, т. е. предки якутов. Своеобразие теоретических воззрений Кочнева заключается в том, что он, не будучи знаком с историей древнетурецкого народа, в частности хойхоров-уйгуров, местожительство последних указывает в верховьях Енисея в современном урянхайском крае, тогда как фактически уйгуры занимали всю Восточную Монголию (Халху) со включением русского Забайкалья, Приангарья и Прикосоколья.

При выработке теоретических воззрений Кочнева, несомненно, оказала огромное влияние ученая среда Казанского университета, в частности устные беседы и информации проф. Н. Ф. Катанова, специалиста по турецким языкам. Катанов в своих ранних научных работах довольно часто высказывался за принадлежность языка урянхайцев и якутов к уйгурской группе. Так, например, в своей лекции «Этнографический обзор турецко-татарских племен» он делал такие сближения:

«Наречия тобольских, тюменских, татарских татар и татар Минусинского округа Енисейской губ. из древних языков ближе всего к языку команскому или половецкому, т. е. к языку того народа, который в XI и XII веках немало беспокоил русских князей».

«Наречия карагассов, урянхайцев и якутов близки из древних языков более всего к уйгурскому, на котором писан, напр., «Кудакту-Билик», ма-

¹⁰⁰ Кочнев. Там же, стр. 27.

нускрипт XI века, найденный в Герате, и для тюркских наречий имеющий такое же значение, какое Остромирово Евангелие имеет для славянских».

В своих «Письмах из Сибири и Восточного Туркестана» о языке урянхайцев он писал:

«Из записанных мною слов видна близость к уйгурскому языку... из родовых имен интересны для меня имена: «соян, кыргыс, уйгур»... «Два сойота рассказали мне 28 марта, что уйгуры жили прежде здесь по р. Бом-Кемчику и Улу-Кему. У них дети стреляли из таких больших луков, каких теперь не могли бы поднять и самые сильные люди. Весь уйгурский народ ушел на юг, куда то в сторону Тыбат (Тибат). Остатки уйгуров — нынешнее племя, называющееся ондар- уйгур или уйгур-ондар и живущее теперь по Бом-Кемчику». «Из данных языка и родовых имен можно вывести, что все урянхайцы — турки, представляющие смесь (уйгур, кыргыс, чоды, соян) и финнов или самоедов»¹⁰¹.

Но позже, когда проф. Катанов приступил к подробной теоретической разработке своих материалов по урянхайскому языку, ему пришлось отказаться от формулированного выше положения о преимущественной близости урянхайского языка к уйгурскому и якутскому, о чем мы будем говорить в своем месте. Это отступление проф. Катанова от прежних своих позиций Кочневу осталось неизвестным, ибо обстоятельная монография Катанова по грамматике урянхайского языка была издана позже выхода в свет труда Кочнева.

5. В. Ф. ТРОЩАНСКИЙ И В. И. ИОХЕЛЬСОН

Гипотезу Кочнева об исходе якутов из Урянхайского края, а в более раннюю историческую эпоху из Туркестана, повторяет в несколько модифицированном виде В. Ф. Трощанский в своей работе «Эволюция черной веры у якутов»¹⁰². Между прочим, проф. Н. Ф. Катанов, написавший предисловие к труду Трощанского, заявляет, что сочинение В. Ф. Трощанского было закончено 25 декабря 1895 г., затем в течение 1896 и 1897 годов оно переписывалось автором набело, но закончить переписку автор не успел, скончавшись 28 января 1898 года. Если руководствоваться этими датами,

¹⁰¹ Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Вост. Туркестана. Прилож. к LXXIII—му тому «Зап. Импер. Акад. наук». № 8, СПб., 1893 г., стр. 2 и след.

¹⁰² Казань. 1902 г., стр. 12—17. Глава II — «Родственные якутам народы. Прародина якутов».

то выходит, что работа Трощанского была закончена за четыре года до появления в печати труда Кочнева «Очерки юридического быта якутов». (Изд. в 1899 г.). Но в упомянутом предисловии Катанова мы находим указание, что работа Трощанского и после 1895 г. «исправлялась и переделывалась» самим автором, а потом «исправлялась» редактором Э. К. Пекарским, который «делал поправки в тех случаях, в которых автор привык полагаться на него, г. Пекарского». С этими неопределенными для нас переделками сочинение Трощанского увидело свет лишь в 1902 г., т. е. через три года по опубликовании работы Кочнева. Вот почему научный приоритет по разработке гипотезы об «урянхое-туркестанском» происхождении якутов мы приписываем Кочневу, а не Трощанскому. Кроме того, мы имеем основание думать, что «Трощанский» — не фамилия подлинного автора названного выше сочинения, а литературный псевдоним другого лица, которое по разным соображениям не захотело объявить свое авторство. Устанавливать личность псевдо-Трощанского в данный момент мы считаем излишним.

Былинное наименование якутов «ураангхай-саха», толкуемое Худяковым в смысле «коренной якут», у Трощанского получает значение «человек из Урянхы», т. е. в последнем слове автор видит не название племени, а страны. Дальше он отождествляет якутов с упоминаемым в сочинении Рашид-Эддина «История монголов» народом ойн-урянха, впрочем, не заглядывая в подлинный текст Рашид-Эддина, а лишь руководствуясь ссылкой на него, Банзарова в его статье «Об ойратах и уйгурах»¹⁰³. Затем и сами обитатели Урянхайского края представляются Трощанскому «киргизами-урянхайцами». По словам Трощанского, у самих якутов будто бы существует предание, что «они пришли из страны, находящейся на три тысячи верст южнее того места, где ныне стоит г. Иркутск. Киргиз Сарабай-Тойон и жена его Сай-Сар, родом татарка, с детьми своими отправились с своей родины на север, Сарабай-Тойон умер в том месте, где ныне стоит г. Иркутск, а жена его с детьми отправилась дальше и прибыла на то место, где теперь стоит г. Якутск». Кто записал это предание, когда, где и от кого, на этот счет автор не приводит никаких данных. Руководствуясь тем же Банзаровым, Трощанский находит в сочинении Рашид-Эддина ещё упоминание о народе хори («относительно которых Банзаров замечает, что

¹⁰³ «Черная вера» и др. статьи. Спб., 1891 г., стр. 82—87.

это нынешние хоринские буряты»), «У якутов же мы встречаем в настоящее время роды и наследи Хоро в Кангаласском и Борогонском улусах Якутского округа, а также и в Вилуйском и Верхоянском округах». По толкованию Худякова, «хоро» — название предков якутов, употребляется также в смысле юг, южный. Ещё брат жены Омогоя, легендарного праотца якутов, называется Улуу-Хоро. (Автор ссылается на запись В. Л. Приклонского). У якутов сохранилось понятие о том, что шаманы говорили «хоро-луу», т. е. на языке хоро; есть у якутов сказочный богатырь Хоро-Дыбырдаан и сказочное животное «Хоро-Тэбиэн». Все эти данные убеждают Трощанского в том, что якутские роды хоро являются частью хоринских бурят, которые вместе с ойн-урянха жили в Урянхайском крае.

По мнению Трощанского, часть урянхайцев («два рода») должна была переселяться вниз по Енисею, где на севере Туруханского края они живут поныне (т. е. якуты Туруханского края), другая часть «через Тункинский проход, по р. Тунке на Ангарау, а затем по Лене», и, наконец, хоринцы «по притокам р. Селенги, берущим начало около оз. Косогол, а затем по самой Селенге, проникли в Забайкальскую область». Из последней группы переселенцев «урянхайцы остались в Селенгинском округе, а хоринцы поселились на северо-западной стороне Байкала». В данном случае под «урянхайцами», очевидно, разумеются роды урянхай среди селенгинских бурят, а под хоринцами, конечно, хоринские буряты. («Северо-зап. сторона Байкала», надо полагать, описка).

Так же, как и Кочнев, Трощанский более раннее местожительство якутов предполагает в Туркестане (русском), ибо, по словам акад. Радлова, «центром оседлого тюркского населения Средней Азии должно безусловно признать долину Заревшана». (Район Самарканда и часть Бухары между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. Г. К.).

Когда хоро-урянхайцы переселились из Урянхайского края в Прибайкалье и дальше на Лену и в Туруханский край, какая сила гнала их на север, обо всем этом автор умалчивает.

Теоретические построения Трощанского по научной аргументации слабее кочневских. Ещё того хуже обоснована у Трощанского т. н. заревшанская прародина якутов, ибо, если даже в имени акад. Радлова видеть своеобразный научный оракул, то Заревшан, «как центр оседлого тюркского населения Средней Азии», ещё не равняется прародине тюркских

племен вообще. Дальше (ч. III, гл. VI наших очерков) мы убедимся, что отождествление ойн-урянха Рашид-Эддина с предками якутов является простым недоразумением. Точно так же и якутские хоро совсем не могут быть приравнены монголам — хоринским бурятам. (Об этом см. 2 том наших очерков).

В частности, ему совсем неизвестно, что урянхайцы называют себя «туба» или более точнее «туба киджи»¹⁰⁴ (последнее слово значит — человек) и что имя «урянхай» привито извне властвующими над ними монголами и китайцами:

«Сами себя урянхайцы называют туба, под каковым именем знали их и китайцы древних времен, называя их дубо...». «Монголы и манчжуры в правительственных бумагах зовут урианхай, за ними и я зову этот народ урянхайским или урянхайцами» (Проф. Н. Ф. Катанов)¹⁰⁵.

«Монголы называют татар северо-восточной Монголии урянха. Те же племена известны у русских под названием саянцев, а у алтайцев и абаканских татар — под именем сойонг... Сами себя эти татары называют тубо». (Академик В. В. Радлов)¹⁰⁶.

В пределах Алтае-Саянскго нагорья «туба» представляет собой довольно распространенное этническое наименование. Так зовут себя и карагассы, откуда происходит и их современное советское название «тофалар» и общее их административное имя «Тофалария» (от «тофа-туба»¹⁰⁷). По свидетельству Радлова, тем же именем «туба» телеуты, алтайцы и урянхайцы называют черневых татар, которые сами называют «йыш киджи», что значит человек черни, гор покрытых лесом¹⁰⁸. Н. М. Ядринцев писал: «Черневые татары большею частью называют себя туба, тубалары или йиш-кижи»¹⁰⁹. Есть род туба у качинских татар. По Радлову, именем «туба» называют койбал и минусинские сагайцы¹¹⁰.

¹⁰⁴ М. Райков. Отчет о поездке к верховьям реки Енисея в 1897 г. Изв. Ими. Русс. Геогр. о-ва, т. XXXIV, вып. IV, стр. 29.

¹⁰⁵ См. Опыт. исслед. урянх. языка. Казань, 1903 г. Предисл. стр.11.

¹⁰⁶ См. «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии». (Перевод с немец.). Томск. 1887г., стр. 11.

¹⁰⁷ См. Проф. Н. Ф. Катанов. «Поездка к карагассам в 1890 г.». Зап. Имп. русс. географ. о-ва по отд. этн. т. XVII, вып. II, стр. 141, а также В. Н. Васильев: — «Краткий очерк быта карагасса». Этнограф, обзор., кн. LXXXIV—LXXXV. Стр. 3 отд. отт.

¹⁰⁸ Радлов. Опыт словаря... т. 3, стр. 497, 1513—1514.

¹⁰⁹ «О алтайцах и черневых татарах». Изв. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1881, т. XVII, вып. 4, стр. 230.

¹¹⁰ Опыт словаря.... Т. 3, стр. 1514.

Так как сойоты называют себя «туба кижии», а черневые татары «туба» или «йыш кижии», сам по себе напрашивается вывод, что слова «туба» и «йыш» когда-то были синонимы и обозначали одно и то же понятие — тайга, чернолесье, горы, покрытые лесом. И, действительно, в якутском языке сохранилось это же слово в палатализованном варианте — «түбэ» с тем же значением — густая, темная тайга, по преимуществу, в долинах горных рек и речек. Э. К. Пекарский в своем полном словаре, ссылаясь на разные источники, дает такие определения:

«Түбэ, түмэ — лесок (роща) из кустарников, лесная чаща (-түбэ-ойуур — Афанасьев), густой лес... чаща, тайга. М. (Это, очевидно, Маак. Г. К.); место, очень густо поросшее по преимуществу мелочью — Ионов; түбэ тыа — дремучий, густой лес над рекою, приречная поляна.— Порядин»¹¹¹.

Якутское «түбэ», по всей вероятности, ответвилось от общетурецкого и якутского же корня «тёбё, тёпё, тэбэ, тэпэ, түбэ — макушка, головка, верхушка, темя. Древние турки гористые и холмистые страны, очевидно, обозначали именем «түбэ». У казанских татар и теперь возвышенные и холмистые места называются «түбэ джир»¹¹², у кара-кир-гиз «дёбё, тёпэ» — холм¹¹³. В древнетурецкой орхонской письменности, по-видимому, от этого же слова происходит название Тибета — «Тюпют», что одновременно обозначает и тибетанца¹¹⁴. Отсюда ясно, что первоначальное нарицательное значение этнического названия «туба кижии» было ни что иное как «түбэ кижии» — горный человек, горец, житель горной тайги, черни. В якутском языке вплоть до наших дней сохранилось аналогичное понятие «тыа киситэ» — человек тайги, каковое выражение очень часто употребляется со значением — отсталый, некультурный человек. Но, с другой стороны, нам хорошо известно, что якутское «тыа» образовалось от древнетурецкого «таг» — гора¹¹⁵. Иными словами, первоначальное значение приведенного понятия «тыа киситэ» было — горный житель, горец. В современном якутском языке этот термин употребляется в отношении обитателей отдаленных окраин и глухих медвежьих уголков, чаще так харак-

¹¹¹ Словарь якут, яз., стр. 2877.

¹¹² См. Радлов. Опыт словаря... Т. 3, стр. 1597.

¹¹³ См. Там же.

¹¹⁴ См. Там же, т. 3, стр. 1596.

¹¹⁵ См. Словарь Пекарского, стр. 2929.

теризуют жители приленской долины население таежных улусов с некоторым оттенком пренебрежения.

Вместе с тем устанавливается, что якутское «тыа киситэ» и древнетурецкое «түбэ кижитэ» или «түбэ кижиги» было синонимы, возникшие в условиях степного быта. Якутские богатырские былины рисуют предков якутского народа как обитателей безграничных степей по преимуществу, на чем мы остановимся подробно во 2-м томе наших очерков. Никем из этнографов и знатоков якутского языка не удостоверяется, чтобы якуты называли себя «түбэ» или «туба». Этим самым опровергается праздное предположение Троцанского о единстве происхождения урянхайцев-тубаларов и якутов. Что же касается названия «уранхай», навязанного тубаларам монголами (между прочим, нижнеудинские буряты и карагасс называют «уранкан»)¹¹⁶, то опять-таки напрашивается простейший вывод: не есть ли имя «уранхай» в современном монгольском языке пережиток от тех отдаленных времен, когда монголы жили в окружении многочисленных турецких племен и обозначили их общим именем «уранхай»? Если дело обстояло так, то и воображаемое родство якутов с туба-урянхайцами ограничивается только принадлежностью тех и других по языку турецкому миру. Происхождение имени «уранхай» и отношение к нему якутов представляет собой очень сложный исторический и лингвистический вопрос, разобраться в котором не так то просто, как это кажется Троцанскому.

В связи с изложенным выше разбором семантики этнического наименования «туба», ответвившегося от нарицательного имени «түбэ» — «түмэ», нелишне отметить здесь несомненное родство с ним названия монгольского племени «түмэт» или «тумат». Так как в монгольском языке замечается тенденция племенные названия передавать во множественном числе, например, баргут, олхонут, кереит, меркит, урянхит, теленгут, баяут, между прочим, и сахаит (от саха)¹¹⁷ и т. д., то и имя «түмэт», «тумат» нельзя ли понять как форму множеств. числа, по грамматике монгольского языка, от того же имени «түбэ-түмэ», «туба-тума»?

Если исходить из анализа племенных названий, вот с кем следовало бы роднить урянхайцев-тубалар» (По-монгольски — тубат-тумат). Но могли ли монголы түмэты быть древними обитателями Урянхайского края и

¹¹⁶ См. Русско-монголо-бурят. словарь И. А. Подгорбунского. Стр. 120.

¹¹⁷ См. История монголов Рашид-Эддина. Введение.

находиться в родстве с его коренными обитателями «туба»? На этот вопрос мы попытаемся ответить в гл. VI 3-ей части наших очерков.

Мы остановимся ещё на последней работе В. И. Иохельсона, который недавно в 1933 г. опубликовал в Америке на английском языке довольно объемистый этнографический очерк о якутах под заглавием «The Yakut»¹¹⁸. Исторические воззрения Иохельсона о прошлых судьбах якутского народа в общем и целом повторяют урянхайскую гипотезу Троцкого.

В. И. Иохельсон в качестве политического ссыльного царской России прожил среди якутов девять лет (1888— 1897 гг.) и был одним из деятельных участников знаменитой сибиряковской экспедиции, организованной по частной инициативе и на средства известного мецената и капиталиста И. М. Сибирякова для изучения быта, главным образом якутов. По программе экспедиции, ему было поручено этнографическое и экономическое обследование якутов Колымского округа и Жиганского улуса Верхоянского округа, но главным образом юкагиров (в лингвистическом, антропологическом и историко-географическом отношениях).

Иохельсон вторично посетил Якутский край в 1900— 1902 гг., состоя членом Американской джезупповской экспедиции. Тогда же он собрал для Американского музея естественной истории довольно богатую этнографическую коллекцию по-якутам.

По-своему основному научному интересу Иохельсон, совместно со своим товарищем по сибиряковской и джезупповской экспедиции — проф. Тан-Богоразом, считается крупным знатоком палеоазиатов Сибири, отчасти и полярных народов Северной Америки. Его главные работы относятся к юкагирам и корякам. Якутами же он и раньше интересовался мимоходом. Кроме упомянутой раньше статьи — «Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении» известен его труд — «Очерк зверепромышленности и торговли мехами в Колымском округе»¹¹⁹ и статья на английском языке в юбилейном сборнике в честь американского этнолога проф. Боаза «Кумысный праздник якутов и декоративная резьба на их кумысных чашах»¹²⁰.

¹¹⁸ Waldemar Wochelson. The Yakut. Anthropological Papers of the American Museum of Natural history V. XXXIII, p. 11. New York. 1933.

¹¹⁹ Спб., 1898 г.

¹²⁰ Kumiiss Festivals of the Yakut and the Decoration of Kumiiss Vessels. New-York. 1906.

Таким образом, в лице Иохельсона мы сталкиваемся с известным якутоведом. Последний труд Иохельсона «Якуты» по широте программы мало в чем уступает «Якутам» В. Серошевского и задуман с очевидной целью восполнить недостатки последнего по новейшим достижениям этнографической науки о якутах.

Сжатое физико-географическое описание Якутского края, его флоры, фауны и демографии по округам и улусам составляет как бы естественное обрамление этнологической по своему основному содержанию работы, посвященной исключительно якутам с их самобытной материальной и духовной культурой. Коренное отличие от труда Серошевского заключается в наличии весьма компактных и содержательных глав по антропологии (82—90 стр.) и языку, т. е. как раз тех разделов якутологии, которые всего дальше продвинуты членами сибиряковской экспедиции. В отношении якутского языка Иохельсон использовал ещё неизданную переработанную грамматику С. В. Ястремского. На протяжении восьми страниц автор ухитряется ознакомить своих читателей в отрывках с якутской грамматикой (фонетикой и морфологией), почему-то пропустив имена существительные и прилагательные.

Глава по антропологии якутов представляет собой в общем пересказ соответствующей части обширной статьи И. И. Майнова «Население Якутии», помещенной в академическом сборнике «Якутия» с небольшими дополнениями самого автора, тоже занимавшегося когда-то антропометрическими измерениями якутов. Дальше — якутский календарь (98 —103 стр.), религия — шаманство (103—123 стр.), семья и род (123—135 стр.), более развернутое описание материальной культуры якутов (135—192 стр.), отдельно искусство. Много внимания автором уделено преданиям якутов об их прошлом, которые приводятся во многих известных в литературе вариантах, позаимствованных, главным образом, из лингвистической монографии акад. В. В. Радлова «Якутский язык в его отношении к тюркским языкам». Но этот фольклорный материал не сопровождается никакими комментариями. Рассуждения автора об историческом прошлом якутов, равно и других народов Сибири, носят аподиктический характер.

Тунгусов и якутов, как и всех монголоидных обитателей Сибири, Иохельсон признает пришельцами с юга. Более ранними обитателями Сибири, по его мнению, были длинноголовые народы, заселившие её с за-

пада. Они постепенно были истреблены монголоидами или растворились в их среде. Это положение будто бы установлено находками археологов. Иохельсон думает, что тунгусы в своей южной прародине обладали высшей культурой и превратились в оленеводов и охотников лишь в пределах холодной Сибири. Тунгусы заселили Якутский край в незапамятные времена, а якуты переселились на север только в течение XIII века новой эры под давлением монголо-бурят, двигавшихся на запад с верховьев Амура. Но распространение якутов за Верхоянский хребет и на восток за Становой хребет автор относит к порусской эпохе (7 стр.).

По мнению Иохельсона, якуты были обитателями западной части Прибайкалья с захватом верховьев Лены с очень давних времен. Но одновременно он подчеркивает, что якутская самобытная культура по своему характеру является степной, центрально-азиатской и что якуты в более раннюю историческую эпоху должны были обитать где-то в пределах северной Монголии. Он ссылается на разноречивые мнения тех или других ученых авторитетов. Академик В. В. Радлов будто бы роднит якутов с сойотами Урянхайского края, академик А. Н. Самойлович включает якутский язык в одну группу с древнеуйгурским наречием, а проф. Б. Э. Петри признает в якутах выходцев из центрально-азиатских степей, где они раньше будто бы находились в деятельных сношениях с Китаем. Рассуждения Радлова автор очень плохо понял, ибо у него мы не находим указаний на родство якутов с сойотами. Как дальше увидим, Радлов отождествляет предков якутов с ойн-урянями, упомянутыми в историческом труде Рашид-Эддина, но помещает их в пределах северной части русского Забайкалья.

В одном месте своего труда (164 стр.) Иохельсон определенно говорит о передвижениях якутов из Минусинского края на восток в пределы Ангары. Очевидно, под Северной Монголией он понимает современный Урянхайский край.

В связи с археологическими находками проф. Петри памятников древнетурецкой письменности в пределах Западного Прибайкалья Иохельсон допускает знакомство предков якутов с енисее-орхонскими письменами. Ссылается и на предания самих якутов об утрате своей письменности.

В общем книга Иохельсона — не самостоятельное научное исследование, — простая компиляция уже добытых знаний о якутах и их историческом прошлом, которые признаются автором более или менее достоверными и доказанными прежними исследованиями¹²¹. Поэтому нет никаких оснований переходить здесь к критическому разбору выставленных им тезисов, которые им самим научно не обоснованы. Достаточно будет ограничиться констатированием того факта, что Иохельсон примыкает к известным нам гипотезам минусинско-урянхайского происхождения якутов, очевидно, признавая их господствующими в современной историко-этнографической литературе о якутах.

6. ПРОФ. В. И. ОГОРОДНИКОВ

Проф. В. И. Огородников — первый университетский преподаватель истории Сибири на её собственной почве. В течение нескольких лет со дня открытия Иркутского государственного университета (с 1918 г.) он занимал кафедру по истории Сибири и читал студентам систематический курс лекций, которые в сжатом виде были изданы им в 2-х частях под заглавием «Очерк истории Сибири». Первая часть этого очерка целиком посвящена истории дорусской Сибири. В этом отношении проф. Огородников делает большой и принципиальный шаг вперед по сравнению с прежними историками Сибири, которые в своих общих курсах уделяли внимание только истории порусской Сибири, понимая её как дополнение общерусской истории. Огородников, определяя «задачи изучения сибирской истории», прямо заявляет: «Русскому владычеству в Сибири предшествовала много-

¹²¹ Нельзя не отметить слишком преувеличенное представление Иохельсона о ценности и значении раскопок проф. Петри в деле установления прибайкальского этапа якутской истории.

Иохельсон заблуждается и относительно опубликованных Петри пряслешков из каменного угля с орхонскими письменами, полагая, что они принадлежат к составу раскопчного материала самого Петри. На деле эти пряслешки представляют из себя случайный подъемный материал, добытый посторонними лицами. Заслуга проф. Петри заключается в отыскании этих находок и опубликовании их. И этого вполне достаточно для признания огромного значения археологических работ Петри в деле прояснения древней истории якутского народа, ибо на отысканных им пряслешках расшифровываются слова якутской речи. (О расшифровке орхонских письмен, заключающихся в двух пряслешках, опубликованных Петри, см. статью финляндских лингвистов Кая Доннера и Марти Резенена в жур. финно-угорского общ. т. XV, 2 за 193) г. под заглавием «Zwei neue türkische Runeninschriften» и рецензию автора этих строк в оборон. «Язык и Мышление» 1, за 1933 г. Ленинград, 170—173 стр. под заглавием — «Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья».

вековая история туземной Сибири... В настоящее время эта древняя история остается совершенно неизученной, а между тем с нею неразрывно связан вопрос об исторических судьбах упомянутых народов, из которых многие и до сих пор живут в Сибири. Из такого положения нас может вывести только научная самостоятельность сибирской истории и её всестороннее изучение» (стр. 2).

Огородников, повторяя исторические взгляды Миллера и Фишера, указывает на «тесную зависимость древней истории Сибири» от тех великих перемен и переворотов, которые происходили внутри центрально-азиатских степей и что, кроме того, Южная Сибирь с древнейших времен входила в состав различных кочевых государств степной Азии (ч. I, стр. 130.).

В нашу задачу не входит критика всех исторических построений проф. Огородникова, тем более с точки зрения марксистских установок, но мы не можем согласиться с его утверждением, что и все коренные оленеводческие и охотничьи племена Сибири, финно-угры в её западной половине и тунгусы в восточной части, являются на занятой ими территории сравнительно недавними пришельцами. Если, например, в тунгусах, эвенках и эвенах признать типичных оленеводов и охотников, то для развития этой формы хозяйственного быта трудно было бы даже и представить себе иной, более приспособленный самой природой, естественный плацдарм, чем вся северная половина Сибири, включая сюда и полосу тундры. А у Огородникова все сибирские тунгусы имеют «прародину» где-то в Манчжурии и в Южном Приамурье. Оттуда в первые века н. эры они двигаются на север, чтобы заполнить затем всю восточную половину Сибири (так же ч. I, стр. 180). Проф. Огородников вообще боится исканием «прародины» для всех племен и народов и доводит до полнейшего абсурда теорию буржуазных ученых о вечных миграциях и переселениях народов, презюмируя эти явления как не что само собой разумеющееся. Миграции и переселения в истории, конечно, имели место, но в каждом отдельном случае они должны быть точно доказаны и обоснованы общими или местными законами развития и распространения культуры.

Переходя к изложению истории якутов в дорусскую эпоху, конево-дов по преимуществу, расселившихся теперь весьма разбросанно на огромном пространстве среднего бассейна Лены, Яны, Индигирки, Колы-

мы, Оленека, Анабара и Хатанги, проф. Огородников отыскивает для них на юге лесистую и гористую прародину не то в лесах северного Урянхая, не то в гольцах Восточных Саян в районе южного Прибайкалья. Отсюда в XIII—XIV веках выталкивают их монголо-буряты, двигаясь из Забайкалья по южному берегу Байкала. Движение в западном направлении для якутов почему-то оказывается запретным, и они держат путь на север, где им предстояла ещё борьба с тунгусами¹²². Огородников в районе Прибайкалья во владение предков якутов отводит землю размерами чуть ли не с ладонь или с одну бычью шкуру, тогда как они по своей численности почти равны современным бурятам, которые в момент русского завоевания, как известно, занимали и Забайкалье и Предбайкалье. Надо заметить ещё, что якуты и буряты, вместе взятые, по данным современной статистики, равняются двум третям туземного населения всей Сибири. Следовательно, эти племена в истории дорусской Сибири должны были бы играть довольно заметную роль, хотя бы в смысле распоряжения землей. Не приходится при этом упускать из виду и то обстоятельство, что турецкие и монгольские скотоводы управлялись не обособленными родами, как это имело место у охотников и рыболовов, а большими группами родов, которые сплошь и рядом превращались в общеплеменную организацию феодального типа. Но о возможности сохранения у якутов-скотоводов феодального строя, вынесенного ими из южной родины, у проф. Огородникова нет, конечно, и в помине. Остановливаясь на общественной организации древних якутов он, по традиции ранних русских историков, предпочитает говорить об «орде»: «якуты пришли на север целою ордою». (Там же, 271 стр.). Во всем следуя Серошевскому, допускает также «родовые союзы», как объединение нескольких родов, связанных между собой единством происхождения и хозяйственными интересами. (Там же, 275). Анализ общественной организации древних якутов профессор кончает великорусской патриотической тирадой, позаимствованной у Пекарского¹²³, вложенной в уста самих якутов: «Недаром теперешние якуты, вспоминая о своем далеком прошлом, говорят: «Если бы мы не подпали под власть русских, то непременно в конце концов перерезали бы друг друга» (276

¹²² См. «Очерк истории Сибири». Ч.1, стр. 143, 163-164 и 182-183.

¹²³ Э. К. Пекарский и Г. Ф. Осмоловский. «Якутский род до и после прихода русских». Пам. кн. Якут. обл. 1896 г., вып. 1, стр. 25.

стр.). Иными словами, до прихода русских все якутские роды или родовые союзы находились в состоянии вечной войны друг с другом.

Имея пред собой историка-специалиста, мы вправе также выразить удивление по поводу переселения якутов из Предбайкалья при преемниках Чингис-Хана, когда вся территория Южной Сибири целиком вошла в состав Монгольской империи, разделенной на уделы и правильно организованной в смысле управления. Могли ли якуты, живя под боком исторического Каракорума, быть независимыми от властителей тогдашней Монголии, мощное влияние которых чувствовали даже в далеком Ватикане, не говоря, конечно, о тогдашней Руси, Сирии, Кавказе и т. д. Самовольный уход якутов на север пришлось бы квалифицировать как явный бунт против власти могущественных тогда чингизидов. Точно так же и сепаратные войны бурят с якутами были бы нарушением прерогативы названных властителей, державцев полумира, на суд и расправу по делам всех своих подданных. Если нужно и необходимо говорить о переселении якутов из Предбайкалья на Лену, то всего целесообразнее отводить этому событию время до окончательного оформления Монгольской империи или же в самый разгар военных столкновений, непосредственно предшествовавших возвышению самого Чингис-Хана.

Дальше, переселение якутов-скотоводов на север в зону оленеводческого хозяйства, Огородников представляет себе по образцу библейских картин, сорокалетнего странствования израильского народа по пустыне Аравийской.

«Кочевники-якуты двигались на север сплоченными ордами с кибитками и скотом, и потому одерживали верх над храбрыми, но разрозненными противниками». (Там же, стр. 183.).

Однако, в живой действительности, если бы якуты действовали по указанному рецепту Огородникова, то они, вероятно, потеряли бы весь свой скот. Дело в том, что в пределах Якутского края быки и коровы не могут существовать в зимнее время подножным кормом, да и табунам конного скота вряд ли поздоровилось бы, ибо в диких лесах горных хребтов верхнего бассейна Лены кроме оленных стад бродячих охотников иной домашний скот пастись не может. Весь свой рогатый скот в течение 8-ми месячной зимы якуты всегда кормили запасами сухого, летом накошенного сена. Иначе говоря, в стране, занятой якутами, возможно только осед-

лое скотоводство, ибо там естественных лугов, заготовленных самой природой, почти не существует, годные пастбища тоже весьма ограничены и встречаются незначительными клочками или даже точками, отыскание которых само по себе требует от человека огромного труда и усилий.

Затем переселение якутов на север Огородников представляет себе в виде одноактного действия, как если бы шла речь о передвижениях маленького цыганского табора: все якуты разом поклонились своей прибайкальской родине и обрели новую там, где раньше бродили лишь олениводы, охотники и рыболовы.

В предисловии проф. Огородников говорит о больших трудностях, с которыми было сопряжено «научное построение истории Сибири, особенно дорусской», которое до него отсутствовало, и просит «смотреть на его труд, как на одну из немногих попыток научного обследования вопросов краевой истории и снисходительно относиться к способу её выполнения». Утверждения вполне справедливые, ибо первые опыты конкретного изображения давно прошедших исторических событий, тем более у бесписьменного народа, не могут быть вполне удачными. Будем благодарны проф. Огородникову, как бывшему представителю университетской кафедры, за его гражданское и ученое мужество — начать дело научного познания древней истории «неисторических» народов первобытной Сибири.

7. ПРОФ. Н.Н. КОЗЬМИН

Перейдем теперь к изложению взглядов проф. Н. Н. Козьмина, последнего, пожалуй, и наиболее авторитетного сторонника гипотезы минусинского происхождения якутов, ибо он во всех своих работах обнаруживает обширную осведомленность не только по истории Сибири и этнографическому описанию её народов, но и по древней истории кочевых народов Центральной Азии. Козьмин касается происхождения якутов в нескольких своих работах и обычно мимоходом разбираясь в исторических судьбах других народов¹²⁴.

¹²⁴ «Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае». Изв. Вост.-Сиб. отд. Русс. геог. общ. за 1916 г., стр. 47—48, 57—58, «Туба» — в «Сибирских записках» за 1918 г. «Хакасы» —

В южном происхождении якутов Козьмин не сомневается, ибо принадлежность их к группе тюркских народов сама по себе свидетельствует о приходе «не с севера и не с востока, а с юго-запада». Разрешая вопрос об их древней прародине и ближайших родичах, он придает очень важное значение племенному наименованию:

«Якуты, как известно, называют себя соха или саха, в зависимости от того, говорит ли человек на «окающем» или «акающем» наречии. Их со-родичи, живущие в Минусинском крае, отчетливо окают и поэтому произносят свое имя, по крайней мере, в единственном числе «соккы» с большим нажимом на «о» и гортанный звук. Во множественном числе это слово уже не произносится с таким отчетливым повышением голоса на «о»: может слышаться «сахалар».

«Соки — это один из наиболее многочисленных сёоков (костей) или племен северо-абаканских и июсских турков, наряду с каш (кашинцы, качинцы в русском словоупотреблении), ара (аринцы), туба (тубинцы), тиин (тинцы), частых (или ястых-ястинцы), кыргызы, бюрют, ызыр (езерцы) и др.» Дальше Козьмин сообщает о делении соки на белых сахалар (ак соки) и черных сахалар (хара соки).

По мнению Козьмина, на этих минусинских соки, как на родичей якутов, указывали ещё Миллер и Фишер и «странно, почему существование этого племени ускользнуло от внимания позднейших исследователей». Аристов и Серошевский имя «саха» сопоставляли с «сагай», что, по мнению Козьмина, ошибочно: «Очевидно, тут играла роль близкая созвучность имен... Сагаи принадлежат, надо думать, к другой, хотя и турецкой же, племенной группе».

Эта теория отождествления минусинских «соки» с якутами «саха», как мы доказывали раньше, не заключается в исторических построениях Миллера и Фишера, но тем не менее, вопреки мнению Козьмина, она и не является большой новостью, ибо ещё у Н. Щукина мы читаем:

«Теперь между татарами качинскими, обитающими в Енисейской губ. по р. Енисею и Абакану, есть род, называющийся доныне соха или сохалар. До пришествия русских кочевал он на равнинах по речке Каче в окрестностях Красноярска. Легко могло стать, что часть рода соха под

1925 г. 16—17, 21—23 стр. «К вопросу о расселении бурят около Байкала» — «Сибирская живая старина». 1925 г. и «К вопросу о происхождении якутов-сахалар» в «Очерках по изучению Якутского края». Вып. 2, 1928 г.. стр. 5—14.

предводительством Омогоя отделилась от главного племени и пошла искать степей для кочевий»¹²⁵. На эти же соха-сохалар ссылался и Козьмов.

Щукин своих красноярских соха ведет по Енисею и вверх по Ниж. Тунгуске на Вилюй и на Лену, а проф. Козьмин приводит их в места современного обитания якутов через Ангара и верховья Лены. Итак, в построениях проф. Козьмина мы имеем дело с иной вариацией щукинской гипотезы.

Руководствуясь показаниями русских исторических актов, Козьмин утверждает, что род соки в XVIII веке входил в состав т. н. Кубанова аймака, ввиду чего представители рода соки и теперь иногда причисляют себя к роду кубан. На северном Алтае по реке Бии живут кумандинцы, которые делятся на роды: со и кубан. Отсюда Козьмин умозаключает:

«Ясно, что это те же соки и кубан, что и в абаканско-иусских степях».

«Абаканские и алтайские сахалар входили в состав тех енисейско-алтайских кыргызских государственных образований, которые в жестокой борьбе с русскими за свою независимость дотянули до первого десятилетия XVIII века».

Среди якутов Козьмин находит след существования еще одной кости или рода, который констатируется теперь в Минусинском крае:

«На Лене встречаются названия урочищ и селений — «Ары», «Аринская», указывающие на название кости ара у абаканских инородцев и аринцев. Часть «яринцев» русские застали вместе с кашинской ордой, а другую, вероятно, увлекли с собой и ассимилировали сахалар».

Козьмин думает, что в древние времена Урянхайский край, долина южного Енисея (Минусинский край) и Алтай — «в этнографическом, а периодами и в политическом отношении представляли одно целое». Когда-то это была цветущая и культурная страна. Минусинский край и Урянхай проф. Козьмин отождествляет с государством «Хакяньсы» или «Хагас», описываемым в китайских летописях, которое позже было известно в тех же летописях под именем «Ки-ли-кидзе» (т. е. киргиз). Страна «кыргысов» упоминается и в орхонских надписях, датируемых первыми тремя десятилетиями восьмого века. По словам Козьмина, хакасы-кыргызы принимали участие в международной торговле с среднеазиатскими государ-

¹²⁵ «Поездка в Якутск». 2 изд., стр. 273.

ствами и даже с арабами: «Их вооруженные отряды сопровождали торговые караваны арабов по среднеазиатским дорогам». «Страна кыргызов много вывозила и ввозила, как об этом свидетельствуют предметы, найденные в могилах или просто в земле».

«Русские застали здесь... руины когда-то могущественного и культурно-оригинального государства хагасоз-кыргызов».

Переселение якутов-сахаларов из долины Енисея на Ангарау Козьмин объясняет экономическим и торговым кризисом в стране хакасов-кыргызов, наступившим в связи с изменившейся конъюнктурой тогдашнего мирового рынка: «Византийская империя с её рынками была поколеблена сначала междоусобицами, войнами с персами, потом подверглась разгрому со стороны арабов... Арабские государства были не в состоянии продолжить византийскую торгово-культурную миссию. Возникают торговые флоты Венеции и Генуи. На севере создается Ганзейский союз. Выращивает торговое значение Великого Новгорода и варяго-русских приднепровских княжеств. Все это расстраивало значение среднеазиатских торгово-политических организаций. Население их беднеет. Появляются голодные банды наездников, начинается передвижение кочевых орд... Затем открываются морские пути в Индию и Китай. Жизнь на севере замирает. Интенсивная культура падает. Оросительные каналы забрасываются... Скотоводство мало дает предметов для вывоза... Начинается усиленная погоня за единственным, не утрачивающим никогда значения и весьма легким, удобным для транспортирования товаром — мягкой рухлядью, т. е. дорогими мехами...».

«Из киргизской земли начинается отлив не находящего для себя достатка населения. Так уходит вероятно значительная часть сахаларов. Они продвигаются со своими стадами на северо-восток и занимают балаганские, кудинские и верхоленские степи».

«За ними продвигаются кашка-каштар». (Это предки будущих карассов. Г. К.).

Приведенные цитаты взяты из работы Н. Н. Козьмина «Д.А. Клеменц и историко-этногр. исследования в Минусинском крае». То же самое он повторяет и в поздней работе «Хакасы» (стр. 14—16) и добавляет: «В этом — ключ к пониманию политических условий Минусинского края».

Из приведенных рассуждений Козьмина трудно установить приблизительную дату, когда в пределах Хакасии-Киргизии разразился экономический кризис и её население стало отливать из Енисея на Ангару в погоне за мягкой рухлядью. Войны Византии с персами происходили в первой четверти VII века, с арабами во второй половине того же века и в VIII веке, оживление торговли Великого Новгорода и приднепровских княжеств относится к IX—XI векам, Ганзейский союз возникает ещё позднее.

Ещё непонятнее то, что сохалары, по Козьмину, в начале VII века уже проживали в Предбайкалье, ибо он отождествляет их с одним народом, описанным в китайских летописях под именем «гулигань». По сказанию китайских историков, «гулигане» кочевали «на северную сторону Байкала», (Это территория южных уездов б. Иркутской губ.) И их старейшины представлялись китайскому двору в 629 и 647 гг.¹²⁶

Проф. Козьмин думает, что сохалар-гулигане прожили около Байкала до начала XIV века, когда с востока из-за Байкала проникли буряты и вытеснили их на север, на Лену. На Лене якуты должны были столкнуться с народом, который в китайских летописях обозначается под названием мохэ. В последнем профессор предполагает юкагиров. Кроме того, он допускает, что «в области Енисея и Приангарья» обитали котовы или катуан, остатки которых сохранились до наших дней под названием «енисейцев «кет» или «енисейских остяков». «Таким образом у якутов должна быть примесь крови котовской и юкагирской».

Тунгусы же, по мнению Козьмина, двинулись на север не ранее второй половины XIII и первой половины XIV века, т. е. почти одновременно с якутами.

Признав в якутах исконных обитателей Алтае-Саянской области и переселенцев из Минусы на Ангару, Козьмин высказывается за принадлежность якутов-гулигань к группе уйгурских народов, описываемых китайцами в составе 15-ти племен, и заявляет: «Гулигань были, видимо, в тесных сношениях с соседними уйгурскими соплеменниками». (Надо заметить, что центром уйгуров является бассейн Селенги и Орхона и вообще современная Халха. Г. К.).

Свою последнюю статью, посвященную специально происхождению якутов, Козьмин заключает такими словами:

¹²⁶ См. Иакинф Бичурин. «Собрание сведений о народах Средней Азии и т. д.» Ч. 1, стр. 375, 439-440.

«Открывается любопытное обстоятельство близкого родства якутов с частью, во всяком случае, племенных групп Алтая и верхнего Енисея. Эти близкие родственные связи, вероятно, окажутся в результате изучения ещё более расширенными».

Перейдем теперь к кратким критическим замечаниям.

I. Козьмин усматривает тождество имен «сокы» и «сахы». Чтобы сблизить эти имена, он допускает существование окающих и акающих якутов: одни говорят «соха», а другие «сахы».

В своей последней статье профессор сознается: «Набрасывая заметки, автор не имел под рукой справочников и пособий, цитаты и ссылки сделаны на память; возможны поэтому неточности».

Это, конечно, очень плохо. Так вот во всех справочниках значится, что племенное наименование якутов «сахы» не допускает каких-либо вариаций в коренных гласных. Это обстоятельство Козьмин мог бы узнать из словаря, приложенного к грамматике акад. Бётлингера, изданного 80 лет тому назад, из «Краткого русско-якутского словаря» Э. К. Пекарского, изданного в 1916 г. (стр. 241), наконец, при желании он мог бы заглянуть и в соответствующий выпуск большого словаря того же автора, вышедший за два года до написания им своей статьи о происхождении якутов и своевременно присланный в Иркутск в библиотечку ВСОРГО. Пекарский рискует сопоставлять имя «сахы» лишь со словами «сага» и «джага»¹²⁷. Радлов приводит лишь тюркскую параллель «йаха», соответствующую якутскому «сага» — граница, край, воротник¹²⁸.

Точно так же ни в одном лингвистическом справочнике Козьмин не найдет указания на то, чтобы слово «сахы» подвергалось закону оканья и аканья. Да и вообще в тюркских наречиях, среди них и в якутском диалекте, нет и не может быть абсолютного закона оканья и аканья, ибо в указанных языках конституция коренных гласных отличается удивительным постоянством и лежит в основе их лексикологии. Именно потому, как дальше увидим, академик Радлов, основываясь на некоторых отклонениях якутского языка в коренных гласных от общетюркского типа, заподозрил в якутах народ не тюркского происхождения. Если бы якуты в один прекрасный день заокали и заакали во всю, то они перестали бы понимать

¹²⁷ См. Словарь якут. яз. Стр. 2134.

¹²⁸ См. Die jahutische Sprache и т. д., стр. 53.

друг друга и отличать коня «ат» от травы и сена «от», глагол «толкни» — «ас» от глагола «ос» — исцеляться, существ. имя «сор» — несчастье от птицы «сар» и т. д. Если лингвисты и говорят, что одни якутские улусы окают, а другие акают, то в основе этого подразделения якутского наречия на говоры лежит разное произношение очень немногих слов, которых вряд ли наберется и два-три десятка.

Якутское племенное наименование «саха» вполне закономерно может быть сопоставлено лишь с именем «сагай», ибо согласные звуки, как заметил и сам Козьмин, в тюркских наречиях всегда колеблются в пределах известного фонетического сродства. Аристов и Серошевский, конечно, правильно сопоставляли имена «саха» и «сагай», ибо здесь имеет место не только «близкая созвучность имен», но и вполне безукоризненная закономерность в переходах согласных звуков. (Ср. приведенные выше лингв. справки Пекарского и Радлова). Самое слово «соха» для якута непроемкое сочетание звуков. За два года до написания разбираемой нами статьи Козьмина Н. Н. Поппе в своей «Учебной грамматике якутского языка» успел популяризировать все основные достижения грамматических исследований якутского диалекта и дал точную формулировку, господствующего в нем, закона последовательности или «гармонии гласных». (Стр. 16— 17). В якутском языке:

«За «а» может следовать только «а» или «ы», за «о» может следовать только «о» или «у».

Иначе говоря, если в первом слове слова стоит гласный звук «о», то в следующем слове якут может выговорить лишь гласные «о» или «у»: «со-хо» или «со-ху», а сказать «соха» у него не повернется язык. Последовательность гласных в якутском языке была точно установлена ещё акад. Бётлингком, работа которого популяризирована в грамматических трудах С. В. Ястремского (см. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898 г., стр. 6).

II. Кроме того, для обоснования своей исторической гипотезы Козьмин совершает точно такие же насилия над фонетическими законами и абаканских наречий. По его толкованию, имя «соки» во множественном числе выговаривается «с резким гортанным звуком» и с переменной коренного гласного, а именно — сахалар, т. е. точно так же, как и множест. ч. якутского «саха — саха-лар». Перемена коренного гласного при прибавле-

нии аффикса множ. числа в тюркских наречиях, хотя мы и не можем хвалиться знанием и пониманием грамматических явлений, нам представляется слишком большой новостью. Во всяком случае, в сознании рядового работника, обязанного руководствоваться общеизвестными научными пособиями, это явление никак не укладывается. По поводу мн. числа имени «соххы» ниже мы увидим безукоризненную лингвистическую запись не только профессора-турколога, но и абаканского тюрка по происхождению, Н. Ф. Катанова: «Соххы-соххылар».

Точно так же и переход во множ. числе согласного «к» в «х» в слове «сохы-соххылар» существует только в воображении самого проф. Козьмина, ибо, если лингвисты и пишут «соккы», то это — не точная передача тюркских звуков русскими буквами. В тюркских текстах проф. Катанова в слове «соххы» и «соххылар» (ед. и мн. ч.) стоит буква-знак глухого заднеязычного согласного, передаваемого особой буквой, похожей на русское «к» с длинной спинкой. Все якутологи, следуя научным заветам акад. Бётлингга, этот же самый общетюркский звук передают русской буквой «х». Ещё проф. А. Н. Самойлович, указывая на тождество бётлингковского «х» в якутском диалекте с общетюркским заднеязычным взрывным согласным «к» (с длинной спинкой), рекомендовал писать «сака» — якут, а не «сах»¹²⁹. Следовательно, в записях проф. Катанова «соккы» нужно произносить «соххы»¹³⁰. В наших собственных записях среди абаканских тюрков везде стоит «сохы» и «соххылар», т. е. почему-то наше ухо не улавливает удвоение согласного «х».

Итак, имя интересующего нас рода абаканских тюрков в единственном и во множ. числе звучит соххы-соххылар. Это обстоятельство чрезвычайно важно для семасиологии слова «соххы» и отыскания его якутского аналога.

III. Существительное имя «соххы-сохха» в абаканских, алтайском и киргиз-казахском диалектах имеет точное и бесспорное нарицательное значение, а именно, ступка, стук¹³¹. Койбалы же, по Радлову, сохранили это же слово в форме «согах» или «соох»¹³². Вместе с тем становится яс-

¹²⁹ См. его предисловие к «Краткому якут. словарю» Пекарского. Петроград, 1916 г., стр. X.

¹³⁰ См. Катанов. «Отчет о поездке, соверш. с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский окр.» Учен. зап. Казанск. ун-в. за 1897 г. Отд. «Унив. летопись». Стр. 43 и 44.

¹³¹ Радлов. Опыт словаря, т. 4, ст. 523.

¹³² Там же, ст. 528.

ным, что это нарицательное имя происходит от глагола «сох» — бить, ударять. Наричательное имя «соххы-согах» сохранилось и в якутском диалекте.

В словаре Пекарского читаем:

«Согах (от сох+ох; ср. тюрк. согах, соох, сохха — ступка, осм. соху палка или шест для вталкивания чего-нибудь внутрь).

Ступочный пест; мелен (деревянный пестик, коим трут или мелют табак в ступке); ступа, ручная баба для убивания земли».

«Сох (гл.) (ср. суохай, тюрк., сох — бить, ударять, толочь в ступке) толочь в ступке»¹³³.

Мы думаем, что и якутское слово «сохсо» — плашка, ловушка, западня (для лова мышей и зайцев), по всей вероятности, находится в генетической связи с глаголом «сох» — бить, ударять, ибо это орудие лова как раз и основано на внезапном ударе зверя тяжестью гнетка — «баттык».

Что же получается в результате наших простых сверок в существующих «справочниках и пособиях» по языкам тюркских племен?

Название приабаканского рода «соххы», м. б., даже и «сохха», оказывается, не бог весть, какое мудреное слово и представляет из себя название обиходной вещи — ступки для толчения чего-либо, распространенное от Абакана вплоть до Каспийского моря. А якуты перенесли то же самое слово на пест или пестик, которым толкут в деревянной ступке «кэлии». Таким образом, если языковеды давным давно разыскали смысл и значение родового названия «соххы» с его якутским аналогом, то имела ли какая-либо надобность натягивать и равнять его с племенным названием якутов — «саха»?

IV. Дальше проф. Козьмин усматривает лингвистическое родство названия кости «ара», «аринский» у абаканских тюрков с названием «уро-чищ» и «селений» у якутов — «арыы» и «аринская». Этот аргумент Козьмина ещё того менее заслуживает внимания, ибо он основан на простом неведении якутского языка. Пишущий эти строки сам является уроженцем местечка, носящего название «Тиит-Арыы». От этого географического термина происходит и название русского селения «Тит-Аринская станция», на что, вероятно, обратил внимание Козьмин. Есть у якутов даже целые наслеги, в название которых входит слово «арыы», например, «Хатынг-

¹³³ Слов. якут. яз., ст. 2259 и 2295.

Аринский» в Намском улусе Якутского округа, а географических названий с этим добавлением действительно очень много: Тоён-Арыы, Улуу-Арыы, Хатынг-Арыы, Кумах-Арыы и т. д. Однако, ларчик здесь открывается очень просто. Дело в том, что по-якутски «арыы» значит «остров», а также и «масло», и все географические имена, интригующие проф. Козьмина, без исключения являются названиями тех или других ленских островов с добавлением нарицательного слова «остров». И обитатели таких островов иногда именуются по названиям последних, отсюда проистекают — «хатынг-аринцы», «тит-аринцы», «тоен-аринцы»... Несколько русских селений по берегу Лены тоже получили название по именам противолежащих ленских островов. Ясно, конечно, что якутские «арыы» и «аринцы» не могут иметь чего-либо общего с названием кости или рода абаканских турок.

Неудачные опыты лингвистических сопоставлений и выкладок проф. Н. Н. Козьмина убеждают нас в том, что без хорошего знания якутского языка вообще довольно рискованно пускаться в дальнейшее плавание в поисках потерявшихся родичей якутов, тем более имея заявление одного, по словам Э. К. Пекарского, из лучших знатоков этого языка Димитриана Попова — «якутский язык неисчерпаем как море»¹³⁴.

V. Основная ошибка проф. Козьмина и многих других исследователей, роднящих якутов с турецким населением Алтае-Саянского нагорья, заключается в игнорировании лингвистической науки. Если якуты вышли из Минусинского края или Урянхая, то языковеды должны были констатировать ближайшее родство якутского наречия с приабаканскими и урянхайским диалектами. Может ли историк отыскивать ближайшую родню якутов в этих областях, не спрашивая заключения знатоков турецких языков о том, в какой степени родства и близости находятся якутский и турецкие наречия обитателей верхнего бассейна р. Енисея? В следующей главе мы убедимся, что тюркология на этот вопрос давно дала свой отрицательный ответ. Конечно, этнографы в праве противопоставить лингвистическому методу установления родства народов свой этнографический метод, который заключался бы в сравнениях и сопоставлениях, нравов, обычаев, верований, героического и богатырского эпоса, материальной культуры и т. д. Если бы этнографы собрали такой сравнительный материал, родня-

¹³⁴ Э. К. Пекарский. Якут. словарь. Предисл., стр. 11.

щий якутов с минусинскими турками или урянхайцами, то, м. б., и лингвисты пересмотрели показания своей науки.

По поводу тождества имен «саха» и «сагай», весьма возможно, и трудно возражать, но это обстоятельство отнюдь не обосновывает минусинского происхождения якутов при отсутствии лингвистических и этнографических данных, устанавливающих близкое родство якутов с турками Южного Енисея. Численность собственно «сага'ев» в Минусинском крае незначительна, чтобы проицировать проживание там же якутов-саха, народа, превышающего двести тысяч душ. По данным 1863 г. в главном местожительстве сагаев — в ведомстве Аскызской степной думы числилось:

Сагаев	1-й половины	- 804 муж. 302 жен.
Сагаев	2-й половины	- 753 муж. 307 жен.
Итого 1557 муж. 609 жен.		

(В. Радлов. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Перевод с нем. 1887 г., стр. 4).

По данным 1889 г. их значится немного больше:

Сагайский род 1-й половины	- 1888 д. об. п.
Сагайский род 2-й половины	- 1832 —
Итого 3720 д. об. п.	

Эти данные приводит проф. Н. Ф. Катанов¹³⁵. Несколько позже он же приводит другие цифры, относящиеся к 1896 г., а именно:

В обоих сагайских родах	- 1402 муж. 1365 жен.
Итого 2767 душ об. п.	

По словам Катанова, в ведомстве Аскызской инородной управы значится 12 родов, из них только два рода носят собственное название сагай, хотя в официальных бумагах ещё 8 родов тоже значатся сагайцами же, один род называется бельтирским и один койбальским. Во всех 12-ти родах Аскызской управы число всех душ 15736. Из них:

Собственно сагаев	- 2767 д. об. п.
Официальн. сагаев	- 7642 д. об. п.
Бельтир	- 4384 д. об. п.
Койбал	- 943 д. об. п.

¹³⁵ Н. Катанов. Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ. Учен. зап. Казанского унив. за 1897 г., кн. III.

Таким образом, из десяти тысяч офиц. сагаев только четвертая часть может рассматриваться как настоящие сагайцы. При этих условиях мы были бы вправе предположить, что сагайцы являются в Минусинском крае пришельцами откуда-то со стороны, которые влились в незначительном числе в гущу туземных турок и усвоили их наречие, обычаи и нравы.

От яблони ветер сорвал одну веточку и носит её где-то вдали от породившего дерева. Мы находим в долине южного Енисея саха'йскую или сагайскую веточку и вопрошаем: «Каких холмов, какой долины ты украшением была?».

Почем знать, может быть, сорвали её исторические бури, когда сахайское дерево цвело на берегах прозрачной Ан гары или ещё ранее в степях Монголии? Но мы считаем абсолютно неприемлемым исканием корней племени «саха» там, где очутилась одна его веточка.

Историк не вправе забывать одно весьма знаменательное обстоятельство, а именно, то, что между древностью якутского народа и современной этнографической картой Сибири лежит бурная эпоха владычества чингисханидов, когда мятущиеся народы или их остатки, попав в водоворот исторических событий колоссального масштаба и силы, носились по волнам точно щепки и могли приткнуться к совершенно неведомым берегам. А движение чингисханидов захватило всю Южную Сибирь.

В той части Южной Сибири, которая прилегает к открытым степным районам Западной Сибири, как убедимся дальше, и продвижение русских завоевателей и колонизаторов тоже было чревато перемещениями и разбеганием в разные стороны многих туземных народов. А в числе мест, задетых этим движением, безусловно относится и Минусинский край.

VI. И относительно ещё более незначительного рода «сохы» при более внимательном изучении его прошлого нетрудно установить, что и он не принадлежит к аборигенам Минусинского края.

Козьмин полагает, что «соки — это один из наиболее многочисленных сюёков или племен северо-абаканских и июсских турок наряду с каш (качинцы)...». Он не приводит никаких данных об их численности, чтобы мы могли определить удельный вес этого рода в составе минусинских турок. Мы не можем согласиться с расширением сюёка (кости) соххы до понятия целого племени, тем более с уравниванием его с «кашкачинцы». Рад-

лов в упомянутом выше «Этногр. обзоре...» об абаканских татар дословно пишет следующее:

«Западными соседями камасинцев являются, так называемые, абаканские татары, которые распадаются на четыре племени: качинцев, сагаев, койбалов, и кызыльцев»¹³⁶.

Следовательно, каш-качинцы, действительно — племя, а что же представляет из себя соххы?

По словам того же Радлова, сюёк, помимо своего пря мого значения — кость, значит «род»¹³⁷. Сам же Козьмин приводит слова одного «сахалар» (читай — соххылар), подтверждающие толкование Радлова: «Сохы это есть как у русских фамилия». Между прочим, качинские татары и мне лично в 1925 г. давали точно такое же разъяснение: «сюё- гюнг кимдир», раньше спрашивали у нас прежде всего, вместо теперешнего — «как твоя фамилия». На мой вопрос, много ли у вас сюёков, ответили: «Да много, сорок однако есть», — хотя и не смогли насчитать их больше десятка наименований. Очевидно, многие сюёки забылись, так как старинные родовые подразделения давно утратили свое практическое значение. Кое-какие следы этих древних родовых делений сохранились в связи с религиозными обычаями. Каждый сюёк имел, видимо, своего определенного духа-патрона, которому для постоянного почитания посвящался конный скот определенной масти, т. н., изых (у якутов — ытык). Например, мне при перечислении разных сюёков обязательно присовокупляли масть присвоенного им изыха. Сюёку сух-харга — вороная масть, ах-хасха — рыжей, аары — бурый изых (кюрэнг), хыргыс — голубой масти, сохы — белой масти и т. д.

Таким образом, ясно, что в древности сюёк представлял из себя сравнительно небольшой кровно-родственный союз (впрочем, чаще фиктивный). Иными словами, сюёк есть след древних мелких подразделений народа. В настоящее время члены одного сюёка б. ч. не сохранили своего прежнего единства и территориальной близости, а живут смешанно в составе различных административных делений порусского происхождения.

Итак, о сюёке нельзя говорить как о племени. Хотя в виде редкого исключения могут быть и такие случаи, когда название сюёка может ука-

¹³⁶ См. Перевод с немец. яз. самого же Козьмина. Иркутск. 1929 г., стр. 6.

¹³⁷ Опыт словаря. Т. 4, стр. 571.

зывать на племенное название, если племя почему-либо распалось и представлено одним или двумя маленькими родами. Якутская практика, например, доказывает, что части крупных подразделений народа, присоединяясь к другим его отделам, обычно утрачивают свое мелкое родовое название и становятся известными под именем той крупной единицы, к которой они принадлежали прежде. Так якуты, убежавшие на Вилюй из разных улусов Борогон, Мэнгэ, Хангалас, обычно составляют среди вилюйчан мелкие роды с упомянутыми улусными именами. Если же беженцев из одного улуса было много, то они сохраняют свои былые мелкие родовые названия. И среди минусинских тюрков наблюдается аналогичное явление. Остаток племени хыргыс, после прихода русских укочевавшего в Монголию, носит сюёковое название хыргыс, хотя в составе последнего он мог принадлежать к роду другого наименования. Но это явление представляет из себя исключительный случай, который отнюдь не доказывает, что каждый современный сюёк обязательно должен рассматриваться как остаток целого племени. Иными словами, род есть род, а не племя. И род есть ни что иное, как маленькое административное деление, не современное, а старинное, племени качинцев. Проф. Катанов пишет:

«Кости (колена) качинского племени: пюрют, каска, ызыр, ара, сарыг и соккы». О происхождении соккы у Катанова читаем:

«Что же касается кости соккы, то она пришла с костью нюрют из Красноярска»¹³⁸.

О происхождении же всех качинцев, в их составе, конечно, и Соккы Радлов сообщает следующее:

«Остатки подданных хана Кучума были вытеснены с Иртыша направшими на них русскими к северу от Томска вплоть до Енисея, где часть их осела на Каче, около Красноярска. Когда киргизы были вытеснены из Абаканской долины, упомянутые татары продвинулись к югу, в долину верхнего Енисея и осели в главной своей массе между Абаканом и Юсом севернее Аскыза. Потомки этих последних ещё теперь называют себя каас (каш, кач) и подведомственны Качинской степной думе»¹³⁹.

¹³⁸ См. Цитир. выше его отчет.

¹³⁹ См. «Этногр. обзор». Переводы Козьмина и неизв. автора.

Может быть, проф. Козьмину удастся доказать, что его соххы не были в составе беглецов с Иртыша и что они — коренные обитатели приабаканских степей?

Мы позволим себе привести здесь, записанное нами самими в 1925 г. с уст качинского татарина из рода хара-соххы, Василия Антонова, 65-ти лет (Ойошинского сельского общества Чебаковского района), предание о том, как у них впервые учредили изых. Рассказ интересен не только с исторической точки зрения, доказывая правильность сообщения Радлова, но и с этнографической. Он рассказывал по-русски на ломаном языке, лишь изредка прибегая к татарским фразам:

«Изых ставится, когда захворает кто, что (бы) он спасал все семейство от болезни... Изых ставится айна (чорту), ...как сохы радились, так и изых родился... Сохы жил Иртыш сугда (Ирт. реке) около Тобола, сохы там жил... Ребятишки три парня было и один девка. Девка старшая. Старшего брата звали Кюёх-Сохы (Голубой Сохы), Ах-Сохы (Белый С.) — среднего, Хара-Сохы (Черный С.)—младшего. Девку сватали, она не хотела... Составилась. Многие сватали. Хотела за всякого выйти, но другие не хотели. Стала старой...»

«Русские стали теснить, хазахтар (так называют русских — «казаки»). Хазахтар убивают... Кучум сдался, давай татарлар бить... (В это время) сестра старшая на постели лежала. И вот братья бежать, взяли скот, детей бросать жалко, но сестру не могли. Пришли на Качу (речка около Красноярска) с женами, детьми. Живут на Каче... Вдруг явилась (оставшаяся) сестра... Видят, что сестра. У них голубая жеребая кобылица осталась там. Проглядели на Тоболе. Явилась на голубой кобыле, братьев догнала... Живая ли, мертвая... (Здесь рассказчик, видимо, откликается на мой вопрос и не умеет ответить, в каком виде явилась оставшаяся сестра). Вот изых начался... Енисей река, лодка нет. Опять русские пришли... По Енисей верх (бежали). Остановились. Сестра умерла на Каче. Братья остановились в степи. Потом уже ребятишки хворать начали... Заплачет, умирает. Вот три брата шомана (пригласили)... Вот, говорит, ваш изых... Ваша сестра стала «айна буолварган» (чортом сделалась)... Вас догнала и дети пропадают. Своих же ест... Вам изых нужно поставить — ой хызрах. (Это место мною не понято, видимо, речь идет о каких-то приметах конного скота). Если не

поставите, то все помрете, сестра съест... У ней кобыла, на которой ехала, пропала, поэтому она требует кобылу той же масти...»

«Когда шоман изых ставит, коню кланяется, ты нас спаси, айна не давай... Бог другой (отвечает на мой вопрос, не спасает ли бог)... Все обращаются в сторону коня и кланяются».

(В скобках мои дополнения, поясняющие мысли рассказчика. Многоточия означают непонятые мною части, когда рассказчик, затрудняясь выразить свою мысль по-русски, переходил к татарскому языку. Остов рассказа и существенные элементы мифологического сюжета мною хорошо поняты, ибо речь идет о знакомых мне религиозных воззрениях древнетурецких кочевников, которые особенно отчетливо сохранились у якутов).

Итак, соххы проф. Козьмина, оказывается, поздние пришельцы из Западносибирских степей, пригнанные на Енисей постепенным наступлением русских завоевателей. Может быть, в их составе имеется значительная примесь киргиз-казахов. М. И. Райков (автор небольших этнографических работ), родом качинский татарин, получивший филологическое образование и практически знакомый со многими турецким и наречиями (проживал в русском Туркестане и в Закавказье), на мой вопрос: «С представителями каких племен вам, качинцам, легче всего разговаривать», ответил: «Лучше всего понимаем киргиз-казахов».

Минусинские сагай и качинцы-соххы-лары на вопрос о том, не являются ли они аборигенами долины южного Енисея, были бы вправе перефразировать слова известной русской песни:

«С Орхона, Толы, с Иртыша
Собралися мы сюда...»

VII. Переселение якутов из Южного Енисея на Ангарау проф. Козьмин объясняет разрушением торговых связей Хакасии с внешним рынком и перемещением мировых торговых путей и центров, в результате чего «жизнь на севере замерла», «появились банды голодных наездников» и «начались передвижения кочевых орд».

Проф. Козьмин безусловно переоценил значение торговли в быту древних кочевников. Караванная торговля того времени ни в коем случае не могла бы захватить жизненные интересы массы кочевого населения, чтобы в результате её прекращения начался экономический кризис. Древ-

няя торговля при караванном сообщении на большие расстояния по степям, наполненным воинственными кочевниками, никогда не могла получить значение решающего экономического фактора. Торговали тогда, главным образом, предметами роскоши, в которых нуждались лишь верхушки народа. Поэтому мы никак не можем согласиться с утверждениями Козьмина, что расстройство караванных торговых путей вызвало голод среди кочевников и их внутренние перемещения. В построениях автора заключаются и логические неувязки. По его мнению, вслед за разрушением внешней торговли внутри Хакасии начинается усиленная погоня за «мягкой рухлядью» — дорогими мехами и якуты-сахалары со своими стадами переселяются на Ангару, очевидно, чтобы накопить там целые амбары этой валютной ценности. Дорогая пушнина в те времена, вероятно, была единственным экспортным товаром из таежной Сибири. Поэтому обрыв внешних торговых связей означал бы, как раз наоборот, уменьшение спроса на пушнину.

Скотоводческий народ благоденствует тогда, когда имеются для его скота обширные и плодородные пастбища. Скот размножается, жиреет, дает молоко, масло, шерсть, мясо, служит средством передвижения, и древний скотовод, конечно, был вполне доволен своей судьбой. Это простое положение киргиз-казахи не так давно выражали характерной поговоркой: «Зачем нам трудиться, коли бык скачет на корову».

Было бы иное дело, если проф. Козьмин доказал, что в долине южного Енисея в результате перемещения мировых торговых путей случилось перенаселение, теснота и малоземелье. Тогда мы бы поняли, что якуты-скотоводы в поисках более просторных и удобных пастбищ потянулись на восток в бассейн Ангары. Но проф. Козьмин вряд ли возьмется доказывать это положение. Минусинский край и теперь слывет «житницей Сибири», а в эпоху древнего номадизма тем более существовали там все условия для процветания экстенсивного скотоводческого хозяйства. Любой специалист по экономической географии Сибири приведет цифровые данные, иллюстрирующие плодородие и богатство просторов долины южного Енисея, как в отношении скотоводства, так и земледелия. А Приангарский край ни раньше и ни теперь не мог бы выдержать сравнения с округами Канска, Красноярска, Минусинска и Ачинска. И этот богатый край к моменту прихода русских завоевателей почти пустовал так же, как

и территория соседней Томской губ. в её старых пределах. Если бы якутскотководы были коренными обитателями долины южного Енисея в пределах русских владений, с чего ради они полезли бы на восток через дикую тайгу и хребты, чтобы сменить «синицу на ястреба?» Перенаселения там не было, политические бури, который иногда вызывают перемещение народов, исключаются и самим проф. Козьминым.

Итак, по поводу воображаемых переселений древних якутов из округов Минусинска, Канска и Красноярска на Ангара, мы должны сказать: «От добра добра не ищут, от овса кони не рыщут».

VIII. В исторических прогнозах проф. Козьмина заключается ещё одно серьезное внутреннее противоречие.

Он знает, что некоторые лингвисты причисляют якутский язык к уйгурской группе. Радлов, например, в одной из ранних работ писал:

«Язык карагассов указывает на влияние тюркской стихии отличной от качинской, стоявшей в близком родстве с сойотской или якутской, словом, одного из колен уйгурских, живших прежде на юге. Они, по-моему мнению, смешались с качинцами, в недавнее время переселившимися сюда в небольшом числе с запада»¹⁴⁰.

Проф. Козьмин недавно снова перевел эту статью Радлова и издал в Иркутске, находя, что мы «не имеем равного обилию и строгой точности записей историко-этнографического материала, относящегося к т. н. сибирским турко-монголам». Но приведенное выше место он почему-то счел необходимым выбросить, хотя это обстоятельство не помешало ему позаимствовать мысль Радлова, что карагассы перемешались с качинцами, переселившимися «в недавнее время» с запада. Радлов, конечно, имел ввиду передвижение качинцев на восток под напором русских завоевателей, гнавшихся за ними с Иртыша, а у Козьмина каш- качинцы переселяются в древние времена вслед за «соха- ларами» — якутами.

Надо иметь ввиду, что Радлов в своих последних работах о якутском языке совершенно отказался от приведенного выше положения о принадлежности якутского диалекта к уйгурской группе. Это обстоятельство, очевидно, осталось неизвестным Козьмину. Тогда же Радлов в своих этнографических очерках Aus Sibirien¹⁴¹, разбираясь в данных китайской истории,

¹⁴⁰ «Этногр. обзор и проч.». Перевод с немец, неизв. авт. Томск, 1877 г., стр. 2.

¹⁴¹ Т.1, стр. 134.

высказался, что якуты, «вне всякого сомнения, идентичны с народом гулигань, описанным в ки тайских летописях в первой половине VII века и проживавшим тогда на западной стороне Байкала. (Об этом подробно см. в наших очерках ч. 3). Академик Радлов позже отказался и от этого положения, а его большой поклонник афиширует теперь ранним откровением своего учителя: «На западной стороне Байкала жили гулигань или якуты-сахалар»¹⁴².

«Гулигань вполне обычная китайская транскрипция турецкого названия курыкан»¹⁴³.

«Но якуты-курыканы, по-видимому, как и соседние тубинцы, принадлежали к уйгурской группе. Некоторые лингвисты-тюркологи, (например, Катанов) якутский язык относят к этой группе». (Там же).

Историческое положение о тождестве якутов с гулиганами китайских летописей впервые высказано вполне категорически Радловым, а мысль о принадлежности якутского языка к группе уйгурских, как увидим дальше, он до поры до времени позаимствовал у венгерского турковеда Германа Вамбери (см. об этом дальше). Вероятно, опираясь на тот же источник, высказывался и Катанов. Подробно ознакомившись с якутским диалектом и проф. Катанов, по-видимому, отказался от сближения его с уйгурским языком.

Проф. Козьмин не только замалчивает прикосновенность акад. Радлова к теории уйгурского происхождения якутов, но и, выбрасывая соответственное место в новом издании его «этнографического обзора», способствует забвению научной заслуги Радлова в прояснении исторического прошлого якутского народа. Вольно было самому Радлову отказываться от своей, безусловно верной, исторической позиции, но последующие исследователи якутской проблемы не вправе вновь открывать уже открытые Америки. Но главная беда проф. Козьмина заключается, однако, не в этом моменте.

Он не замечает того простого положения, что, присоединяясь к теории принадлежности якутов к народам уйгурской группы и отождествляя их с гулиганами китайских летописей, в корне подрывает и разрушает свою собственную гипотезу о минусинском происхождении якутов. Проф.

¹⁴² «К вопросу о времени переселения бурят в Прибайкалье».

¹⁴³ «К вопросу о происхожд. якутов».

Козьмин знает, что всех уйгурских племен, или гаогюйцев, описанных китайскими историками, было 15 и в числе их — гулигане. Подписавшись под этим положением, Козьмин для уяснения происхождения якутов и их древних переселений должен был установить центр уйгуризма и места, занятые ими. Эти исторические разыскания привели бы его к очень простому положению: уйгурами или гаогюйцами в китайских исторических летописях назывались те турецкие кочевники, которые когда-то занимали почти всю современную Монголию от Хингана вплоть до Тарбагатая и Джунгарии, а также и северо-западные окраины Китая. Но центром уйгуризма, по преимуществу, была современная Халха, а ещё более точнее — бассейн Селенги и Орхона. Эти реки, как известно, текут с юга на север, протекают через озеро Байкал и дальше продолжают свой путь в океан под названием Ангары, Можно ли сомневаться в том, что Приангарский край искони веков находился в сфере влияния тех самых воинственных кочевников, которые господствовали, можно, сказать, в верхнем течении Ангары? Если степная Халха со времен глубочайшей древности была бушующим кратером вулкана народов Монголии, то Приангарский край был его преддверьем или глубоким тылом, куда обычно спасались остатки разбитых и потрепанных степных племен. Вот почему историк должен придти к выводу: бряцание сабель, звон мечей, свист стрел и боевых копий, раздававшиеся в степях, прилежащих к Орхону и Толе, были постоянно слышны на берегах Ангары и так или иначе должны были отражаться на судьбах её обитателей. Минусинский край, по сравнению с Приангарьем, конечно, был тихой обителью и укромным уголком. Следовательно, в древние эпохи нужно предполагать передвижение племени народов от Ангары на запад, а никак не наоборот.

Итак, Н. Н. Козьмин сам же постарался аннулировать свою гипотезу минусинского происхождения якутов, подписавшись под положением некоторых языковедов, что якуты суть гулигане китайских летописей и должны принадлежать к группе уйгурских племен. Это обстоятельство он узнал позже, но не решился пересматривать свою старую гипотезу о переселении якутов из Минусы на Ангару в погоне за мягкой рухлядью.

IX. Переселение якутов в бассейн Лены проф. Козьмин приурочивает к концу XIII и началу XIV веков, когда они должны были столкнуться с бу-

рятами, двигавшимися из-за Байкала. Мы позволим себе задать уважаемому профессору следующий вопрос:

Если якуты «соха-лар» переселились из долины Южного Енисея на Ангару, то почему же они под натиском бурят двигавшихся с востока, не повернули свои оглобли назад - на Кану, Енисей и Абакан, где жили их соплеменники соххы, койбалы, бельтиры и енисей-остяки? Неужели таежная Лена, где в те времена обитали жалкие оленеводы охотники и рыбаки, якутам-скотоводам показалась краше, богаче и привольнее «житницы» современной Сибири?

Как мы должны закончить критический разбор работ проф. Н. Н. Козьмина по вопросу происхождения якутов? Имеют ли они какое-либо положительное значение?

Мы думаем, что исторические воззрения Козьмина составляют необходимое звено диалектического развития той маленькой научной дисциплины, которую мы называем якутской историографией. Иногда то или другое непонятное явление лучше уясняется, если подойти к нему с обратной стороны. (В математике этот метод называется «доказательством от противного» и применяется тогда, когда нет прямых путей для решения трудной задачи или теоремы). Проф. Козьмин по вопросу отыскания исторических корней якутского народа как раз и продемонстрировал этот законный и вполне научный прием. Он заострил минусинскую гипотезу и подвел под неё все необходимые свай. Теперь каждый сторонник может любоваться ею в законченном виде. Затем проф. Козьмин, на один миг прислушавшись к голосам лингвистов, перешел на такую историческую позицию, которая представляет из себя естественный «пат» для главного представителя минусинской и вообще енисейской гипотезы. Он, идя обратным путем, как нельзя лучше доказал, что исторические корни якутского народа нужно искать не на запад от Ангары и Байкала, а только на востоке или юго-востоке от этих мест, т. е. за Байкалом. И в этом — непреодолимое научное значение теоретических прогнозов проф. Козьмина, этого вполне заслуженного сибироведа и историка-ориенталиста, по интересующему нас вопросу. Из борьбы мнений рождается истина — старая истина.

Х. Мы закончили обзор работ тех авторов, которым дали условное наименование «поздних историков» якутского народа. Помимо уже про-

деланной нами работы по ознакомлению с каждым из этих авторов в отдельности вряд ли имеет ся какое-либо основание подводить ещё и общие итоги по всей группе этих историков. Мы уже имели возможность указать, что в основе более ранних литературных высказываний о происхождении якутов и их древней как бы «прародине» лежали, главным образом, толки в среде русских старожилов г. Якутска, которые рождались, так сказать, сами по себе в результате усвоения ими сказаний самих якутов об их легендарных прародителях,— Омогое и Эллее.

Мы позволим себе заключить нашу главу о «поздних историках» маленькой фактической справкой, сохранившейся в рукописях быв. якутского прокурора Д. М. Павлинова. Она помещена в IV томе «Трудов комиссии по изучению Якут. Авт. Сов. Соц. Респ.»¹⁴⁴. Павлинов извлек из какого-то якутского архива рукопись, относящуюся к XVIII в., составленную «колл. ассес. Эверстом, бывшим в Якутске 10 лет расправным судьей и колл. асс. Горловским, бывшим в Якутске исправником, начиная с 1781 г.», и сделал сообщение о Якутском статистическом комитете на заседании от 16 мая 1875 г. по поводу её довольно любопытного содержания.

Она представляла из себя неофициальное дело, а частные бумаги с заметками на разные темы.

Подлинная рукопись упомянутых авторов конца XVIII века, очевидно, погибла, сохранились только краткие извлечения, сделанные из неё Павлиновым. Но для наших целей представляет большой научный интерес лишь одна небольшая часть этой исторической рукописи, озаглавленная «Происхождение якутов». Вот её точное содержание по извлечению Павлинова:

«Слово якут, данное русскими, произошло, от дже хот, куда (?) не уйдешь (?), которое якуты употребляли в битвах с русскими. Прямое же название якутов — уранхай-саха. По преданию, они отделились от народов, населявших западную сторону Уральского (Аральского?) моря, дошли до Тунки и соединились с бурятами; некоторые ушли в Китай, где и ныне называются урянхи. Можно думать, что сагай, живущие ныне в Красноярском уезде, того же происхождения. Подтверждением преданию служит сходство в счислении и именовании месяцев с киргизскими тех киргизов, которые живут при (Аральском?) море. Названия: хоринцы, баягантайцы,

¹⁴⁴ Ленинград. 1929 г., стр. 44.

сортамы указывают на совместную жизнь с бурятами; кангаласцы — на переселенцев Архангельской губ., живших прежде у Белого моря.

Вражда разных родов на новых местах повела сначала к преобладанию кангаласцев, а потом — к покорению их русскими».

Это, конечно, не научная работа о происхождении якутов, а несомненно письменно зафиксированное предание или устный сказ, что не отрицается и самими авторами, хотя он и не простонародного происхождения, но тем не менее элементы народности, выраженные, главным образом, в простоте, наивности и прямолинейности всех суждений в нем — налицо, как, например, производство этнического термина «якут» от якутских слов «джэ куот» — ну же, уекай (а не «куда? не уйдешь», — как переводят сами авторы, пытаясь по-своему осмыслить элемент легенды) или «архангельское» происхождение якутских кангаласцев...

Итак, мысль о родстве якутов «саха» с минусинскими сагайцами, с урянхайцами Танну-Тувинского края на почве сближения известных этнических наименований «урянхи-сойоты» и якутское «ураангхай-саха», а также якутских родов «хоро» с бурятскими «хори» в разобранной нами исторической литературе отнюдь не является большой новостью. Эти положения теперь нужно рассматривать как элементы издавна бытующего русского старожильческого фольклора, родившегося впервые, по всей вероятности, в среде объезженных казаков г. Якутска, как выражение их собственного этнического полуякутского, по материнской линии, самосознания. Если нужно искать родоначальников минусинско-урянхайских гипотез происхождения якутов, то таковыми являются упомянутые выше судья Эверст и исправник Горловской. Рукописи Павлинова, как известно, находились в распоряжении членов Сибиряковской экспедиции. Следовательно, рассмотренные выше гипотезы Троцанского и Иохельсона представляют из себя лишь более развернутое изложение старорусской легенды.

Глава III

ЗНАТОКИ ТУРЕЦКИХ ЯЗЫКОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ

1. АКАДЕМИК ОТТО БЁТЛИНГК (О. VÖNTLINQK)

После трудов Миллера-Фишера на развитие якутской историографии большое влияние оказало турецкое языкознание, а именно, разработка сравнительной грамматики турецких языков и накопление материала по их лексическому составу (составление словарей). И в том и в другом отношении, по общему мнению специалистов, особенно повезло якутскому наречию, изучение которого в грамматическом и лексическом отношении идет впереди очень многих не первостепенных турецких диалектов.

«Начало вполне научному исследованию языков тюркского семейства было положено трудом по якутской грамматике академика Отто Бётлингка»¹⁴⁵.

Таким образом, именно с грамматического изучения якутского языка началось сравнительное турецкое языкознание. В связи с этим вполне понятно, что со времени выхода в свет труда Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg. 1851», вопросом происхождения якутского языка и племени начали интересоваться знатоки турецких языков.

Хотя лингвистический интерес не всегда совпадает с историческим, и сильно расходится по применяемым методам, тем не менее историк якутов обязан внимательно прислушаться к мнениям авторитетных лингвистов не только по специальным вопросам языка, но даже и по вопросам общего исторического характера, ибо при разработке истории безписьменного народа данные языка являются самым главным и надежным научным источником.

Академик Бётлингк, очевидно, принадлежал к тому разряду лингвистов, которые не любят выходить за пределы своей узкой специальности. В этом отношении его великая скромность вполне гармонирует с громким авторитетом, заслуженным им в области его специальных познаний. Во

¹⁴⁵ См. проф. Н. И. Ашмарин. Из его доклада на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку. Стен. отч. 1926 г., Баку, стр. 143.

вве дении к своему труду он, едва затронув вопрос о происхождении и историческом прошлом якутов, неожиданно заявляет: «...Об этом... подробно говорит мой ученый друг и коллега Миддендорф в 4-м томе своего «Путешествия в Сибирь» о переселении якутов в Сибирь, об их распространении, нравах и обычаях., используя источники, которые частью не были в моем распоряжении, а отчасти, м. б., не достаточно проработаны и оценены мною, то я осмеливаюсь отослать читателя к нему». Иными словами, по мнению Бётлингк, даже натуралист более компетентен разрешать вопросы о прошлом и настоящем якутов, чем узкий лингвист. Вот почему Бётлингк чрезвычайно скуп по части научных прогнозов об историческом прошлом якутского народа, но тем не менее по интересующим нас вопросам, он успел высказать несколько положений, на которые уполномачивали его специальные лингвистические интересы и познания.

Из приведенной выше цитаты уже видно, что Бётлингк не признает в якутах аборигенов Сибири, ибо якуты когда-то переселились в Сибирь откуда-то извне. По вопросу якуто-монгольских взаимоотношений Б. пишет:

«Предание, что якуты и буряты некоторое время жили в тесном соприкосновении, удостоверяется не только языком якутов, содержащим множество монгольских слов и некоторые грамматические окончания, по-видимому, позаимствованные из монгольского языка, но и их физическим типом».

Для историка якутов более ценно общее заключение Бётлингк о взаимоотношениях якутского языка с остальными турецкими наречиями, в частности, с языками южносибирских тюрков:

«Из прилагаемого сочинения читатель может усмотреть, что между известными, кроме якутского языка, членами тюркской фамилии значительно меньше различия, чем у каждого из них с якутским. Язык языческих татар в Сибири, сколько я знаю из материалов, сообщенных мне Кастреном, кажется, также ближе к языку мугаметанских татар, нежели к языку христианских якутов. Если якуты, действительно, первые, как я полагаю, отделились от прочих членов своей фамилии, то, может быть кстати было бы назвать это многочисленное семейство языков турецко-якутским»¹⁴⁶.

Здесь Бётлингк довольно ясно высказывается за большую древность образования якутского языка и народа. Его слова можно истолко-

¹⁴⁶ См. «О языке якутов». Учен. зап. Акад. наук по I и III отд., т. I, вып. 5, стр. 415.

вать даже в том смысле, что единый «пратюркский» язык сначала разделился на две ветви — турецкую и якутскую. А значительно позднее турецкая ветвь расчленилась на целый ряд поднаречий, которые и существуют ныне в виде всех известных турецких диалектов за исключением якутского, который менее подвергся процессу эволюционных изменений и существует доныне в виде самостоятельной половины древнетюркского двуединого языка. Иными словами, об якутах с их языком нужно говорить, как о старотюрках, а об остальных турецких племенах и диалектах, как о младотюрках.

Если лингвистические воззрения Бётлингка о месте якутского языка среди прочих турецких диалектов перевести на язык истории, то выходит, что носители якутского языка и культуры в древнейшие эпохи общетурецкой истории до переселения на север могли обладать гораздо большим удельным весом и, весьма возможно, являются остатком какого-то крупного пратурецкого народа.

Другое замечание Бётлингка о большей близости языка «языческих татар Сибири» к языку магометанских татар нежели к якутскому наречию тоже чрезвычайно важно для историка якутов. Судя по ссылке Бётлингка на лингвистические материалы Кастрена, под языческими татарами Сибири нужно разумеать минусинских татар (ныне хакасы), карагаасс и сойот-урянхайцев. Кастрен, изучивший языки турецких племен Южной Сибири до написания якутской грамматики Бётлингка, неоднократно заявлял, что сойоты по языку очень близки к минусинским татарам (качинцам), а в особенности к карагассам и что все эти народы — единого происхождения.

Таким образом, лингвистическое заключение Бётлингка включает близкие родственные связи якутов и их наречия с турецкими народами и языками всей Саянской горной области со включением сюда же и Урянхайского края. У Бётлингка мы находим и прямо выраженное отрицательное отношение к историческим гипотезам, роднящим якутов с турецкими племенами южного Енисея:

«Якутов хотят производить от одного маленького рода с подобным названием (саха) качинцев. Это мнение кажется мне более, чем сомнительным»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Бётлингк. Там же, немец. текст. Введение, XXXIX стр.

Итак, академик Бётлингк своим грамматическим трудом давно сигнализировал всем исследователям, интересующимся прошлыми судьбами якутского племени, о тщетности попыток помещать его раннюю родину в южных пределах б. Енисейской губ. и в Урянхайском крае, ибо в указанных областях проживают турецкие племена иного происхождения и языковой группировки. Но, как мы знаем из предыдущего изложения о различных гипотезах происхождения якутов, предостережение акад. Бётлингка все ещё остается гласом вопиющего в пустыне. Историки якутов придают больше веса суждениям неспециалистов о, якобы, близком родстве якутского языка с татарским, чем авторитетному заключению отца научной туркологии.

Сам Бётлингк, не решаясь самостоятельно разрешать чуждые для него исторические проблемы, по вопросу происхождения якутов, очевидно, солидаризуется с Миддендорфом и признает в якутах поздних переселенцев в Сибирь из монгольских степей, которые проследовали на север после длительной остановки в пределах западного Прибайкалья, где они проживали в близком соприкосновении с бурятами. Напомним здесь слова Миддендорфа о древнем местожительстве якутов:

«Кырса.., которое у монголов означает степную лисицу — корсака, а якутами глубокого севера... песка... Это убедительно говорит в пользу появления якутов из безводных степей». Дальше, коснувшись остатков старинного быта якутов — кумысных праздников «ысыах», хорового пения якутов и проч., Миддендорф пишет: «Такие остатки прежних понятий и порядков, тем более, казалось мне, имели значение в этнографическом отношении, что со временем ближайшее знакомство с народами Средней Азии все-таки может нам дать возможность вывести положительные заключения, которые могут указать на первобытные сношения и место пребывания якутов. Что они относятся к чрезвычайно отдаленным временам, это нам показали исследования Бётлингка»¹⁴⁸.

«По первоначальному месту своего пребывания якуты были коневодами. Такими хорошими наездниками, содержащими по несколько тысяч лошадей, какими их знал уже старик Витцен, они и доселе ещё остаются в главных местах своего пребывания. Овечьи стада, которые без сомнения

¹⁴⁸ А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Коренные жители Сибири. Стр. 769, 792—793.

были у них в первобытных местах пребывания, совершенно погибли в лесистой полосе севера»¹⁴⁹.

Вот согласованное мнение двух маститых авторов по вопросу прародины якутов и времени их исхода «из безводных степей», где они были, по преимуществу, коневодами, хорошими наездниками, и имели овечьи стада. О времени исхода якутов из степей в лесистую полосу Сибири можно лишь сказать, что это имело место в «чрезвычайно отдаленные времена». Бётлингк уступал право и приоритет высказать эти положения своему «ученому другу», конечно, по той простой причине, что последний путешествовал по Якутскому краю, видел самих якутов в живой обстановке и имел возможность присматриваться к их быту и нравам. В самом деле, было бы довольно смешно пророчить о прошлых судьбах якутов, не глядя на них, на основании голого лингвистического материала.

Первую серьезную разработку якутской проблемы мы нашли в исторических трудах Миллера-Фишера. Любопытно отметить, что окончательные выводы этих авторов о далеком прошлом якутского народа нашли подтверждение в трудах знаменитого лингвиста прошлого столетия, основательно изучившего якутский язык.

Другое, не менее важное, значение грамматического исследования Бётлингка в деле развития якутской историографии заключается в том, что он вместе с грамматикой создал научную транскрипцию для якутского языка. Наличие безукоризненного научного алфавита дало возможность накапливать материал для составления якутского словаря, первый опыт которого был показан самим же Бётлингком. В настоящее время мы уже имеем полный словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским. Последний эпиграфом к своему труду взял следующие весьма знаменательные слова:

«Язык племени — это выражение всей его жизни, это музей, в котором собраны все сокровища его культурной и высшей умственной жизни». Если дело обстоит даже на половину так, то в словесном богатстве якутского языка мы вправе видеть важнейший источник, на основании которого может быть построена и научная история народа носителя этого языка. В данном случае под языком народа нужно разуместь, конечно, не простой набор слов с разъяснением их значения, но, главным образом, их

¹⁴⁹ Там же, стр. 764.

осмысленное выражение, застывшее в произведениях народной словесности или фольклоре. Таковы былины — олонгхо, саги— легенды, народные песни, шаманские гимны, пословицы, поговорки и иные крылатые речения, которые переживают века и тысячелетия. Запись и издание подлинного текста богатейшего богатырского эпоса якутов, а также их героического эпоса (преданий о предках) стало возможным лишь благодаря лингвистической работе академика Бётлингга. Таким образом, самая возможность построения теперь научной истории якутов, в конечном итоге, обусловлена учеными трудами этого автора.

2. ГЕРМАН ВАМБЕРИ (H. VAMBERY)

Г. Вамбери, известный путешественник, знаток турецких языков, быта, нравов и истории, является одним из первых лингвистов, который серьезно поразмыслил над вопросом происхождения якутов и попытался отыскать среди других турецких племен их ближайших родичей, пользуясь методом лингвистических аналогий. Впервые он высказался по этому вопросу в своей монографической работе, посвященной изучению текста и содержания «Кудатку-Билик», религиозно-философской поэмы, написанной на уйгурском языке в середине XI века хр. эры. (Uigurische Sprachomumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck. 1870).

Разбираясь в языке этого литературного памятника, Вамбери утверждает: «Однако, отдельные элементы в фонетических явлениях и его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии, что, безусловно, доказывает переселение якутов на льдистую зону ввиду вытеснения их казахами и другими южно-алтайскими племенами»¹⁵⁰.

Дальше, коснувшись вопроса о наречии турецкого на селения Восточного (или Китайского) Туркестана, которое нужно рассматривать как потомков древних уйгур, автор замечает, что «оно не только сегодня но уже в 13 и 14 веках ...было не более уйгурскими... и наречие, которое обслуживает теперь население шести городов (Вост. Турк.), что касается словарного запаса, отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем

¹⁵⁰ Г. Вамбери. Названн. соч., стр.10.

якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студеной Лены»¹⁵¹.

Количество якуто-уйгурских языковых совпадений Вамбери не находит многочисленным: «Тесное родственное отношение уйгурского языка с якутским простирается вполне естественно лишь на некоторые аналогии в области фонетических явлений и на ограниченное количество коренных слов, которые в других родственных диалектах отсутствуют»¹⁵². Но, принимая во внимание очень много бурных столетий, отделяющих эпоху разобщения якутов с уйгурами, а также своеобразие условий существования якутов «в ужасном ледяном севере», констатируемый им остаток языковых аналогий якутского языка с языком Кудатку-Билик не представляется Вамбери «никоим образом маловажным».

К сожалению, автор не конкретизирует свое общее положение и не иллюстрирует его частными примерами языковых аналогий, хотя он и руководствовался грамматической работой Бётлингка. Это обстоятельство, конечно, значительно уменьшает ценность и значение его гипотезы о близком родстве якутского наречия с языком Кудатку-Билик тем более, что позднейшие уйгуроведы, по-видимому, не разделяют воззрения Вамбери.

К вопросу о родстве якутов с древними уйгурами Вамбери возвращается ещё через 14 лет в большой работе о тюркском народе (*Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen*. Leipzig, 1885) и более точнее формулирует свои исторические воззрения о происхождении якутов. Он пишет:

«Какими путями якуты... добрались до своей теперешней родины и каковы их ближайшие родственные связи с остальным турецким народом, об этом можно строить лишь частные гипотезы. Одни, принимая во внимание пункты сближения якутов с бурятами, усматривают родство якутов с названным народом, другие же почитают их за крайнее звено той цепи народов, которые упомянуты на предыдущих страницах под общим названием «сибирских тюрков», тогда как с наибольшей вероятностью можно причислить якутов к тем тюркским племенам, которые ещё давно, в доисторические времена, отделились от тюрков Джунгарии, обозначае-

¹⁵¹ Там же, стр. 12—13.

¹⁵² Там же, стр. 41.

мых собирательным именем уйгуров и народными сдвигами, которыми эта область чрезвычайно богата, были вытеснены в дикую область дальнего севера».

«К этой гипотезе побуждает нас не свидетельство о физическом типе их, не совпадение отдельных черт в нравах, но, главным образом, результат сравнительного изучения языка, на основании чего наречие якутов, что касается звуковых отношений, форм и запаса слов, удивительным образом приближается к подлинно уйгурскому наречию»¹⁵³.

Определить эпоху, а тем более момент переселения якутов на север, Вамбери отказывается, но он уверен, что оно совершилось недобровольно и «не однажды, а многоразличными этапами, что ясно вытекает из сути вещей».

Нам особенно важно отметить здесь, что и этот знаток многих турецких наречий, как и Бётлингк, очень решительно восстает против гипотезы близкого родства якутов с турецкими племенами Алтае-Саянского горного района: «Но вполне уверенно, без колебаний, можно согласиться, что якуты в генетическом отношении стоят много ближе к уйгурам, чем к койбалам, алтайцам и качинцам» (там же).

Ясно, конечно, что Вамбери высказывается здесь, также исходя из сравнения наречий тех и других.

Интересно указать и на то, что, по мнению Вамбери, племенное название «саха» имеет «достоверный тюркский отпечаток» и имеет аналогию с названием «sakha древности, как греки и персы называли тюрков на восток от Ирана».

Между прочим, В. Серошевский, просматривая *Das Türkenvolk* Вамбери, обратил внимание лишь на последнее положение автора и его гипотезу уйгурского происхождения якутов излагает в таком виде:

«Предположения, где их (степи, где была прародина якутов) следует искать, нельзя даже признать за гипотезы, до того они мало основательны. Вамбери, например указывает на Джунгарию и сближает их по простому созвучию племенного имени саха с древними саками»¹⁵⁴.

¹⁵³ Названн. соч., стр. 148.

¹⁵⁴ В. Серошевский. Якуты. стр. 197.

По поводу уйгурской гипотезы Вамбери, как и в отношении Кочнева, мы должны заметить, что и этот автор ошибочно определяет коренное местожительство древних уйгур, очерчивая её в следующих границах:

«Мы можем здесь обозначить границы уйгурской страны: на восток китайская провинция Кан-су или пустыня Гоби, на юге Тибет и горы Куэнь-Лунь, на западе высокое плоскогорье Памир и на севере Джунгария и южные отроги гор Алатау»¹⁵⁵. Это — коренное и древнее местожительство уйгуров, вполне совпадающее с Китайским Туркестаном. Вамбери допускает проникновение уйгур на запад и на восток от указанной территории, но все это, по его мнению, только лишь уйгурские колонии. Он отвергает, как ненужные басни, легенды самих уйгур, что в древности их предки жили где-то далеко на востоке «на десяти и девяти реках»¹⁵⁶. Он отрицает научную ценность китайских исторических летописей, которое, якобы, ничто по сравнению с его «Кудатку-Билик» — «Громадным сокровищем, которое много ценнее, чем китайские источники вместе взятые с их ужасным коверканием слов. Идентификация их имен с оригинальными турецкими словами есть дело пылкой фантазии Ремюза, Клапрота и пр., чему нельзя придавать безусловной веры»¹⁵⁷.

В настоящее время эти воззрения Вамбери никто из сведущих ориенталистов и туркологов, конечно, разделять не может, ибо показания китайских летописей об уйгурах получили неожиданное подкрепление в орхонских надписях, содержание которых стало теперь достоянием науки благодаря гениальному открытию проф. Вильгельма Томсена, установившего точное значение всех букв енисее-орхонских письмен. Коренной прародиной уйгуров или тогуз-огузов является северо-восточная Монголия, в особенности бассейна Селенги (показание т. н. «селенгинского камня» — собственно уйгурского памятника), отчасти и современное русское Забайкалье. В связи с этим вообще вся область Прибайкалья оказывается в сфере непосредственного влияния и распространения древнего уйгурского народа.

Однако, оттого, что коренное местожительство уйгурского народа перемещается из Китайского Туркестана в бассейн Орхона и Селенги, гипотеза Вамбери об уйгурском происхождении якутского народа отнюдь не

¹⁵⁵ Вамбери. Уйгур, яз. пам. и т. д., стр. 3.

¹⁵⁶ Там же, стр. 3.

¹⁵⁷ Там же, стр. 5.

проигрывает, а, наоборот, получает ещё лишнее фактическое подтверждение, доказывая большую лингвистическую прозорливость её автора. Вот почему мы не можем легко и просто, по примеру Серошевского, отмахнуться от уйгурской гипотезы происхождения якутов.

Мы точно знаем, что предки якутов когда-то очень долго прожили в Приангарском крае. На запад от них через леса и горы, на расстоянии 1000 с лишним километров, проживают и поныне минусинские татары. Столь же далеко на юго-западе через Саянский хребет обитали и обитают тоже тюрки, сойоты-урянхайцы. Наконец, на восток от тех же прибайкальских якутов, всего лишь через озеро Байкал, оказывается, проживал многочисленный уйгурский народ. Относительно языка последнего авторитетный знаток турецких языков прямо заявляет:

«Вы ищете ближайших родичей якутов, вот вам турецкий народ, язык которого «удивительным образом близок к якутскому диалекту».

Можно ли, вопреки строжайшему запрету знатоков турецких наречий, искать ближайших родственников якутского народа в пределах Южного Енисея или, по указанию Вамбери, следует ухватиться за уйгуров, проживавших когда-то всего-навсего в нескольких десятках километрах за Байкалом?

Гипотеза Вамбери с вышеуказанным исправлением по поводу местожительства древних уйгуров есть яркий луч, который неожиданно освещает темный лабиринт исторических путей якутского народа. В этом — огромная научная заслуга венгерского турковеда.

За близость якутского языка к древнеуйгурскому, как мы знаем, в одно время высказывался и проф. В. Ф. Катанов, подстрекнув Кочнева к формулировке уйгурско-урянхайской гипотезы происхождения якутов. Весьма возможно, что Катанов, самостоятельно не разбираясь в этом вопросе, повторял мысль Вамбери. Но, однако, какой бы заманчивой и простой не казалась гипотеза уйгурского происхождения якутов, среди позднейших знатоков турецких языков она не пользуется популярностью и не имеет сторонников. В особенности же суровое вето накладывают на неё лингвистические воззрения академика Радлова о происхождении якутского языка и народа.

3. АКАДЕМИК В. В. РАДЛОВ

Если якутскому языку исключительно повезло в смысле изучения его грамматики и словарного запаса благодаря капитальным трудам академика Бётлингка, С. В. Ястремского и Э. К. Пекарского, то столь же благоприятно сложившиеся условия способствовали увенчанию всех ранних лингвистических работ солидной монографией такого авторитета в области турецкого языкознания, как покойный русский академик Василий Васильевич Радлов. Труд Радлова «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen»¹⁵⁸ по своему характеру и содержанию является дополнением к грамматике Бётлингка, ибо автор задался целью определить место якутского языка среди прочих турецких диалектов по особенностям его грамматических явлений и лексическому составу. Во времена Бётлингка, как мы знаем, научное турецкое языкознание только что зарождалось и разные турецкие диалекты, за исключением османского и татарского, оставались совершенно не изученными. Поэтому сравнительно-грамматическая часть в труде Бётлингка не могла быть развернута с надлежащей полнотой. Радлов свою научную задачу понял даже значительно шире намеченных выше рамок, ибо он не ограничивается выяснением отношения якутского языка к остальным турецким, а пытается определить его отношение и с монгольскими наречиями. К моменту написания труда Радлова изучение как турецких, так и монгольских языков продвинулось далеко вперед и автор имел пред собой готовые и разработанные лингвистические материалы.

Ближайшим поводом к занятиям Радлова якутским языком, по видимому, послужило завершение в самом основном изучении языка памятников древнетурецкой письменности, найденных в Монголии в долине Орхона и Толы, а также и в области верхнего Енисея. Пред взором ученых силою науки и человеческого гения как бы вновь ожили те турецкие народы, которые когда-то владычествовали в степях Монголии и прилежащих к ней областях Южной Сибири, и заговорили на своем родном языке. Важнейшие из упомянутых надписей датировались первой половиной VIII века н. эры и немного позднее. (Енисейские надписи, по мнению

¹⁵⁸ Зап. Импер. Акад. н. по истор. фил. отд. № 7. Спб., 1908 г.

научных авторитетов, относятся к более ранней эпохе, хотя и не точно определяемой).

Академик Радлов в начале своей научной деятельности, собрав обширный лингвистический материал по языкам турецких племен Алтае-Саянского нагорья и прилежащих к нему степных областей, рассматривая изученные им наречия как подлинно турецкие, отнесся критически к теоретическим воззрениям академика Бётлингка о якутском языке. Он не только признал якутский язык не турецким по своему первоначальному происхождению, но даже не включил его в общую группу турецких языков. Но эта оппозиция Радлова научным взглядам академика Бётлингка не нашла признания в науке не только потому, что авторитет последнего в научных кругах был слишком высок, но также и по той простой причине, что «приведенные им основания были недостаточно убедительны, ввиду чего имелаась потребность в более обстоятельном исследовании, чтобы вполне научно установить отношение якутского языка к названным (туркским), языкам», как позже сознается сам Радлов¹⁵⁹.

Проф. А. Н. Самойлович в своей рецензии на последний труд Радлова пишет: «Якутский и чувашский языки были признаны древнейшими турецкими языками, сохранившими следы своей глубокой старины благодаря уединенному положению среди языков нетурецких. Ранее в своей *Phonetik der Nördlichen Türkspachen* (Лейпциг. 1882 г.) акад. В. Радлов высказал на те же языки иной взгляд: он их признал языками не турецкими, а отуреченными»¹⁶⁰.

Таким образом, *Die jakutische Sprache* Радлова имело своей ближайшей целью реабилитацию его научного престижа, слегка поколебленного благодаря неравному спору с академиком Бётлингом. Расшифровка енисее-орхонских надписей дала Радлову очень важный козырь по вопросу о древности якутского языка, ибо то турецкое наречие, на котором говорили степные турки VIII века по Р. Х., оказалось столь же далеким от якутского диалекта, как и все прочие живые турецкие языки. Казалось, что сама история обнаружила ошибку Бётлингка, который устами своего друга Миддендорфа высказался за исход предков якутов «из безводных степей» Монголии и образование их диалекта «в чрезвычайно отдаленные време-

¹⁵⁹ См. назв. соч. Радлова, стр. 1.

¹⁶⁰ Жур. «Живая старина». 1908 г., вып. II, стр. 254—256.

на». Это, вновь открывшееся, обстоятельство являлось вполне достаточным основанием для пересмотра проблемы о якутском языке в духе прямо противоположного утверждения Бётлингга, т. е. что этот язык образовался не в степях Монголии в эпоху древнетурецкой истории, а где-то на севере в лесистой полосе и сравнительно в недавнее время.

Таков, несомненно, истинный ход рассуждений Радлова, возобновившего свой старый спор с академиком Бётлингком о древности якутского языка. Если бы язык орхонских памятников, паче чаяния, оказался ближайшим родичем якутского, то новая работа Радлова, конечно, не могла и появиться.

I

Работа Радлова делится на часть лингвистическую и историческую. Все то, что констатируется автором на правах глубокого знатока многих живых и мертвых турецких языков при разработке истории якутов, само собой разумеется, должно быть принято с исключительным вниманием. Не считаться с ними — значило бы игнорировать турецкое языкознание в лице его выдающегося представителя. Откладывая подробное изложение всех важнейших указаний Радлова о грамматических особенностях якутского языка до другого более удобного момента, мы ознакомим здесь наших читателей лишь с его основными выводами. (Приведенные ниже тезисы у самого Радлова не подытожены и в интересах экономии места и времени приводятся в нашей формулировке) .

I. Якутский язык, как он живет теперь в устах народа, нужно рассматривать, как один из турецких диалектов¹⁶¹.

Здесь Радлов, очевидно, делает большую уступку против своих прежних воззрений, ибо, согласно приведенному заключению, якутский язык должен быть включен при классификации в состав всех прочих турецких диалектов, тогда как чувашский по-прежнему остается вне их круга. II. По своему грамматическому строю и, что ещё важнее, по лексическому составу якутский диалект занимает в ряду тюркских языков совершенно особое место. Среди современных живых турецких диалектов и древних языков, сохранившихся в памятниках письменности, нельзя ука-

¹⁶¹ Там же, стр. 51.

зять ни на одно наречие, которое находилось бы в близком родстве с якутским.

Этот тезис неоспоримо вытекает из всего того, что написано Радловым в лингвистической части его труда.

III. Все прочие тюркские наречия имеют общий грамматический и лексический остов и могут быть противопоставлены якутскому, как «тюркские», в собственном смысле этого слова. Якутский же язык имеет ясный отпечаток «*nachtürkisch*» — потурецкий или точнее — позднетурецкий, что изобличает незначительную давность его образования, как тюркского диалекта.

IV. В лексическом составе якутского языка приблизительно лишь одна треть корней должна быть показана как тюркского происхождения, одна треть — как монгольского, а последняя треть проистекает даже из какого-то неведомого источника.

V. Целый ряд весьма важных грамматических особенностей якутского языка соответствует поздним ступеням развития турецких языков, ввиду чего было бы ошибочно утверждать, что его характерные особенности носят архаический характер.

VI. Наличие в якутском языке огромного количества монгольских корней и словообразовательных аффиксов, чуждых тюркскому языковому миру и более напоминающих монгольские, свидетельствует о том, что этот язык по своему происхождению не был турецким и очень долгое время находился под влиянием и даже в составе монгольских наречий.

VII. В связи с изложенными положениями, Радлов намечает в развитии якутского языка три самостоятельных этапа:

- 1) Урянхайский, когда якутский язык был самим собой, не монгольским и не турецким.
- 2) Монгольский, когда якутский праязык превратился в одно из монгольских наречий.
- 3) Турецкий, когда урянхае-монгольское наречие было затоплено сильной турецкой языковой волной и преобразилось в турецкое в его современном виде.

VIII. Последняя стадия полного тюркизирования якутского языка, по мнению Радлова, должна была иметь место после эпохи возвышения монголов Чингис-Хана.

IX. То турецкое племя и наречие, которое тюркизировало якутский язык, можно проицировать только теоретически. Оно существовало когда-то и распалось. «Отдельные части этой (турецкой) языковой ветви теперь можно отыскать в составе западных диалектов, а другие части — среди восточных»¹⁶².

Раннее отношение Радлова к якутскому языку было основано на сравнительном изучении фонетики турецких языков. В частности, нетурецкую природу якутского языка он выводил из многочисленных фактов отклонения в нем коренных гласных от общетурецкого типа. (Например, все турки говорят «ай — месяц, а якуты — «ый», у турков «ал» — бери, а у якутов — «ыл» и т. д.). В последней работе Радлов более подробно разобрал вопрос о наличии в якутском языке своеобразных дифтонгов, неизвестных во всех прочих тюркских диалектах, о долгих гласных, об ассимиляции разных согласных, сталкивающихся в процессе словообразования, посвятил много внимания и особенностям якутского языка в употреблении согласных звуков в начале слов и т. д. Но, что еще важнее, тщательно проанализировал морфологию якутского языка. Ближайшее ознакомление с морфологией в особенности должно было убедить Радлова в том, что якутский диалект никоим образом не может быть выделен из числа турецких. Во всяком случае, в своей новой работе Радлов уже не рискует сопоставлять якутский язык с чувашским в отношении их положения в составе турецких.

Первые два тезиса Радлова доказывают, что он вполне убедился в правоте Бётлингга по вопросу о месте якутского языка среди языков турецкой семьи, расходясь с ним лишь в историческом прогнозе о его происхождении. Делая эту оговорку, Радлов, по-видимому не особенно уверен в прочности своих воззрений, ибо ещё во введении к своему труду заявляет:

«При таком составе известного нам якутского языкового материала в отношении его происхождения приходится допускать только две возможности: или якутский язык — первоначально турецкий, который рано отделился от остальных турецких наречий, и впоследствии, благодаря общению с монгольскими или другими соседями, напился другими языковы-

¹⁶² Там же, стр. 16-17.

ми элементами, или этот язык первоначально монгольский, насыщенный чуждыми элементами, позже был совершенно отуречен»¹⁶³.

Эти колебания Радлова, допускающего одновременно три гипотезы образования якутского языка, убеждают нас в том, что сравнительно-грамматическое изучение языка вообще не может дать надежную опору для научных выводов о первичном тюркизме или монголизме якутского народа, а также о его древности или молодости. Два корифея лингвистической науки, академики Бётлингк и Радлов, на один и тот же вопрос дают диаметрально противоположные ответы.

Очевидно, основываясь на фактах подобного принципиального разногласия авторитетов лингвистической науки, один из новейших знатоков турецких языков, проф. Чобан-Заде, высказываясь на I тюркологическом съезде по вопросу о близком родстве тюркских наречий, заявил:

«Откуда и как возникло якутское наречие по сей день ещё не установлено. Наречия сибирских и алтайских тюрок более близки к наречиям Средней Азии...»

И заключает свой доклад такими словами:

«Если вопрос представляется пред нами в такой форме, то безусловно было бы целесообразно теперь оставить в стороне фантастические размышления и приступить к изучению каждого в отдельности тюркского наречия»¹⁶⁴.

Проф. Катанов, давая классификацию турецких наречий, включал якутский язык в «восточную группу» заодно с наречиями казахов, киргизов, татар Томской и Енисейской губ., карагассами Иркутской губ. и урянхайцами. Но у Катанова принцип классификации, по-видимому, не строго лингвистический, а скорее географический.

Вслед за ним и проф. А. Н. Самойлович (ныне академик) причисляет якутское наречие к «восточной же группе», включая туда же, в качестве основного древнее уйгурское наречие. Хотя Самойлович, отнеся якутский язык к этой группе, указывает один фонетический признак, а именно, чередование в середине и на конце слов звуков — «д (т), з (с), ж» (якуты говорят — атах (нога), а их собратья по группе — «адак», «азак», «ајак»), но фактически он больше руководствуется историческим принципом, отыс-

¹⁶³ См. там же, стр. 2.

¹⁶⁴ См. I Всесоюзный тюркологический съезд. Стеногр. отч. Баку 1926 г., стр. 101 — 102.

кивая по географической близости составные элементы древнего уйгурского народа¹⁶⁵. При этом Самойлович оговаривается, что якутский язык является «одним из самых смешанных и оригинальных, по выражению Радлова, *nachtürkisch*». Эта оговорка и ссылка на авторитет Радлова уже создает большую шероховатость и делает неприемлемым его воззрение о месте якутского языка, ибо, по-Радлову (см. выше его тезисы), это наречие в ряду турецких является уникумом, который не может быть включен ни в одну группу.

Академик Ф. Е. Корш, руководствуясь формальным признаком (смешанным характером якутского языка и невозможностью роднить его с какими-либо известными турецкими наречиями), включает его в одну группу с чувашским и подчеркивает: «Но якуты, кое в чем приближаясь к карагассам, не имеют ничего специфически общего ни с алтайцами, ни с чувашами»¹⁶⁶.

Новейший грамматик Немет тоже объединяет якутский и чувашский языки в одну группу, руководствуясь одним маловажным фонетическим признаком, а именно, в этих языках слова, начинающиеся со звука «с», во всех остальных наречиях начинаются с «j». (Например, якуты говорят «сэт-тэ» — семь, чуваша — «сичче», а все остальные тюрки — jэти, jэди, jэтти, jиди и т. д.). (О классификации Немета упоминает проф. Самойлович в упомянутой выше статье, стр. 9, прим. Г).

Таковы разногласия лингвистов по вопросу о месте якутского языка среди родственных с ним турецких наречий.

Все попытки ввести якутский язык в круг родственных турецких диалектов должны быть признаны крайне искусственными и неудачными. Следовательно, остается в силе общий вывод двух знаменитых академиков, Бётлингга и Радлова, что якуты хотя и говорят по-турецки, но настолько своеобразно, что их ближайшие родственники не могут быть разысканы ни среди живых, по-турецки говорящих народов, и ни среди древних, языки которых известны в науке по сохранившимся литературным памятникам. Это одиночное и изолированное положение якутского диалекта делает более вероятным историческую гипотезу, что якутское племя со своим языком и не менее своеобразной духовной культурой представляет

¹⁶⁵ См. А. Н. Самойлович. «Некоторые дополнения к классификации турецких языков». Петроград, 1922 г. ¹⁶⁶ Ф. Е. Корш. «Классификация турецких племен по языкам». «Этногр. Обзор.». Кн. 84—85. 1910 г.

из себя остаток какого-то большого древне-турецкого мира, который очень рано распался, будучи поглощен чуждой стихией. Подобное явление в истории степных народов нельзя рассматривать как нечто невероятное и фантастическое. Куда девались те многочисленные турецкие племена, которые когда-то, ещё на заре русской истории, шумно волновались в южнорусских степях? Они большею частью потонули среди славянских народов, а их жалкие остатки обнаруживаются в предгорьях Кавказа или, смешавшись с другими туземными народами, преобразовались в чувашей и т. д. А на востоке многомиллионный оседлый Китай легко мог ассимилировать не один десяток миллионов турецких кочевников. Точно так же и приток значительной турецкой крови в составе современных монгольских племен мог остаться не зарегистрированным писаной историей.

Академик Радлов, как видно из приведенного выше IX-го тезиса, очень близко подошел к этому же самому выводу, но, будучи связан своим ранним воззрением, остановился на полдороге. Он полагает, что нарисованная им картина смешения трех этнических группировок — урянхайского, монгольского и турецкого, характеризует только якутов, а не ту большую ветвь «древнетурецкого» народа, существование которой теоретически допускается и им. Таким образом, имеется полная возможность примирить воззрения на якутский вопрос двух выдающихся лингвистов прошлого века, специально углубившихся в изучение якутского диалекта.

Из теоретических построений Радлова наиболее слабым представляется VIII тезис, т. е. его утверждение о молодости якутского языка и народа. Эта оригинальная позиция Радлова вряд ли может рассчитывать на общее признание в современной туркологии. Об этом мы можем судить по следующим фактам. Пл. Млиоранский, один из выдающихся знатоков турецких наречий, пытаясь согласовать взгляды Бётлингга и Радлова по вопросу о происхождении и древности якутского языка, ещё до выхода в свет *Die jakutische Sprache* писал:

«Особняком стоит якутское наречие, так как якуты (если даже они чисто турецкого происхождения, что очень сомнительно) отделились от главной массы турецкого народа в очень отдаленное время, жили долго, не имея сношений с другими турецкими племенами, и подпали под влияние монгольских и отчасти тунгусских племен»¹⁶⁷.

¹⁶⁷ Бол. энц. слов. Брокг. 1 изд. Статья «Турецкие наречия и литературы».

Н. Н. Поппе, специалист по всем трем ветвям алтайских языков (турецких, монгольских и тунгусских), в своей недавно изданной «Учебной грамматике якутского языка» (Москва, 1926), свое отношение к новым воззрениям Радлова формулирует так:

«По сравнению с прочими турецкими языками якутский язык обнаруживает значительные отклонения от общего типа турецких наречий и можно полагать, что турки-якуты отделились от прочих турецких народностей в очень давнюю пору, после чего долгое время их язык развивался вполне самостоятельно и обособленно от влияний других турецких языков, в результате чего и явилось большое различие между якутскими и прочими турецкими языками...»

«Характерные особенности якутского языка, по мнению В. В. Радлова, не свидетельствуют о раннем отделении якутов от прочих турок, а, наоборот, свидетельствуют скорее о том, что якуты — лишь отуреченное племя нетурецкого происхождения».

«С этим мнением В. В. Радлова можно согласиться лишь с большим трудом. Дело в том, что, вопреки мнению В. В. Радлова, характерные особенности якутского языка носят чрезвычайно архаичный характер»¹⁶⁸.

Здесь мы заканчиваем обзор воззрений знатоков тюркских наречий об отношениях и возможных связях якутского языка с другими диалектами той же турецкой семьи. Для нас важен, конечно, исторический смысл общего заключения лингвистов о положении якутского языка.

Архаичность якутского языка признается почти всеми лингвистами за исключением академика Радлова.

По поводу исключительной позиции Радлова, совершенно не затрагивая его величия в одной отрасли специального знания, можно сказать, что иногда и великому человеку бывает свойственно совершать «величайшие» ошибки.

Мы знаем, например, что академик Бётлингк, высказываясь за древность якутского языка, руководствовался не только своими лингвистическими знаниями, но и наблюдениями своего ученого друга Миддендорфа о нравах и обычаях якутов, сохраняющих в глуши северной тайги понятия, представления и обряды, присущие степным народам Средней Азии. А академик Радлов в своей сравнительной грамматике усматривает

¹⁶⁸ Н. Н. Поппе. Учебная грамматика якутского языка. Москва, 1926 г., стр 5.

нечто вроде священного шаманского бубна, прислушавшись к звукам которого, можно безошибочно пророчить о прошлых судьбах любого народа. Приведем немногие примеры исторических прогнозов академика Радлова. По его мнению, якуты потому быть признаны не турками по происхождению, что общетурецкое слово «дочь», «девица» произносят «кыыс», тогда как его подлинные и бесспорные турки сохранили в форме «хыз» (или точнее кхыз). Спрашивается, почему не наоборот или по каким особым соображениям нужно исключить возможность существования в древности «кыс» турков и «хыз» турков? Дальше академик Радлов самый сильный научно-грамматический аргумент в пользу молодости якутского наречия усматривает в выпадении у них во многих словах начального звука «с» («переднеязычного спиранта»). Это положение он иллюстрирует следующей сравнительной таблицей этого звука в разных диалектах:

Др.-тюрк. Уйг.Зап. диалект.	Башкирск.	Шорский	Абаканские (Минус. тат.)	Якутский
с	h	с	с	
ш	Ш	ш	с	-
ч	с	ш	с	-

Was die in türkischen Wörtern auftretenden vorderlingualeu Anlaute с, ш, ч, betrifft, so sind sie im jakutischen vollkommen geschwunden¹⁶⁹.

Вслед за этим Радлов утверждает, что начальный звук «с» сразу не мог выпасть и что это явление происходит путем постепенного ослабления «с» до придыхательного «h» включительно, как это имеет место в башкирском наречии. Затем автор умозаключает, что якутский язык в отношении переднеязычных спирантов показывает картину последней ступени развития, до которой не достигло ни одно другое тюркское наречие:

«Wir sehen also, dass die jakutische Sprache in Betreff der vorderlingualen Spiranten nicht nur einer sehr späten Entwicklungsperiode der türkischen

¹⁶⁹ Там же, стр. 15. Перевод см. прилож. 1.

Lautverschiebung entspricht, sondern, dass sie die letzte Stufe dieser Fortentwicklung bietet, zu der noch keine andere Tüksprache gelangt ist»¹⁷⁰.

В самом деле, какое блестящее доказательство «молодости» (?) якутского диалекта разыскал острый грамматический анализ академика Радлова?

Достигнуть последних ступеней развития в модификации звуков речи, до которых не дошло ещё ни одно турецкое наречие, не значит ли быть старейшим членом в семье турецких языков? Почему же в отношении якутского языка «последняя ступень развития» (die letzte Stufe) должна быть истолкована как несомненный признак его молодости?

Нам трудно понять рассуждения Радлова о судьбе переднеязычного спиранта в якутском наречии. Очень охотно допускаем, что это недоумение покоится на нашем обывательском подходе к сложным и трудным вопросам специальной научной дисциплины.

Между прочим, академик Бётлингк, а вслед за ним С. В. Ястремский и сам академик Радлов констатировали в якутском диалекте одно весьма странное грамматическое явление, а именно, отсутствие родительного падежа, существующего во всех турецких и монгольских языках¹⁷¹.

Академик Бётлингк придерживается того взгляда, что якуты отделились от прочих турок ещё до образования родительного падежа, а Ястремский, констатируя в языке современных якутов следы былого существования этого падежа, стоит на той точке зрения, что он раньше был, но потом утрачен. Радлов присоединяется к мнению Ястремского и пишет: «Окончание родительного падежа, как ненужный балласт вышло из употребления и это могло случиться как в раннее время, так и позже»¹⁷². При этом Радлов констатирует, что орхонские тюрки в VII и VIII веках «очень часто отношение родительного падежа даже по преимуществу выражали тем же способом, как это делается у якутов».

Итак, якуты не только проглатывают некоторые звуки турецкого языка, но даже постепенно пришли к забвению целого падежа, который когда-то был у них в употреблении. И это последнее обстоятельство не убеждает Радлова в древности якутского языка и народа.

¹⁷⁰ Там же, стр. 16. Перевод см. прилож. 1.

¹⁷¹ См. об этом подробно в статье С. В. Ястремского «Падежные суффиксы в якутском языке». «Труды сибирияковской эксп.» Иркутск. Вост.— Сиб. отд. ИРГО. 1898 г.

¹⁷² Радлов. Цитир. соч. о якут. яз., стр. 30.

Научные заслуги академика В. В. Радлова общеизвестны и, конечно, нет нужды ежеминутно напоминать об этом. Но отсюда ещё не следует, что все изреченное им представляет абсолютную ценность и должно быть принято без критической проверки.

Точно установленное лингвистической наукой полное одиночество якутского диалекта мы можем принять как один из сильных аргументов в пользу степного происхождения якутского народа, ибо, если бы это наречие родилось где-то в таежной глуши, то его родичи были бы живы и по сей день. Всякая культура в лесистых и гористых странах всегда отличается устойчивостью и монолитной прочностью, а степные народы при господстве древнего номадизма, наоборот, представляли обычно бурливый поток. В полосе травянистых степей постоянная смена исторической обстановки и народов — самое заурядное явление. Это явление прекратилось в истории Старого Света лишь с того момента, когда окрепли прилежащие к степям оседлые государства и положили не преодолимую преграду передвижениям кочевых народов.

Трудность борьбы с кочевниками заключалась в том, что оседлые народы очень долго не имели обученной кавалерии, которая могла бы соперничать в бою со степной конницей. Например, китайские историки отмечают, что Китай отдохнул от набегов соседних кочевников лишь тогда, когда обучил своих воинов «конному стрелянию из луков». Замена народного ополчения регулярными войсками, введение сомкнутого строя и прочие военно-технические приемы к приспособления, усилившие военную мощь оседлых народов, тоже явились не сразу. Мы не говорим уже о появлении огнестрельного оружия, окончательно ликвидировавшего опасность со стороны степей. Окончательное замирание степей и консолидация её обитателей, сопровождавшиеся прекращением постоянных смешений языков и народов, характеризует новую эру в истории номадизма.

Если якуты со своим языком и культурой представляют из себя осколок того древнетурецкого мира, который господствовал в степях в эпоху военного преобладания кочевников над оседлыми народами, то разыскание ближайших родичей якутов по крови, языку и другим культурным признакам будет нелегкой задачей. Очевидно также, что научное значение лингвистического метода, тем более сравнительно-грамматического,

при прояснении древней истории якутов весьма и весьма ограничено. В этом отношении замечательную мысль высказал проф. С. И. Руденко на I тюрк. съезде, докладывая на тему «Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен». Он сказал:

«Многочисленные факты свидетельствуют о том, что язык является наименее стойким этническим элементом. С удивительной стойкостью выживают расовые типы, с редким упорством переживают бытовые особенности и сравнительно легче утрачивается язык, заменяясь новой разговорной речью»¹⁷³.

Руденко говорит здесь, конечно, об общем правиле или закономерности, наблюдаемой во многих пунктах земли, где происходила постоянная смена и смешение народов. В частности, его положение не приложимо к якутам, которые попали в естественный мешок и глушь Ленского бассейна, где до прихода русских они прожили никем не тревожимые. Поэтому основные черты якутского быта, нравов, языка, религиозных представлений и проч. не могли потерпеть серьезных изменений в отношении якутов, пожалуй, правильнее было бы говорить не о прогрессе, а о попятных шагах и регрессе сравнительно с тем, что имелось у них в момент исхода из центральных степных мест. Само собой разумеется, мы исключаем эпоху порусской истории, когда якуты вновь приобщились к поступательному ходу общечеловеческой культуры.

Согласно мнению Руденко, историк якутов, разбираясь в туманных контурах их давно прошедшей исторической жизни, должен, по преимуществу, опираться на самые консервативные элементы культуры, объединяемые этим автором под понятием «бытовых особенностей». Из них религиозно-мифологические представления якутов с примыкающими к ним образцами народного фольклора составят самый надежный исторический источник. В своей работе «Опыт сравнительного изучения библейских и якутских мифов о прародителях народа» мы попытались указать местонахождение элементов той степной культуры, северное ответвление которой застряло у якутов. Составители библии и якуты принадлежат к разным расам, не могут иметь ничего общего в отношении языка, но тем не менее религиозно-мифологические представления у них обнаруживают проис-

¹⁷³ См. цитир. выше стеногр. отч., стр. 58.

хождение из единого источника. Такова древность якутского народа, его языка и культуры.

Академик Радлов степное происхождение якутского диалекта хочет аннулировать красноречивым жестом в сторону языка орхонских писанных памятников, который оказался более близким к наречиям других турецких племен, а не к якутскому. Но эта ссылка не может поколебать наш общий вывод о степном происхождении якутского народа, ибо орхонские тюрки и поздние уйгуры принадлежат к турецкому средневековью. Китайские исторические летописи бесспорно свидетельствуют о том, что предками уйгур и народа тюрк были хун-ну или сун-ну. Каков был лексический состав и грамматика турецкого наречия этих хун-нов, об этом в лингвистической науке не имеется никаких данных, за исключением немногих слов, сохранившихся в китайской транскрипции. (Например, «тан-ли гуту», что, приблизительно, должно было звучать «тан-рикуту», и означало царский титул у хуннов. Китайские историки приравнивают его своему понятию «сын неба», что у них также является обычным титулом богдыхана. Поэтому эти хуннские слова переводят тоже «сын неба». По-якутски этот титул может быть передан почти тождественными словами «тангара кута» или «тангара хотойо»).

Точно также не имеется данных и о народном наречии ранних уйгур, населявших восточную половину Монголии. Следовательно, первоначальное предположение академика Бётлингка о степном происхождении якутского наречия и после расшифровки памятников древнетурецкой письменности не теряет своего значения.

Могут ли якуты со своим языком иметь какое-либо отношение к народу хун-ну китайских летописей? Ответ на этот вопрос нужно искать, во всяком случае, не в грамматике якутского языка и даже не в его лексическом составе, а в осмысленных памятниках народной словесности — былинах, легендах, обычаях и нравах, в религиозном воззрении народа и т. п.

Лингвисты единогласно констатируют в якутском языке обилие корней общих с монгольскими наречиями в гораздо большем проценте, чем в других турецких наречиях. Можно ли в этом обстоятельстве усматривать непреодолимую преграду для установления прямого родства якутского языка с наречиями древнейших турецких народов степной Монголии? Конечно, нет, ибо эти самые народы, как в отношении своего этнического

состава, так и господствовавшего у них диалекта, представляют для нас абсолютно неизвестную величину. Лишние монголизмы якутского наречия мы были бы вправе приписать своеобразию исторических судеб одних якутов в том лишь случае, если бы мы точно знали, что древнейшие турецкие обитатели Монголии представляли из себя чистую расу без всяких монгольских и иных прочих примесей. Мало того, якутские монголизмы являются «монголизмами» лишь в весьма условном смысле, а именно, при допущении, что современные монгольские племена и наречия не содержат в себе ни капли турецкой крови и языкового элемента. Если, паче чаяния, монгольские народы в древнейшие исторические эпохи образовались из смешения чистых и первобытных монголов с остатками хун-ну китайских летописей, то якутские «монголизмы» окажутся ни чем иным, как обратным отражением неведомых для нас «тюркизмов» монгольских наречий.

Если старые языковеды стояли на той точке зрения, что монгольские и турецкие языки развились совершенно обособленно и независимо друг от друга, то новейшие достижения сравнительного алтайского языкознания говорят о том, что эти языки за завесами известной нам истории находились в тесном общении друг с другом и имеют в прошлом какую-то стадию совместного развития. Руководители первого тюркологического съезда в Баку даже сочли необходимым поставить особый доклад на тему «Родство турецких языков с монгольскими»¹⁷⁴.

Из доклада мы узнаем, что основоположником этой теории монголо-турецкого языкового родства выступил известный монголист Рамstedт. По словам Поппе, он сначала допускал, «что значительная близость монгольского языка к турецкому может являться результатом массовых заимствований». «Впоследствии же, когда был установлен ряд чрезвычайно сложных монгольско-турецких фонетических законов и, когда были выявлены общие элементы морфологии этих языков, Рамstedт уже определенно высказывается в пользу гипотезы о родстве монгольского и турецкого языков, в его последующих работах неоднократно говорится уже о монгольско-турецком праязыке».

¹⁷⁴ Доклад Н. Н. Поппе. Цит. стен, отч., стр. 104—118.

Теорию турецко-монгольского родства значительно позже усвоил и знаток турецких языков Немец. Современное положение этого вопроса характеризуют заключительные слова Поппе: «К достижениям алтайского сравнительного языкознания, прежде всего, относится разрешение в положительном смысле вопроса о родстве монгольского и турецкого языков»¹⁷⁵.

С исторической точки зрения теорию близкого родства монгольского и турецкого языков проще понять, как отражение древних этнических смешений, носителей этих двух языков, чем развитие последних от одного единого корня. Это явление должно было иметь место в старую эру номадизма, о чем мы говорили выше, обусловленную слабостью военной организации оседлых народов и более интенсивными передвижениями кочевых народов в пределах обширных евразийских степей. Полное военнотехническое преобладание оседло-земледельческих государственных организаций знаменует собою локализацию кочевников на определенных участках степей и абсолютное прекращение их внутренних этнических, языковых и культурных смешений.

Во всяком случае, сами лингвисты поставили себе на разрешение вопрос о древних смешениях монгольских и турецких языков в гораздо более сильной степени, чем это имело место в поздние исторические эпохи. Вместе с тем чистота монгольского языка оказывается уже под большим сомнением. Не особенно давно проф. Б. Владимирцев, ныне покойный, свою статью «Турецкие элементы в монгольском языке»¹⁷⁶ заключает следующим весьма характерным вопросом:

«Но я думаю уже теперь возможно поставить вопрос, не является ли монгольский язык мешаным, вроде, напр., якутского, в котором тоже значительную роль играют турецкие элементы».

Нам представляется лишь несколько странным, почему Владимирцев, вопреки господствующему мнению туркологов, относит якутский язык к нетурецким. Если бы проф. Владимирцев знал, что якутский язык признан одним из турецких диалектов, «в котором тоже значительную роль играют монгольские (а «не турецкие», как говорит он) элементы», то, конечно, он не стал бы разъединять эту единую проблему. Если в самом

¹⁷⁵ Там же, стр. 114.

¹⁷⁶ Зап. Вост. отд. арх. общ., т. XX, вып. II—III за 1911 г., стр. 156—181.

монгольском языке имеются невыясненные турецкие примеси, то тем самым легко и просто разрешаются и «монголизмы» якутского языка.

Некоторые туркологи, в том числе и академик Радлов, ещё могли удивляться лишним монголизмам якутского языка и ломать свою голову над вопросом об особых путях его исторического образования. Но для нового поколения туркологов и монголистов, сумевших поднять свою научную дисциплину на новые высоты путем углубления сравнительно-грамматического анализа, типические особенности якутского языка, своеобразие его грамматики и лексического состава, должны бы вскрывать лишь завесу над неизученными страницами взаимоотношений монгольского и турецкого мира в глубинах древнеазиатской истории. Вот почему можно выразить надежду, что некоторые теоретические заблуждения академика Радлова в отношении якутского языка с течением времени будут легко изжиты даже среди его больших почитателей. Сравнительное турецкое и алтайское языкознание началось не с Радлова, само собой разумеется, не им оно закончит цикл своего развития. Новые люди в научной тюркологии, обладающие более дальним кругозором, принесут с собой и «новые песни».

II

Перейдем теперь к историческому учению академика Радлова о происхождении якутского народа, которое изложено им в виде послесловия к его лингвистической монографии¹⁷⁷. Его теоретические построения не оригинальны. Они представляют из себя переделку и приспособление известной нам урянхайской гипотезы Трощанского, с которой он ознакомился благодаря близкому общению с Э. К. Пекарским, к изложенным выше лингвистическим выводам. Вся остальная литература о происхождении якутов осталась вне кругозора Радлова. Он усвоил основной тезис Трощанского о лесных урянхайцах, упоминаемых в труде Рашид-Эддина, как о предках якутов. Заимствует также и утверждение Трощанского о том, что якутские Хоринские наслеги когда-то отделились от хоринских родов монголо-бурят, обнаруживаемых ныне за Байкалом. Если Трощанский вторичное племенное название якутов «ураангхай» понял как географиче-

¹⁷⁷ См. цит. соч., стр. 53—58.

ское название их прародины («ураангхай саха» — люди из Урянхая), то, по Радлову, «ураангхай» есть первоначальное название якутского племени, а сопутствующее ему слово «саха» нужно понимать как видоизменение нарицательного имени «сага», которое теперь у якутов употребляется со значением — край, окраина, граница, воротник (тюрк. *јака*), ввиду чего «саха-ураангхай» в древности должно было иметь смысл — пограничные урангхай¹⁷⁸. Между прочим, это мнение о первоначальном значении имени «саха», со ссылкой на Радлова, часто повторяется и другими туркологами. Мы в своей работе «Хрестес. Шаманизм и христианство» попытались дать иное истолкование первоначального смысла этого весьма древнего и очень распространенного этнического термина, полагая, что якутский «украинский» кафтан для него слишком узок¹⁷⁹. Точка зрения Радлова была бы приемлема, если бы слово «саха» не выходило из пределов собственно якутского мира. На деле же это имя прилагалось к таким народам древности, которые ни по местам своего постоянного обитания и ни по своему культурноисторическому значению не подходили под понятие «украинцев». Наши соображения о происхождении имени «саха» в развернутом виде будут изложены во втором томе наших очерков, который целиком будет посвящен историческим судьбам народа «саха».

Лесные урянхайцы, по мнению Радлова, по своему первоначальному происхождению, не принадлежали ни к туркам и ни к монголам. Он не высказывается также и за тунгуцизм этих древних урянхайцев, они просто — неизвестная величина и какое-то темное пятно в истории народов древней Азии. Но Радлов убежден, что эти урянхайцы с очень давней поры вступили в близкое общение с монголами, и должны были омонголиться в языковом отношении, в чем убеждает его наличие среди монголов другого племени «урянхит», которое причислялось к монголам чистой крови.

Прародину якутов — лесных урянхай Радлов отыскивает, руководствуясь ссылкой Рашид-Эддина о проживании их вблизи местности, называемой «Баргуджин-Тукум». Он пишет:

¹⁷⁸ Там же, стр. 53.

¹⁷⁹ См. «Хрестес. Шаманизм и христианство». Иркутск. 1929 г., стр. 100—101.

«Под местностью Баргуджин-Тукум, очевидно, разумеется страна восточнее озера Байкал, который принимает с востока реку Баргузин... а также, наверное, область верховьев Витима»¹⁸⁰.

Значит, лесные урянхи, по Радлову, должны были проживать где-то севернее этого Баргуджин-Тукума. Он думает, что рашид-эддиновское описание застаёт урянхайский народ в тот период, когда он по языку, надо полагать, и по нравам, был монголизирован:

«Несомненно, что урянхит Рашид-Эддина есть тот же самый народ, который позже именовался ещё ураангхай, т. е. предки якутов в ту стадию развития их языка, которую я мог бы обозначить как монгольскую»¹⁸¹.

Дальше Радлов предполагает, что монголы, вторгнувшись на западную сторону озера Байкал, потеснили жившие там турецкие племена. Часть этих турок, вытесненная на север от Байкала, должна была смешаться с урянхое-монгольским народом и окончательно их отуречить. Ещё позднее этот смешанный народ «всего вероятнее по собственному побуждению пошел далее на северо-восток, чтобы найти более удобные пастбища для своего скота, так как места севернее Байкала годны только для охотничьего народа. Позже здесь осел и закрепился охотничий народ, тунгусы, которых русские застали здесь в начале XVII века»¹⁸².

Таким образом, долго спустя после возвышения монголов и появления их историка Рашид-Эддина (т. е., приблизительно, в XIV и XV веках) образовался смешанный новотурецкий народ — якуты. Следовательно, когда пришли русские завоеватели, то якуты, можно сказать, едва-едва успели вылупиться из яйца и, пройдя утробный монгольский период своего существования, преобразились в народ, говорящий по-турецки.

Смешанность этнического происхождения якутов Радлов подкрепляет подробной выпиской заключительных тезисов Н. Л. Геккера¹⁸³, который на основании своих антропометрических измерений доказывает, что якуты:

¹⁸⁰ Там же, стр. 55.

¹⁸¹ Там же, стр. 56.

¹⁸² Там же, стр. 56.

¹⁸³ «К характеристике физического типа якутов». Зап. Вост.-Сиб. отд. ИРГО, т. III, вып. I. Иркутск, 1896 г.

- 1) «Не представляют однородной и антропологически чистой среды и являются продуктом долгого смешения двух или нескольких родственных племен».
- 2) «Разнородность этой среды сводится к господству двух типов, которые отличаются между собой ростом и не столько широтными размерами, сколько длинником головы и лица...».
- 3) «В абстракции они рисуются так: один высокорослый и высокоголовый, длиннолицый и длинноносый, другой низкорослый с большой шарообразной головой, с коротким и поэтому очень широким, плоским лицом и таким же носом».

Радлов прилагает к своему труду несколько известных вариантов якутских генеалогических сказаний об их прародителях — Эллэе и Омогое. В этих двух мифологических образах он также усматривает подтверждение своей гипотезы о смешении тюрков с другими племенами.

Исторические построения Радлова представляют из себя смесь простого недоразумения с недосказанными, и, подчас, наивными утверждениями. Лесные урянхи «Рашид-Эддина, как давно установлено исторической критикой, являются не предками якутов, а урянхайцами Танну-Тувинского края. Значит, в этом отношении он значительно испортил правильное представление Троцанского, который является совершенно посторонним человеком в области ориенталистики. Баргуджин-Тукум Рашид-Эддина точно так же не есть район реки Баргузина, как думает Радлов, а современный Приангарский край. (Эти вопросы подробно рассматриваются нами в ч. III, гл. «Баргуджин-Тукум»).

Проживание основного ядра издревле скотоводческого народа в бассейне р. Витима, где бродят немногочисленные тунгусские роды, может проектировать лишь лингвист, витающий в мире своих грамматических абстракций.

Что якутские роды «хоро» обязательно должны соответствовать современным хоринским бурятам, нужно ещё доказать. Во-вторых, якутские хоринские роды не столь многочисленны (их всего-навсего вряд ли наберется около 5000 душ об. п.), чтобы обмонголить на 30% якутский язык, на котором говорит народ, равняющийся почти четверти миллиона душ. В-третьих, при более внимательном анализе «хоринского вопроса» у якутов

их легендарные «хоро», по нашему мнению, должны быть признаны пережиточным воспоминанием об огромном китайском народе.

Ссылка на смешанность физического типа якутов заключает в себе молчаливое допущение, что древние тюрки обязательно должны быть чистой расой как по типу, так и по языку. Как нам хорошо известно, все подлинные тюрки акад. Радлова, за весьма малым исключением, украшены роскошной растительностью на лице и выдающимися носами и, по общему мнению антропологов, должны быть отнесены по своему физическому типу к народам кавказской расы с едва заметными следами своего бывшего азиатского происхождения. Что же удивительного в том, что древние тюрки, которые когда-то занимали степную Монголию, представляли пеструю смесь из различных племен и народов, живущих в их окружении. Тюрки, как военный народ, по преимуществу, вряд ли когда отличались чистотой своей крови и физического типа? Следовательно, смешанность антропологических признаков в типе современных якутов отнюдь не может служить доказательством особых исторических путей образования этого народа.

Подробную критику приведенных выше тезисов Радлова мы сможем дать лишь в продолжении наших очерков по мере прояснения целого ряда темных вопросов в древнейших судьбах якутского народа. В данный же момент достаточно констатировать, что большинство исторических суждений Радлова представляет из себя образец крайнего упрощенчества и вульгаризации сложнейших проблем ориенталистики. Их критика затрудняется тем обстоятельством, что Радлов, пользуясь правами большого научного авторитета, обычно не доказывает и не мотивирует свои выводы, ограничиваясь аподиктическими утверждениями.

Изложив научные воззрения академика Радлова о якутском языке в его современном состоянии и в процессе становления, а также и его историческое учение о происхождении самого якутского народа, мы сочли излишним особо останавливаться на трудах его учеников и больших почитателей, которые занимались только популяризацией научных тезисов своего учителя, не принося от себя ничего нового и оригинального. К этой группе мы относим, например, анонимного автора или авторов, скрывшихся под инициалами «Г. С.», опубликовавших в сборнике трудов Якутского исследовательского общества «Саха кэскилэ» (вып. 4 за 1927 г., стр.

75—93 и вып. 5 за 1928 г., стр. 29—60) обширную статью под заглавием «Якутский язык в его отношениях к тюркскому и монгольскому языкам».

Статья эта представляет простой пересказ, а местами буквальный перевод двух глав (1. Фонетика и 2. Морфология) известной нам лингвистической монографии Радлова «Die jakutische Sprache». Было бы много лучше, если бы авторы статьи взамен её дали точный перевод названных глав труда Радлова.

Затем историческое учение Радлова о происхождении якутского народа из той же лингвистической работы (51 — 57 стр.) было пересказано на якутском языке покойным якутским лингвистом С. А Новгородовым в небольшой статье под заглавием «Саха хантан хааннаага» («Откуда якуты родом») и помещено в школьном учебнике «Аагар кинигэ» («Книга для чтения»).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Мы ознакомились со всей важнейшей литературой, посвященной разработке вопросов древней истории якутов — отысканию их первоначальной родины, путем переселения в современный Якутский край и их ближайших родичей. Это — то научное наследие, которое осталось от буржуазной эпохи. Метод марксизма-ленинизма не игнорирует полностью научные выводы буржуазных историков, а критически осваивает, чтобы сохранить то, что может довести ещё пользу в том или другом смысле. Следуя этому правилу, мы старались отмечать все ценное и положительное из того, что сделано каждым из рассмотренных авторов в деле прояснения происхождения якутов и путей их переселения на Лену. Задача историка в данном случае заключается не только в открытии южного происхождения якутов, а в уяснении целого ряда конкретных моментов, связанных с этим вопросом: какими путями они переселились на север, когда, в какие исторические эпохи, какой характер носили эти переселения, совершились ли они в форме одноактного передвижения целого народа или имело место постепенное развитие колониционного процесса, растянутого на длительный период, какими причинами все это могло вызываться и т. д.

Весьма сложным вопросом, разрешение которого требует очень внимательного изучения, является, конечно, установление этнического состава якутов, в связи с чем стоит и определение того народа или группы народов, от которых они в глубокой древности оторвались. В тесной связи с разрешением этих вопросов встанет и ряд других исторических проблем, ещё более сложных и запутанных, касающихся социально-экономического строя древнего якутского общества на юге и на севере, происшедших в нем изменений и характера этих изменений, ибо можно представить себе прогрессивное и регрессивное движение или, может быть, застойное состояние. Наконец, и расселение древних якутов в пределах, занятой ими теперь территории, приспособление к физико-географическим условиям этого обширного края, постепенное его освоение, взаимоотношения якутов с его коренными обитателями — все это, несомненно, предполагает очень длительный исторический процесс, подлежащий периодизации и особому изучению. В отношении якутской древности, само собой разумеется, нельзя задаваться фантастическими задачами уяснить все стороны развития народной культуры, ибо научная программа должна соразмеряться не с тем, что вообще было бы желательно и нужно, а с тем, что ещё возможно установить и положительно доказать имеющимися в нашем распоряжении научными источниками.

Подходя к старым историческим трудам с марксистско-ленинским методом, мы не должны ни на минуту забывать об уровне развития науки того времени, с этой точки зрения каждого историка надо мерить масштабом его времени. Нельзя отказать деятелям буржуазной науки в признании их несомненных заслуг, которые в данном случае выразились в постановке интересной якутской проблемы и в первых попытках её разрешения.

Необходимо особо подчеркнуть работу лингвистов, знатоков турецких языков, выступавших в роли историков якутского народа. Та часть их работы, которая была направлена на изучение якутского языка в грамматическом и лексическом отношении, на определение его места среди родственных турецких языков, уяснение его взаимоотношений с монгольскими языками — все это представляет из себя в высокой степени ценный научный источник для древней истории якутского народа. Если случайно объектом нашего исторического изучения является народ, не имеющий своей исторической литературы и никаких писанных памятников, то ясно

само собой, что все сокровища языка, хранящиеся в устной памяти данного народа, должны заменить его историку исторические летописи и все прочие писанные памятники культурных народов. Этим самым и определяется научная ценность для нашего исторического исследования трудов лингвистов, изучавших якутский язык в различных направлениях. И мы не только вправе, но и обязаны подчеркнуть, что, при отсутствии старых и известных капитальных трудов по изучению якутского языка, построение научной истории этого народа было бы немыслимо.

Мы признаем, следовательно, что за старое время в смысле изучения древней истории якутов была проделана большая и полезная подготовительная работа. Но поставленные самими исследователями основные вопросы по древней истории якутов, а именно, установление их этнического родства и той группы народов, от которых предки якутов отделились, точное определение их раннего местожительства, а также приблизительные даты якутских переселений на Лену остались не разрешенными. Господствующие в старой литературе гипотезы минусинского и урянхайского происхождения якутов должны быть отвергнуты как ошибочные, ибо передвижение скотоводческих народов из бассейна Енисея на Ангару исторически не обосновано и самый факт пребывания якутов на Лене с промежуточным этапом в западной части Прибайкалья допускает их передвижение сюда только лишь из Забайкалья. Поворот древних якутских переселений из Ангары на север ясно говорит о наличии какого-то серьезного средостения, которое помешало предкам якутов открыть очень удобные для них места в пределах южного Енисея. Эти выводы подтверждаются и лингвистической экспертизой трех выдающихся лингвистов — академика Отто Бётлингка, Германа Вамбери и академика Радлова, которые единогласно отвергли близкое родство якутского диалекта с наречиями тюркоязычных народов Алтае-Саянского нагорья.

Если же признать доказанным появление якутов в Предбайкалье и в верхнем течении Лены с восточной стороны Байкала, то и общепринятое в буржуазной науке мнение об отходе якутов на север под давлением предков бурят, якобы, наступавших из Забайкалья, должно быть пересмотрено. Больше данных говорит за то, что основное ядро современного бурятского племени раньше якутов населяло Предбайкалье и временно оттеснялось последними отсюда на запад. Обычные же ссылки на преда-

ния самих якутов, что, якобы, их предки бежали с верхних мест Лены под давлением бурят, также должны быть отвергнуты, ибо эти предания оказались псевдоякутскими и сложились в старожильческой русской среде, которая самостоятельно переработала сюжеты якутских сказаний благодаря раннему усвоению якутского языка и фольклора.

В связи с изложенным необходимо отметить, что одной из серьезных ошибок всех старых авторов является пользование не подлинными сказаниями самой якутской народной массы, а их искаженным отражением в русском колонизаторском фольклоре.

Приурочение даты якутских переселений из Предбайкалья на Лену к эпохе войн Чингис-Хана и ко времени образования Монгольской империи, получившее в старой литературе о якутах характер общего места, несомненно, вызвано теми же псевдоякутскими легендами о бегстве якутов от монголо-бурят. При отпадении этой легендарной основы и указанный вывод исторической науки превращается в произвольное допущение.

В принципиальном споре двух академиков Бётлингка и Радлова по вопросу об историческом возрасте якутского диалекта является ли он древним или новотурецким наречием, мы должны предпочесть взгляды Бётлингка, ибо теоретическая позиция Радлова о молодости якутского языка плохо обоснована. Этой теорией академик Радлов искусственно прикрыл свое отступление пред взглядами Бётлингка о турецкой природе якутского языка.

Если научное открытие академика Бётлингка о наличии в якутском языке многих архаических черт, по сравнению с другими тюркскими языками, остается непоколебленным, то отпадает и второе основание указанной выше гипотезы об отступлении якутов на север в эпоху Чингис-Хана или его ближайших потомков. Спрашивается, почему предки якутов не могли переселиться на Лену задолго раньше появления исторического Чингис-Хана? Кто, когда и какими фактами доказал позднее появление носителей якутского наречия в бассейне Лены? В рассмотренной нами исторической литературе вопросы хронологии вообще никак не доказываются. Специалистам по алтайским языкам надлежит ещё раз пересмотреть показания своей науки по вопросу о взаимоотношениях якутского языка с древнейшими турецкими языками. Если близкое родство его с енисей-орхонскими диалектами исключается, то остается в запасе язык древних

хун-ну китайских исторических хроник. Если современная лингвистическая наука ещё не располагает материалами по языку этих хун-ну, если этот язык у себя на родине исчез бесследно, то этим фактом самая проблема о близости якутского языка к языку хун-ну ещё не снимается. Может быть, последний не исчез, а только переместился с юга на север. В подпочвенных льдах полярной Сибири нередко сохраняются целые туши вымерших мамонтов, почему бы и языку древних хун-ну не выжить до эпохи колхозов и совхозов среди дремучих лесов северо-восточной Сибири. И в этом явлении не было бы ничего чудесного и таинственного.

Историческая гипотеза о переселении кочевой части южных хун-ну из пределов Внутренней Монголии через Халху, Забайкалье и Предбайкалье на Лену была высказана и обоснована нами в 1920 г. в устных докладах в научных обществах г. Иркутска¹⁸⁴. Более развернутое изложение этой гипотезы мы имеем в виду дать во втором томе наших очерков. Вот почему автор этих строк с большой радостью ознакомился с работой т. А. Н. Бернштама, много обещающего турколога-марксиста, опубликованной недавно в «Пробл. ист. докапит. общ-в» под заглавием «Происхождение турок»¹⁸⁵, в которой впервые в академической печати защищается тезис о хуннском происхождении якутов. Тов. Бернштам, пользуясь методом анализа языковых пережитков, рекомендуемым яфетидологическим языкознанием, нащупал в якутском языке такие архаические слова, которые носят на себе ясный отпечаток своего хуннского происхождения, как, например, «тойон» и «сююнэ». Причем, по мнению Бернштама, в последнем слове, сохраняющемся в якутском языке со значением «грозный», «мощный», «величественный», нужно видеть пережиточное воспоминание о племенном названии самих хуннов, которые в китайских летописях известны под двойным названием «хун-ну» и «сюн-ну». Между прочим, по поводу слова «сююнэ» к тому же выводу пришли и мы, но идя несколько иным путем. (Об этом см. в 3-ей ч. наших очерков — «Заключительные тезисы»). Мы позволим себе привести цитату из статьи Бернштама, в которой заключается общий итог его выводов:

«Как объяснить происхождение якутов и всю якуто-турецкую загадку? Ответ, по нашему мнению, может быть один.

¹⁸⁴ См. «Основные тезисы докладов Г. В. Ксенофонтова на тему «Происхождение якутов». Журн. «Бурятскоеведение». 1928 г., № 15—2. ¹⁸⁵
№№ 4—6, 1935 г., стр. 43—53.

Якуты являются потомками гуннов. Являясь частью гуннского объединения, якуты составляли его северную окраину, что отражено в самом названии якутов саха — «край»... А. Самойлович склонен называть якутов своего рода «украинцами», периферией турецкого общества. Мы считаем, что они были и периферией гуннского общества. Пребывание в прошлом якутов гораздо южнее их современной территории запечатлено в их мифах и преданиях».

Нужно заметить, что т. Бернштам к этим выводам пришел совершенно независимо от наших исторических исследований, ибо тезисы наших докладов на тему «Происхождение якутов», опубликованные в провинциальном органе, остались вне его кругозора. Точно так же и мы, формулируя свой тезис о слове «сююнэ» и «Сюн-Хаан», как о пережитке имени древних сюн-ну или хун-ну, отнюдь не подозревали о наличии аналогичного положения в уже изданной статье Бернштама.

Наличие в якутском языке элементов древнего хуннского языка в настоящее время признается и таким выдающимся авторитетом в области туркологии, как академик А. Н. Самойлович. Это положение высказано им в письме на имя автора этих строк по ознакомлении им с тезисами этих наших очерков в декабре 1934 г. Позже при личной беседе А. Н. Самойлович разрешил нам ссылаться на это его новое научное убеждение.

Этот крутой поворот в научных воззрениях академических специалистов нового и старого созыва по вопросу о происхождении якутов, вне всякого сомнения, знаменует собою раскрепощение науки о малых народах от пут старого политического режима. Свободная научная мысль при разрешении старых запутанных проблем легко и просто находит теперь новые пути, которые искусственно закрывались раньше. Изучение конкретной гражданской истории якутов, как и других народов Сибири, при царизме не могло продвинуться вперед, ибо оно не диктовалось общими условиями старого режима и его господствующей национальной политикой. Чтобы понять эту простую истину, достаточно сослаться на классическое определение сущности российского царизма, которое было дано в лекции вождя народов.

«Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнета и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России все-

силие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов... Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»¹⁸⁶.

При такой удушливой атмосфере национального гнета самобытная, дорусская история туземных народов Сибири, в том числе и якутов, конечно, не могла привлечь к себе внимания более или менее видных и талантливых ученых деятелей. Этот фронт научной деятельности должен был оставаться глухим и темным переулком, дикой провинцией, где самое большее могли подвизаться только историки-любители.

Для официальных историков дореволюционной эпохи, придерживавшихся своего «отечественного» направления, никаких исторических проблем, касающихся каких-то сибирских «инородцев», не могло и существовать.

И только теперь, после великого Октябрьского переворота и установления Советской власти, осуществляющей принципиально иную политику как в области практического строительства, так и теоретической мысли, древняя история якутов может послужить предметом серьезных научных исследований на основе марксистско-ленинской исторической методологии.

¹⁸⁶ «Вопросы ленинизма». 10 изд. 1934 г., стр. 4.

Глава IV

УСТНЫЕ ЛЕТОПИСИ ЯКУТОВ

(К вопросу об историческом значении их героического эпоса)

I

Если численность всех туземных народов Сибири в настоящее время определяется, приблизительно, в 750 тысяч человек обоего пола, то якуты составляют почти одну треть этого числа. Эта четверть миллиона якутов живет весьма разбросанно на огромном пространстве в три миллиона с лишним кв. километров. Их основное скотоводческое ядро, как известно, занимает среднюю часть бассейна Лены с её правыми и левыми притоками. Значительная группа таких же скотоводов встречается в бассейнах рек Яны, Индигирки и Колымы. Весь север Якутской республики и значительная часть Туруханского края также имеют якутское население, занимающееся оленеводством, охотой и рыболовством. При этих условиях вряд ли можно оспаривать то положение, что, рассматривая якутский народ из прекрасного далека и не конкретизируя наших знаний о нем, нельзя понять и его исторического прошлого. Совершенно очевидно, что только из знания и понимания якутской современности, могла бы родиться правильная историческая теория о якутской древности.

Прежние историки, с трудами которых мы ознакомились в предыдущих главах, обычно не замечают ни значительной численности якутов и ни возможного разнообразия их по экономическому быту, культурному развитию и историческому прошлому. Свои научные рассуждения по этногенезу якутов и их древних переселениях они ведут так, как если бы речь шла о происхождении и передвижениях одного маленького рода, состоящего из нескольких десятков семей. Если мы хотим добиться более лучших результатов, то было бы необходимо исправить в первую же очередь этот недостаток прежнего методического подхода к объекту нашего научного интереса. Следовательно, нужно оперировать не суммарным и отвлеченным понятием о якутах вообще, а конкретно-историческими представлениями обо всех крупных отделах данного народа во всей совокуп-

ности его бытовых признаков, как общих для всех, так и различных по от-
делам, округам и районам.

Правда, старые исследователи, в основу своих исторических изыска-
ний о происхождении якутов кладут такой культурный признак, который
является общим для всего племени и, пожалуй, самым характерным для
него, а именно язык. И, действительно, якутский язык, несмотря на чрез-
вычайную разбросанность расселения его носителей и трудность их вза-
имного общения, являет картину поразительной однородности как в от-
ношении словаря, так и в своих грамматических законах. Мелкие различия
в языке якутского населения разных областей, округов и даже улусов, ко-
нечно, существуют, но они столь несущественны, что их можно игнориро-
вать, особенно когда делаются сопоставления с другими турецкими или
монгольскими наречиями.

При изучении родства народов и их этнического состава метод срав-
нения языков по их лексике и грамматической структуре бесспорно имеет
первостепенное значение. В отношении сторонников минусинского и
урянхайского происхождения якутов мы уже отмечали их основной недо-
статок, а именно, игнорирование ими выводов сравнительно турецкого
языкознания. Но, однако, при решении целого ряда вопросов, например,
какие отделы якутского народа в далеком прошлом были в составе турец-
ких, монгольских или иных племенных групп и где проходят фактические
границы разных этнических примесей у современных якутов, как складыва-
лись их исторические взаимоотношения друг с другом, какова была клас-
совая структура древнего якутского общества и проч., проч. — ни грамма-
тические особенности якутского языка, ни его лексический состав, ни яв-
ления семантического сродства отдельных слов и никакие другие дости-
жения сравнительного языкознания ощутительной пользы принести не
могут. Кроме того, как мы убедились раньше на примере столкновения
двух знаменитых языковедов, академиков Бётлингга и Радлова, по вопро-
су определения исторического возраста якутского языка, лингвистические
явления, очевидно, по своей природе не особенно ясны и вразумительны,
ибо они с одинаковой убедительностью могут говорить за и против одного
и того же положения. Следовательно, не нужно переоценивать значения
лингвистического метода при решении весьма сложных и многообразных
вопросов давно прошедшей истории. Знания лингвистов могут принести

большую пользу историкам, но отсюда отнюдь ещё не следует, что в пределах одного языкознания могут быть разрешены все исторические проблемы.

В настоящее время при разрешении многих вопросов по древней истории большим успехом и популярностью пользуется вещественный архив самой древности, различные археологические памятники прошлого. Но, к сожалению, в отношении якутской древности этот род научных источников давно прошедшей истории почти отсутствует. Археологические памятники в качестве исторических доказательств только тогда имеют решающее значение, когда они накоплены в большом количестве. А единичные памятники и случайные находки способны только вводить исследователей в серьезные ошибки и заблуждения. И при изучении якутской древности археология может, конечно, иметь большое значение, но для этого необходимо выждать определенный срок вегетационного накопления этого рода памятников. Изучение исторического прошлого якутов, само собой разумеется, не может быть приостановлено по той причине, что соответствующие отделы археологической науки находятся ещё в младенческом состоянии.

Показаниями кое-каких археологических памятников мы имеем в виду воспользоваться, но они имеют отношение к вопросам, которые входят в программу второго тома наших очерков.

При изучении этнического состава народа, исторических смешений разных племен и их переселений пользуются большим весом данные антропологии. В отношении вопросов древней якутской истории с антропологией дело обстоит так же мало благополучно, как и с археологией. Якутский народ в целом, по крайней мере в отношении его главных отделов, антропологически, конечно, не изучен. По своей методической структуре антропология сродни статистике в том смысле, что она орудует массовыми числами или типовыми показателями. Если не производились планомерные антропометрические измерения и нет сравнительного материала по всем важнейшим отделам народа, вместе с тем падает и научное значение тех отрывочных материалов, которые случайно выдергивались там или тут. Мало того, антропометрические данные могли бы принести пользу, если бы они охватывали целый ряд родственных или соседних народов, в отношении которых имеется серьезное подозрение в перемешанности

их прошлых исторических судеб. Но такого счастливого сочетания, как общее правило, почти не бывает. Использование антропологических данных теоретически было бы желательно с некоторыми оговорками, но практически это теперь почти не осуществимо.

Мы не можем не остановиться на одном богатейшем научном источнике по древней истории якутов, на который в дореволюционное время не обращалось должного внимания и без использования которого нечего и гадать об исторических судьбах якутского народа. Это героические сказания якутов, сохранившиеся до наших дней в устах народа почти в полной неприкосновенности. На этом вопросе стоит сосредоточить и заострить наше внимание, об историческом значении этого источника стоит серьезно подумать.

Якутский народ не богат материальной культурой, по сравнению с оседло-земледельческими народами не на высоком уровне стоят у него и разные роды пластического искусства, почти отсутствует музыка, но зато каждого исследователя, хорошо знающего якутский язык, не может не поразить исключительный дар якутов в области словесного творчества и обилие его памятников.

Грандиозные богатырские поэмы, или былины якутов «олонгхо» — все ещё ждут своих собирателей и исследователей. Не менее богатую религиозную поэзию, мистерии их, так называемых, белых шаманов (айыы ойуна) на 99% нужно признать погибшей для науки, ибо, когда явилась возможность записывать якутские тексты, якуты уже перешли к христианству и совершенно забросили весь цикл своих древних религиозных обрядов. Сохранившиеся до наших дней мистерии якутских черных шаманов (абаасы ойуна), лекарей, колдунов, представляют из себя лишь нижний, подвальный этаж народной религии, который отнюдь не может характеризовать официальную религию скотоводческого народа. Вне этих двух крупных разделов художественного фольклора у якутов мы находим прозаический, повествовательный фольклор, мифы и легенды светского и религиозного характера, по содержанию не уступающие первым двум разделам.

Нет надобности доказывать, что народный фольклор якутов, как и у всякого другого народа, должен отражать глубокую древность и в своих

сохранившихся образцах воспроизводить идеологию каких-то давно прошедших культурно-исторических эпох.

Спрашивается теперь, можно ли признать научными разные попытки отыскания ближайших родственников якутского народа помимо сравнительного изучения его богатейшего художественного и повествовательного фольклора? Если все виды фольклора рассматривать, как непосредственный продукт общественной жизни людей, как словесное отражение их материального и общественного бытия, то эти застывшие формы древнего сознания якутов нельзя не рассматривать как важнейший источник их прошлой истории. Всякий народный миф и предание, как известно, из всего состава надстроечных идеологических явлений, отличаются удивительным консерватизмом. Они без всяких существенных изменений могут переживать века и тысячелетия. Это явление, по-видимому, объясняется тем обстоятельством, что миф и предание принадлежат к области религиозных явлений, ибо они находятся в тесной связи с культом предков. По этому поводу мы можем сослаться на известное мнение Фридриха Энгельса:

«Мы видим, стало быть, что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии предание является великой консервативной силой». (Людвиг Фейербах).

Из всех видов фольклора в качестве научного источника по древней истории якутов на первом месте нужно поставить не художественный, а повествовательный прозаический фольклор, под которым мы разумеем героический эпос.

Рассказы о старине обычно сохраняются в форме повествований о деяниях тех или других излюбленных народных героев. У якутов до недавнего времени нельзя было найти ни одного улуса или наслега, которые не имели бы своего цикла сказаний о героях или не повторяли бы с разными вариантными изменениями общеплеменные циклы. Правда, с постепенным разрушением старинного экономического быта якутов, с переходом их к хлебопашеству, с развитием от хожих промыслов и торговли ещё в эпоху царизма древний героический эпос местами стал забываться и подвергаться частичному перерождению. После Октябрьского переворота, в связи с социалистической реорганизацией всего хозяйства и быта,

полное вымирание всех пережитков древнего якутского феодального строя является вопросом лишь нескольких лет. Оно точно отсчитано немногими годами и месяцами жизни тех глубоких старцев, которые вступили в революционные годы с окрепшим и устойчивым сознанием и мировоззрением.

Но имеют ли какую-либо научную ценность устные сказания якутов о деяниях своих героев, можно ли принять последних за исторические личности, а их деяния за реальные события?

Мы не рискуем давать общие и абстрактные ответы на вопрос о реализме героического эпоса вообще. Но в отношении якутов мы располагаем такими данными, которые, если и не позволяют давать без всяких оговорок положительные ответы на поставленные выше вопросы, то, во всяком случае, сильно колеблют привычный скепсис буржуазных историков в отношении народных сказаний, как к собранию всякого рода вымыслов и нелепицы.

Во-первых, мы можем напомнить здесь общепризнанную историческую гипотезу о южном происхождении якутов и их переселении на север вниз по р. Лене, которая, как мы знаем, была подсказана устными сказаниями самих якутов. Припомним и происхождение маленькой группы шорохинских «якутов» около г. Туруханска, которые долго сбивали с толку ученых людей, подсказывая совершенно фантастическую гипотезу переселения древних якутов через Енисей и Ниж. Тунгуску. Легендарное воспоминание вилюйских якутов о предках этих шорохинцев разве не вводит историческую науку в её нормальное русло? Напомним и якутскую легенду о тунгусском герое, который, будучи обижаем сыном якутского царя Тыгына, пригрозил привести людей с выдающимися носами и глубоко сидящими глазами¹⁸⁷. Вряд ли кто из историков, знакомившихся с писаными документами эпохи завоевания русскими казаками бассейна Лены, решился бы отрицать, что этот мифологический образ якутского народа, родившийся, несомненно, в эту эпоху, целиком основан на общеизвестных исторических фактах. Не только при завоевании якутов, но и бурят, тунгусы обычно служили «вожами» казачьих отрядов. Не приходится также сомневаться и в том, что тунгусы легко переходили на сторону русских по

¹⁸⁷ Подробно об этом см. в VI гл. 1-й части.

той простой причине, что раньше они были обижаемы и бурятами, и якутами.

Очевидно, что легендарная традиция якутов складывалась среди верхов народа, которые умели разбираться в исторических фактах и давать им житейски верное истолкование.

Ввиду большого принципиального значения вопроса об исторической ценности устных преданий якутов, мы позволим себе остановиться ещё на одной фактической иллюстрации их реализма. Этот случай для нас самих был неожиданным и далеко превысил те надежды, которые мы возлагали на якутский героический эпос.

В сентябре 1932 г. мы записали с уст якута Борогонского улуса Григория Бурцева одно интересное предание о кровавой расправе, которая разгорелась между двумя якутскими родами, из которых один принадлежал к Борогонскому улусу, а другой — к Мегинскому. Подлинный текст этого предания в дословном переводе прилагается к нашим очеркам (см. прил. II). Для большей ясности мы вкратце переложим здесь его содержание.

В Легойском наслеге Борогонского улуса в древности, но когда русские уже установили свои ясачные оклады, жил один храбрый и сильный муж, по имени Солук-Боотур (2-я часть имени нарицательное слово и значит богатырь). Однажды он на соболином промысле повстречался с другим витязем из соседнего Мегинского улуса Мельжехсинского наслега Джэллик-Боотуром, который тоже охотился на землях Борогонского улуса. Витязи заспорили из-за одного соболя и схватились. Солук-Б. одолел и, повалив противника на землю, поранил ему лицо. Затем прогнал его с наказом не забираться на чужую территорию.

Летом того же года легойцы снарядили в город человека с соболиным ясаком и в качестве охраны при нем отправили упомянутого Солук-Б — ра. Легойцы, уплатив ясак, переправились на правый берег Лены в урочище Джаарбанг (Ярмонская пристань) и тронулись в путь. Но, к несчастью, Солук-Б. забыл на берегу свою пальму и вспомнил об этом, уже отъехав значительное расстояние. Ярмонская пристань расположена как раз на землях того Мельжехсинского наслега, из которого происходил побитый Солуком Джэллик-Б. На беду в этот же день мельжехсинцы на пригорке Туруйалаах, около трактовой дороги, справляли свой праздник освящения

кумыса — «ысыах». Солук-Б. решил возвратиться на берег за пальмой, несмотря на предостережение своего товарища, который говорил:

— «Неужели из-за одной пальмы ты хочешь идти к целой стае волков, имея с ними счеты?».

И, действительно, когда он проезжал обратно мимо веселящихся мельжехсинцев, его враг, Джэллик-Б., с оружием в руках, сев на оседланного коня, погнался за ним. Под Солук-Б — ом была кобылица, которая начала сдавать в беге. Он несколько раз крикнул, чтобы преследователь добром прекратил свою погоню, но, однако, напрасно. Тогда Солук-Б., обернувшись, на скаку выстрелил из лука и убил преследователя наповал.

Дальше в предании рассказывается о вмешательстве русских властей, которые по жалобе одного мельжехсинца, некоего Ойуусут-уус (якут, прозвище, значит — узорщик- кузнец, наверное, серебряник), начали расследование об убийстве. Установили виновность Солук-Б — ра, но стороны кончили дело миром с тем условием, что легойцы уплачивают потерпевшей стороне имущественное возмещение за причиненное в количестве 100 голов конного скота и ещё двух человек. 80 голов скота уплатили при заключении мира, а уплату остальных 20-ти голов отсрочили до будущего года под ответственность или поручительство одного легойца, по имени Тёрёлёй-Ойун (Т.-шаман). Однако, последний, добившись дальнейшей отсрочки долга из года в год под разными предложениями, в конце концов отказался платить и даже выругал упомянутого выше главаря мельжехсинцев — Ойуусут- Уус.

Последний, в одну поездку Тёрёлёя в город для уплаты ясака, подстерег его с тремя товарищами на обратном пути и, застрелив из лука, отрубил ему голову.

Предание кончается чудесными сценами: окровавленная голова шамана, взмахивая волосами, как крыльями, летит на родину, а через три года после убийства шамана над урасой Ойуусут-Уус пронесся страшный ураган и с тех пор последний исчез, как будто в воду канул. Люди среди шума ветра слышали лишь его жалобную мольбу: «О, дядя, постой, погоди!». Убитый шаман будто бы приходился ему дядей по матери.

Этот рассказ мы приняли за произвольный художественный вымысел, в основе которого, весьма возможно, лежало смутное воспоминание о какой-то эпохе длительной вражды между Борогонским и Мегинским

улусами. Перенесение этой вражды к началу русской истории мы были склонны объяснять простым анахронизмом, свойственным вообще устным сказаниям. Но, однако, наши теоретические прогнозы, принижающие историческое значение якутских преданий, неожиданно для нас потерпели крушение. Это случилось так:

Летом 1933 г. нам пришлось знакомиться в Якутском центральном архиве с разными выписками из исторических актов, хранящихся в Сибирском приказе и относящихся к концу XVII столетия. Эти выписки были сделаны после революции по поручению научных органов Якутской Республики. Здесь мы наткнулись на одно дело, восходившее до царя Федора Алексеевича в 1690 г. по жалобе князца Борогонского улуса Чюкачка Капчикова на мегинского якута Чюгуна Бодоева о расторжении их мировой челобитной. В связи с этой жалобой из Якутской воеводской канцелярии были представлены копии всех документов, относящихся к длинной истории этой тяжбы, начавшейся за 18 лет до того убийством одним борогонским якутом якута Мегинского улуса.

Читая эти документы 250-тилетней давности, мы плохо верили своим глазам. Пред нами лежало точное описание того самого события, о котором повествуется в приведенном выше сказании якутов Борогонского улуса. Но, однако, верить мы обязаны, ибо неопровержимые факты — пред нами налицо. Вопрос о ценности и важности якутских народных сказаний, как исторических источников, настолько велик, что будет отнюдь не лишним привести здесь все параллельные места из упомянутого архивного дела второй половины XVII стол., возникшего всего-навсего через 40 лет после первого появления русских казаков в центр Якутского края.

1 докум.) «В 170 г. (1672 г.) воеводе Ивану Голенищеву- Кутузову подал челобитную... Мегинской волости якут Чюгунко Бодоев...

«что Борогонской волости якут Солук Чюгунов, ехал-де он Солук мимо их юрт Чюгунковых и Куреяковых. И тот де Солук убил брата ево родного Куреяка Бодоева до смерти».

(Дальше сообщается, что, на основе этой челобитной, послан атаман Артемий Петриловский с 10-ю казаками и «велено того убойцу Солучка привезти в город». Солук пойман и приведен).

«И тот убоец Солук в приказной избе перед стольником и воеводой Голенищевым расспрашивая и в допросе сказал: «Приезжал он Солучко за

янщиками в проводниках за соболиною казною и поехал назад домой. И за ним де Солучком погнался Мегинской волости якут Куреячко Бодоев на лошади да он Чюгунко да 4 человека пеших, а имян де их не ведает, и убить де ево Солучка хотели. И он де Солучко от него Куреяка на своей лошади бежал и боронясь от себя хотел под ним Куреяком подстрелить лошадь, чтоб ево Солучка тот Куреяк нагнав не убил, и на побеге ево Солукова лошадь под ним сподкнулась, и ево Куреячко ненарочно застрелил».

(«Убойца питан и огнем сжен, но говорил те же речи, что и в допросе сказал»).

«И на деле помета стольника и воеводы Ив. Гол.-Кутузова: освободить ево Солучка ис тюрьмы, потому что он Солучка с пыток и огня не винылся и сказал, что убил ево Куреячка от себя боронясь и написать ясак за убитого 11 соболей» (242 лист).

2 докум.)» «И в прошлом во 173 году Чюгунка Бодоев да Солучка Чюгунов подали мировую челобитную, что они в том деле помирились, и он Солучка дал в головщину ему Чюгунку сына своего Сюнсюка да дочь Чечогоя да девку, да 15 лошадей, да 15 кобыл бережных да 20 быков, да 10 коров стельных да ему ж платить за убитого Куреяка великого государя ясаку по 11 соболей на год со 170 году по 188 год».

«И на той челобитной помета стол. и воев. Ивана Голенищева - Кутузова: записать мир и челобитье».

(«И против той мировой челобитной у него Солучка он Чюгунко сына и дочь и девку и всякого скота взял и велено госуд. ясак он

Солучка платил по 186 год») (л. д. 243).

3 докум.) «И в прошлом во 172 г. по челобитью Борогонской волости якута князца Торонея Логуева и с очной ставки по якуте по Чюгунка Бодоева взята поручная запись, что ему Чюгунку Торонея Логуева и родников его никого не убить. А держал по нем Чюгунке поруку городской толмач Козма Габышев да сын его Другашка».

4 докум.) «И во 180 (1682 г.) августа 1 день извещал словесно Одейской волости якут Тюмучко Сергуев: сего де числа поехали он да Борогонской волости князец Тюронейко Логуев домой в юрты; и Торонея Логуева на дороге убил до смерти Мегинской волости якут Чюгунко Бодоев да племянник ево Кусоганко Куреяков.....

«И того ж числа тот убитый Торней Логуев досматривал, и на убитом якуте Торнее Логуеве рана копейная в правому боку под пазухой, да рана де копейная выше пупа в брюхе, да рана стрельная в левом боку».

5 докум.) «И в прошлом во 181 году декабря в 5 день убойца Чюгунка Бодоева брат ево родной Чюмучка Бодоеп объявил в приказной избе, и тот Чюгунко расспрашивая, а в распросе сказал:

«Виноват де он Чюгунко пред великим государем, что он убил того Торнея с племянником своим с Кусоганком Куреяковым за недоплатную головщину и за ясак, что по договору родник их Солучко Чюгунов ясаку и головщины не платит» (л. д. 245).

Содержание остальных документов для нас неважно. Из дела видно, что распря ещё продолжалась. Сыновья убитого Торнея с отрядом в 200 человек два раза приходили в «куяках» и «в копыа» войной к мегинским Чюгунковым, прикололи коней и кобыл и угнали с собой много всякого скота, и насиловали женщин, и увели людей. Потом опять заключили мировую. Эту-то последнюю мировую оспаривает племянник убитого князца Торнея Логуева, князец Борогонской вол, Чюкачка Капчиков в своей челобитной на имя царя Федора Алексеевича, ссылаясь на то, что она была дана под угрозой воеводы Андрея Барнешлева.

Не может быть никакого сомнения в том, что устное сказание якутов Борогонского улуса о Солук-Боотуре и писанные исторические акты 2-ой половины XVII ст. повествуют об одних и тех же событиях, наглядно иллюстрируя собою достоинства и недостатки того и другого способа сохранения воспоминаний о древности. По преданию имя главного героя Солук-Боотур и письменные источники воспроизводят то же самое имя с фамильным прозвищем «Чюгунов», который, весьма возможно, возник в связи с русскими обычаями. По крайней мере, относительно другого героя Чюгунко Бодоева, соответствующего Ойуусут-Уус борогонских легенд, мы имеем основание утверждать, что первая часть имени «Чюгунко», по видимому, воспроизводит название его рода («ага- ууса»), ибо в 1-м Мельжехсинском наслеге, где по легенде совершились смертоубийства, имеется и теперь один род под названием «Чугуун», в офиц. докум. «Чюгуновский»¹⁸⁸.

¹⁸⁸ См. М.Н. Соколов. "Якутия по переписи 1917 г." Вып 2, стр. 24.

Письменное наименование второго потерпевшего героя, борогонского князца Тороней или Тюронейко и по фабуле рассказа и по звуковому составу вполне соответствует легендарному имени «Тёрёлёй» с дополнительным якутским прозвищем «ойун» по профессии (шаман) носителя имени. В письменном акте якутское имя бесспорно искажено ввиду отсутствия в русском алфавите буквы, соответствующей якутскому мягкому гласному «ё». Что дело обстоит именно так, доказывается сбиванием писца, который пишет то «Тороней», то «Тюроней», в последнем случае как бы догадываясь о мягкой природе якутского гласного «ё». В этом имени последний согласный звук «л» русское ухо превратило в «н». Во всяком случае, якуты Борогонского улуса имена своих собственных героев сохранили в точности, ввиду чего мы вправе героев устного сказания объявить историческими личностями. Следовательно, и сюжет легенды в данном случае основан на реальных исторических событиях.

Историка не может не поразить точность легендарной памяти якутского народа. О событиях, совершившихся два с половиной века тому назад, легенда повествует с таким реализмом и с такими мельчайшими подробностями, как если бы они произошли два-три года тому назад на глазах живого свидетеля. Само собой разумеется, нет никаких оснований для обобщения отмеченных особенностей легендарного мышления якутов, обусловленных, по-видимому, совершенно своеобразными условиями существования якутского народа и их исторически сложившимся характером. Ещё князь Костров, опираясь на какие-то источники, обращал внимание на память якутов:

«Якут рассказывает друзьям и детям историю своей жизни, не упуская ни малейшей подробности, с такой ясностью и точностью, что кажется, будто все рассказываемые происшествия совершились на днях»¹⁸⁹.

Историк, имея перед собой одни писанные акты, по поводу описанных смертоубийств, наткнулся бы на целый ряд пробелов. В них не определяется место, где совершилось первое и второе убийство, остается совершенно неизвестным причина вражды убитого Курячко (это, вероятно, якутское имя «Кюрээйэх») к Солуку Чюгунову, почему он ни с того ни с сего погнался за ним на лошади, не определяются с достаточной точностью

¹⁸⁹ См. кн. Н. А. Кострова «Очерки юрид. быта якутов». Зап. Импер. русс. геогр. общ. СПб., 1878 г., т. VIII, отд. 2., стр. 259—299.

и личности, ибо Борогонский и Мегинский волости или улусы очень обширны и имеют почти по два десятка наслегов разных наименований. На все эти вопросы устное сказание дает более точные ответы, оживляя и конкретизируя те исторические события, о которых письменные документы сохранили в значительной мере лишь их общий остов. Мы узнаем житейские мелочи, которые послужили поводом или завязкой довольно серьезной трагедии, а также и её отдаленную причину. Установление русской ясачной повинности должно было очень высоко поднять ценность и значение соболиных ухожий и породить среди якутов такие недоразумения, о которых раньше они могли и не знать. Не забудь Солук Чюгунов на берегу пальмы, не произошло бы и погони за ним Куреяка, не случись в это время кумысного праздника, собравшего толпу мельжехсинцев на высокий пригорок Туруйалаах под открытым небом, Куреяк мог бы и не заметить своего проезжающего врага и т. д.

Из предания мы узнаем также, что убитый борогонский князец был шаманом, а его «убойца» Чюгунко Бодоев кузнецом-серебряником и что они были в родстве друг с другом. Так как речь идет о шамане-князе, представителе господствующего класса, он не мог быть шаманом-колдуном. Очевидно, здесь мы имеем дело со жрецом древней якутской религии, т. н. «айыы ойуна» или белым шаманом.

Во всяком случае ни один историк не может утверждать, что в данном случае для познания конкретного исторического события вполне достаточны одни писанные документы и что устное предание якутов не принесет ему никакой пользы. Самое ценное преимущество писанных документов заключается, главным образом, в том, что они со времени принятия разработанного календаря, точно датируют исторические события (хотя могут быть, конечно, документы и без дат), тогда как предание дает только приблизительные указания на время.

На данном конкретном примере мы получаем живую и яркую иллюстрацию по вопросу о доказательной силе устных воспоминаний или преданий якутского народа до какой исторической дали хватает его устная коллективная память. Получаем точный масштаб: события, имевшие место в самом начале русской эпохи, якуты в своем коллективном и преемственном сознании способны воспроизвести с поразительной точностью, которая не уступает точности писанных документов, а в тех случаях, где со-

ставители последних были очень слабо ориентированы о внутренней жизни якутского народа, устные предания последнего свидетельствуют гораздо точнее и вернее. Письменное свидетельство всегда составляется людьми и, конечно, оно не может дать нам больше того, что знали эти люди. На письменных документах лежит печать ограниченности людей известной эпохи. И нет никакого основания их идеализировать по сравнению с устными преданиями якутов.

Подходя с той же критической оценкой к якутским легендам, на данном конкретном примере мы опять-таки получаем красноречивое указание на их ахиллесову пяту. Это — стремление украшать предание различного рода мифологическими завитушками или чудесами, вытекающими из религиозного мировоззрения народа. Письменные документы удостоверяли нам, что голова шамана Тёрёлёя Логуева при осмотре его трупа была на месте и отнюдь не собиралась улетать на родину. Точно так же документы удостоверяли, что кузнец-серебряник Чюгунко Бодоев совсем не был похищен мстительным шаманским духом и жил долго после совершенного им убийства. Само собой разумеется, что эти реалистические коррективы в сюжеты якутских легенд можно вносить и без документальных подсказок. Для этого достаточно быть знакомым с древней религией якутов. В данном случае религиозное воображение якутов разыгралось, конечно, потому, что в событии принимал участие князь-священнослужитель, который пользовался почитанием не только при жизни, но с ещё большей силой после своей смерти.

Мы приходим к выводу, что при пользовании, как научным источником, легендами якутов не представляло бы большого труда разделение в их материале зерен исторических от мифологических примесей. Мы не будем останавливаться здесь на методах критического изучения и истолкования легендарного материала, ибо эти вопросы лучше решать на отдельных конкретных примерах, нежели путем отвлеченного умствования.

Из всего изложенного вытекает необходимость привлечения якутских устных сказаний в качестве одного из важнейших и незаменимых источников исторической науки. Как нельзя приступать к разработке истории культурных народов, обладающих издавна своей письменностью, не проделав пред варительную работу по сбору всех имеющихся писанных источников и установлению их точных списков или текстов, точно также и

историк якутского народа обязан начать свою работу со сбора всего сохранившегося материала по легендарной истории якутов, иначе говоря, всех устных памятников их героического эпоса.

Эта предварительная работа над источниками древней истории якутов, пожалуй, будет много посложнее и труднее, чем работа над писаными источниками. Если у народов культурных их исторические летописи или другие документированные памятники сохраняются во многих параллельных списках, обнаруживающих разные степени сохранности и различия одних и тех же мест, ввиду чего требуется кропотливое изучение каждого списка в отдельности, их сравнительное сопоставление, дополнение одного другим и т. д., то и устные памятники древней истории якутов предстоят перед исследователем в величайшем многообразии — разнообразных «списков» или точнее «сказов». Этих устных сказов о древности якутского народа, рассуждая теоретически, должно быть столько, сколько разумных голов, живущих в своей родной и естественной обстановке. В этом самом моменте и заключается большая трудность работы над источниками легендарной истории бесписьменных народов. Показание каждого якута, конечно, не может сойти за народное предание. Из старых якутоведов, например, Серошевский все рассказы и суждения якутов о старине принимал за научный источник и клал их в основу своих теоретических выводов. Как поднадзорный политический ссыльный, он не пользовался правом свободного разъезда по якутским улусам и наследам, но зато в пунктах своего поселения он имел возможность вести беседы на разные темы о прошлой жизни якутов со своими случайными соседями. Обычно эти беседы у Серошевского выливались в форму простого диалога, им ставится вопрос, дальше следует ответ. При этом для нас остаются совершенно неизвестными ни имена, ни возраст, ни общественное положение и ни точная административная приписка этих «знатоков» якутской древности. Один (случайный) «якут сообщил мне» то-то, и делу конец.

Ясно, конечно, что подобный метод собирания «научных источников» о прошлой истории якутов никуда не годится. Пользуясь этим методом, можно доказывать и защищать любое положение. Мнение и суждение каждого случайного якута, хотя бы он и был соседом Серошевского или кого другого, не может рассматриваться, как элемент народной леген-

ды, предания и как обнаружение исторического самосознания якутской массы.

Практикуется и другой, диаметрально противоположный изложенному, метод установления устного источника всяких знаний о якутской древности. Выбирается самый известный и хорошо грамотный якут или русский человек, долго проживший среди якутов или в близком соприкосновении с ними, и тоже подвергается инквизиционному допросу по пунктам ученой программы на разные темы о давно прошедшей жизни якутов. И этот избранный мудрец на все вопросы дает готовые ответы, облакая в форму положительного знания свои предположения и догадки, основанные на отрывочных фактах из области народного фольклора или ходячих в той или другой среде суеверных суждениях о якутской древности. Если исследователь имеет дело с более или менее сведущим мудрецом, то последний может сообщить остов сюжета наиболее популярных легендарных сказаний якутов со своими собственными комментариями, которые, как общее правило, не выделяются из состава народной легенды. Такой характер носят, например, рассказы грамотного якута Баягантайского улуса П. Е. Готовцева о якутской старине, опубликованные в переводе на русский язык Э. К. Пекарским под заглавием «Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими»¹⁹⁰.

Готовцев в своем рассказе излагает не один определенный вариант народных преданий, услышанный им в известном районе с уст такого-то лица, носителя народной старины, а свое собственное суммарное представление о происхождении и прошлой жизни якутов, хотя и подчерпнутое из преданий, но обработанное им самим в одно связное повествование. Готовцев — не сказитель народной легенды, а первобытный историограф, пользующийся неведомо какими источниками. В его рассказе мы находим, например, гипотезу о происхождении племенного названия якутов «саха» от имени шаманского духа «сах», а также и этнического якутского термина «нууча» — русский, якобы, от первого русского слова «лучше-лучче», услышанного якутами от пришельцев. По тому же методу автор производит и термин «якут» от якутской фразы «джэ-куот», что значит — ну, беги. Он рассуждает о том, какова была вера древних якутов, какие интересные обычаи у них бытовали и т. д. Так как Готовцев — человек бы-

¹⁹⁰ См. Зап. Им. росс. общ. по отд. этногр. Т. XXXIV. «Сборник в честь 70 лет Г. Н. Потанина».

валый и встречавшийся с людьми разных улусов, то и элементы народных преданий, использованные им, нельзя приурочить к определенному улусу или наслегу.

В лице Готовцева мы имеем дело не со знатоком народной легенды, а её истолкователем, это тип слагающегося среди якутов примитивного историка- литератора. Правда, что явление общечеловеческое, именно, так писались первые исторические труды у всех культурных народов. Но тем не менее нельзя не прийти к выводу, что Готовцевы фальсифицируют народную легенду, внося в них элементы отсебятины и своей досужей мудрости. Трудрами их можно пользоваться только в случаях крайней необходимости, когда нельзя пробраться к народному первоисточнику.

Несмотря на обилие фактического материала, точно такой же характер литературной обработки народных сказаний якутов носят и труды довольно популярного якутоведа прошлого века В. Л. Приклонского¹⁹¹, который при изложении древней истории якутов положил в основу своих рассуждений записку другого неизвестного якутского «Готовцева», имени которого автор, по каким-то своим соображениям, не захотел открыть. Но нам случайно удалось установить, что Приклонский использовал докладную записку образованного якута Борогонского улуса И. С. Говорова, поданную им генерал- губернатору Восточной Сибири графу Игнатьеву, во время приезда его в Якутск в 1886 г.¹⁹².

И. С. Говоров записал один вариант легенды об Омогое и Эллэе, правда, без указания на источник. Но собранными нами материалами устанавливается, что Говоров в своей записке отразил легенду, бытующую в его родном Борогонском улусе. С такой документацией запись Говорова нужно признать одной из лучших из числа опубликованных в старой этнографической литературе как по богатству подробно стей, так и по точности воспроизведения народного оригинала. Не в пример Готовцеву, Говоров показал себя прекрасным фольклористом. Но, однако, это случайное исключение отнюдь не оправдывает, конечно, самый метод суммарного ознакомления с преданиями якутов через ряд неведомых посредников.

¹⁹¹ В. Л. Приклонский. Три года в Якутской области. Жур. «Живая старина» за 1890 г. Вып. II, гл. II, стр. 24—35.

¹⁹² Полная копия докладной записки И. С. Говорова с изложением её истории сохранилась в мемуарах покойного старожилы г. Якутска Д. И. Меликова, который любезно разрешил нам ознакомиться с ней. Текст Говорова и Приклонского совпадают во всех существенных местах.

И тот и другой метод собирания материалов по легендарной истории якутов должен быть забракован, как явно ненаучный и фальсифицирующий устные народные источники.

Каждого встречного и поперечного якута нельзя принимать за знатока народных легенд и за хранителя устных летописей. Тем более не все то, что может выболтать, сочинить *ad hoc* каждый якут не есть народная легенда. Точно так же не могут сойти за легендистов и те единичные мудрецы-грамотеи, которые, усвоив писательскую замашку из культурной среды, выступают в роли историков народа.

Легендой или преданием нужно назвать такой связный рассказ о старинных временах, который имеет определенный круг распространения и бытует в изустной памяти народа во многих редакциях, расходящихся в мелочах, но повторяющих один устойчивый сюжет о судьбах тех или других излюбленных героев. Очень часто вокруг одного и того же героического имени группируется несколько сюжетов, или отдельных рассказов. Тогда мы имеем дело с целым легендарным циклом, фрагменты которого приходится собирать по кусочкам с уст разных сказителей.

Прозанимавшись в течение многих лет собиранием материалов по героическому эпосу якутов, нам пришлось удостовериться, что в якутской среде знание легендарной хроники о прошлом и умелая передача её присущи очень немногим лицам, выступающим в роли как бы присяжных летописцев того или другого района. Обычно это очень толковые старцы, пользующиеся в окружающей среде большим уважением и обнаруживающие свои специальные познания лишь в обстановке умной беседы. Во всяком случае, за всяко просто и в любой момент нельзя вызвать их на откровенные разговоры. В якутской среде значительно проще и легче найти сказителя длинной художественной былины «олонгхо», чем прослушать рассказы хороших легендистов.

Чтобы использовать те или другие записанные легенды в качестве научных источников, прежде всего, нужно удостовериться в том, что это есть именно легендарный сказ народа, имеющий как бы свое объективное бытие в сознании массы голов. В этом обстоятельстве можно удостовериться только при наличии целого ряда параллельных записей, сделанных в разных местах. Вариантные записи не только удостоверяют легендарность и народность данного рассказа, но и дают возможность устано-

вить все его характерные составные элементы: что в них постоянно и устойчиво и что явилось в результате индивидуального творчества или интерпретации отдельных рассказчиков. Во-вторых, историк должен знать пределы распространения данной легенды или целого цикла подобных сказаний. Следовательно, кроме вариантных записей на территории бытования легенды нужно вести и систематические расспросы на ту же тему по всем другим важнейшим отделам народа. Среди якутов констатируются легендарные циклы, пользующиеся почти повсеместным распространением, есть циклы, обнимающие несколько улусов, есть улусного масштаба и ещё меньшего обхвата, бытуют, наконец, и легенды мелких родов. В процессе истолкования того или другого легендарного цикла и раскрытия его исторического смысла радиус его распространения не может не играть самой существенной роли.

Мало того, для историка не менее важно в отношении циклов широкого обхвата установить их первичные очаги, иначе говоря, те пункты или группы людей, с которыми данный цикл имеет самые ближайшие связи и откуда он начал заражать соседние группы.

Из всего изложенного вытекает, что подготовительная работа историка по собиранию необходимых источников науки, материала по легендарной истории якутов, представляет из себя большой и сложный труд. Он должен, по сути дела, завершиться составлением особой карты бытующих среди разных отделов якутского народа легендарных циклов, сюжетов и имен с точными указаниями пределов их распространения, центральных очагов и их периферии. Только тогда мы будем иметь ясную картину исторического самосознания народа, ранний удельный вес разных его отделов, их древние взаимные отношения, господствующее положение одних и подчиненное других; только тогда прояснятся пути исторического распространения якутского народа по занятой им территории, последовательность заселения тех или других естественных областей и районов и т. д. Установление господствующих в героическом эпосе всего племени или в его отдельных частях мифологических сюжетов, мотивов и имен даст возможность при помощи широкого сравнительного изучения и анализа уяснить этническое и историко-культурное родство якутского народа в целом или его подразделений с другими известными народами древности.

К сожалению, за истекший период развития этнографических знаний о якутах, изложенная выше подготовительная работа по собиранию, систематизации и установлению текстов, бытующих среди них, легендарных циклов совершенно отсутствовала. Исследователи обратили свое внимание лишь на один цикл сказаний об Омогое и Элэе, легендарных прародителях якутов. Но в предыдущих главах мы с достаточной подробностью ознакомились с образцами их фольклорных трудов. Авторы около ста лет возились с этой легендой и все-таки не сумели добраться до народного первоисточника. Если и делались более или менее подробные записи по историческому фольклору якутов, то они редко когда документируются по месту и личности сказителей, как общее правило, всегда преподносятся в обработанном и искаженном виде. Обычно даются свободные пересказы при помощи плохих переводчиков или с уст знатоков якутского быта и нравов, в каковой роли выступали представители русского духовенства, чины полиции, купцы и, сравнительно реже, якутские мудрецы типа Готовцева. В результате получается не народная легенда, а её отдаленная тень, на которую нельзя ссылаться, как на надежный научный источник. Старые бытописатели очень долго не могли выработать понятие о том, что якуты разных округов, районов и улусов могут сильно разниться друг от друга по своим обычаям, нравам, верованию и легендарному самосознанию. Вместо конкретного представления о якутах разных округов и районов в этнографических трудах выступает отвлеченный образ «якута» вообще. Даже и этот образ обычно стилизуется под понятие воображаемого «дикаря», чтобы потрафить великорусскому самосознанию своих читателей.

Вот почему автор этих строк, до приступа к разработке древней истории якутов, вынужден был потратить больше десяти лет на собирание материалов по их историческому фольклору, стараясь охватить все важнейшие отделы народа. Но мы не жалеем ни потерянное время, ни свои труды и ни разные невзгоды, перенесенные нами, ибо только собранные материалы по героическому эпосу позволили нам разглядеть основные контуры древней истории якутского народа и получить ответы по целому ряду таких вопросов, которые раньше казались нам почти неразрешимыми. Необходимо отметить здесь исключительно важное значение исторического фольклора якутов в деле прояснения их социальной организации

в дорусскую эпоху. Богатство якутского героического эпоса, его классовая направленность дают историку первые ориентировочные данные о том, что социально-экономическая организация их имеет свои исторические корни в ранних стадиях скотоводческого феодализма, свойственного центрально-азиатским кочевникам. В связи с этим устанавливается интернациональное значение якутского исторического фольклора, ибо номады степной Азии, после разрушения империи чингизидов перешли в принципиально новую стадию своего существования, которую можно характеризовать, как эпоху азиатского средневековья и духовного порабощения номадов оседлыми государствами. Если говорить о кочевой Монголии с её типичным пастушеским бытом, то она давно лишилась своей политической самостоятельности, утратила свою первобытную религию, фактически потеряла и свое княжеское сословие, переродившееся в китайских мандаринов. Она обзавелась и своими городами, в которых сосредоточены все дела политического и общественного управления. Эти города одновременно являются и торгово-распределительными центрами, при посредстве которых отсталое пастушеское население Монголии вовлекается в общую сеть капиталистических отношений, господствующих в Китае и в соседней России. Мало того, в степях Монголии возникли многочисленные ламайские монастыри, представляющие оседлые поселения, в которых сосредоточена вся духовная и религиозная жизнь народа. Вряд ли на всем земном шаре можно найти другую страну, в которой монастыри и монахи занимали бы такое исключительное положение, как в степной Монголии. В этом отношении Монголия, несомненно, перещеголяла средневековую Европу. Достаточно сослаться на тот красноречивый факт, что численность монашеского сословия в Монголии в последнее время равнялась 44,6% всего мужского населения страны¹⁹³.

Под влиянием этих новых факторов кочующие монголы совершенно утратили героический эпос своих древних предков и то, что они сохранили в своей памяти, нельзя характеризовать иначе, как жалкие остатки былого величия и грустные лоскутья знамен воинственных монголов.

Этот самый степной эпос мы находим у современных якутов. Вопрос о близком родстве якутского и древнемонгольского героического эпоса —

¹⁹³ См. И. Майский. Современная Монголия. Иркутск, 1921 г., 27—28 стр.

очень обширная тема и ею мы сможем заняться лишь во втором томе наших очерков.

Собранные нами материалы по историческому фольклору якутов вошли в состав трех сборников, в которых мы даем наши записи, сделанные первоначально по-якутски, в переводе на русский язык:

VIII. «Эллэйада». (Материалы по легендарной истории и мифологии якутов).

IX. «Дополнение к Эллэйаде». (Героические сказания якутов Амгино-Ленского плоскогорья).

X. «Оленекская хосунная эпопея». (Героические сказания северных якутов-оленеводов).

В первых двух сборниках содержатся памятники героического эпоса основного ядра якутов-скотоводов, а в третьем — легенды северных якутов, которые населяют северо-восточный угол Якутской республики, занимаясь оленеводством, охотой и рыболовством.

По богатству и разнообразию своего содержания героический эпос скотоводов стоит несравненно выше эпоса северных якутов, но, для понимания ранних стадий якутской истории в пределах северо-восточной Сибири, нельзя обойтись без исторического фольклора якутов оленеводов. И в том и в другом красною нитью проходит история древних якутских переселений с юга на север. Легенды оленеводов и скотоводов легко распознаются по особой композиции легендарного материала и по тому содержанию, которое и те и другие вкладывают в понятие «героя» своей прошлой истории. У северных якутов герой — только отличный воин, который не находится ни в какой родственной связи с окружающей массой, тогда как все герои якутов-скотоводов выступают ещё в роли патриархов или отцов многочисленного потомства. Патриархи по степени популярности своего имени и по количеству размножившегося потомства отличаются друг от друга как бы по рангам: есть общеплеменные отцы, есть отцы крупных отделов народа, состоящих из нескольких поздних улусов или наслегов, отцы улусов, одноименных аймаков и мелких родов. В тесной связи с идеей патриархов народа находится и другая характерная особенность эпоса скотоводов, которая заключается в родословиях или генеалогических схемах происхождения всего якутского племени и его разных отделов от одной начальной семьи.

Легенды якутов-скотоводов по своему содержанию и характеру генеалогических систем в свою очередь могут быть подразделены на два самостоятельных цикла: 1) цикл легенд якутов быв. Якутского округа и 2) цикл вилюйских якутов. Причем якутский цикл известен и пользуется популярностью также и в пределах Вилюйского округа, тогда как вилюйский цикл строго локален и якутянам почти не известен. Основное ядро героического эпоса якутян составляет цикл сказаний об общеплеменных патриархах — Омогое и Эллэе, из которых последний представляется ещё и культурным героем, учителем всяких искусств, ремесел и обрядов богопочитания. В местном вилюйском цикле, взамен образа общеплеменного отца, выступает праматерь народа тоже с заметными следами былой её учительской миссии.

В легендах якутян огромной популярностью пользуется образ Тыгына, начальника и повелителя всех якутов, погибающего в неравной борьбе с русскими завоевателями. Причем легко обнаруживается, что генеалогическая схема происхождения всего якутского племени от одной начальной пары, по отцовской линии от Эллэя, а по материнской — от Омогоя, первоначально была ни чем иным, как родословием этого царя якутов, Тыгына. Среди вилюйских якутов образ Тыгына пользуется не меньшей популярностью. Для них Тыгын — не только повелитель якутского народа, но и их постоянный гонитель: это от его притеснений и вечных войн предки вилюйских якутов бежали в пределы своей современной родины. Легенды о Тыгыне известны всем якутам как скотоводам, так и оленеводам.

Легенда об общеплеменных патриархах, Омогое и Эллэе, совершенно неизвестна якутам-оленеводам, а из скотоводов якутам Верхоянского и Колымского округов. Таким образом, самым популярным героем исторических сказаний якутов является царь Тыгын. Самостоятельные циклы вилюйчан и якутян увязаны друг с другом лишь при посредстве образа отца Тыгына: праматерь вилюйских якутов представляется женой наложницей или рабыней отца Тыгына. Иными словами, якуты Якутского и Вилюйского округов, по их мифо логической концепции, находятся в таком же соотношении друг с другом, как древние евреи и арабы по библейским сказаниям.

Легенды якутов Верхоянского округа по своей структуре приближаются к вилюйским, но стоят несколько ниже, ибо у них нет идеи ни обще-

племенного отца и ни общего патриарха всех верхоянцев. Таковы же были, по-видимому, и местные легенды двух северных улусов Вилюйского округа, быв. улусов Верхневилюйского и Средневилюйского, но они позже были затоплены общеякутскими сказаниями об Эллэе, Омогое и Тыгыне, пришедшими из Якутского округа. Якуты быв. Олекминского округа, рано перейдя к земледельческому быту, по-видимому, совершенно утратили свой самобытный героический эпос и повторяют обрывки тех сказаний, которые просачиваются к ним из Якутского округа благодаря оживленным торговым связям с последним, а отчасти и при посредстве натурализовавшихся в их среде единичных якутян.

Из сравнительного обзора героических сказаний якутов совершенно отчетливо выступает командующее положение и полная культурная гегемония над всеми якутами населения Якутского округа. Идея общеплеменного предка попала к вилюйчанам благодаря большой примеси у них многих родов из Якутского округа, переселившихся на Вилюй в разные исторические эпохи. Эти переселения должны были занести на Вилюй не только голую идею общеплеменного начальника Тыгына, но и политическую покорность пред ним. Господствующее среди якутоведов царского периода общее мнение о том, что легендарное сознание якутской массы о существовании в дорусскую эпоху своего племенного царя и начальника является плодом её досужей фантазии и позднейшего измышления, приходится рассматривать не только как результат слабой изученности исторического фольклора якутов, но и как проявление политической мысли старого великодержавного общества, направленной к умалению дорусской культуры покоренного народа. Однако, общий голос всего якутского народа о наличии у него своего верховного князя и обычной для пастушеских народов Азии формы упрощенной государственности, конечно, нельзя выбросить за борт исторической науки без серьезной аргументации.

Что представляет из себя кровное родство и братство всех якутов, проицированные при посредстве искусственной лестницы их древних патриархов, являющихся, якобы, членами одной размножившейся семьи, как не идеологическое отражение единой системы феодального управления, покоящегося на принципе раздела всего якутского народа на крупные и мелкие уделы, находящиеся под управлением целой сети родни одной царствующей тыгынской династии? Позже, при детальном изучении гене-

алогических сказаний якутов мы убедимся, что идею патриарха нужно понимать не наивно реалистически, по образцу понятий и представлений самого темного якутского народа, а как яркое выражение политической идеи, в основе которой лежит притязание на власть верхушек якутской феодальной аристократии. Все степные турецкие племена воображали себя размножившимся потомством своего древнего знаменитого царя-завоевателя, легендарного Огуз-Хана (бык-царь), который, якобы, имел шесть сыновей и по четыре внука от каждого из них. Вот эти то 24 огузовых внука и признавались праотцами 24-х турецких племен, какие только существуют на свете. Ещё в 1920 г. в своих первых докладах в научных обществах г. Иркутска на тему «Происхождение якутов» пишущий эти строки обосновал следующий тезис:

«Якутская легенда об Омогое и Элэе является вариантом общетурецкой легенды об Огуз-Хане, а также легенды уйгуров об избрании ими двух царей»¹⁹⁴.

Та же политическая идея — представления целого народа как потомства древних царей, только в более спутанных и туманных очертаниях, господствовала и в героическом эпосе древних монголов в эпоху Чингис-Хана и его сыновей, о котором мы упоминали выше. Основное ядро героического эпоса якутов-скотоводов, которое мы озаглавили «Эллэйада», интересно в том отношении, что в нем мы обнаруживаем в развернутом, живом и натуральном виде генеалогические сказания и мифы древнейших турецких и монгольских племен Центральной Азии, тогда как в писанных научных источниках современной ориенталистики этот фольклорный материал сохранился в жалких обрывках. Вот почему «Эллэйада», сохранившаяся в памяти культурно-отсталого якутского народа в дебрях северо-восточной Сибири, имеет громадную научную ценность, как памятник интернационального героического эпоса номадов древней Азии.

Не входя здесь в детальный разбор содержания якутского героического эпоса, каковую задачу мы будем ставить в соответствующих частях и главах наших очерков, мы попытаемся наметить лишь общие контуры постепенного развития древней истории якутов, намечающиеся по легендарному историческому самосознанию всей якутской массы как оно отра-

¹⁹⁴ См. жур. «Бурятведение» за 1928 г. № 1—2. Заметка В. И. Сосновского под заглавием «Основные тезисы докладов Г. В. Ксенофонтова на тему «Происхождение якутов». II. 6.

зилось в собранных нами памятниках его героического эпоса. С ответом на этот вопрос, само собой разумеется, находится в тесной связи и общий план нашего самостоятельного исторического исследования.

Существование совершенно самостоятельного и своеобразного героического эпоса у северных якутов-оленьеводов, с одной стороны, замечательно разработанного и однородного на всем громадном пространстве расселения их по Крайнему Северу, а с другой — содержащего в себе очень много архаических мифологических мотивов, убеждает нас в том, что группа северных якутов не историческое новообразование порусской эпохи, как склонны были думать прежние якутоведы, а очень древний спутник якутского народа, сопровождающий его, весьма возможно, с исторической колыбели. Легенды якутов-оленьеводов вращаются вокруг одного излюбленного и доминирующего сюжета, который можно характеризовать как рассказ о неожиданном нападении одной малочисленной, но зато тесно спаянной, группы оленьеводов и охотников на другую более многочисленную, но очень слабо вооруженную. Первая группа всегда одерживает победу, убивает вождя противников, овладевает его оленями и подчиненным народом. При этом характерно то, что на стороне победителей всегда бывает кузнец, ковач железного вооружения: иногда он фигурирует как родич нападающей группы, если же он стоит вне их, то всегда представляется их доброжелателем и союзником.

Такое содержание героических сказаний северных якутов, в связи с их авангардным положением при движении с юга на север, заставило нас заподозрить в них самых ранних переселенцев из состава современного якутского народа, занесших в бассейн Лены как звуки его речи, так и некоторые элементы свойственной ему культуры. Но это рабочая гипотеза, подсказанная героическим эпосом, должна быть проверена подробным изучением современного состояния якутов-оленьеводов — их экономического быта, обычаев и нравов, языка религиозных воззрений, этнического состава и т. д. Рассмотрению этих вопросов посвящается вторая часть наших очерков под заглавием «Северные якуты-оленьеводы».

Знакомясь с героическим эпосом скотоводов, мы обнаруживаем большое расхождение в историческом самосознании якутов Вилуйского и Якутского округов, из которых первые образуют довольно мощную группу в 80 тысяч душ, а последние — около 140 тысяч душ. Вилуйчане, со времен

их древних героев, мыслят себя полускотоводческим, полупромысловым народом, который постоянно находился в подчинении у якутян. Последних вилюйчане привыкли олицетворять в образе их Тыгына или его отца. Праматерь вилюйчан представляется рабыней у отца Тыгына, а её сыновья служат батраками и пастухами у самого Тыгына. Будучи не в силах выносить гнет, оскорбления и побои от Тыгына или его зятей, вилюйские герои, по совету своей матери, покидают родные места и бегут на Вилюй, который в легендах именуется «безграничной далью». Бегут тайком, ибо Тыгын добровольно не отпускает их. Узнав о побеге, Тыгын преследует вилюйских героев с войском, но безуспешно. Позже он примиряется с этим фактом и даже одаривает вилюйских героев скотом, ибо их собственный погиб во время бегства. На новых местах вилюйские герои застают оленеводческий народ, избивают его, а частью обращают в бегство. Более поздние вилюйские герои выступают в роли поставщиков дорогой пушнины для богачей из среды якутян. Свою легендарную праматерь вилюйчане всегда представляют себе не якуткой, а тунгуской или какой-то иноплеменницей.

Такое отчетливое историческое самосознание вилюйских якутов заставляет нас признать в них иноплеменную примесь к якутам, по преимуществу, тунгусского происхождения, которая была объякучена в течение длительного исторического процесса общения с якутами и подчиненного у них положения. Если гнет якутского народа вилюйчане олицетворяют в лице их Тыгына, то значит, якутское племя с очень давних времен имело единую политическую организацию и своих официальных представителей. Следовательно, Тыгын — не эфемерная личность, выступившая на сцену лишь в эпоху русского нашествия, а конкретный символ определенной формы общественной организации. Он должен отвечать за многих Тыгинов, занимающих одно и то же положение в социальной организации древних якутов. Устная историческая традиция тем и отличается от писаной, что она не может расчленить длящееся историческое явление на его составные элементы, ибо у ней нет и не может быть хронологической перспективы.

Общий смысл героического эпоса вилюйских якутов ясно свидетельствует о том, что они — из числа якутов-скотоводов раньше переселились

в бассейн Лены и в первую очередь колонизовали территорию Вилюйского округа, вытеснив оттуда якутов-оленеводов.

Но все изложенное представляет лишь рабочие гипотезы, которые должны быть доказаны подробным анализом всех элементов якутского героического эпоса, экономического быта, материальной и духовной культуры, топографических и физико-географических условий всего бассейна Лены, а также и Прибайкалья. Разработке этих вопросов, связанных с эпохой переселения на Лену вилюйских якутов, посвящается третья часть наших очерков под заглавием «Вилюйские якуты».

Этими тремя частями мы заканчиваем наше исследование о древнейших судьбах меньшей половины якутского народа, которая по своему первоначальному этническому происхождению не принадлежала к туркам. Мы знаем о существовании в якутском языке двух этнических терминов «саха» и «ураангхай», которые как бы одновременно покрывают общее понятие «якуты — якутский народ». Господствующее среди якутоведов царского периода мнение, что один из них — старый, а другой — новый, мы отвергаем как ошибочное. Дело не в старине одного и новизне другого, а в двухсоставности современного якутского народа и в постепенном слиянии двух этнических элементов в однородную массу. Если дело обстояло так, то легко и просто объясняется появление в их языке двух этнических терминов, из которых один, а именно, название слабейшей и поглощенной группы, должен был выйти в тираж за исчезновением своего объекта. Само собой разумеется, что этот, выбывший из строя термин, в современном якутском языке должен производить впечатление чего-то ветхого и устарелого. В нем мы узнаем старинное этническое самоназвание основного ядра вилюйских якутов и якутов-оленеводов. И это есть термин «ураангхай». Поэтому первый том наших очерков мы мыслим как основные наброски по древней истории якутов-ураангхайцев.

Благодаря раннему переселению якутов-ураангхайцев на север, исторические судьбы якутского народа в целом сложились совершенно своеобразно. Он оторвался от общетурецкой массы и своим обособленным историческим бытием в пределах северо-восточной Сибири задает ученым людям головоломную научную загадку. Как мы убедились в предыдущих главах, историки и языковеды почти целых два столетия бились над разрешением этой загадки, но, однако, «исторический воз» и

ныне там, где покинули его первые серьезные историки. Правильное разрешение якутской проблемы, по нашему мнению, заключается в нетурецком этническом происхождении якутов-ураангхайцев и в раннем загибе их древней истории на север. Без своих ураангхайских примесей якуты не были бы якутами. И вот почему необходимо признать, что история ураангхайского отдела якутского народа важнее, чем история самих турок — саха.

II

Вопросы социально-экономической организации древнего якутского общества нельзя не признать самыми трудными и сложными из числа различных тем, подлежащих нашему изучению. Во всяком случае, с места в карьер было бы нецелесообразно приниматься за их разрешение. Мы считаем необходимым поставить эти вопросы в заключительных главах наших очерков, когда прояснится общий исторический горизонт о далеком прошлом якутского народа. Иными словами, в программу нашего первого тома эти вопросы не войдут. Но в порядке предварительной проработки этой обширной темы мы считаем возможным высказать несколько замечаний по затронутому выше вопросу о якутском царе Тыгыне, ибо при отсутствии этого «пугала» не только для якутоведов старого закала, но, по-видимому, и для всей якутской массы было бы не легко понять её древние переселения до «края земли», как повествуется в преданиях вилюйских якутов.

Прежде всего, каждого историка, который стал бы пользоваться показаниями якутского героического эпоса, как научным источником, не может не смущать то обстоятельство, что этот пресловутый якутский царь выступает всего только в единственном числе. В. Л. Приклонский был прав, назвав его «бессмертным героем якутского эпоса». Его возраст в момент нашествия русских некоторые сказители определяют в 300 лет:

«Тыгын одряхлел, ему исполнилось триста лет. Как рассказывают, его садили на особое возвышенное ложе («арангас оронгнго»). Все приезжие из дальних краев входили к нему, кладя поклоны на его колени, выходили также с поклонами; словом, обращались с ним как с божеством («тангара курдук»)). (Эллэйада. § 71).

Так повествует о Тыгыне один из лучших легендистов Западно-Кангаласского улуса старик 71 года Михаил Неустроев, принадлежащий к

составу родовой вотчины самого Тыгына. Но можно ли удивляться долголетию якутского Тыгына, когда мы знаем по русским былинам тоже бессмертного героя «Владимира — красное солнышко», который в единственном числе отвечает за всех великих князей Киевской Руси? Конкретная история знает многих великих князей «стольного града» Киева, а исторический фольклор народа — только одного из них. Очевидно, сама техника устного восприятия исторических событий такова, что всякое длящееся социальное явление во всех своих частях самому себе равное, в народной памяти должно быть унифицировано.

Выше мы ознакомились с поразительным реализмом образов якутского героического эпоса. Мы знаем также и заключение авторитетных лингвистов-туркологов о значении имени «Тыгын», который признан не собственным, а нарицательным именем «тэгин»; это слово у древних степных турок употреблялось как титул родных братьев царствующих ханов, а иногда входило и в состав имен самих ханов. Спрашивается, почему же легендарное воспоминание всего якутского народа о существовании своего племенного повелителя, начальника или царя, обозначавшегося не по собственному имени, а по его почетному титулу, должно быть отброшено как праздная выдумка? Ясно, конечно, что в данном случае мы имеем дело с ярким примером великодержавного отношения к вопросам прошлой истории малых и политически угнетенных народов.

Но, однако, великодержавный каприз якутоведов старого периода проявляется здесь в очень наивных формах. Для пастушеских народов степной Азии наличие больших или малых деспотий не является большой новостью. И было бы даже очень странно, если бы мы не обнаружили её у якутов, которые до прихода русских размножали, по преимуществу, конный скот. Мы позволяем себе думать, что для каждого историка-марксиста классовая структура древнего якутского общества, отражающего какую-то стадию развития азиатского скотоводческого феодализма, не может подлежать сомнению. Это положение, по-видимому, твердо осознано в современной марксистской историографии. По крайней мере, в недавно появившейся рецензии в журн. «Историк-марксист» за 1935 год (№ 2) на книгу проф. Н. Н. Козьмина «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» мы находим следующие довольно решительные утверждения:

«Буржуазные националисты и их теоретики на протяжении всего периода коллективизации и борьбы с феодально-кулацкими элементами кишлака, аймака, аула неоднократно пытались доказать отсутствие феодализма у бурят-монголов, казахов, киргизов, калмыков и других восточных народов, пытались изобразить манаков, зайсанов, баев чуть ли не как представителей патриархально-родовой организации, якобы, уцелевших вплоть до наших дней».

«Само собой разумеется, что подобные контрреволюционные рассуждения получили сокрушительный отпор. При непосредственном участии трудящихся масс было до конца выявлено подлинное классовое лицо феодальных, полуфеодальных и кулацких элементов, веками грабивших и разорявших кочевые и полукочевые народы».

«...Вопрос о наличии в прошлом у кочевых народов СССР феодальных отношений решен в положительном смысле...»

Следовательно, общую политическую причину, которая в старое время мешала говорить о наличии у якутов развитого классового общества с феодальным монархом во главе, теперь нужно признать уже устраненной.

По вопросу об унификации конкретных фигур многих якутских тыгынов в один собирательный образ, мы можем сослаться на одну характерную особенность в психологии классового азиатского общества. Дело в том, что якутская народная масса не могла знать имен своих тыгынов, ибо в старозаветном азиатском обществе произношение собственных имен особо чтимых людей искони веков признавалось величайшим грехом. В якутском языке и теперь сохраняется весьма архаическая поговорка «аар саарга ааттаммат аат», что значит — ни под каким видом не произносимое имя. В дореволюционное время якуты остерегались произносить имена всех своих должностных лиц и заменяли их нарицательными словами, обозначавшими их должность или профессию. Например, внутри своих обществ все улусные головы именовались просто «кулуба» (голова), наследные старосты — «кинээс» (князь), выборные члены их «инородных управ» — «быыбарнай» (выборный). В отношении лиц, занижавших высшие улусные должности, прибегали к слову «тойон» — начальство, сравнительно реже «огонньор» — старик. Даже известных купцов именовали просто «атыысыт» — торговец, купец. Тем паче, нельзя допустить, чтобы в

древние времена в отношении самой высокой персоны не соблюдалось табу на произношение её собственного имени, которое, в силу того же принципа, не могло и опубликовываться в широких массах. «Не поминай имени земного твоего владыки, приравненного небесному господу, всуе» — есть основная заповедь всей монархической Азии¹⁹⁵.

Между прочим, в упомянутом выше Западно-Кангаласском улусе один из потомков легендарного Тыгына, известный в официальных документах под именем Софрона Сыранова, живший во второй половине XVIII стол., долгое время занимал должность головы своего улуса и ездил в Петербург в качестве депутата от якутов для участия в работах знаменитой комиссии Екатерины II-ой. В преданиях своего улуса этот Софрон Сыранов стал известен под нарицательной кличкой «Джокутаат» (русс. депутат).

Приведенных данных вполне достаточно для уяснения того положения, что якутский легендарный «Тыгын» не собственное имя, а его обычный титул или должностное звание. Если так, то значит, все верховные начальники якутского народа могли быть известны ему только по этому титулу. Известна старая французская поговорка «Умер король, да здравствует король». Не то же ли явление имело место и у якутов в отношении тыгынов при старозаветном обычае именовать их только по титулу? Умер один «тыгын», но здравствует другой «тыгын». Вот почему творцы и носители якутского героического эпоса не могли давать себе отчета в смене своих тыгынов. Отсюда их мафусаиловское долголетие или даже вечное царствование одного единственного Тыгына.

Но имеется ли в якутском языке особый термин для передачи понятия «царь», чтобы мы имели возможность окончательно преодолеть в отношении якутов предрассудок великодержавного общества, отказывавшего им даже в простом понимании этой идеи?

Якуты очень боятся медведя и относятся к нему весьма почтительно, что выражается, например, даже, в избегании при разговоре нарицательного слова «эсэ» — медведь. Оно заменяется окольным и более почтительным наименованием «ойуурдаагы» (от слова «ойуур» — лес), что значит — тот, который обитает в лесу, лесной, лешак. По тому же принципу и

¹⁹⁵ Аналогичный обычай, между прочим, констатируется у турок Урянхайского края. М. Райков об урянхайцах пишет: «Никто из саянцев не хотел сказать имени огурды, так как им нельзя произносить его имя». (См. «Отчет о поездке к верховьям р. Енисея в 1897 г.». Изв. Импер. геогр. о-ва, т. XXXIV, вып. IV, стр. 26).

грамматическому приему якуты образовали слово «ыраахтаагы» (от слова «ыраах» — даль, дальний) — тот самый, который живет в дали, дальний, далекий. Но это и есть якутский термин для понятия царь. По поводу этого слова в словаре Э. К. Пекарского мы читаем:

«Ыраахтаагы...— вдали (далеко) находящийся, далеко живущий, дальний, далекий: государь, император, царь, король, князь, владетель, царствующий» (3814 стр.).

Этот почтительный термин создан, конечно, не для одного русского царя, которого якуты обычно именуют «нууча ыраахтаагыта» (русский царь) или «юрюнг ыраахтаагы» (белый царь), а также и «кюн судаар». В последнем термине, не трудно узнать заимствованное русское слово «государь; (ко-судаар, кюн-судаар).

В якутском фольклоре имеется понятие даже о царе птиц—«кётёр ыраахтаагыта», о царе четвероногих — «кыыл ыраахтаагыта». Между прочим, бытует и детская сказочка о войне между царем зверей и птиц. Эта сказочка настолько популярна, что её записал даже В. Серошевский¹⁹⁶.

Следовательно, вопрос о том, было ли известно древним якутам понятие «царь», в сущности говоря, есть вопрос детского разума.

Якутам известен и общетурецкий и монгольский термин «хаан» — царь в его переносных значениях. В словаре Пекарского значение этого слова определяется так:

«Хаан...— большой, великий, важный, дочтенный, степенный» (там же, 3295 стр.). В некоторых случаях Пекарский переводит это слово через царь, напр., «хаан-аартык» — царь-проход. В якутских былинах очень часто встречаются герои-богатыри, в имена которых входит слово «хаан»:

«Хаан-Джаргыстай», «Хара-Хаан», «Хаан-Киси Харыадал- Бэргэн, Харах-Хаан» и т. д. В их древней религии выступают те же ханы: «Джылга-Хаан» (бог судьбы), «Хаан-Тангара», «Сююлэ-Хаан» (якобы божество грома), «Сюнг-Хаан» — великий хан. Последний персонаж в былинах, между прочим, представляется прародителем всех якутоподобных народов. Это божество будто бы имеет обыкновение вселяться в орла. В старину все невестки знатных и богатых родов имели обыкновение воздавать этой божественной персоне поклонение в лице темносерого орла, как покровителю всего правящего княжеского класса.

¹⁹⁶ См. "Якуты". Стр. 604-609. "Крысья голова и война зверей и птиц".

Итак, понятие «царь» для якутов не могло быть большой новостью, оно известно им со времен весьма отдаленной, былинной эпохи. Цепкие лапы царизма и, по всей вероятности, в форме центральноазиатской деспотии и безграничного абсолютизма испытали якуты. И недаром они образовали обходный термин «ыраахтаагы» по образцу вторичного имени грозного медведя. Царские когти оставили в якутском языке и немало других следов. Мы можем указать ещё на один очень характерный термин для обозначения податей и государственных повинностей — «ыраахтаагы суола», в дословном переводе «царская дорога».

Интересно, почему понятие повинность, подать определяется индизмателем как царская дорога? Это произошло, вероятно, по той причине, что у кочевых народов государственная повинность выражалась, главным образом, в поставке лошадей для нужд ханов, для передвижения его послов и караванов. В якутском языке до сих пор бытует оригинальная поговорка «Тыгын сырыыта» — езда Тыгына, которая характеризует очень быструю езду. Если после Тыгына при своих путешествиях пользовались переменными конями, то обыкновенному смертному, конечно, трудно было бы угнаться за ними. Приведенная поговорка могла образоваться лишь при отбывании якутами дорожной повинности по приказам своих тыгынов. Поэтому и понятие государственной повинности вообще у них стало передаваться странным термином «царская дорога».

О существовании у якутов дорусской эпохи дорожной повинности, кроме приведенной поговорки о езде Тыгына, свидетельствуют и некоторые легендарные сюжеты и образы. В записанных нами легендах о Тыгыне, между прочим, сообщается, что у него или у его сына имелись особые скороходы, которые будто бы отличались необычайным проворством в беге, и служили для посылок в случаях экстренной важности. Про скорохода по имени Хончой рассказывается, что он по приказу Тыгына сбегал на Сунтар от того места, где теперь стоит г. Якутск, туда и обратно в двое суток, т. е. проходя в сутки по 1000 верст. Другой посол сына Тыгына, по имени Дэгийэ-Бэргэн, будто бы пробегал 240 верст в течение трех часов. (Эллэйада. §§ 70 и 161). Эти гиперболические образы трудно было бы понять иначе, как смутные сновидения народа о тех отдаленных временах, когда по «царским дорогам» на переменных конях мчались ханские послы и курьеры.

У степных народов Монголии дорожная повинность существовала со времен глубочайшей древности. Мы имеем указание, что в Московском государстве в XVII веке отбывание ямской повинности было организовано по образцу татарских порядков, которые для передвижения послов и сборщиков податей в своих русских владениях, приказывали содержать «ямы» — станционные пункты и при них «ярыжек» — конных поводчиков¹⁹⁷. Как давно известно, слова ям, ямщик и ярыжка — татарского происхождения: «йам» — по уйгурски — почтовая станция, по-османски и джагатайски — почтовые лошади, «йамчы, йамчи» — ямщик, «йарыш» — конская скачка, а «йарышчы» — имеющий коня и бегающий на состязании¹⁹⁸.

Все русские поселки по Лене, организованные в конце XVIII в. для обслуживания государственного тракта, якуты Западно-Кангаласского улуса называют по древнеуйгурски — «джаам», тогда как в русских официальных документах они обычно называются «станами» или «станками». Отбывание дорожной повинности по-якутски — «джаам тутар», «джаам сюрдэр».

Эти древнеуйгурские государственные термины якуты могли получить не окольным путем от русских, а непосредственно вместе с самими древнеуйгурскими тэгинами.

На уйгурском происхождении «тыгынов» и феодальной верхушки древнего якутского общества мы остановимся подробно во 2-м томе наших очерков. Здесь ограничимся указанием лишь на один веский аргумент уйгурского происхождения якутской знати. Среди якутов Кангаласского улуса, откуда происходили тыгыны и где мы обнаруживаем первичный очаг знаменитой легенды о прародителях всего якутского народа, Омогое и Элэе, констатируется сильно развитый культ посмертного почитания умерших до замужества девиц знатного происхождения. Весь сонм этих девичьих душ, фигурирующих в каждом шаманском заклинании, известен якутам под характерным наименованием «дев девяти уйгуров» — «тогус уйгуур кыргыттар». В современной ориенталистике, на основании точных показаний китайских исторических хроник, арабской литературы, данных уйгурской и монгольской письменности, а также и древнетурецких

¹⁹⁷ См. Фабрициус. «Почта и народное хозяйство в России в XVII в.» СПб., 1864 г. Лаппо-Данилевский.

«Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб.. 1890

г. ¹⁹⁸ См. Радлов. Опыт слов. тюркс. нар. Т. 3, стр. 127—128, 298 и 311.

орхонских письмен, бесспорно установлено, что древний уйгурский народ, обитавший до половины IX ст. по хр. эры в современных монгольских степях, имея политический центр в теперешней Халхе, именовал себя «тогус уйгурами» — девятью уйгурами. Под этим названием он был известен и всем окружающим народам. Таким образом, религиозный фольклор, консервативность которого известна всем и каждому, сохранил до наших дней точное доказательство уйгурского происхождения якутской феодальной аристократии, разумеется, и их тэгинов:

Мало того, в китайских летописях сохранилось указание на то, что в годы разрушения уйгурского ханства в древней Халхе без вести пропал и последний хан уйгуров Энэнь-Тэгин. Он сначала со своей семьей и частью вельмож укрылся среди своего вассального народа шивэй, жившего где-то в северо-восточном углу Монголии, в котором ориенталисты обычно усматривают монголов Чингис-Хана. Когда китайские полководцы требовали от шивэй выдачи уйгурского хана, последний, как гласят китайские летописи, «пришел в страх. Он взял свою жену Гэлу и сына Дуса-Тэгина и ночью с девятью конными бежал на запад. Родовичи горько рыдали. Семь родов шивэйских разделили ойхорцев» (т. е. остатки уйгур).

Это событие имело место в 847 году. Дальше, Иакинф Бичурин, ссылаясь на показание китайской летописи Ган-Му, сообщает, что бежавший Энэнь-Тэгин «без вести пропал»¹⁹⁹.

Энэнь-Тэгин не мог бежать по монгольским степям, где в то время уже господствовали енисейские кыргызы и китайские отряды. Проще всего допустить, что он, присоединившись к остаткам каких-то своих воинских частей, эвакуировался из Монголии к окраинным аймакам своего подчиненного народа, жившем в районе Прибайкалья. Как мы уже знаем, проживание якутов в Прибайкалье в исторической науке не вызывает сомнения. В связи с обнаружением среди якутов своих «тыгынов», уйгурских государственных терминов и «дев девяти уйгуров», казалось бы, можно остановиться на том предположении, что Энэнь-Тэгин укрылся среди якутов и положил начало династии их тыгынов. По недостатку места и времени мы не сможем здесь сослаться ещё на показания и русских исторических актов, которые удостоверяют, что в эпоху завоевания якутов среди их

¹⁹⁹ См. И. Бичурин. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена». Ч. I, стр. 424 и 426.

«Кангаласской» волости была фамилия князя «Тынина». Имена его сыновей по казачьим документам и преданиям якутов Кангаласского улуса в точности совпадают.

По вопросу о якутском царизме необходимо сделать еще одну оговорку. Для нас интересны не те формы государственности, которые могли сохраниться у якутов в момент русского завоевания, а та стадия её развития, которая существовала на юге в Прибайкалье в эпоху развития якутских переселений на север. После переселения всего якутского народа на Лену от его древней феодальной организации могли остаться одни рожки да ножки, ибо там не было условий которые могли бы способствовать поддержанию государственных порядков. Если отсутствует внешняя опасность, нет в окружении равных соперников, нет торговых и политических связей с окружающими народами, то тем самым выпадают все те естественно-исторические условия, которые поддерживают функционирование государственного аппарата. В момент прихода казаков якутский феодальный строй мог представлять картину сплошной руины.

Глава V

ЮЖНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯКУТОВ

Как мы убедились в предыдущих главах, в историко-этнографической литературе почти не вызывает спора и возражений утверждение, что якуты в бассейне Лены являются пришельцами из далекого юга и что в более ранние исторические эпохи они обитали в области верхней Лены и Ангары, прилежащей к озеру Байкал.

Об этом свидетельствует якутский язык, принадлежащий к обширной семье турецких наречий, наибольшее распространение которых с начала второго тысячелетия новой эры можно наметить в странах, окаймляющих Каспийское море; о том же говорят как господствующий экономический быт якутов, так и устные легенды о своем историческом прошлом. Как нельзя допустить образование якутского наречия помимо истонных исторических взаимоотношений с основной массой родственных языков, точно так же и якутское хозяйство, разведение рогатого и конного скота, являющееся оазисом среди оленеводческой охотничьериболовческой культуры Севера, нельзя понять иначе, как ответвление

того типа хозяйства, который господствовал в более южных широтах Сибири и дальше в обширных степях Центральной Азии. И в том и в другом отношении разорванную пуповину якутской преистории с южными центрами, конечно, нужно и должно искать только в районе Верхоленинских и Приангарских степей, рассматривая якутский народ со всей его материальной и духовной культурой как колонию, получившую совершенно самостоятельное бытие вследствие стародавнего отрыва от породившей её метрополии. То обстоятельство, что в данном случае мы имеем дело с историей подвижных номадов, которые своей хозяйственной деятельностью почти не изменяют лицо земли и мало оставляют на нем осязательных следов своего пребывания²⁰⁰, конечно, осложняет задачу историка, пытающегося ретроспективным анализом прочесть содержание давно перелистанных и поросших травой забвения страниц быстролетной жизни.

Но невзирая на эти кажущиеся трудности, переселение якутов откуда-то с юга, повторяем, не может вызывать никаких сомнений. Фактически здесь приходится разрешать вопрос не столько о происхождении самих якутов, сколько о происхождении их довольно многочисленного скота. В самом деле, откуда же взялся у якутов рогатый и конный скот, составляющий повсеместно, за исключением Крайнего Севера, основу их благополучия? Где предки этого скота щипали траву, плодились и размножались, прежде чем забраться в таежные тундры Ленского края?

В литературе нередко высказывается мнение, что якуты обзавелись рогатым скотом лишь после прихода русских или даже от них научились употреблять в пищу молоко. Так, например, С. Урсынович в своей работе «Религия туземных народностей Сибири» пишет:

²⁰⁰ Однако, необходимо оговориться, что это положение носит условный характер. Нетленные археологические остатки свойственны и для эпохи номадизма: до наших дней сохраняются не только погребальные сооружения из камня и глины, кости людей и животных, предметы из металла, но даже при благоприятных условиях изделия из дерева, бересты, волоса, кожи и тканей. Номадам центрально-азиатских степей не были чужды и крепостные сооружения в виде рвов и валов, а также каменные и глинобитные стены. Но эти археологические остатки, во-первых, мало изучены, во-вторых, при современном уровне развития исторических знаний не достаточно индивидуализированы по этническим и культурным признакам. Счастливые исключения по своему характеру представляют, конечно, не особенно многочисленные эпиграфические памятники.

Во всяком случае, в деле изучения истории некоторых отделов кочевых народов археология со временем в ряде вспомогательных научных дисциплин, несомненно, займет почетное место. Но она имеет гораздо меньшее значение при изучении исторического прошлого номадов, чем оседло-земледельческих народов. Но это положение не всегда учитывается современными археологами.

«Якуты были конным народом, почему сравнительно легко и одолели, при помощи конницы, тунгусов. При русском владычестве у них распространился рогатый скот»²⁰¹.

Николай Харузин в своих лекциях по этнографии утверждает: «Яку-ты-скотоводы научились употреблению молока сравнительно недавно»²⁰².

Эти мнения надо понимать как простое недоразумение, явившееся в результате не критического усвоения научной гипотезы, впервые высказанной В. Серошевским и в дальнейшем получившей большую популярность, а именно, о том, что основой экономического быта якутов в старину было табунное коневодство и что они «исподволь и в относительно недавнее время перешли к культуре преимущественно рогатого скота»²⁰³. Серошевский верно подметил некоторые факты в развитии основ экономического быта якутов в пределах их современной родины, но, однако, ошибочно интерпретирует их в своих теоретических выводах. Что древние якуты раньше были исключительно коневодами и не знали рогатого скота — положение абсолютно неприемлемое и никем не доказанное²⁰⁴. (Об этом подробно см. в 3-й части наших очерков, гл. III).

²⁰¹ С. Урсынович. Религия туземных народностей Сибири. Москва, 1930 г., стр. 8.

²⁰² Н. Харузин. «Этнография». Лекции. СПб., 1901 г., вып. I, стр. 185.

²⁰³ Серошевский. «Якуты». Гл. IV. «Экономические основы быта — замена конного скота рогатым». 260—270 стр.

²⁰⁴ Ошибку Серошевского и многих других ее единомышленников по интересующему нас вопросу отметил и новейший исследователь экономического быта якутов М. К. Расцветаев. Он в своей специальной монографии, недавно вышедшей в издании Академии Наук, пишет:

«Все исследователи материального быта якутов сходятся на том, что якуты в момент прихода в край были коневодами. Собственно никто не пытался основательно доказать это предположение. Выводы, приводившиеся в его пользу, не являются сколько-нибудь вескими...

Подробно разобравшись в этом спорном вопросе, автор так формулирует свои выводы:

«В заключение можно снова вернуться к вопросу, поставленному вначале: кем же были якуты до прихода их в край — коневодами или скотоводами (разумеется, рогатого скота)? И ещё раз следует подчеркнуть, что вопрос, так поставленный, не имеет никакого реального смысла и значения, а любое его разрешение останется пустым звуком. Можно высказать предположение, что скорее всего якуты были и тем и другим одновременно. Но даже и в этом предположении нет никакой нужды».

(См. «Очерки по экономическому и общественному быту якутов». Труды Совета по изучению производительных сил. Вып. 7. Ленинград. 1932 г., стр. 28, 35—36).

С книгой Расцветаева мы ознакомились уже по написанию этого тома наших очерков. Поэтому мы были лишены возможности при критическом разборе приведенной выше гипотезы Серошевского останавливаться на воззрениях тов. Расцветаева. По нашему мнению, этот автор в основном хотя и прав, но, однако, кое в чем правы и его противники, во взглядах которых нашли свое отражение диалектические противоречия в развитии экономического быта древних якутов за длительный период их переселений на север. Вопрос, поднятый Серошевским, далеко не является «пустым звуком» и в нем содержится большое зерно «реального смысла», что так усиленно отрицается тов. Расцветаевым. См. ч. 3. гл. III, § 6 наших очерков.

Не более того заслуживало бы внимания и серьезного опровержения также и предположение Адольфа Эрмана о том, что якутский рогатый скот не приведен в Якутский край извне и что он скорее является прирученным остатком того дикого вида, который водился здесь чуть ли не в предыдущие геологические эпохи²⁰⁵.

Эрман упустил из виду то обстоятельство, что нигде в пределах обширного Якутского края рогатый скот не может пережить долгую и суровую зиму, добывая себе пищу подножным кормом. Мало того, и большая чувствительность якутского рогатого скота к холоду, вызывающая необходимость содержания его в течение почти всей зимы в теплом хлеву, ясно говорит о том, что предки его привыкли к мягкому климату и прибыли сюда из далекого юга.

Вряд ли найдется якутовед, который стал бы утверждать, что якуты дорусской эпохи не знали теплых хлевов и не запасали для рогатого скота сена на зиму.

Впрочем, не бывает правила без исключения. Один из признанных авторитетов по вопросам якутоведения, В. Ф. Трощанский в своей работе «Наброски об якутах Якутского округа»²⁰⁶ высказался за то, что якуты до прихода русских не умели строить свои теперешние балаганы и не только слово «балаган», но и самый принцип его постройки позаимствовали от русских. Аргументация Трощанского сводится к следующим положениям: якуты, мол, до русских не знали такой простой вещи, как стол, не имели будто бы и топора, чтобы срубить и обтесывать бревна, и что единственная механическая основа в их строительном искусстве заключалась только в сшивании, связывании ремнями. А по главному вопросу, сами-то русские были ли знакомы с техникой постройки якутских балаганов, чтобы передать это искусство якутам, автор ограничивается такого рода заявлением: «...Помнится, я читал где-то описание старинных казачьих куреней, и помнится — принцип этой постройки их тот же, что и якутских балаганов». У Трощанского, очевидно, вообще очень слабая память на самые нужные и важные факты, необходимые для обоснования его фантастического допущения. Прожив среди якутов чуть ли не десять лет, он не заметил и не запомнил того разительного факта, что принцип постройки якутских бала-

²⁰⁵ А. Erman. «Reise um die Erde durch Nord Asien und die biden Oceatie in den Jahren 1828, 1829, 1830». Berlin. 1838. 2 Band, 245.

²⁰⁶ Извест. Общ. истор. и этногр. при Казанском универс. т. XXVII. Вып. 2. Прилож. стр. 4—9.

ганов и «хотонов» для рогатого скота один и тот же. Серошевский был куда наблюдательнее Трощанского, ибо пишет: «Хотон или коровий якутский хлев строится совершенно так же, как якутская юрта»²⁰⁷.

Если бы якуты дорусской эпохи не владели техникой постройки своих жилых балаганов, то это обстоятельство одновременно значило бы и неумение строить теплые хлева для своего рогатого скота, а вместе с тем и невозможность размножения последнего при суровых зимах всего Ленского края.

Кроме того, тенденциозное построение Трощанского легко опровергается казачьими документами эпохи завоевания. В них очень часто упоминаются якутские «юрты». Например, в войсковой челобитной енисейских стрельцов и казаков, служивших под начальством атамана Галкина в 1634 г., говорится, что отряд, посланный Галкиным, доходит... «до бурухинных детей и их улусных людей на многие юрты», или «и того... оргуева сына взяли жива, а его Оргуя в тех юртах не застали».., «Князца Дуруя и Бодоева улусные люди тоже живут... во многих юртах»²⁰⁸.

По расспросным речам вилюйских ясашных сборщиков Максименко Митрофанова, Марка Логина да Тимошки Докучаева в Усть-Вилуйском районе «дву родов пеших якутов роду Кокуй князца Корюка да роду осекуся... а живут те два рода пеших якутов юрты подле Лёну реки... ниже устья в трех днищах»²⁰⁹.

Иными словами, в самый момент прибытия казаков якуты повсеместно жили в «юртах», а не в чумах и урасах. Мало того, по тем же документам, во время борьбы с отрядами сотника Бекетова в 1633 г. якуты строят ещё какие-то острожки: «Якутские люди из многих улусов Дубчинской волости збежались в один улус и поделали острожки и сели в острожках».., «и учили служилые люди к острожкам приступати».., «один острожек взяли».., «а иные острожки взатьем взять не могли и зажгли со всеми якуцкими людьми, видя их тебе великому государю непокорность»²¹⁰.

В данном случае трудно решить, какой тип постройки называется «острожком». Возможно, что это были срубы амбарного типа, которые

²⁰⁷ «Якуты». Стр. 356.

²⁰⁸ Войсковая челобитн. енисейских стрельцов. Столб. Сибир. приказа № 368, 143—153.

²⁰⁹ Там же, акты за 1637 г. ст. А, л. 6117/73, л. 281—290.

²¹⁰ Челобит. Петра Бекетова. Сиб. прик., столбцы 368.

тоже были известны якутам издавна. До прихода русских они, по-видимому, не были знакомы с моховой прокладкой, ввиду чего постройки срубом служили лишь амбарами, а также, весьма вероятно, и летним жильем.

В нашем распоряжении не имеется никаких отчетливых данных о том, что якуты в пределах своей теперешней родины по примеру настоящих кочевников, живя в переносном жилье, переходили со скотом с места на место. Их хозяйственное обзаведение представляется нам в виде летника и зимника («сайлык» и «кыстык») с постоянным и неподвижным жилым помещением и надворными постройками. Лишь в виде исключения многоскотные хозяева в отдаленных местах имели лишние зимние юрты, где поселялись на короткое время для потребления имеющихся там запасов сена. Обычный и распространенный повсюду тип якутских хозяйственных построек нам хорошо известен. Кроме жилой юрты должны быть: хлев для скота — зимний «хотон», летний «титик», загоны — «дал», изгородь — «кюрюё», «оттоох кюрюё» — изгородь для складывания сена, «хасаа» — крытое помещение для жеребят и доения кобыл, «тиэrbэс» — обширная изгородь для пастбы упряжного скота и телят. Мы не можем также согласиться и с тем, что якутам дорусской эпохи не был известен тип амбарных построек, как и самое слово «ампаар», ибо оно имеется чуть ли не во всех турецких наречиях²¹¹. Древние якуты даже своих мертвецов хоронили в небольших срубах амбарного типа, не говоря уже о «хасаа», крытом помещении для жеребят, которое нельзя даже представить себе иначе, как особый вид амбара. Значит, мы должны допустить существование при жилой юрте и амбаров, которые у бедняков заменялись «хоспохом» (кладовая балаганного типа).

Наличие постоянного зимнего жилья с запасением сена на всю зиму для рогатого скота, частью и для конного, неизбежно предполагает и размежевание покосов в индивидуальное пользование отдельных хозяев.

Если дело обстоит так, то представление якутов кочевниками не будет ли простым недоразумением? Мы не думаем также, чтобы проживание якутов отдельными хуторами, а не деревнями и скученными поселками, могло бы послужить основанием для причисления их к кочевникам. То обстоятельство, что современные буряты как в своих летниках, так и в

²¹¹ В. Радлов. Опыт слов. тюрк. нар., т. I. 243 и 652 ст. — «анбар», «анмар», «амбар».

зимниках селятся не хуторами, а целыми улусами (по- бурятски «улус» — деревня, состоящая из ближайших родичей), убеждает нас в том, что якутский хозяйственный индивидуализм развился значительно позже. Северные якуты- оленеводы и теперь кочуют целыми родами.

Русские завоеватели в начале XVII века застали якутов, давным-давно перешедших в стадию оседлого скотоводства, за исключением далекого севера, где оленеводство и охота диктовали иные хозяйственные привычки.

В записанных нами якутских преданиях имеются весьма отрывочные указания, что древние герои, вожди крупных родовых объединений, имели обыкновение пасти свой скот на свежей траве («отордуур»), перекочевывая с места на место в небольших шатрах, т. н., «далла ураса». Здесь, по всей вероятности, мы имеем дело с историческим анахронизмом, т. е. перенесением на позднее время фактов, имевших место в более древнюю эпоху. Если это обыкновение где и имело место, то вряд ли оно было общим хозяйственным правилом. Такие порядки могли сохраняться лишь у поздних переселенцев из бурятских степей как пережиток их южных хозяйственных навыков. Но в данный момент нас интересуют не эти мелочи в хозяйственных привычках якутов, а общий исторический вывод, который подсказывается всеми особенностями якутского скотоводческого хозяйства. Вправе ли историк-экономист раннее местожительство якутского народа проектировать в таких географических областях, где нельзя обнаружить никаких следов существования там культуры рогатого и конного скота? Можно ли неожиданное появление в бассейне средней Лены скотоводческого народа понять, не допуская исторического преемства? На эти вопросы мы отвечаем: доленскую родину якутов легко отыскать по наличию там таких же скотоводов, каковы и они сами, ибо ни опыт якутского хозяйничания не должен был бы пропасть даром и они сами не смогли бы из ничего создать на севере свое довольно солидное хозяйство, не имея сильной экономической базы на местах прежнего оседания. Попробуем теперь, руководствуясь указанными признаками, найти предыдущую родину якутского народа.

На восток от Лены, как всем известно, до берегов Охотского моря простирается обширная горная страна, покрытая дремучей тайгой, представляющая из себя почти человеческую пустыню. Исконные обитатели

этой области — оленеводы-охотники, отчасти и рыболовы. Даже коренные обитатели Амура, за исключением тех, которые живут в её верховьях и по правому притоку Сунгари, до настоящего времени не вышли ещё из стадии примитивной охоты и рыболовства. Академик Л. Шренк в своей известной работе «Об инородцах Амурского края» (т. I, Сиб. 1883) основу их экономического быта характеризовал в следующих словах:

«Итак, на мою долю остаются коренные инородцы Амурского края, которые в бытность мою на Амуре, хотя и не могли считаться полными дикарями.., пребывали ещё в состоянии простых, первобытных рыбаков и охотников» (стр. 5). Дальше, из его описаний мы узнаем, что: «Инородцы нижнего Амура живут рыболовством, а инородцы верхнего Амура по преимуществу охотой» (стр. 47). Гиляки и айны — оседлые рыбаки (19 стр.), орочи — бродячие охотники, отчасти и рыболовы, ороки — кочевые оленеводы (24 стр.), гольды — исключительные рыболовы (24 стр.), негидальцы—тоже (30 стр.), самогиры—охотники. (32 стр.), манегирцы ведут бродячий образ жизни (42 стр.), кили — охотники (35 стр.), бирары — охотники (38 стр.). Бирары и орочи (на восточном склоне Хингана) лишь местами под влиянием китайцев занимаются земледелием и скотоводством.

Спрашивается, можно ли где-либо в описанных местах искать прародину типичного скотоводческого племени?

Ту же картину мы можем констатировать и на запад от Лены. Вплоть до эпохи русского завоевания в бассейне р. Енисея культура рогатого и конного скота не распространялась на север дальше широты г. Красноярска. Иными словами, не только на уровне широт трех южных скотоводческих округов Якутской республики, но даже и по широте г. Киренска на Енисее господствовали только оленеводство, охота и рыболовство. Попутно укажем и на то, что и весь Тобольский север на уровне якутских оседлых поселений ко времени прихода русских ещё не вышел из тех же стадий хозяйственного развития.

В настоящее время, благодаря материалам приполярной переписи, проведенной в 1926—27 гг., мы имеем возможность в точности установить как численность всего населения, туземного и русского, в пределах всего среднего и нижнего Приенисейского края, так и состояние в них скотоводческого хозяйства. Наша задача сравнительного изучения облегчается тем

обстоятельством, что в момент совершения указанной переписи, вся территория енисейского бассейна, приписанная Туруханскому краю, по широтным данным почти совпадает с той частью бассейна Лены, которая входит в состав Якутской Республики. В перепись вошло все русское население, обитающее по берегу Енисея от фактории «Низенький Яр» в 470 км. ниже г. Красноярска (60° паралл.), а также и в стороне по его притокам. Иными словами, все то, что на Енисее называют «Туруханским краем» в географическом отношении вполне совпадает с Якутской Республикой. Поэтому, сравнивая статистические данные о численности населения и скота в Туруханском крае и в Якутской Республике, мы попутно получим и наглядную картину поднятия хозяйственной культуры и умножения пищи в бассейнах этих двух крупнейших речных систем Сибири в результате приложения человеческого труда при одинаковых климатических и физико-географических условиях.

Из этих данных мы видим, что культура рогатого и конного скота в область среднего Енисея занесена русскими, в руках которых и теперь находится почти вся наличность лошадей и коров, а аборигены края из домашних животных владеют лишь оленями да собаками.

По степени развития коневодства и размножения рогатого скота средний Енисей на уровне якутских широт отстал даже от полярной зоны Якутской Республики, куда якуты пригнали своих коров и коней ещё до прихода русских, а именно, в бассейн Яны, а после завоевания тот же тип хозяйства распространился ещё глубже за полярный круг по Индигирке и Колыме.

Невзирая на эти разительные контрасты в экономическом быту туземного населения Енисея и Лены в области их среднего течения, Н. Щукин отчасти и В. Серошевский допускают возможность переселения якутов из южного Енисея вниз по этой реке до устья Нижней Тунгуски и дальше вверх по последней до верховьев Вилюя²¹². Предки якутов со своим рогатым и конным скотом в области среднего течения Енисея, конечно, могли проживать, ибо здесь широты те же, что и на Лене. Но, однако, нельзя согласиться с тем положением, чтобы они со своими стадами могли переселяться вверх по Нижней Тунгуске, стесненной горами и лесами, где на протяжении почти 1500 км не существует никаких лугов и пастбищ, которые были бы достаточны для прокормления хотя бы и одной сотни коров.

²¹² См. гл. II очерков.

Но удивительнее всего то, что от этого таинственного народа, пролетевшего каким-то чудесным метеором, туземные обитатели не унаследовали ни одного коня и коровы.

ТАБЛИЦА О состоянии
народонаселения и его хозяйства в бассейнах Енисея и
Лены по широтам Якутской Республики²¹³

На Енисее в Туруханском крае		На Лене в Якутской Республике
Туземное население, об. п. 13 761 Русское население 7 940 Итого 21 701		Населения в 3-х южных округах со включением Ленского и Алданского: Туземцев якутов 231 292 д Туземцев тунгусов 11 791 д. Пришлого, русских и нерусских 28 614 д Итого 271 697 д. Населения в 3-х северных округах— Булунском, Верхоянском и Колымском: Якутов 13 904 д. Туземцев, аборигенов севера 7 174 д. Пришл., русских и нерусских 2 155 д. Итого 23 233 д.
Скота:		
у русск. насел.		
Конного	338 гол.	Скота в 3-х южных округах:
Рогатого	609 гол.	Конного 128 465 гол.
Овец и коз	1 744 гол.	Рогатого 482 005 гол.
Свиней	257 гол.	

²¹³ Статистические данные о народонаселении Якутской республики взяты из книги Г. А. Попова «Якутский край». Вып. II. Якутск. 1926 г. Стр. 7. Они представляют из себя сводку на 1 октября 1925 г. Количество скота и Якутской респ. показывается по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. (См. книгу М. П. Соколова. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск, 1925 г., стр. XXXI).

Статистические данные по Туруханскому краю взяты из книги «Материалы приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибирском крае». Красноярск, 1928 г., вып. I, стр. 26—27, вып. II, стр. 124—125, 152—153.

у туземцев: Конного Рогатого Оленей	123 гол. 38 гол. 167 620 гол.	Овец 354 гол. Свиней 1 148 гол. В 3-х северных округах: Конного 4 886 гол. Рогатого 5 485 гол. Ездов. оленей 18 148 гол.
--	-------------------------------------	---

Какие же выводы, помимо отрицания наивной гипотезы Щукина, мы обязаны сделать на основании приведенных фактов распространения скотоводческой культуры по водным системам трех величайших рек Сибири, текущим параллельно в Полярное море? Почему граница хозяйственной эксплуатации коня и коровы по Лене углубилась так далеко на север, оставляя за собой не только Обь и Енисей, но даже среднее течение и низовье Амура, где климатические условия, конечно, куда благоприятнее ленских?

Разрешение данной загадки, по нашему мнению, нужно искать, во-первых, в сложных зигзагах исторической судьбы самого якутского народа. Когда они обитали в благодатном юге, какие-то непреодолимые силы заставляли от них верховья Амура, прикрывали пути на южный Енисей и гнали сзади в единственную свободную прогалину, на север — на Лену. Если здесь при самых неблагоприятных климатических и географических условиях якут не расставался со своим скотом, то это зависело, конечно, не от прирожденных свойств его, как стал бы утверждать сторонник расовой теории, а просто от длительности его скотоводческих занятий, в результате чего у него образовались довольно устойчивые хозяйственные навыки. Это обстоятельство, с другой стороны, наводит на мысль о степном происхождении основного ядра якутского племени. Об этом свидетельствуют также и религиозные воззрения древних якутов: конь и корова у них были подлинными объектами религиозного поклонения.

Догматы дохристианской религии якутов заслуживают внимания историков и социологов, ибо они напоминают верования «классических» народов древней Индии, Переднего Востока и Южной Европы. Они поклонялись когда-то громогласно ржущему небесному жеребцу под именем «Уордаах- Джёсёгей'я», который представлялся богом-«предком» и

покровителем конного скота. В живой религии народа этот бог антропоморфен, но в эпической поэзии и в древних мифах он выступает в животном облике. Якуты признавали также богиню «Ынахсыт» (от «ынах» — корова), от которой зависит благополучие и размножение рогатого скота. И эта богиня антропоморфна, но в религиозных гимнах точно также сохраняет черты своего прежнего животного облика (коровы). Эти мифологические образы из числа примитивных скотоводов Центральной Азии и Сибири, сохранившиеся только у якутов, в достаточной мере изобличают степное происхождение своих носителей.

Северная граница распространения травоядного скота по Лене, задолго раньше прибытия русских перевалившая за полярный круг, есть конкретный показатель хозяйственной деятельности искони пастушеского народа. Она одновременно свидетельствует о большой исторической давности про никновения якутов в бассейн р. Лены. Во всяком случае господствующее в науке мнение, что якуты со своим конным и рогатым скотом переселились на Лену всего-навсего за три-четыре века до прихода русских, слишком ускоряет темпы развития их хозяйства. Выше мы отметили, что якуты в момент русского завоевания уже были оседлыми скотоводами и притом со склонностью к хуторному расселению запасали корм для своего рогатого скота на долгую 7-8-ми месячную зиму и повсеместно устраивали для него теплые помещения, что, само собой разумеется, предполагает стойловое кормление. Рабочий скот, быки и кони, всегда кормились в огороженном месте запасами сухого сена. Лишь гулевые табуны конного скота и летом и зимой оставались, на подножном корму, да и то в специально заготовленных пастбищах (по долинам речек и подходящих таежных участках палами очищали опавшую хвою и древесную заваль). Более рачительные хозяева имели обыкновение подкармливать сеном жеребых кобылиц и отощалый молодняк в пору трескучих морозов и поздней весной.

От примитивного оленеводства с охотой и рыболовством до описанных форм якутского скотоводческого хозяйства нельзя не предположить целый ряд переходных ступеней. Если же учесть тот бесспорный факт, что народы, не попавшие ещё в орбиту влияния интернациональных запасов культуры и знаний, основанных на применении развитой письменности и организованного обучения, везде и всюду должны были развиваться

чрезвычайно медленно, двигаясь вперед только ощупью при накоплении данных горького опыта, то для стабилизации на Лене якутских хозяйственных навыков в живой действительности, конечно, потребовался довольно внушительный период времени для их внутреннего развития.

Итак, общий обзор экономического быта ближайших соседей якутов, живущих на западе по р. Енисею и его притокам, на восток вплоть до Охотского моря и Амура, совершенно исключает возможность отыскания в этих областях не только прародины якутов-скотоводов, но даже и временных этапов в их прошлой истории.

Получается совершенно иная картина, если мы остановим свое внимание на туземном населении, его экономическом быте и характере местности той обширной области, которая непосредственно примыкает к верховьям самой Лены, этой обители современных якутов. Коренные обитатели этого края, буряты со своими забайкальскими сородичами, издревле занимаются в больших размерах скотоводством, держат овец, лошадей и рогатый скот. По данным сельскохозяйственной переписи 1914 года²¹⁴, у добайкальских бурят наличность скота выражалась в следующих цифрах:

Лошадей 84,809 гол.

Рогатого скота 258,260 гол.

Овец 123, 613 гол.

Коз 29,777 гол.

Свиней 8,280 гол.

Всего: 514,939 гол.

С этими данными интересно сопоставить состояние якутского скотоводства в трех южных округах (см. приведенную выше таблицу). Правильное соотношение скотоводства якутов и бурят мы можем установить, конечно, ознакомившись с численностью добайкальских бурят. По статистическим данным за разные годы от 1887 г. по 1917 г. численность бурятского населения б. Иркутской губ. колебалась от 110.629 д. об. п. до 98.678 душ²¹⁵.

Надо заметить, что добайкальские буряты не только не размножаются, но даже дают местами очень заметную убыль.

²¹⁴ И. И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск. 1925 г., т. 1. стр. 103.

²¹⁵ Там же, стр. 16.

Если сравнить посемейную или душевую обеспеченность бурят и якутов скотом, то добайкальские буряты окажутся значительно богаче якутов. О забайкальских мы и не говорим, ибо они по сравнению с добайкальскими настоящие скотоводческие крезы.

Со времени установления русских порядков бурятское хозяйство, конечно, претерпело много изменений, ибо территория, занятая бурятами, была усиленно колонизована русскими, которые оттеснили первых со многих насиженных мест. Об этом мы можем судить хотя бы по количеству скота у русского населения. По переписи 1916 г. у русского населения Иркутской губ. имелось²¹⁶:

Лошадей	184,122	гол.
Рогатого скота	278,060	гол.
Овец	115,575	гол.

Судя по описаниям старинных авторов, бурятское скотоводство, благодаря соседству русских и земельному утеснению, изменилось и в своей хозяйственной структуре. Так, например, Георги, наблюдавший бурятскую жизнь во второй половине XVIII в., пишет:

«Буряты ведут жизнь кочевую, а главное их упражнение есть скотоводство... Невзирая на то, что зима у них продолжается от 6 до 7 месяцев с жестокими стужами, для скота своего буряты ничего корму не запасают, но оставляют оный питаться тем, что сыщется в сие время для насыщения своего». И лишь относительно добайкальских он добавляет: «...накашивают немного сена для поддержания своего скота в зимнее время»²¹⁷.

Характеристику бурятского хозяйства мы можем дополнить словами другого, более современного автора: «Скот круглый год находится под открытым небом; для зимовки его приготавливают в некоторых местностях «хохоры» (?), состоящие в том, что весною навоз со двора свозят в кучу, разбив предварительно лопатами, и оставляют просохнуть в течение лета. Затем этим сухим мелким навозом посыпают снег в местах, где скот проводит ночь»²¹⁸.

²¹⁶ Там же, стр. 99.

²¹⁷ Иоганн Готлиб Георги. Описание всех в Росс. госуд-ве обитающих народов. Спб., 1799 г., ч. IV, стр. 27.

²¹⁸ Ф. Шперк. Статья «Буряты» в энц. слов. Брокгауза, 1891 г., т. V, стр. 64.

Забайкальские буряты до недавнего времени жили по преимуществу в переносных войлочных юртах, добайкальские же имели шести- или восьмиугольные бревенчатые юрты.

Из этих данных в достаточной мере уясняется, что скотоводческое хозяйство добайкальских бурят занимало промежуточное положение между якутским оседлым бытом с запасанием сена для рогатого скота на всю зиму и степным, монгольским номадизмом с его подножным кормлением в продолжение всего года. В свою очередь и хозяйство забайкальских бурят являет переходные формы от экономического быта монголов к типам хозяйства добайкальских бурят. Вот почему историко-экономист не может спешить с непосредственной увязкой якутов с территорией Забайкалья, ибо получился бы слишком резкий скачок в господствующих там и тут формах экономического быта. Опять-таки та же экономика направляет наши поиски доленской родины якутов в Западное Прибайкалье. Что же касается физико-географических особенностей этой области, то описанное выше скотоводческое хозяйство бурят в достаточной мере характеризует её в смысле экономических возможностей.

Помимо обширных пространств, покрытых лесом, имеется немало просторных равнин и степей, представляющих из себя естественные луга и пастбища, необходимые для скотовода. Например, известные Братские степи, начинаясь у самой Лены, тянутся почти на 200 км по обе стороны Якутского тракта; дальше Балаганские, Боханские и Аларская степь, Косая степь, обширная равнина по левому берегу Ангары вдоль железной дороги, долины её многочисленных притоков, а также и верхней Лены, Тункинская и Торская котловина по Иркуту и целый ряд других мелких урочищ, из которых любой может с успехом соперничать с самыми знаменитыми якутскими «аласами» (так называется у якутов пологая окружность таежных озер, образующая скашиваемые луга), могли питать издревле довольно многочисленный скот. О более благоприятных климатических условиях западного Прибайкалья по сравнению с теперешней родиной якутов, само собой разумеется, нечего и говорить.

О древних переселениях якутов, являющихся незначительной частью большого турецкого народа, обитающего в своей массе в юго-западных областях Азии и Восточной Европы, вниз по Лене нетрудно, конечно, догадаться и без сравнительного изучения экономики туземных

племен соседних областей. Естественными путями сообщения в древности и теперь являются большие судоходные реки. В древние времена наиболее часто случались переселения племен вниз по течению больших рек. Примитивный плот, сколоченный из нескольких десятков бревен, мог служить вполне удовлетворительным средством передвижения на довольно приличные расстояния. При этом наиболее характерным явлением для тех времен нужно признать и то, что целые племена или части их, раз переселившись вниз по течению протяженных рек, лишались возможности совершить обратное плавание, ввиду чего происходили разрывы колоний от их метрополий. Так могли образоваться и целые племена культурных отщепенцев, сохраняющих очень смутное сознание о своем историческом происхождении. К числу подобных народов мы вправе причислить и современных якутов. Недаром они в своем старинном былинном творчестве сделали излюбленным героем богатыря с весьма характерным прозвищем «много страдальный и многогрешный одинокий (бобыль) муж» (Эрэйдээх-Буруйдаах Эр Соготох). Дальше мы убедимся, что этот герой есть никто другой, как сам легендарный и воображаемый предок, прародитель всего якутского племени Эллэй-Боотур (Эллэй- богатырь). Идея культурного отщепенства в высшей степени свойственна якутам и проходит красною нитью во всех важнейших образцах их былинного и героического эпоса. Где-то в далеком и роскошном юге остались многочисленные братья по крови и культуре: «кюн улууса, айыы аймага» — «народ солнца, дети небожителей». Об их ожесточенной борьбе с богатырями тьмы, чужеплеменными народами — абаасыларами и взаимных распрях до недавнего времени пели вычурным былинным стилем якутские рапсоды-олонгхосуты в длинные зимние вечера, а иногда и ночи напролет, собрав около себя тесный кружок молодёжи обоего пола. Порой внимали им и седые старцы, но более зрелые якуты давно перестали им верить. Если хотят прервать кого-либо из заядлых вралей, то обычно говорят: «Ээ, олонгголоомо догоор» — «Эй, друг, ты мне былины то не сказывай». Так постепенно когда-то живая и реальная действительность превращается сначала в легенду, потом в былины и сказки, которым внимают теперь лишь дети да подростки. А затем, само собой разумеется, наступит для них или уже наступил момент полного забвения.

Изложенные выше доводы и соображения убеждают нас в том, что вопрос о переселении якутского народа вниз по Лене принадлежит к числу простейших. Достаточно его поставить, чтобы тотчас же напрашивался и единственно возможный ответ. Это, пожалуй, не сложная историческая проблема, а скорее простая научная аксиома, в особенности для историка-марксиста. Вот почему мы вынуждены с некоторым изумлением и недоумением остановиться пред научным мнением Серошевского по данному вопросу. Среди этнографов и бытописателей туземных народов Сибири названному автору, вне всякого сомнения, принадлежит одно из первых мест. До революции в России и за границей известная сводная работа Серошевского об якутах единогласно признавалась одной из лучших, своего рода классической. Да и теперь не приходится отрицать то положение, что Серошевский, как автор «Якутов», принадлежит к классикам буржуазной этнографической науки. Изучать его нужно, считаться с его научными взглядами необходимо. Но, однако, «слова из песни не выкинешь». Мы вынуждены ознакомить наших читателей и с его «классическим» мнением по интересующему нас в данный момент вопросу.

«Как ни отрывочны собранные нами сведения об имени Байкал, тем не менее они, несомненно, подрывают доверие в байкальское происхождение якутов, раз последнее не имеет в свою пользу ничего, кроме этого слова»... «Якуты же могли быть на Байкале, но могли и не быть. Слово это у них есть, но оно могло быть занесено к ним русскими казаками уже впоследствии, подобно тому, как были занесены к ним другие инородческие слова: юкала, нарта, бурдук, бат и проч. ... могли и узнать о нем при посредстве бурят и монголов»...

«Итак, нужно подождать помещать якутов даже временно в Прибайкалье, до подтверждения этого предположения другими, более точными доказательствами»¹.

В приведенных рассуждениях Серошевского справедливо одно положение, а именно, вопрос о байкальском происхождении якутов нельзя разрешать на основании одного только слова «байгал», которое пусть будет известно им с нарицательным значением «море». (Здесь Серошевский ошибается, ибо якуты прежде всего знают Полярное море, куда течет Лена, и дают ему имя «Байгал», прибавляя иногда прилагательный эпитет «муустаах», т. е. ледяной. Следовательно, Байгал у якутов собственное

имя, которое только в порядке вторичного словообразовательного процесса получило нарицательное значение). Что же касается его утверждения — якуты могли быть и не быть на Байкале, — то оно только лишний раз иллюстрирует беспомощность идеалистической мысли при её попытках разобраться в самых элементарных вопросах истории.

Сравнительное изучение экономического быта якутов и их ближайших соседей привело нас к тому простому положению, что скотоводческий народ, существующий эксплуатацией конного и рогатого скота, в своих древних переселениях с юга на север должен был придерживаться направления могучей реки Лены. Если бы в её среднем течении, благодаря творческой деятельности текучих вод, не образовались луга и пастбища, столь необходимые для существования рогатого и конного скота, то разве было бы мыслимо переселение якутов из хозяйственной зоны коня, коровы и барана в область господства северного таежного оленеводства? Если дело обстоит так, то мы вправе сказать, что в прошлой истории якутов водная система Лены сыграла роль своеобразного костного скелета, на котором держался весь хозяйственный организм народа. Следовательно, и пути следования скотоводов на север властно определялись топографией, флорой и климатическими условиями верховий Лены, отчасти и других прилегающих рек (Ангара и Нижней Тунгуски). Недаром сам якутский народ в лице его современных легендистов свое переселение на север постоянно ассоциирует с течением Лены. Он также, согласно своим древним религиозно-поэтическим воззрениям на явления живой природы, наделяет ленские долины, притоки, озера, богатые лугами, и горы духами, которые через посредство шаманов, якобы, призвали к себе народ, живущий далеко на юге: «Добро пожаловать к нам, мы будем кормить и скот ваш и вас самих».

Так, по рассказу якута Ботурусского улуса Филиппа Кладкина, богач Омогой-Баай, обладатель многочисленных голов рогатого и конного скота и воображаемый прародитель всего якутского племени с материнской стороны, обращаясь к своему шаману говорит:

«Отсюда на север течет большая и многоводная река. Своим ясно-видящим взором опиши мне эту страну, по которой она течет».

Шаман, совершив камлание, передал свое провидение: «Эта река впадает на север в Ледовитое море. Приблизительно в середине её по ле-

вую руку возвышаются две горы. Когда я спросил, как их именуют, они ответили: «нас зовут «Ытык Хайалар» (Священные горы).

«Между этими горами расстилается прекрасная равнина. Дух равнины Киэнг-Киллэм-Госпожа осталась, простирая ко мне руки. Она молвила: «Оскудела я людьми и скотом, пригони ко мне их!».

«На восток от неё есть плодородная, текущая по равнине речка с 12-ю ветвями-притоками. На вопрос об её имени, она ответила: «Я сочная Татта. Я тоже хотела бы воспитать и взрастить людей и скот».

Дальше представляются пролетающему шаману духи знаменитых озер Амгино-Ленского плоскогорья Кыыс-Ханга, Киэнг-Мюрю, Киэнг-Тюнгюлю. Вслед за этим мистическим путешествием шамана в глубь Ленского края по словам легендиста:

«...Омогой-Баай с женой и с двумя дочерьми поплыл вниз по реке и поселился на равнине между двух «Священных гор»²¹⁹.

Другой сказитель, якут Борогонского улуса Гавриил Местников, сюжет о предварительной разведке шаманских духов передает почти в тех же выражениях, что доказывает большую популярность и распространенность подобных рассказов. Когда шаман Омогоя, добравшись до скалистого острова «Аграфена» в низовьях Лены, летел обратно, то дух местности Сайсары (озеро и равнина, где теперь стоит г. Якутск) обратился к нему с такой мольбою:

«Я оскудела людьми и скотом, направь ко мне людей, которые могли бы стать предками большого народа и многочисленных стад. Так говоря, она с радостными кликами простирала к шаману свои длани»²²⁰.

Эти художественные образы, невзирая на свой фантастический характер, представляют большой научный интерес по своей глубоко материалистической основе, уясняющей идеологию скотоводческого по преимуществу племени. Богатый скотовод решается на переселение в бассейн средней Лены не раньше, как удостоверившись в наличии там кормищ для своего скота. И в живой действительности, конечно, не могло обстоять иначе. Между прочим, среди якутов очень распространена художественная повесть о собрании пернатых, которые заняты избранием царя, чтобы под его руководством в летнее время перелетать на дальний се-

²¹⁹ См. сборник «Эллэйада» (материалы по мифологии и легендарной истории якутов), собранный авто-ром. Рукопись. § 180.

²²⁰ Сборн. якут, фольклора под заглав. «Дополнение к Эллэйаде». § 1. Рукопись автора.

вер. Один вариант этой повести помещен в «Верхоянском сборнике» И. А. Худякова. Там мы читаем:

«На южном месте птицы обществами сделали большое собрание: «Наша земля (и место) летом весьма жарка и знойна, делается без воды — наши родные яйца все гниют, умирают. Выбрав себе господина, пошлем его на север искать земли-места».

И вот выбрали беркута и послали его на север для разведки. Беркут увидел на севере очень хорошие места, но решил скрыть это обстоятельство от своих подданных:

«Э, напрасно я туда и ходил. Для птиц, сающихся на деревьях, там нет ни одного дерева; для птиц, плавающих по воде, нет ни одного озера, ни одной ложбины для плавания. Туманом, ветром, вихрем крутит эта земля».

Но, к несчастью беркута, его жена была в любовной связи с чирком, который, сидя на ветке дерева под гнездом беркута, подслушал его разговор с женой. Вторично выбирают орла и тоже отправляют на север.

«Птица-орел, прилетев со свистом, осмотрел эти места, прибыв назад, рассказал, что такие то отличные места, что ни птенец не погибнет, ни одно яйцо не сгниет»²²¹.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в этой повести под видом птиц выступают сами якуты с их реальными интересами, привычками и нравами²²². Если так, то значит, древние якутские переселения, особенно в тот период, когда снимались с места целые улусы, не могли быть действиями наобум, «авось да найдем место, где можно будет откормить скот». Вожди улусов, если и не снаряжали специальные экспедиции для разведки, то во всяком случае, покидая свою южную родину, они должны были иметь отчетливое представление о том, какие места и какие условия существования ожидают их на новой родине.

Во всех вариантах народных легенд предки якутов неизменно отыскивают верховье Лены и плывут вниз по ней, за исключением вилюйских сказаний, об историческом значении которых мы будем говорить особо. Если в легенды вплетаются образы отцов этих героев-переселенцев, то

²²¹ Верх. сбор. Стр. 66—72.

²²² Основной сюжет этого рассказа об избрании царя птицами, вероятно, много древнее якутских переселений на север. Такие рассказы об избрании царя птицами бытуют и среди бурят-монголов.

они или остаются жить где-то вдали на юге, за ленскими вершинами, или же умирают, прибыв к её верховьям. При этом отцы перед смертью в своем заветном слове говорят:

«Мне суждено умереть в верховьях той реки, на которой расплодится мое потомство»²²³.

Некоторые сказители своей современной родине дают особо лестное прозвище «Молочная река»²²⁴.

Историк не может не считаться с общим сознанием якутов, что кости их отдаленных предков покоятся на юге за верховьями реки Лены и что их древние переселения согласовались с течением этой реки.

По нашему мнению, устные сказания якутов по их реализму и исторической правдивости в ряде случаев имеют не меньшую ценность, чем писанные источники. Легенды целого народа, вошедшие в плоть и кровь массы, не могут быть подделаны и питаться вымышленными мотивами. Если в этих легендах иногда содержится фантастический элемент, наподобие приведенной выше рекогносцировки шаманских духов, то при современном уровне этнологических знаний их, конечно, не трудно выделить из общей массы фольклорного материала.

Точно также историк легко поймет, что народ в своем легендарном эпосе привык сокращать массовые явления до размера приключений единичных героев, благодаря чему получается повторение библейских картин. Как переселение целого еврейского народа в Египет изображается в образе путешествия одной семьи престарелого Иакова, так и в якутской легендарной истории переселяется на Лену семья одного Омогой-Баая или других, ему подобных, героев- прародителей, чтобы там на месте размножить довольно многочисленное племя.

Мы не будем излагать здесь содержание всех якутских легенд о переселениях их предков вниз по Лене. Они довольно однообразны и повторяют на разные лады с небольшими вариациями в именах и поводах переселения один общий сюжет, превращающийся таким образом в какое-то общеплеменное тавро или родимое пятно, выжженное в сознании народа грандиозными картинами древних переселений. Отдельные части и элементы героического эпоса якутов, поскольку в них отразились судьбы

²²³ Элэйада. § 229.

²²⁴ Там же, § 25.

народа в различные эпохи его исторического бытия, будут разобраны нами в соответствующих местах наших очерков. Отсылаем читателей к подлинным текстам собранных нами легенд²²⁵, как они живут в устах самого народа, который умирает и нарождается лишь в лице отдельных личностей, а в целом был постоянным свидетелем следовавших один за другим исторических событий.

Итак, река Лена со всей своей водной системой в прошлые века властно предопределила будущие судьбы якутского народа, поскольку он должен был при выборе мест для своего расселения ориентироваться наличием лугов и паст бищ. Но, однако, этот вывод, правильный при целостном понимании исторических судеб якутского народа, может оказаться и ошибочным в ряде частных моментов. Например, первый толчок к переселениям на север могли дать совсем не скотоводческие части народа, а промышленники, охотники и рыболовы, или те его отделы, которые искони веков занимались оленеводством. Сдвиги последних, если таковые имелись в составе якутов того времени, конечно, должны были подчиняться совершенно другим законам, чем переселения чистых скотоводов. Поэтому в первую очередь мы должны заняться вопросами о том, нет ли в составе якутского племени такого отдела, которому возможно было бы приписать очень давнее занятие оленеводством, а также в структуре современного якутского хозяйства и в народных преданиях нет ли каких-либо очевидных следов сильного развития в прошлом охотничьего промысла и рыболовства. Если на поставленные вопросы можно дать лишь положительные ответы, то южные якуты, ещё и не расставаясь с Прибайкальем и Верхоленискими степями, могли иметь достаточно полные информационные сведения об области средней Лены.

²²⁵ См. сборник «Эллэада» — главы I, V, VI, XI—XIV и «Дополнение к Эллэаде».

Глава VI

РАССЕЛЕНИЕ ЯКУТОВ К МОМЕНТУ РУССКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

I. ПОКАЗАНИЯ ПИСАНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Мы не можем приступить к разработке вопросов о древнейших судьбах якутского народа, не устранив предварительно одно кардинальное заблуждение якутоведов царской эпохи, которое и по сие время продолжает быть тормозом в деле выработки правильного научного представления о ранней истории якутов в пределах Ленского бассейна. Это заблуждение касается не темного прошлого якутского народа, скрытого во мраке его раннего бесписьменного существования, а самой начальной страницы его порусской истории.

В историко-этнографической литературе об якутах твердо укоренилось совершенно ошибочное представление о том, что, якобы, якуты в момент нашествия русских казаков в начале XVII столетия представляли из себя маленькое племя, которое проживало в пределах только быв. Якутского округа или даже его части, известной под названием Амгино-Ленского плоскогорья. Вся территория, отводимая во владение якутов дорусской эпохи, по своей площади едва ли превысит 50 тысяч кв. км. Если мы будем исходить из данных о площади современной Якутской республики, равной почти 4 миллионам кв. км (по точному исчислению — 3.964.286 кв. км), то выходит, что якуты до прихода русских занимали лишь одну восьмидесятую часть той страны, которая тесно связалась теперь с именем якутов.

Такого мнения о пределах распространения якутов в дорусское время придерживается, например, Вацлав Серошевский. В своей книге «Якуты» он пишет:

«Не подлежит сомнению, что как северные, так и южные, западные и восточные окраины якутских поселений суть новейшего происхождения, и предания прямо указывают на окрестности Якутска и на Амгино-Ленское плоскогорье, как на метрополию этих колоний. Здесь застали их русские. На Вилюе и Олекме их не было, или было очень мало. Мангазейские каза-

ки, в 1630 году волоком перебравшиеся с Нижней Тунгуски на Чону, правый приток Вилюя, а затем спустившиеся вниз по этим рекам на Лену, не видели якутов на Вилюе»²²⁶.

Дальше, приведя данные о расселении якутов по сведениям Георги, который использовал перепись 1750 г., Серошевский добавляет:

«По его показаниям якуты есть всюду: на южных и на северных окраинах, и на Вилюе и на Олекме. Таким образом, произошло поистине чудесное перемещение (выделено нами), в какие-нибудь 50—60 лет, огромного количества людей на обширнейшие пространства»²²⁷.

Однако, Серошевский здесь не оригинален. Он повторяет «догадку» раннего историка Иоганна Фишера, который мельком затронул вопрос о расселении якутов к моменту прихода русских в одном из подстрочных примечаний к своей «Сибирской истории».

«Догадка, что прежде сего бунта якуты ни у Вилюя, ниже у Олекмы, ниже в нижних местах реки Лены не жили, конечно, основательно, ибо мангазейские казаки не нашли якутов у реки Вилюя, и Петр Бекетов, который в 1635 году строил Олекминский острог, и послал в Енисейск странное извещение о всех обстоятельствах, не упомянул о якутах ни словом...»²²⁸.

На приведенное мнение Фишера ссылается и Л. Г. Левенталь, усваивая без всякой критики теорию позднейшего заселения якутами Вилюя и Олекмы, «ибо ещё Бекетов и мангазейцы упоминают о живущих там тунгусах»²²⁹.

Эта же самая историческая гипотеза усвоена и двумя новейшими авторами, которые выступали в советское время, И. И. Майновым и Г. А. Поповым. Оба автора повторяют ту же аргументацию о мангазейских казаках, не встретивших якутов на Вилюе и Петре Бекетове, который не видел их в пределах Олекминского округа. Майнов и Попов в старую гипотезу вносят лишь одну незначительную поправку, которая заключается в том, что ими допускается проживание в момент прибытия казаков маленькой группы якутов на реке Яне в пределах быв. Верхоянского округа²³⁰. Территорию,

²²⁶ См. «Якуты», стр. 219.

²²⁷ См. Там же, стр. 223.

²²⁸ См. Иоганн Фишер. Сибирская история. Спб., 1774 г., стр. 368, прим. 38.

²²⁹ См. Левенталь. Подати, повинности и земля у якутов. Стр. 244. прим. 3. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Труды Ком. по изуч. Якут. авт. респ. Т. IV. Ленингр., 1929 г.

²³⁰ См. И. И. Майнов. Население Якутии. Сборн. «Якутия». Изд. Акад. н. Ленинград, 1927 г., стр. 324 и 331.

занятую якутами в 40-х годах XVII ст., Г. А. Попов определяет в следующих границах:

«Таким образом, можно пока утверждать, что главной территорией расселения якутов до прихода русских в 40-х годах XVII ст. был теперешний Якутский округ со следующими границами их распространения: на северо-западе близ устья р. Вилюя, на юго-западе — между г. Якутском и р. Синей, на севере и северо-востоке — районы Алдана и Май близ нынешней Усть-Май. Наконец, по-видимому, оторвавшийся от массы оско-
лок якутов за Верхоянским хребтом по р. Яне»²³¹.

Если правы названные историки, то необходимо допустить за время владычества русских большой поток якутских переселений из пределов Якутского округа. Особенно же сильная волна переселений должна быть констатирована в сторону Вилюйского округа, где ныне, по последним исчислениям, проживает 79.039 душ якутов об. п., т. е. почти одна треть всего племени. Якутское население в двух северных округах (быв. Верхоянский и Колымский) насчитывается в 13.904 д.; в Олекминском и Ленском округах — 11.835 д. Общее же количество якутов за пределами Якутского округа составит 104.778 душ. Так как всех якутов насчитывается теперь 242.146 душ, пришлось бы допустить, что почти меньшая половина населения Якутского округа успела откочевать из насиженных мест в первые же годы казачьего нашествия.

А между тем, теория о новейших якутских переселениях, противоречащая всей реальной исторической обстановке, потому только держится в литературе, что разработка истории малых народов ещё не привлекла к себе внимания историков специалистов, владеющих современным научным методом. Как дальше убедимся, названные выше авторы ограничиваются только словесным толкованием первых попавшихся под руку казачьих донесений, не подвергая их перекрестному изучению и никакой критике. Приведем конкретные примеры.

Маленький отряд сотника Бекетова, спешно направляясь в центры якутских поселений, задерживается на два или на три дня у самого устья реки Олекмы, заметив на берегу табор из пяти-десяти тунгусских шатров. От последних узнают, что они в составе нескольких тунгусских родов бро-

²³¹ См. Г. А. Попов. «Расселение якутов в XVII и XVIII стол.» — Извест. Якут. отд. гос. русс. геогр. общ. 1928 г., т. III, стр. 43.

дят по правому берегу Лены — по рекам Олекме, Чаре, Жуе и т. д. Можно ли на основании этих данных умозаключить, что в те времена на левом берегу Лены, в глуши лесов, по речкам и озерам не проживали якуты? Мы полагаем, что такой вывод, основанный на факте простого умолчания, был бы слишком поспешен. А между тем, И. И. Майнов пишет: «Близ устья Олекмы, как и нигде выше по берегам Лены, при своем первом появлении в этом крае русские не встретили якутов. Все племена принадлежали к тунгусской народности»²³².

Г. А. Попов даже отрицает возможность проживания якутов близ устья р. Сини (в 230 км выше г. Якутска на Лене), исходя из того, что «трудно думать, чтобы Бекетов обошел молчанием о якутах, обитавших около р. Синей, тем более, что он плыл с верховьев р. Лены. Необходимо заключить, что якуты добрались до р. Синей позднее 1632 года»²³³.

Сам же Попов сообщает, что Улта и Камык, жившие в пределах Бетюнгского наслега Намского улуса, «были первые князцы, с которыми столкнулся П. Бекетов». Отсюда вытекает, что Бекетов проплыл, не заметив якутов ни на многочисленных островах Лены, которые лежат ниже р. Сини (надо заметить, что р. Сиинэ на картах неправильно называется «Синяя») до Покровского мыса, ни на Качикатском берегу, ни около теперешнего с. Покровск, ни на берегу Россолоды, где наиболее густые поселения якутов Восточно-Кангаласского улуса, ни в Улуу-Арыы, ни даже в обширной равнине, где теперь стоит г. Якутск. Да, мало ли где Бекетов не заметил признаков якутского жилья? Значит ли отсюда, что во всех названных местах якуты в то время не проживали и добрались лишь после знаменательной даты — 1632 г.? Бекетов плыл в период весеннего половодья, по видимому, даже вслед за льдом (14 мая 1632 г. пристал к намскому берегу), когда берега Лены бывают сплошь нагромождены льдами. Кроме того, Лена — река не узенькая. Держась близко к одному берегу, трудно заметить людей и скот на противоположном. Якуты не живут, не жили, конечно, и тогда скученными поселками; для своего жительства они обычно выбирают укромные уголки в тайге, по берегам речек, озер²³⁴. Если говорить о речке Сине, то она довольно протяженная, уходит вглубь тайги на запад от

²³² Майнов. Там же, стр. 324.

²³³ Попов. Там же, стр. 42.

²³⁴ При проплывании Бекетова в мае все приленские якуты должны были проживать на летниках в таежной полосе. На островах Лены они только зимуют.

Лены километров на 400. Якутские поселения на Сине встречаются по её среднему течению и в верховьях, где образуются ровные места и заливные луга. Все реки, впадающие в Лену, как общее правило, близ своих устьев не имеют мест, удобных для хозяйственной эксплуатации. Спрашивается, как же можно, руководствуясь умолчанием Бекетова о населении то там, то тут, решать вопрос о занятости или незанятости тех или других речек и урочищ якутами? О полной неосведомленности Бекетова о местах расселения якутов более чем красноречиво свидетельствует тот факт, что он начал объяснять население Якутского округа по направлению с севера на юг: в первую очередь намцев, потом мегинцев, дюпсунцев и позже всех, южнее живущих, кангаласцев. Можно указать ещё и на построение им первого Якутского острога на 82 километра ниже современного Якутска (на правом берегу Лены, на землях Мурчукинского наслега) в местности, которая и теперь слывет среди якутов под названием «Ыстаарай куорат» (русс. «Старый город»). Ошибка Бекетова была замечена только через 10 лет, когда воевода Головин нашел нужным перенести острог на место современного Якутска.

По Майнову выходит, что даже и енисейский воевода Никифор Веревкин, написавший наказ казачьему пятидесятнику Семену Родюкову, отправляемому «на Олекну реку и в новые в иные захребетные землицы» в 1639 году мог и обязан был иметь точное представление о том, какие народы — якуты или тунгусы живут в этой «дальней захребетной Олекне реке». Этот воевода в своем наказе пишет:

«Призвать в острожек тех землиц ясачных тунгусских и всяких улусных людей».

Этого умолчания об якутах на Олекме реке для Майнова вполне достаточно, чтобы отрицательно решить вопрос о проживании их в пределах Олекминского края²³⁵. Трудно понять, почему воевода Веревкин, проживающий где-то в г. Енисейске, через 5—6 лет после первого появления казаков в обширном Ленском крае, должен быть всеведущим и иметь точные ориентировочные данные об этой «захребетной землице». Судя по употребленному им выражению «тунгусских и всяких улусных людей», пожалуй, было бы правильнее сказать, что и сам Веревкин не был вполне уверен в тунгусском или якутском населении этого края. Да, наконец, это

²³⁵ И.И. Майнов. Там же, стр. 324-325.

могло быть чисто канцелярским, техническим оборотом речи, случайно употребленным секретарем-дьяком, для которого неведомые тунгусы и якольцы представляли величины вполне равнозначные. С одинаковым успехом он мог бы написать «якольских и иных прочих улусных людей», что точно также не могло бы служить доказательством преобладания якутов в Олекминском крае. Для дьяков, сидящих в Енисейске, «якольской землицей» *par excellence*, конечно, был тот край, где был поставлен Якутский острог; остроги с иным названием в первое время они, вполне естественно, могли представлять себе и не якольскими. Если даже в современном быту при наличии школьного воспитания, точных географических карт и прекрасных руководств по краеведению немногие лица умеют точно различать по местожительству и племенным наименованиям якутов, тунгусов, юкагиров и т. д., то вряд ли могли бы иметь какую-либо ценность научные гипотезы, построенные в расчете на точность этногеографических познаний дьяков того времени, к тому же сидящих где - то на Енисее, за несколько тысяч километров от якутов.

В статье проф. Бахрушина «Исторические судьбы Якутии», помещенной в том же сбор. «Якутия», приводится цитата из докладной записки мангазейского воеводы А. Ф. Палицына в Москву о необходимости расширения государевой вотчины «на восток солнечных и до преходу великого Александра и до превысокого холма Каркараура, где-же обитают люди единогоногие и единогорукые»²³⁶. Эта записка датирована 1633 годом и имеет в виду как раз завоевание бассейна Лены. Почему же Майнов, руководствуясь этнографическими познаниями Палицына, не поищет на Лене или за её пределами «единогорукых или единогоногих людей»?

А. Палицын, приехав в Москву из Мангазеи, представил центральным органам первое подробное донесение об якутах и занятой ими территории, основываясь на тех расспросных материалах, которые он добыл, будучи воеводой Мангазеи (основан в 1601 г.), от своих подчиненных. Объясняя тунгусское население современного Туруханского края, бродившее по Ниж. Тунгуске, мангазейские казаки рано должны были уловить слухи об якутах, занимающих водную систему соседней Лены. Доклад Палицына, заключающий в себе первые ориентировочные данные о неведомом крае, в свое время, конечно, имел немаловажное значение.

²³⁶ С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. Сборн. «Якутия». Лнгр., 1927 г., Стр. 275.

Кое в чем его материалы об якутах могут быть использованы историками и теперь. Но можно ли осведомленность Палицына об якутах во всем объеме класть в основу научных построений о том, какие точно места по системе Лены они фактически населяли? Убеждение историков Якутии, что весь обширный Вилюйских край в то время был заселен исключительно тунгусами, покоится, главным образом, на упомянутом докладе, в котором дается общая сводка всего того, что знали о Лене и якутах мангазейские казаки. Чтобы ответить на поставленный вопрос, мы позволим себе привести небольшие выписки из этого исторического документа, подробные извлечения из которого были включены в наказ стольнику Петру Головину, отправленному в Якутск в 1638 г.²³⁷.

«(Палицын) в прошлом 141 г., приехав из Сибири в Москве сказывал в приказе Казанского дворца про великую реку Лену... По тем де рекам по Чоне и по Вилюю живут люди многие: синягири, нанагири, соболей и лисиц и горностаев и бобров, иного всякого зверья и рыбы у них много... А по обе стороны великой реки Лены и до устья полунощного окияна якуты, тунгусы, маяды, нанагири, кояты, каригили и иные многие кочевые и сидячие люди» (963 ст.).

Принимая эти «сказки» за неопровержимое доказательство, пришлось бы оседлых якутов искать до берегов полунощного океана, чего, однако, не делают и сами поклонники казачьих документов.

Дальше «...Да в то же де великую реку Лену выше Вилюйского устья и до самые великие Байкальские протоки впади многие великие реки: Ичора, Чая, Чичуя, Поледуй, Олекна, Витим, Киренга, Таюра, Камта, Бранта; а по тем по всем рекам живут якольские и якуцкие и брацкие тайши, конные и пешие сидячие многие люди: тунгусы, налякигири, камчюгири, сучигири и когиры, мильжегири, нанагири, шамагири, синегири, долганы, холопья орда и иные многие люди» (ст. 964).

Если в донесении Палицына придавать значение каждому слову, то историкам нужно было бы считаться и с его утверждением, что якольцы с бурятами в те времена жили по Чае, Чечуе и Киренге. Насколько мала осведомленность Палицына о Ленском крае, можно судить ещё и по тому факту, что им рекомендуется поставить острожек на Чоне реке, другой на Усть-Вилюе, а третий «город или острог добрый поставить на устье во-

²³⁷ Наказ Петру Головину напечатан в «Русс. истор. библ.», т. 2, стр. 961—972.

сточного Алдана», ибо «славнее и люднее тое реки нет» (ст. 965). Центры Якутского края он усматривает чуть ли не на краю человеческой пустыни.

Мы приходим к выводу, что исторические документы вроде донесения Андрея Палицына о местах обитания якутов или наказа енисейского воеводы Веревкина при решении сложной проблемы распространения якутов в пределах Ленского края и сопредельных рек без всякого ущерба для науки могут быть выкинуты из числа доказательств. Руководствуясь ими, мы можем получить совершенно ложные представления о действительности. Точно также с большой осторожностью нужно относиться к донесениям, мнениям и суждениям первых завоевателей обширного Ленского края, ибо их осведомленность об условиях местной жизни в первое время не могла не быть самой поверхностной. В новом крае они должны были чувствовать себя как в темном лесу. Те или другие действия они предпринимали скорее ощупью, наугад, чем руководствуясь действительным знанием окружающей жизни. То обстоятельство, что Бекетов впервые пристал к намскому берегу, можно ли признать с его стороны делом преднамеренного расчета? С неменьшим основанием он мог бы остановиться и у Покровского мыса и начать свои завоевания с этого пункта. Нельзя также признать целесообразными его действия, которые выразились в том, что он, только что прибыв в центр Якутского округа и объяснив часть прибрежного населения Намского улуса и ещё кого-то, в то же лето отправляет часть своих воинских сил в низовья Лены.

На правом и на левом берегу Лены были самые многолюдные и богатые якутские улусы, объяснение которых позже потребовало от казаков много труда и усилий. Бекетов, не подозревая обо всем этом, разбивает свои незначительные силы, забрасывая часть людей в Жиганскую даль. Если бы якутские тоёны не были так ошеломлены неожиданным приходом казаков и проявили хотя бы десятую долю той энергии и смелости, с которой они позже поднимали упорные восстания, когда отряды казаков насчитывались уже многими сотнями, то Петр Бекетов со своими 30-ю воинами мог быть и легко уничтожен. Его спасло лишь то обстоятельство, что якуты, переселившись с юга в глухой Ленский край, где кроме малочисленных тунгусов не было сильных противников, давным давно утратили свою древнюю воинственность, не имея никакой боевой практики. Они не сохранили в своем быту копий, мечей, сабель, боевых наконечников стрел

и т. д., которые известны им только по названиям и часто упоминаются в их богатырских былинах. В эпоху нашествия русских из боевого оружия они имели только охотничьи пальмы — «батыйа», с которой идут на медведя. «Батас» — та же пальма, но с более короткой ручкой. Батас в дороге, в тайге заменял тяжелый топор при рубке дров и для пробивания просеки в лесу. Им же рубили тальниковые побеги, которыми в голодные годы кормили скот. Иными словами, благодаря абсолютному военному затишью и полной гарантии от нашествия сильных иноплеменников, якуты перековали свои мечи и сабли в хозяйственные орудия и жили беспечно. Отсутствие упражнения не может не иметь своим последствием полное вырождение тех элементов военной культуры, которые зарождаются и развиваются лишь под давлением потребностей самой жизни.

Мнение многих якутоведов, что до прихода русских якуты делились на самостоятельные и независимые роды, которые вели между собою бесконечные войны, как убедимся позже, основано на недоразумении. Если бы было так, то сотник Бекетов с 30-ю казаками не завоевал бы одним махом густо заселенные якутские центры. Если позже якуты осаждали Якутский острог, защищаемый довольно численным отрядом, вооруженным превосходящим оружием, и даже принимали сражение в открытом поле, то это и есть запоздалое пробуждение в якутах военного духа, вызванного неистовствами, бесчеловечным обращением и грабительствами первых воевод и их подчиненных.

Действия Бекетова доказывают, что он подходил к Якутскому краю и к якутам с масштабом севера Енисея, где жилые пункты имеются преимущественно по берегу реки, а далее вглубь пустынная тайга. Бродячее и охотничье население тайги лишь в определенное время года, главным образом, весной и летом выходит из своих дебрей к берегу реки. В смысле сбора пушнины лето самое урожайное время. Бекетов, не желая упускать этот сезон, снаряжает отряд для обхода речного побережья.

При толковании первых казачьих сообщений и донесений об якутах, а также и усвоенной ими завоевательной тактики, необходимо считаться с теми понятиями и представлениями, которые они выработали при объяснении рыбаков и охотников Енисейского края. Это обстоятельство особенно важно для правильного понимания первых донесений мангазейских казаков о Вилюйском крае. Последние попали на Вилюй из Ниж. Тун-

гуски, берега которой до настоящего времени пустуют за исключением верховьев от села Эрбогачона, где проживают русские крестьяне. Весной 1925 года нам пришлось проплыть от с. Эрбогачона до г. Ново-Туруханска. «Безглагольна, недвижима, мертвая страна» можно сказать об этом диком крае. В очень немногие пункты съезжаются тунгусы для торгового обмена раньше с купцами, а теперь с кооперативами. В стороне от реки очень мало мест, где можно было бы наверняка застать тунгусские стойбища. Они бродят далеко за хребтом. Все это, конечно, прекрасно знали и казаки, которые когда-то объясачивали тунгусов, пользуясь их весенними и летними сборными пунктами.

Мангазейские казаки, объясачивая тунгусов, бродивших по системе Ниж. Тунгуски, должны были очень рано нащупать чонских тунгусов, ибо Чона очень близко подходит к Тунгуске и течет параллельно последней. Развивая свои операции вниз по Чоне, эти казаки должны были брать ясак и с тунгусов, бродящих по верхнему течению самого Вилюя. Первые сведения о Лене мангазейские казаки получили ещё в 1620 году, но они отважились спуститься вниз по Вилюю до Лены лишь в 1630 году под начальством Мартына Васильева²³⁸.

Почему казаки так долго застряли на Чоне и в верховьях Вилюя? Во-первых, конечно, потому, что небольшие отряды, которые выезжали для собирания дани в верховья Тунгуски, сами не могли рискнуть на дальние поездки по другой речной системе. Их снаряжение, всякие запасы да и прямые наказы начальства удерживали в пределах Тунгуски. Они могли совершать на Вилюй лишь частичные налеты для поимки тех тунгусов, которые из Ниж. Тунгуски могли уходить на Чону.

С другой стороны, р. Вилюй ниже устья Чоны имеет ряд очень опасных порогов. (Известны Отонноох-Уораана, Юёсэ Хана, Аллараа Хана. Мелких порогов много).

Чона в настоящее время занята якутами, которые появились здесь сравнительно недавно. Среди них сохранились живые предания о том, что вся Чона раньше была тунгусский территорией²³⁹. Чонские колонисты происходят из разных наслегов быв. Хочинского улуса. До недавнего времени они числились в своих коренных наслехах и лишь незадолго до революции

²³⁸ См. Г. А. Попов. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1424 г., стр. 1

²³⁹ См. «Эллэйада». §§ 311 и 312.

1917 г. образовали особый Чонский наслег. По переписи 1917 г. в нем было зарегистрировано всего-навсего 546 д. об. п.²⁴⁰. Переселенцы двигались обычно в обход излучины верхнего Вилюя напрямик через хребты. Вилюй ниже устья Чоны на протяжении 400 км и теперь имеет тунгусское население, которое образует Брангатский род или наслег. Таким образом, до недавнего времени Чона и верховья Вилюя в общей сложности на протяжении одной тысячи километров имели тунгусское население. Вот в этом-то тунгусском районе должны были оперировать мангазейские казаки в течение десяти лет. Что же мудреного в том, что Чона и Вилюй в Мангазее представлялись тунгусской территорией? Не пробив этой тунгусской пробки, казаки не могли иметь ясного и точного представления как о самих якутах, так и о занятых ими местах. Разъезжая по Чоне, они вряд ли могли знать, где кончается река Вилюй и где начало «великой реки Лены», которая, по слухам, была населена великим числом якольцев.

Наконец, казаки прошли пороги и совершили дальнейшее плавание вниз по Вилюю, но якутов не обнаружили до самой Лены. Значит ли это, что весь Вилюй до самого устья был заселен тунгусами?

Нам представляется очевидным то положение, что мангазейские казаки имели слишком мало времени для обнаружения вилюйских якутов. Им в этом деле помешали успехи енисейских казаков, которые в 1632 году, т. е. через два года после первого похода мангазейцев на Лену, отыскивали новый и более удобный путь в самый центр всего Ленского края. Объяснение и управление вновь завоеванным краем было предоставлено енисейским казакам. После кровавых столкновений отряда Ивана Корытова с енисейскими казаками у устья Вилюя в 1633 и 1634 годах мангазейцы оказались отброшенными в пределы своей Нижней Тунгуски.

Кроме того, при оценке донесений мангазейских казаков упускают из виду одно весьма важное обстоятельство. Мангазейцы, получив первую весть об якутах в 1620 году, снарядились на дальнейшее плавание по Вилюю лишь через десять лет, т. е. представив своим противникам слишком достаточное время для принятия тех или других мер самообороны. Если мангазейские власти могли получать информации об якутах при посредстве тунгусов, то, тем паче, вилюйские якуты, имеющие постоянные, деловые связи с последними, не могли не иметь точные данные о казаках,

²⁴⁰ См. М. П. Соколов. Якутия по переписке 1917 г. Иркутск, 1925 г., стр. 82.

об их вооружении, средствах передвижения, хозяйственно-политических заданиях и т. д. Якуты южного Вилюя первую весть о русских должны были получить с первых же годов их появления в верховьях Н. Тунгуски. С того момента, когда казаки перенесли свои операции на Чону и ниже по Вилюю до её порогов, смутная легенда о казачьем нашествии могла принять характер уже реальной опасности. Якуты — народ конный, они любят собирать от каждого встречного и поперечного всякие вести и слухи. При каждой встрече они привыкли да же приветствовать друг друга вопросами: «Хайа кэпсиэ эрэ догоор, туох сонун, санга тыл-ёс баарый эсиги эргин», что в переводе значит — «Ну, рассказывай-ка, друг, какие приятные вести, новые слова и речи слышны в вашем околотке?». Поэтому в якутской среде всякие слухи распространяются с поразительной быстротой. Зная, что страшные пришельцы, надвигающиеся с верховьев Вилюя, не имеют ни коней, ни оленей и что они передвигаются только на лодках по реке, вилюйские якуты не могли не напасть на простейший способ временной самозащиты: в течение летнего времени не показываться по берегам Вилюя. На всем протяжении Вилюя и теперь чрезвычайно редко встречаются жилые пункты у самой реки. Наиболее густо заселенные наследи и лучшие хозяйственные угодья у них находятся по боковым речкам, озерам и еланям. Плавая по Вилюю, трудно где-либо встретить открытые равнины, прилегающие к реке, в её среднем течении почти отсутствуют острова, удобные для хозяйственной эксплуатации. Вот почему и теперь при плавании по реке весь Вилюйский край производит впечатление угрюмой и молчаливой пустыни. Тем более, если вилюйские якуты организованно провели тактику скрывания в своих лесах, первые мангазейские отряды, пройдя пороги верхнего Вилюя, должны были плыть по пустынной реке. Проплывание первых лодок вниз, в особенности же обратное продвижение казаков вверх по реке, не могло остаться незамеченным обитателями местного края. Следы людей, тянувших лодки, остатки костров, случайные выстрелы, услышанные охотниками и т. д., ясно должны были говорить о том, что дни безмятежного существования якутов уже миновали. Кроме того, якуты, осведомившись от чонских тунгусов о том, что казаки имеют обыкновение продвигаться со вскрытием реки вслед за полной водой, могли устроить скрытые наблюдательные пункты, чтобы при первом появлении казаков осведомить все прибрежное население. Конные вестовые,

конечно, намного опередят лодки, идущие на гребях. Этому обстоятельству особенно благоприятствует направление русла Вилюя в пределах Хочинского улуса. С устья реки Сюлдьгюр Вилюй течет на юг и делает огромный крюк. В эпоху нашествия казаков якутские поселения по Вилюю вряд ли переходили устья Вилючана. С этого пункта до местечка Шеи, где центр наиболее густых поселений Сунтарского улуса, по прямому пути не больше 100 км, а по руслу самого Вилюя не меньше 250 км. Если даже допустить безостановочное движение на лодке вниз по реке, всадник из устья Вилючана прискачет на Шею минимум на 20 часов раньше казаков. Этот выигрыш во времени вполне достаточен для того, чтобы настороженное население перестало показываться на берегу Вилюя.

В пользу нашей гипотезы говорит ещё и военно-политическая выучка мангазейцев, образовавшаяся в процессе борьбы с бродячими охотниками и рыболовами дальнего севера в пределах Тобольского и Енисейского края. В этих районах, если над самой рекой не видать сборных пунктов, то в глубине тайги незачем и пытаться искать человеческое жилье. Поэтому и в пределах Вилюйского края казаки, видя безлюдные берега, не могли допускать существование оседлого населения внутри страны. При более внимательном исследовании берегов Вилюя они могли бы наткнуться на скотские тропы, помет и т. д., но первые отряды, совершающие беглую рекогносцировку, вряд ли проявляли столь большую бдительность, чтобы открыть присутствие скотоводческого народа. В среднем и нижнем течении Вилюя казаки могли наткнуться на таборы тунгусов²⁴¹, которые ко времени вскрытия реки прикочевывали из дальних хребтов, верховий речек, впадающих в Вилюй с запада и севера. Эти тунгусы и раньше должны были иметь особые ярмарочные пункты на видных местах и высоких мысах, главным образом, у устьев больших речек, где обычно находили их якутские дружки, приезжающие для обмена продуктов своего хозяйства и ремесла на тунгусскую пушнину, оленью шкуру, ровдугу и т. д. Эти дальние тунгусы могли и не знать о той опасности, которой подвергались их съезжие пункты со стороны случайных казачьих отрядов. Сталкиваясь с

²⁴¹ Так называемые «вилуйские тунгусы» не являются тунгусами в собственном смысле этого слова. Дальше (часть II наших очерков) мы доказываем, что вилуйские или оленекские тунгусы составляют основное ядро «северных якутов-оленьеводов», которые издревле говорят по-якутски, сами считают себя «якутами» и имеют обычаи и нравы более близкие к якутским, чем к тунгусским.

этими тунгусами, казаки мельком могли ловить и слухи о местных якутах, но в извращенном виде.

В своем докладе Палицын со слов мангазейских стрельцов, Надежки Сидорова, Степки Иванова и березовского казака Мартынка Васильева, плававших по Вилюю до Лены, сообщает:

«А по Вилюю де реке живут многие люди — нанагири человек с 700 и больше, а конных людей у них нет, а кочуют на Усть-Варки (речки Мар-²⁴²хи), а ясаку с себя государю не платят, потому что люди большие»²⁴².

Кто эти нанагири, «люди большие», которые, кочуя у Устья-Варки осмеливаются не платить ясаку государю? Палицын передает слова своих осведомителей в том смысле, что эти «большие люди» не имеют коней. Но можно ли ручаться за то, что он точно запомнил устные информации своих собеседников? Может быть казаки говорили как раз наоборот, но не могли определенно сказать, что это — «якольцы», ибо их собственными глазами и не видели.

Если вилюйские якуты организованно провели легко осуществимую тактику скрывания в своих внутренних угодьях, то станет вполне понятным и то, что казаки могли встречать только тунгусов, а о настоящих обитателях края иметь очень смутное представление, ещё более искаженное в устах Палицына. Вот основные причины того странного, на первый взгляд, явления, что при первых походах мангазейских казаков по Вилюю фигурируют одни тунгусы, создавая иллюзию, что они являются единственными обитателями края.

Эти рассуждения одинаково применимы и для Олекминского края, ибо его древние насельники, несомненно, являются выходцами из южного Вилюя.

Расстояние от Сунтара до г. Олекминска всего 350 км, т. е. в два раза ближе, чем путь Вилюйск — Якутск²⁴³. Между Сунтаром и Олекминском пролегает старинный тракт по низменной местности, удобный как для летнего, так и зимнего сообщения. В порядке внутреннего самоуправления олекминские якуты, наверное, подчинялись сунтаро-хочинским центрам. Вот почему и олекминские якуты со времени появления русских на Чоне после вскрытия реки могли не показываться на берегу Лены. В

²⁴² См. «Наказ Головину». Там же, стр. 968.

²⁴³ См. И. Ф. Молодых. «Пути сообщения Якутии». Сб. «Якутия», стр. 643.

Олекминском округе якуты занимают лишь левый берег Лены; на правом берегу вся обширная система реки Олекмы и по сие время остается местом обитания бродячих тунгусов. Якутские поселения здесь очень редки и, наверное, недавнего происхождения.

В период казачьего завоевания под Олекминским краем, как показывает самое название, конечно, разумелась система р. Олекмы, т. е. фактически тунгусская территория. Затем завоеватели больше интересовались своими подданными, как поставщиками пушнины. Тунгусы же по своему занятию и образу жизни были охотниками по преимуществу, которые облагались ясаком всегда выше якутов, сидячих скотоводов. Поэтому и немудрено, что весь район Олекминского острожка должен был именоваться тунгусским, ибо туда стекалась пушнина с необозримых таежных пространств и хребтов Олекмы, Чары, Жуи и т. д. Позже, с заменой пушного ясака денежным, само собой разумеется, тунгусы должны были отойти на задний план, ибо ясак стал уже равномерным и пропорциональным числу ясашных душ. При пушном ясаке принцип обложения у казаков был весьма прост: брать с каждого в пределах фактической возможности. При такой системе по всем окраинам Ленского края главная тяжесть ясашного налога, несомненно, ложилась на плечи малочисленных тунгусов.

Бекетов поставил Олекминский острожек в 1635 году. Объясняя местное население, казаки на кого должны были обратить преимущественное внимание: на тунгусов, бродящих по системе Олекмы, Чары и Жуи или на левый берег Лены, где вдали по речкам и озерам прятались якуты-скотоводы? Само собой-разумеется, их интересовали больше тунгусы, как поставщики пушнины. Охота за ними, несомненно, была главной целевой установкой олекминских зимовейщиков.

Затем сами казаки, явившись на Лену, хорошо могли владеть только тунгусским языком, усвоенным ими ещё в пределах Енисейского края. Они могли иметь надежных «вожей», вообще своих людей лишь среди тунгусов, которые вместе с казаками занимались ловлей и уговариванием своих сородичей— платить ясак русскому царю, ибо так де заведено теперь во всем белом свете. Наличие тунгусских вожей и знание их языка самими казаками давали возможность лучше ориентироваться в тунгусских обыкновениях и успешно привлекать их к подданству не только силою оружия, но и дипломатическими переговорами. Следы этой тунгус-

ской выучки первых завоевателей мы видим в теперешнем наименовании — «якуты», «Якутия», получивших полное право гражданства как в частном, так и в официальном быту, даже и в науке. Сами якуты, как известно, именуют себя «саха».

В казачьих документах якуты именуются, как мы видели «якольцами». «Яколь» есть множественное число от «йоко йоколь». (По моим записям, у илимпейских тунгусов Туруханского края — «джокуо» — джокуоль).

В деле покорения туземцев Ленского края знание казаками тунгусского наречия имело, конечно, громадное значение. Для туземцев бородатый казак со своим дьявольским, огнедышащим оружием был, наверное, страшнее страшного. Якуты могли вообразить, что это скорее бесы — «абаасылар», спустившиеся с летучих облаков. Между прочим, слово «нууча», которым якуты окрестили русских, у северных якутов служит нарицательным обозначением злых духов, живущих на облаках (албан абаасыта). Но если этот бес вдруг заговаривает с туземцем на его родном языке — «по-человечески», то это обстоятельство не могло не рассеять тот невольный ужас, который он внушал с первого раза.

Кроме того, казаки, явившись в неведомый край, не могли не заинтересовать нужных им людей ценными подарками, не говоря уже об освобождении их от ясака. Что могло значить лишение нескольких десятков соболей, если эти единицы доставляли им возможность собрать сотни сороков в недалеком будущем?

Вот почему во всех окраинах Ленского края в первые годы объяснение тунгусов могло идти много раз успешнее, чем якутов. Иногда дипломатическими шагами можно достичь гораздо больших успехов, чем прямым насилием. Если дело обстояло так, то становится понятным, почему казачьи документы с окраинных зимовий Ленского края так пестрят в первую очередь наименованиями тунгусских родов.

Наконец, русские завоеватели могли использовать в своих интересах вражду якутов с тунгусами. Обещать тунгусам большой почет и уважение, чем якутам, посулить им кое-что из якутского добра, казакам ничего не стоило. Всякий хищник знает метод задабривания своей жертвы, посулов с «золотую гору», чтобы потом, укрепив свое положение, вонзить в них свои когти, как и на тех, на кого он натравливал. В центрах якутских посе-

лений племенная вражда якутов с тунгусами не могла чувствоваться. Во-первых, здесь причина вражды, а именно, отобрание якутами тунгусских земель за давностью лет могла забыться. Тунгус и якут занимали тут исконную родовую территорию, резко отмежеванную. Что было в глубине далекого прошлого, об этом мало кто помнит.

В их настоящем, наоборот, замечалось даже полное согласование экономических интересов. Якут использует луговые места, обращая траву в молоко и масло. Тунгусы бродят по диким хребтам, взамен якутских продуктов и предметов кузнечного ремесла дают им свою пушнину, ровдугу, оленье шкуры и т. д. Тунгус не нуждается в якутских землях, якут не имеет оснований зариться на обширные леса. Затем численное превосходство и организованность на стороне якутов, что лишает тунгуса возможности питать какие-либо агрессивные намерения против якутов. Совсем иная картина на окраинах. Вопрос о тунгусо-якутских взаимоотношениях на окраинах находится в неразрывной связи с историей постепенного развития общественной жизни самих якутов в пределах Ленского края. Здесь же мы ограничимся указанием на то, что казаки должны были использовать сильную вражду якутов с тунгусами во всех окраинах, где сталкивались их взаимные интересы, становясь на сторону тунгусов, как слабейшей стороны. Это обстоятельство безусловно имело своим последствием то, что большая часть ленских тунгусов объяснялась добровольно, чтобы при помощи казаков отстоять свои охотничьи районы от якутского засилья. Если на трех Тунгусах Енисея тунгусов нужно было объяснять насильно, то в пределах распространения якутской колонизации, т. е. на Вилую, в Олекминском отчасти, вероятно, и в Верхоянском крае казаки, выступая в роли защитников тунгусов, должны были вовлечь последних в свои сети.

Если мы к тому, что сказали насчет роли тунгусского языка в казачьем дипломатическом искусстве, прибавим ещё и противоречие якутских и тунгусских интересов на окраинах Ленского края, то будет понятным, почему в олекминских и вилуйских зимовьях тунгусы раньше якутов пришли с поклоном к далекому московскому царю, неся ему пушную дань в ожидании его высокого покровительства в их распрях с якутами. Однако, ближайшие же годы, вероятно, обнаруживали ошибочность их политических расчетов, ибо новые хищники бесспорно превосходили старых. Обманутая

надежда и вероломство казаков могли чаще подталкивать их на вооруженные выступления с целью отобрания своих аманатов и пушнины, чем якутов, которые объяснялись, покоряясь необходимости. Мы указываем на это обстоятельство для того, чтобы нередкие вооруженные столкновения казаков с тунгусами не были расцениваемы, как доказательство отсутствия добровольного данничества со стороны ленских тунгусов. Политика заманивая обыкновенно употребляется только в первые годы, а когда доверчивый тунгус привел казаков потайными путями к скрытым жителям якутов, вчерашние приятели не захотят выпустить его самого в тайгу без аманатов.

В якутских преданиях о приходе русских пособничество тунгусов, выразившееся в том, что они были проводниками русских, неоднократно подчеркивается. Якутские сказители по этому поводу морализируют. По их мнению, якутский царь Тыгын или его сын Чаллаайы избивали тунгусов. Один тунгусский витязь спасается и, убегая, грозит привести людей с большими носами и глубоко сидящими глазами. По передаче якута Кузьмы Слепцова, этот мотив облекается в довольно красивую художественную картину. Убежавший тунгусский герой поднимается на вершину сопки «Кыыс-Хайа» (Девница-гора), находящуюся на правом берегу Лены между городами Олекминском и Якутском. Чаллаайы с противоположного берега Лены бросает в него огромный булыжник, который, перелетев через реку, упал на середину горы и скатился вниз. Тунгус, приставив кулак к носу, крикнул: «Ужо тебе, живи остерегаясь, я приведу к вам людей с такими носами»²⁴⁴.

Некоторые историки восхищаются подвигами горсточки казаков, быстро покоривших обширный Ленский край. Действительно, завоевания казаков на Лене развивались поразительно быстрым темпом; во всяком случае, бассейн Лены захвачен ими в более короткий срок, чем соседнего Енисея. В этом обстоятельстве, на наш взгляд, нужно видеть отражение противоречивости тунгусо-якутских интересов, в особенности на окраинах, где, по всей вероятности, происходили постоянные вооруженные схватки между якутами и тунгусами из-за охотничьих районов. В этом явлении якутский Тыгын и его воинственный сын, конечно, были менее всего вино-

²⁴⁴ См. «Эллэйада». §§ 134, 87, 88.

ваты, ибо в распри с тунгусами, по всей вероятности, вступали отдельные ватаги окраинных промышленников, не желавших жить в якутских центрах в роли пастухов и батраков у богатых феодалов.

Есть ещё одно обстоятельство, которое искусственно увеличивает число тунгусов по окраинам. Дело в том, что сами якуты, колонизуя отдаленные углы своей родины, сопредельные с тунгусской территорией, усваивали тунгусский хозяйственный быт и образ жизни. Они обзаводились оленями и, не имея постоянного жительства, переходили с места на место со своими стадами. Например, в пределах Верхоянского округа якуты Борогонского наслега, живущие по реке Омолою, за весьма малым исключением являются оленеводами. Смешанно с ними живут ламуты тюгэсирского рода. По данным, собранным нами в Булуне в 1924 г., оленеводство борогонцев в несколько раз превышало по числу голов тунгусское. Русские казаки в эпоху завоевания края не имели оснований разбираться в этническом происхождении этих якутов- оленеводов. Они, наверное, отнесли их к числу тунгусов Верхоянского края. Точно также в пределах Вилюйского округа до недавнего времени оленеводством в больших размерах занимались якуты Хочинского улуса. В Средневилюйском, Западновилу́йском и Верхневилю́йском улусах до революции было немало якутских хозяев, которые держали оленей. Ко времени нашествия русских оленеводство у вилюйских якутов, несомненно, было более развито, чем в наше время. Для охотничьего промысла и для сообщения зимой ; оленное передвижение представляет большие удобства, чем конное. Якутов, имеющих оленей и занимающихся охотой, завоеватели легко могли причислить к тунгусам.

2. ВОИН ШАХОВ О ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТАХ

Исследователи, которые отрицают старожильчество якутов на Вилюе в дорусскую эпоху, обычно любят ссылаться на донесение боярского сына Воина Шахова, датированное 1637 годом. Он сообщает о каких-то беспорядках и бесчинствах, чинимых ясашными людьми кункогирского рода, которые «приступаячи», надо полагать, к зимовьям убили «двадцать три человека»... Дело происходило «на Лене реке усть- Вилюя реки».

Дальше в донесении говорится: «...а вверх де Вилюя от тунгусов от ясашных людей промышленным людям грабеж большой и воровства многие на соболиных промыслах, грабят и запас и соболи и котлы и топоры и собаки отнимают».

И. И. Майнов, ссылаясь на это сообщение Шахова, спешит сделать такое заключение: «Обитателями нижнего Ви люя тут определенно указаны кункогирцы, т. е. тунгусы»²⁴⁵.

С таким выводом мы не можем согласиться. Воин Шахов просто информирует об одном частном случае. Он не говорит, что у устья Вилюя среди местного населения кункагиры составляют большинство. Из донесения Шахова, наоборот, ясно видно, что у устья Вилюя в те времена, как и теперь, жили якуты, ибо он посылает десять сороков девять соболей «с усть Вилюя реки с тунгусов и с якутов, с конных и пеших». В том же донесении говорится об изымании «мужика конных якутов роду тагусы и под того мужика в 147 году взято с роду того три сорока соболей».

Поэтому нам трудно понять ход рассуждений Майнова, который утверждает: «Но во всяком случае основным населением низовий Вилюя, по сообщениям Воина Шахова, следует признать тунгусов».

Если кункагиры приступают к Усть-Вилюйскому зимовью, вероятно, чтобы отбить задержанных там аманатов и уйти в дальние леса, то это ещё не значит, что они обязательно должны жить тут же у устья Вилюя. Они могли бродить далеко севернее Вилюя в сторону Жиганска или даже на правом берегу Лены по Верхоянскому хребту, но иметь выходы у устья Вилюя. Мы уже имели случай указать, что искони в определенное время года тунгусы приближались к районам якутских населений для торгового обмена. Например, тунгусы 7-ми кангаласских родов бродили на обширном пространстве, заключенном между Ленкой, Олекмой и верхним течением Алдана, но каждую весну они прикочевывали на правый берег Лены в район поселений Мальжегарских наслегов Западно-Кангаласского улуса. Вообще обхват передвижений тунгусов бывает чрезвычайно велик. Так тунгусы Есейского озера (они сами именуют себя якутами) ежегодно отправляются вниз по р. Оленеку до самого побережья Ледовитого океана, доходят до устья Лены, проводят на тундре лето, а осенью кочуют обратно к озеру Есей, проходя взад и вперед свыше четырех тысяч км. Это обстоя-

²⁴⁵ Там же, стр. 327.

тельство констатировано нами в 1924 году в бытность на устье р. Оленека. Если бы тунгусы не имели установленных обычаем пунктов выхода в черте оседлых поселений, то они, конечно, были бы абсолютно неуловимы для казаков. Последние, заставляя их то там, то тут, и прикрепляя путем задержания аманатов к своим зимовьям, могли считать их приписанными к определенному пункту, но это, конечно, не значит, что они тут в узко ограниченном районе и живут. И вот почему те тунгусские роды, которые платили ясак в вилюйских зимовьях, ещё не могут быть приписаны к населению собственно Вилюя. Не только Воин Шахов, но даже более современные администраторы не считали нужным интересоваться, где тунгусы проводят разные времена года. Все тунгусские роды, которые совместно с якутами платили ясак в трех вилюйских зимовьях, можно уверенно сказать, не имели ничего общего с Вилюе-Ленским плоскогорьем, сплошь занятым якутами.

Майнов особенно обращает внимание на количество аманатов — якутских и тунгусских. Воин Шахов захватил на Вилюе 8 аманатов, из них семеро были тунгусы и лишь один якут²⁴⁶. По донесению якутского воеводы Барнешлева, относящемуся к 1676 г., в Средневилюйском зимовье содержалось 5 аманатов, а «якуты ясак платят без аманатов», в Верхневилюйском зимовье содержалось 10 тунгусских аманатов, а о якутах тоже говорится, что они платят без аманатов. Ссылаясь на эти документы, Майнов пишет:

«Большее число аманатов в двух последних зимовьях с несомненностью указывает на то, что большинство населения их районов состояло в то время все ещё из тунгусов, более воинственных и непокорных, чем якуты»²⁴⁷.

Никакой «несомненности» о преобладании в Вилюйском крае тунгусского населения тут не имеется. Это лишь подтверждает наше положение: тунгусы бродят, бог весть, где, без «емли» аманатов их и не принудишь снова явиться с поклоном и пушниной, а оседлому якуту некуда деваться, он живет в одном месте. Поэтому он и платит ясак без аманатов. Да и казак-завоеватель, видя, что якут живет домашним скотом и рыболовством, должен был понимать, что он никуда не денется, следовательно,

²⁴⁶ Там же, стр. 334.

²⁴⁷ Там же, стр. 335-336.

забирать от него аманатов значило бы делиться с ним своим хлебным пайком и без того не великим, совершенно непроизводительно.

Гипотеза Майнова о пропорциональности количества аманатов в трех вилюйских зимовьях с численностью коренного населения не выдерживает никакой критики. Именно потому, что тунгусы не местный народ, что они около вилюйских зимовий имели только сезонные выходы для товарообмена и что в остальное время года и ворон не разыщет их табора, казаки не рисковали выпускать из рук тунгусских аманатов. Олений тунгус-охотник среди оседлых якутов только временный, сезонный гость, а пределы его кочеваний по тайге необозримы. Какая огромная площадь нужна для прокормления охотников, можно судить по упомянутым выше тунгусам 7-ми кангаласских родов. По численности все они, вместе взятые, не превышают население одного среднего якутского наслега. По данным самого Майнова²⁴⁸, в этих 7-ми кангаласских родах 643 муж. и 472 жен., всего 1015 д. об. п. Пределы их охотничьего района очерчены у Майнова же: «Обитали в горных местностях по верхнему течению рек Алдана и Амги, по рекам Ботаме и Талбе с их притоками», т. е. фактически занимали всю обширную область, заключенную между Ленкой, Алданом и Олекмой, начиная с устья р. Ботамы. Эта территория по своей обширности совсем не уступит всему Вилюе-Ленскому плоскогорью, в длину тянется на 600 км, в ширину на 400 км. А в смысле обилия всякого зверя, конечно, много богаче последнего.

Как мы говорили выше, упомянутые семь тунгусских родов получили свое официальное название от имени Кангаласского улуса, на территорию которого они имели постоянные выходы для товарообмена. По логике Майнова, руководствуясь одними казенными документами, их тоже можно было бы причислить к коренным обитателям Кангаласского улуса.

Донесение Воина Шахова самым убедительным образом опровергает необоснованную гипотезу о колонизации якутами обширного Вилюйского края лишь после нашествия русских. Он дает такие показания:

«Был де он на государевой службе на Вилюе реке семь лет и всякие места и иноземцев рассмотрел, и иноземцев де с усть Вилюя реки и вверх по Вилюю ясачных и неясачных якутов и тунгусов с 3000, а ясак де государю дают немногие люди: а буде тех неясачных якутов и тунгусов привести

²⁴⁸ В той же статье «Население Якутии», стр. 395.

вскоре под государеву царскую высокую руку, и служилых де людей надобно на Вилюй реку послать человек с полтораста, и в государевом де ясачном сборе чаять большие прибыли, можно сороков 100 и больше собрать на год, а ныне де на усть Вилюя реки и вверх Вилюя реки иноземцы якуты и тунгусы и по Варке побивают промышленных людей»²⁴⁹.

Этот рассказ Шахова датируется 1641 годом. Иными словами, он прибыл на Вилюй не позднее 1634 г. и успел рассмотреть там столь многочисленное население. Шахов оперировал в районе трех вилюйских зимовий, т. е. в пределах двух старых вилюйских улусов — Средневилюйского и Верхневилюйского. По данным 1891 года, население этих двух улусов равнялось 21551 д. об. п., тогда как по всему Вилюю всех якутов числилось 66475 д.²⁵⁰ Таким образом, якутское население четырех южных улусов — Мархинского, Нюрбинского, Сунтарского и Хочинского осталось за пределами внимания Шахова. Якуты северного Вилюя как теперь, так и раньше жили в ближайшем соприкосновении с оленекскими тунгусами, которые ни по языку и ни по нравам не отличаются от вилюйских якутов²⁵¹. В составе улусов Средневилюйского и Западновилюйского (отделялся от старого Верхне-Вилюйского) имеются наслеги «тунгусского» происхождения, а именно. Джооху (Жахотский), Люючюн (Лючинский), Кююлэт (Ку-лятский), Югюлээт (Угулятский), возможно и другие. Воин Шахов к тунгусам мог причислить и всех якутов северного Вилюя, содержащих стада оленей. В этом районе до недавнего времени было сильно развито олене-водство.

Кроме того, было бы ошибочно утверждать, что Воин Шахов за семилетний срок успел проверить все наличное население северного Вилюя и открыть все их урочища. Якуты в этой области живут весьма разбросанно. Взглянув на подробную карту Якутской республики, каждый может наглядно убедиться, что все низовье Вилюя, начиная с устья р. Мархи, покрыто неисчислимым количеством мелких озер. Это прямо классическая страна озер. В силу этих естественных условий местное население, несомненно, со времен глубочайшей древности занимается рыболовством. Само собой разумеется, что население северного Вилюя, ютящееся небольшими группами в две, три юрты около своих озер, в глуши необозри-

²⁴⁹ См. доп. к Ист. Акт. Т. II, стр. 254.

²⁵⁰ См. Серошевский. «Якуты». Прил., стр. 683. Офиц. стат. данные.

²⁵¹ См. «Эллэйада». § 329.

мой тайги, не только не могло быть обнаружено более или менее исчерпывающе при беглом осмотре Воина Шахова, но даже и в настоящее время представляется нелегким делом составление карты их расселения и установление названий многочисленных урочищ, озер и речек, занятых ими. Если Шахов находит возможным определить численность аборигенов северного Вилюя в 3000 человек, то это свидетельствует о большой густоте населения и в ту отдаленную эпоху.

Какие же окончательные выводы мы можем сделать из донесения Воина Шахова по поводу заселенности Вилюя якутами к моменту прихода русских?

Шахов дает самые бесспорные данные о многочисленности и густоте туземного населения Вилюя по преимуществу на территории трех улусов — Средневилюйского, Верхневилюйского и Западновилюйского (или Удюгэйского). Причем в первые годы завоевания края казаки могли обнаружить лишь население узкой прибрежной полосы. В казачью регистрацию в большом количестве могли попадать и «тунгусы», (фактически — «северные якуты»), прикочевывающие на Вилюй ко времени вскрытия реки с Оленека, верховьев многочисленных речек, впадающих в Вилюй с севера и запада. Глазомерное определение Шаховым населения северного Вилюя в 3000 человек, несомненно, говорит о наличии исконной оседлости, ибо бродячие тунгусо-якуты не могут быть столь многочисленны. В первые же годы завоевания Вилюя казаки поставили на территории Верхневилюйского и Средневилюйского улуса три зимовья. Расположение этих зимовий на самом берегу Вилюя и направление старого зимнего тракта Якутск — Вилюйск, идущего параллельно береговой линии Лены и Вилюя, ясно говорят о густоте якутского населения в понизовьях Вилюя. Эти якуты ни в коем случае не могут быть причислены к порусским беженцам из пределов Якутского округа, ибо беглецы, зная лодочную связь казаков, не могли бы оседать вдоль речного побережья. Это значило бы кидаться из огня да в полымя. Отсюда вывод — Шахов в понизовьях Вилюя мог обнаружить лишь старожильческое якутское население. Казаки, объяснив в первые же годы беспечных тунгусов, прикочевывающих из своих дальних хребтов в старые ярмарочные пункты, расположенные над самой рекой, конечно, не считали нужным разграничивать якутскую и тунгусскую территорию. Приписка бродячих тунгусов по местам их весенних выходов к тем

или другим зи мовьям, являясь лишь формально официальным показателем, отвечающим задачам фискального управления объясняющим населением, ни в какой степени не определяет территориальные владения тунгусов. Практика вилюйских казаков, задерживавших аманатов лишь из среды тунгусов, ясно свидетельствует о том, что последние были только временными, залетными гостями в пределах северного Вилюя.

3. КАЗАЧЬИ ДОКУМЕНТЫ О МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ ЯКУТОВ ЖИГАНСКОГО УЛУСА

Сотник Бекетов в первое же лето своего прибытия к якутам 20 июля 1632 года посылает отряд казаков вниз по Лене. Последние поставили Жиганское зимовье и по возвращении донесли, что там живут многие тунгусские люди. На следующий 1633 год основатели Жиганского зимовья собрали ясак «с новых тунгусских людей, с долганов и с жиганов».

Ссылаясь на эту выписку, Попов добавляет: «О якутах эти донесения ничего не упоминают»²⁵².

Майнов тоже заявляет: «Значит, северным пределом расселения якутов по западному берегу Лены в момент прихода русских следует признать устье реки Вилюй, так как население, бродившее по пустынным пространствам завилюйского края и в низовьях Лены, было вполне тунгусским»²⁵³. При этом Майнов в скобках добавляет: «Жиганская орда, т. е. жеюганский род тунгусов».

Позволительно задать вопрос названным ученым: почему же «жиганы», «жиганская орда» не есть якуты современного Жиганского улуса?

Жиганский улус, состоящий из восьми родов, в порусскую эпоху всегда составлял исконное население понизовьев Лены и платил ясак в Жиганское зимовье. Майнов с каким-то особым пристрастием к открыванию тунгусов везде и всюду склонен отождествить жиганскую орду с жеюганскими тунгусами, которых сам же помещает в пределах Олекминского края²⁵⁴.

²⁵² См. Гр. Попов. Расселение якутов в XVII и XVIII ст. Выписка из «Дневных записей П. Бекетова», стр. 43.

²⁵³ Майнов. Там же, стр. 327.

²⁵⁴ Майнов. Там же, стр. 395.

Вряд ли кто станет отрицать то, что название жеюганский происходит от имени речки Жуи (по-якутски Джэйю), впа дающей в Чару. Жеюганские — значит — живущие по речке Джэйю. Каким образом эти олекминские тунгусы перелетели в Жиганск, чтобы оспаривать у якутов Жиганского улуса их исконную территорию? «Жиганск, жиганский» проксходит от другого якутского названия «Эджигээн». Так верхоянские ламуты и якуты именуют всю ту сторону, которая с водораздела Яны и Лены имеет покатость к последней. Среди якутов Якутского округа вообще вся область низовий Лены называется «Эджигээн».

Решение поднятого вопроса, нам кажется, самое простое дело. В первый же год своего нашествия пришли казаки в местность Жиганск, поставили там зимовье и по сей день носящее то же название (заштат. гор. Жиганск), обнаружили там наряду с долганами и тунгусами «жиганов», «жиганскую орду».

Ясно, конечно, что здесь под «жиганами» нужно понимать только лишь коренное население быв. Жиганского улуса, во всех поздних официальных документах царского периода обозначаемое как якуты.

Здесь сам по себе напрашивается интересный вопрос, на котором мы мельком останавливались выше, а именно, какими признаками руководствовались казаки того времени, называя те или другие народы — тунгусами или якутами? Не может ли быть таких случаев, когда казаки относили к тунгусам якутов? Не будет ли правдоподобно допустить, что они всех тех, кто не имея коров и лошадей, жил в переносных шатрах, не имея постоянной оседлости и имел ездовых оленей, записывали тунгусами? Не надо забывать того, что основная цель казаков заключалась во взимании пушного ясака. Количество и размер его, а также способ обеспечения будущей явки обьясаченных, конечно, зависели от рода хозяйства и привычных занятий их. В самом деле, не станет же казак того времени разрешать вопросы этнического происхождения тех или других родов, незачем также и устанавливать им какой язык они считают материнским: якутский или тунгусский. Казаки сами, как мы отмечали выше, в первые годы своего появления на Лене могли знать только тунгусский язык и со всеми своими подданными пока что разговаривали через тунгусских переводчиков.

После этих предварительных соображений мы можем сообщить, что якуты Жиганского улуса и по сие время не имеют других домашних жи-

вотных, кроме оленей и собак, а в летнее время всегда живут в легких шатрах, крытых корой или оленьими шкурами. Кроме охоты они, главным образом, занимаются рыболовством. Иными словами, по видимым признакам материальной культуры и по образу жизни они мало чем отличаются от тунгусов, но язык у них якутский. Якуты, приезжающие к ним из южных местностей, всегда называют их не иначе, как «омуктар» (мн. чис. от «омук»), т. е. тем же самым нарицательным именем, каким якуты привыкли обозначать и тунгусов. Якуты при этом, по-видимому, исходят из тех же соображений об образе жизни, о материальной культуре и т. д. Но сами жиганцы (или жиганы) очень не любят, когда их причисляют к омукам, они сами себя предпочитают называть якутами (саха). Прожив среди них около года, мы имели возможность подробно изучить особенности их духовной культуры. Объякученные тунгусы безусловно сливаются с жиганцами до неузнаваемости. Но точно также и в более центральных районах якутских поселений очень трудно отличить от якутов объякученного тунгуса, например, усть-майских тунгусов, нюрбоганочинцев и шелогонцев, перешедших к культуре рогатого и конного скота. Между прочим, из восьми родов или наслегов Жиганского улуса два — Кюпский и Эженский — среди самих жиганцев слывут за тунгусов, что не отрицается и последними. В научной литературе и во всех официальных документах они всегда обозначаются якутами. Жиганцы не стоят изолированно. Якуты Усть-Янского улуса, анабаро-хатангские, оленекские тунгусы (?), есейские якуты (?) — суть точная копия жиганцев, т. е. живут оленным хозяйством, говорят якутским языком, имеют общий героический эпос, совершенно одинаково отправляются у них шаманские мистерии, не расходятся и в других нравах и обыкновениях.

Ни Майнов, ни Попов, козыряя общими терминами — якут, тунгус, не задумываются над особым положением этих северных якутов, которых по их внешним признакам казаки первых десятилетий имели полное право отнести к тунгусам, точно так же, как современные этнографы по привычке продолжают причислять обитателей бассейна р. Оленек к тунгусам, неведомо по каким соображениям отличая их от туруханских и есейских «якутов». До сих пор в этнографической литературе нет отчетливого сознания о существовании довольно многочисленной и вполне самостоятельной по экономическим и культурным признакам народности, которую

мы пока будем условно называть северными или оленными якутами. Если так, то гипотеза присяжных якутоведов о том что за линию Вилюя ни якуты, ни якутский язык и культура до прихода казаков не переходили, падает сама собой. Оказывается, весь якутский север в эпоху нашествия казаков находился в том же самом положении, которое мы застаем и теперь, за исключением лишь Колымского края, куда якуты могли продвинуться и после прихода русских. Если в порусскую эпоху и были кое-какие передвижки племен, то они могли быть самыми незначительными. Весьма возможно, долганы, которые жили в то время поближе к Лене, продвинулись на запад за Анабар или, вернее, перестали прикочевывать на Лену. Куркагиры, которые бродили в районе Верхоянского хребта с выходом к устью Вилюя, перекинулись в верхоянский север, где и теперь находим тунгусский род «кюркээгир». Жиганские якуты сократили орбиту своих кочеваний, чтобы полнее эксплуатировать пушное богатство тундры. Вот и все. Никаких столпотворений никаких больших племенных передвижек. Ларчик казачьих донесений о тунгусском засилии на севере открывается довольно просто. Людей, живущих оленным хозяйством, они везде и всюду должны были относить к тунгусам, ибо они пришли не лингвистические вопросы разрешать, а с точки зрения хозяев края определить, кто сколько ясачных тягот может несть сообразно своим хозяйственным занятиям и образу жизни. Чудес под луной не бывает. Те многочисленные тунгусы, которые были обнаружены казаками на Вилюе, за Вилюем, на севере не могли испариться как дым. Все они сидят на своих местах, а передвигаются они лишь в воображении некоторых ученых, которые умеют читать исторические документы без критической лупы, не считаясь с тем, о чем говорит мудрый пристав из «Бориса Годунова» Пушкина по адресу Самозванца:

«Врешь! Не всяко слово в строку пишется.

Читай: изловить и повестить».

Если казаки свои грамоты, в коих они везде открывали тунгусов, не сопровождали учеными примечаниями: «Говорят по-якутски, обычаи и нравы имеют якутские», то вина их небольшая.

4. ЧТО ГОВОРЯТ КАЗАЧЬИ ДОКУМЕНТЫ О ВЕРХОЯНСКОМ КРАЕ

Как Гр. Попов, так и И. И. Майнов, отводя почти весь бассейн Вилюя во владение тунгусов, на основании обзора архивных документов, однако, вынуждены признать, что первые казачьи отряды, явившиеся в Верхоянский край в 1636 г., обнаружили в среднем течении Яны якутское население. Десятник Енисейского острога Елеська Юрьев (Буза) с Прокопьем Козловым на кочах спустились по Лене, завернув на Оленек, объяснили тунгусов, (северных якутов), а затем морем добрались до устья Яны, три недели плыли вверх по Яне до якутов. «Взяли с них государева ясаку на 146 г. (1638 г.) два сорока 27 соболей, 4 шубы соболями, лисицу черную, восемь лисиц сиво-черевых, одиннадцать лисиц красных». Одновременно енисейский служилый человек Постник Иванов во главе отряда в 30 человек на конях через Верхоянский хребет добирался до Яны же. По сообщению Постника:

«И по Янге реке вниз до якутских людей четыре недели, а на вершине, государь, Янги реки живут тунгусы именем ламутки, а ясаку тебе государь не дают; а на низ де государь по Янге реке и по Онге реке живут многие якутские люди, князец Кутурга да тунгусы, и с тех де он... якутов тебе государю ясак на 147 год 6 сороков соболей»²⁵⁵.

Итак, якуты обнаружены на Яне почти одновременно с двух сторон, приблизительно в тех же районах, где они живут и теперь. Эти первые походы, несомненно, носили характер поспешной разведки. Елеська Буза плыл по реке, следовательно, он мог объяснить только те группы якутов, которые жили близ устья реки. Точно так же и Постник Иванов, конечно, не имел возможности объездить все жилые пункты населения, живущего разбросанно по речным системам таких притоков, как Бутантай, Дулгалах, Адыча и т. д. Один с севера, другой с юга могли натолкнуться лишь на первые поселения якутов. Но тем не менее и эти случайные встречи дают им возможность получить немалую добычу в 347 соболей. Нельзя думать, что этим двум казачьим отрядам, оперировавшим в течение одного лета, удалось собрать хотя бы одну десятую часть пушных запасов местного населения. Постник определенно говорит, что тунгусы «именем ламутки живут

²⁵⁵ Цитата по Майнову. Стр. 331-332.

на вершине Яны», а многие якутские люди «живут вниз по Янге и Онге реке». Все это достаточно ясно говорит о том, что тунгусское и якутское население и в то время распределило бассейн Яны в том же порядке, как и теперь. Никто не указывает на то, что якуты — недавние беглецы, которые вот- вот впопыхах отобрали у тунгусов те или другие кусочки земли. Правильное распределение системы реки по разным родам хозяйства, скотоводы в центре, где реки образуют покосы, ламуты-охотники на вершине, где водится зверь, могло получиться лишь при допущении очень давней колонизации края якутами.

По изложенным соображениям мы не можем согласиться с Майновым, что на Яне была обнаружена русским небольшая группа якутов, почему-то оторвавшаяся от своего основного массива».

Майнов, на маленькую группу казаков, которая посылается для собирания суммарных ориентировочных данных об отдаленном крае, хотел бы возложить такую же сложную задачу, как если бы это был экспедиционный отряд современной Академии наук, на обязанности которого лежит собирание исчерпывающих данных о местах расселения всего населения с составлением подробной карты, статистического учета и т. д. Мы сомневаемся, чтобы даже такой отряд из научно-образованных статистиков, предварительно изучивших литературу о крае, снабженных подробными картами, имея везде и всюду готовые подводы, запасы питания, выполнил бы эту задачу в пределах Верхоянского края в течение одного лета. Не надо забывать, что небольшая группа казаков вторгалась в неприятельскую территорию, где им дороги неведомы, места и урочища заранее неизвестны. Они не могли разбиваться на мелкие группы, чтобы сразу охватить все наиболее заселенные районы. Они не владели хорошо якутским языком, чтобы составить правильные маршруты. Местное население при встречах с невиданными пришельцами должно было разбегаться в чащу леса или, будучи пойманными, замирать от страха... Конечно, казаки могли иметь проводника из Якутска, но и он мог довести их лишь до первых жилых пунктов, а дальше нужно было ориентироваться, не особенно полагаясь на местных жителей. Во всяком случае, если толковать данные первых казачьих донесений о Верхоянском крае с правильным учетом условий и обстановки того времени, они дают вполне достаточное доказательство для вывода, что якуты давно обосновались в этом крае и было их

там, до всей вероятности, немалое число. Как решить вопрос о размерах якутской колонизации по системе Яны, об этом мы будем говорить особо.

5. ОКРАИННЫЕ КОЛОНИИ ЯКУТОВ И ПУТИ РУССКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Казачьи донесения о наличии якутских поселений в Верхоянском крае имеют большое значение и при решении вопроса о времени заселения якутами Вилюйского края. Нас удивляет то обстоятельство, что Серошевский, Майнов и Попов не задумываются по поводу того странного и, казалось бы, совершенно непонятного явления, что северный Верхоянский округ, страна полюса морозов, оказался заселенным якутами-скотоводами, тогда как весь Вилюйский край, с его несравненно более благоприятными климатическими и географическими условиями для ведения скотоводческого хозяйства почти целиком, якобы, находился во владении тунгусов, этих примитивных охотников. Каждый, кто имеет даже самые элементарные сведения о путях сообщения и географических условиях Якутского края, должен знать, что Вилюйский округ намного ближе и доступнее для жителей Якутского округа, чем бассейн Яны. Мало того, почти повсюду жилые пункты двух левобережных улусов Якутского округа, Намского и Западно-Кангаласского непосредственно соприкасаются с границей Вилюйского края. Дороги здесь пролегают по ровной местности, ленская покатость не разделяется от вилюйской высокими горными хребтами, как Верхоянский край от Якутского. Если от жилых пунктов Амгино-Ленского плоскогорья до первых населенных мест Верхоянска нужно ехать на конях чуть не целый месяц по территории, где трудно прокормить скот, то из любого пункта Лены можно добраться до русла самого Вилюя самое большее в две недели или даже в 10 дней. В Верхоянский край нужно пробираться только по известным двум-трем тропкам, а дорогу на Вилюй даже не надо и знать, ибо в любом направлении нет никаких естественных преград.

Если якуты из Якутского округа колонизовали далекий, малодоступный, суровый Верхоянский край и задолго раньше до своего появления на Вилюе занесли туда рогатый и конный скот, в то время как благодатный Вилюй был наполнен только оленными тунгусами, получается полная не-

сообразность. Очевидно ошиблись ученые, введенные в заблуждение казачьими документами. Критически не разобрав архивные документы, они совершенно зря отводят Вилюй во владение тунгусов. Куда девались те тунгусы, которые, якобы, плотным кольцом окружали и сдерживали якутов в пределах одного Якутского округа, как предполагает Серошевский?²⁵⁶ Почему это плотное тунгусское кольцо так легко и незаметно оборвалось на Вилюе, когда часть якутов двинулась туда после прихода русских? Почему вилюйские тунгусы не использовали появление русских для отстаивания своих земель, когда пришельцы-якуты стали сгонять их с насиженных родовых урочищ? Где в исторических актах следы и отражения свежих боев на Вилюе якутов с тунгусами к моменту прихода русских? Почему архивисты до сих пор не отыскиали ни одной страницы, в которой заключались бы жалобы тунгусов на насилия, совершенные над ними якутами за период порусской истории? Мысль о том, что якуты до прихода русских не выходили из пределов Якутского округа, впервые была высказана, как мы указывали раньше, историком Фишером. Последний не имел возможности уделить много внимания вопросам якутской истории, ибо он был занят составлением истории завоевания всей Сибири. Поэтому мы не вправе требовать от Фишера основательной и серьезной проработки всех вопросов якутской истории.

Иное отношение должно быть к трудам Серошевского и Майнова, которые выступают в роли специалистов- якутологов. Они повторяют необоснованные суждения Фишера, не подвергая тщательному критическому изучению исторические документы. Вацлав Серошевский, высказываясь за массовые переселения якутов из пределов Якутского округа под давлением русских, выступает скорее в роли талантливого беллетриста, нежели серьезного историка. Он на протяжении целых 12 страниц, увлекшись романтическим образом тунгуса, этого лесного рыцаря, развивает красивую фантазию о мужественной обороне им своих лесов от якутского напора. Он в интересах полноты созданного им художественного образа отвел во владение тунгусов весь обширный Вилюйский край. Но, однако, одно дело — поэтическая фантазия, совсем другое — житейская проза. Якуты-скотоводы, имея под боком просторный Вилюй с его относительно мирным климатом, луговыми местами и рыбными озерами, не стали бы

²⁵⁶ Якуты, стр. 223.

переселяться в холодный и негостеприимный Верхоянский край, ибо, как говорится в русской поговорке, от добра добра не ищут, а от овса кони не рыщут.

Если внимательно изучать исторические акты, можно найти гораздо больше прямых указаний на то, что до русской эпохи якуты колонизовали почти все известные теперь отдаленные окраины. Исследователи якутов открытие этих окраин и установление правильных сношений с ними готовы приписать инициативе русских. Они не замечают того, что все казачьи походы первых годов в отдаленные уголки Якутского края совершались по следам и установившимся дорогам самих якутов. Если бы якуты, напуганные появлением русских, впервые устремились в неведомые окраины, не имеющие постоянных сношений с общекутскими центрами, то невозможно допустить, чтобы казаки так быстро снаряжали свои походы с точно рассчитанными маршрутами. Конечно, не они сами находили сухопутные дороги во все дебри Верхоянского края, Индигирки, Колымы, а местные проводники из якутов. Казаки, вне всякого сомнения, действовали не только одной открытой силой, но могли потрянуть и мощной, вербуя себе сторонников.

В собранном нами сборнике народных преданий²⁵⁷ среди сказаний якутов Верхоянского округа имеется один рассказ, в котором сообщается, что «русское войско привел в Верхоянский край якут из «Дайды» (так называют там Якутский округ), по имени Бэрт-Чёрёгёр», «Бэрт» — дополнительное прозвище, которое значит — молодец, удалец. Таких «молодцов»-землепроходцев, конечно, было немало и среди челяди якутских феодалов. Они до недавнего времени совершали отдаленные поездки по поручениям своих тоёнов.

Упомянутый нами выше открыватель Верхоянского края, Постник Иванов, с 27-ю товарищами непосредственно из Верхоянска одет в верхоя Индигирки объясачивать ламутов и юкагиров²⁵⁸. Мог ли он сам без помощи местных людей ориентироваться в неведомой стране? Конечно, не мог. Вероятно, за сотни лет до него все пути-дороги были открыты и пройдены взад и вперед аборигенами края. Весьма возможно, что русскому владычеству предшествовало якутское, при котором проторились

²⁵⁷ См. Эллэйада. § 212 А.

²⁵⁸ См. доп. к Ист. Акт. Т. II, стр. 224.

все тропы и создался кадр опытных проводников и знатоков края. Только при их содействии постники могли обходить все топкие места и трясины, находить броды и удобные горные проходы и т. д. Для большей наглядности мы позволим себе иллюстрировать это положение следующим зарегистрированным фактом о беспомощности русского человека в лесах и дебрях Верхоянского края.

В 80-тых годах прошлого столетия трое политических ссыльных, поселенных в г. Верхоянске: Вацлав Серошевский, известный этнограф и бытописатель якутов, С. Е. Лион и Царевский решили бежать по тайге. Сначала они намеревались добраться до г. Якутска, а потом двинулись и дальше. Обо всех подробностях этого интересного побега рассказывает один из участников — Лион — в своих воспоминаниях, озаглавленных «Революционеры за полярным кругом»²⁵⁹. Беглецы купили лошадь, чтобы навьючить свой багаж и запасы продовольствия, достали карту, по ней тщательно изучили кратчайший путь, нашли также и компас. Иными словами, вооружились как подобает образованным людям, чтобы правильно ориентироваться в необозримой тайге. Наконец, настал назначенный день. Беглецы «трогательно и сердечно простились» с остающимися товарищами...

Оставляют проклятый Верхоянск и углубляются в лес по направлению к Якутску. Шли пять суток, приближаясь к дальней цели. Дальше мы предоставим слово самому Лиону.

«На пятый день, к величайшей нашей радости, лес стал постепенно редеть, и к вечеру мы увидели пред собой красивые луговые пространства... но... радость наша сменилась леденящим ужасом: невдалеке мы увидели церковь и разбросанные юрты проклятого Верхоянска...»

Вот что значит самим пробивать дорогу без помощи местных людей. И вот почему современным историкам нельзя забывать о той огромной работе, которую задолго до появления русских проделали тун-гусы и якуты в области практического ознакомления с географией и топографией занятой ими территории и сопредельных стран. Вацлав Серошевский, приписывая первым русским завоевателям открывание дорог во все отдаленные окраины Якутского края, забыл свой собственный горький опыт по отысканию прямых путей из Верхоянска в Якутск. Ни чудесный

²⁵⁹ Москва. 1925 г., вып. II, стр. 67-82.

компас, ни тщательное изучение географической карты не могли обеспечить им ту осведомленность, которая дается тунгусу или якуту путем длительного опыта. И. И. Майнов тоже проделал тот же неудачный опыт побега через якутскую тайгу вместе с Михалевичем и Терещенко в августе 1888 г.²⁶⁰

Попутно мы заметим здесь, что все тунгусские весенние и летние стоянки по берегам реки в Олекминском и Вилюйском крае, конечно, обязаны своим происхождением меновым взаимоотношениям с якутами, которые устанавливали постоянный товарообмен с таежными и захребетными тунгусами. Последние при выборе своих сезонных стоянок должны были считаться с удобствами своих покупателей, которые прибывали к ним верхом на конях или на берестяных ветках по реке. И вот почему казаки натывались повсюду на тунгусов, имеющих большие запасы соболей и лисиц, не для них предназначенные. Эта налаженность торгового дела в крае, наличие определенных ярмарочных пунктов с удобными путями, развитая охотничье-промысловая клиентура якутов, заранее увязанные тюки пушнины в ожидании своих обычных покупателей — все в общей совокупности должно было обусловить необычайно богатый урожай пушной добычи при первых неожиданных казачьих налетах. Это обстоятельство вызвало среди русских сильный ажиотаж и преувеличенное представление о пушных богатствах Ленского края. В кругах енисейских казаков и вольнопромышленных людей Лена по обилию пушнины стала притчей во языцех. Туда потянулась ватага вольных промышленников. Каждый казачий отряд сопровождался такой вольницей в количестве, значительно превосходящем воинские силы. Так, например, в походе упомянутого выше Елеськи Юрьева (Бузы) на Оленек и реку Яну при 10-ти казаках участвует 40 человек промышленников.

Историк Якутии Григорий Попов пишет:

«В короткий промежуток времени якутские казаки исколесили почти всю нынешнюю территорию Якутского края... Одно перечисление конечных пунктов проникновения якутских казаков должно изумить воображение читателя»²⁶¹.

²⁶⁰ См. М. Кротов. Якутская ссылка 70—80 гг. Москва, 1925 г., стр. 1987

²⁶¹ См. Г. А. Попов. История Якутии. Якутск. 1924 г., стр. 24—25.

Но почему вся ленская пушнина группировалась партиями, почему она сосредотачивалась в известных пунктах, по чему тунгусы безграничных таежных дебрей имели постоянные выходы, почему все пути-дороги в пушные районы были ведомы в центре Якутии,— об истинных причинах этого явления ни Гр. Попов и ни другие исследователи совсем не догадываются.

Мы имеем немало ярких доказательств того, что русские люди того времени по достоинству оценили налаженность торгового аппарата Якутского края по сравнению с соседним Енисеем. Недаром в официальных документах первого времени за Леной укоренилось особое почетное звание «великая река Лена», а сами якуты заслужили в этнографической литературе не то похвальную, не то ругательную славу весьма опытных и ловких торгашей и притом даже безотносительно к своему классовому происхождению.

Ко времени прихода казаков якуты давным давно открыли и проложили дорогу в далекий Оймяконский край, расположенный в верховьях реки Индигирки близ Охотского побережья.

И. И. Майнов, разобравшись по актам 1639 года в походах казаков на Амгу и Алдан в землю сыланских, батулинских и нахарских родов, заключает:

«Из этих сообщений, как и из других подобных им, видно, что восточной границей распространения якутов за Леной уже тогда служила река Амга, тогда как на севере якутские кочевья кое-где продвигались до Алдана, но чаще не продвигались до самой этой реки, а занимали верхнее и среднее течение впадающих в Алдан рек Танды и Баяги... Мы с полной уверенностью можем ограничить якутскую территорию той поры наметченными выше пределами»²⁶².

Майнов вообще очень быстро и легко уверяется, не просмотрев даже опубликованные акты периода казачьих завоеваний. Н. Оглоблин напечатал челобитные Семена Дежнева, из которых видно, что последний совершал походы на далекий Вилуй в пределы современного Верхне-Вилуйского улуса и на дальний Оймякон для объяснения якутов. О своем походе на Вилуй Дежнев пишет так:

²⁶² Там же, стр. 329-330.

«И в прошлом в 147 г. (1639 г.) с сыном боярским с Парфеном Ходыревым и служилыми людьми служил я, холоп твой, с ними в Якутском остроге всякие твои государевы службы. И при нем, Парфене Ходыреве, Кангаласскому роду князец Сахей убил двух человек служилых людей, Федорка Шиврина да Елфина Зипунка, и убив тех служилых людей, тот Сахейко збежал с своих жилищ в дальние места в Орготскую волость, и в тае Орготцкую волость посылан был служилый человек Иван Метлех для твоего государева ясачного збору, и сын его Сэхеев Тоглойко и того служилого Ивана Метлеха убил. И сын боярский Иарфеней Ходырев посылал меня холопа твоего для государева ясачного збору в тае ж Оргутцкую волость и я холоп с того князца Сахея и ево детей и с его родников и с иных оргутцких якутов взял с них твоего государева ясаку 3 сорока 20 соболей»²⁶³.

Кангаласский князец Сахей бежит в «дальние места». Якуты Ёргётского наслега (в офиц. документ. Орготский) занимают очень обширную территорию, прилегающую к границам Западно-Кангаласского улуса. Орготские якуты, как ближайšie из вилюйчан, постоянно ездят в приленские наслеги Западно-Кангаласского улуса для приработков и вывоза хлеба, по их территории протекает дорога Олекминск — Вилюйск. Через этот же наслег существует ближайший путь к Кемпендяйским соляным источникам. Не ясно ли, что оргетцы жили и живут там же, куда ездил Семен Дежнев в погоню за кангаласским князцом Сахейко? Из сообщения Дежнева ясно видно, что оргётцы в своих «дальних местах» являются старожилами.

Осенью того же 1639 г. письменный голова Василий Поярков посылает Дежнева «через Камень, на Яну реку с 15-ю человеками»... «И мы, холопы твои, на Яне реке с якутских людей твоего великого государя ясаку взяли 8 сороков 20 соболей, да 2 лисицы бурых» (т. е. через 2 года после похода Постника Иванова).

Ещё через 3 года (в 1642 г.) воевода Петр Головин посылает Дежнева с служилым человеком Михаилом Стародухиным с 14-ю товарищами на Оемокон реку для ясачного збору. «И мы, холопы твои, на Оемоконе с тунгусово князца Чоны и с ево братьи и родников и с якутов взяли твоего государева ясаку против прежнего с прибылью».

²⁶³ См. Н. Оглоблин. Семен Дежнев. Спб., 1890 г, стр. 54.

Отсюда мы видим, что Оймякон имел якутское население. Оймякон, как богатый пушной и промышленный район, был известен якутам исстари, оймяконская чернобурая лиса и густая тайга являются излюбленными поэтическими образами в якутских богатырских былинах. Слава о пушном богатстве, конечно, и побуждала казаков совершать эти дальние походы. Если бы Верхоянск, Оймякон не имели в центрах якутских поселений обширного потребительского рынка, то можно ли допустить в них такие значительные пушные запасы — в 300 и более соболей, которые захватываются казаками в одну поездку?

Мы не будем отрицать того, что в Оймякон и на Виллюй было бегство из Якутского округа, но началось оно лишь со времени прихода казаков и носило ли такой особый характер, как это представляется историкам Якутии? Дальше мы увидим, что и в собственной истории якутов было немало моментов, когда развивалось единичное и групповое бегство в дальние окраины, благодаря чему последние к моменту прихода русских были все известны и имели уже старожильческое якутское население, которое и послужило щупальцами для быстрого распространения и русского владычества. Вот почему, куда ни приходят русские казаки, они везде и всюду находят готовые, уже выявленные и еженощно собираемые пушные богатства.

Из той же челобитной Дежнева мы узнаем, что он со Стародухиным, сделав коч, из Оймякона спустились по Индигирке, и там обнаружили алазейских юкагиров и юкагиров-«оймоков» (омук по якутски — чужеплеменник или человек иного рода, улуса) на Ковыме реке (Колыма). Нетрудно понять, что Дежнев шел по информации и путям сообщения якутов и тунгусов, которые тоже могли собирать ясак ещё задолго до прихода русских.

Не мешает кстати отметить здесь, что и самые слова «ясак», «аманат» не исконные русские слова, а заимствованные от турко-монгольских племен, которые, наступая из южно-русских степей на лесную полосу европейской России завели эту практику сбирания ясака и ловли аманатов. «Ясак на языке монгольских и тюркских племен обозначает дань, уплачиваемую обыкновенно натурой, главным образом, пушниной, мягкой рухлядью»²⁶⁴.

²⁶⁴ См. М. Кроть. Статья «ясак» в энцикл. слов. Брокг., 82, 840 стр.

На тюркских наречиях «йаса», «йасак» — царский приказ, уложение, постановление, закон, штраф, наказание, дань, подать²⁶⁵. Отсюда и «йасаул» (русский казач. чин — есаул)- уставщик, исполнитель повелений, конная стража, капрал дворцовой стражи и т. д.²⁶⁶.

Якутский язык интересен тем, что сохранил основу этих слов и понятий: джасай, джасайар — распоряжаться, управлять, приказывать, джасал — распоряжение, указ, приказ, усмотрение, закон. Ясак по-якутски должен был бы звучать — «джасах», но он утрачен. «Джасах» встречается лишь в форме бессознательного переживания, например, «албан- джасах аат» — в смысле славное, широко известное имя, но при сравнительном, с тюркскими и монгольскими наречиями, анализе можно переводить — должностное, законом присвоенное имя.

«Аманат» происходит от «алма, алман, албан» — взятие, подать, ясак²⁶⁷. Корень «ал» (по-якутски — ыл) — брать, взять, взять себе.

Русские принесли якутам немало древнетурецких слов и терминов, занесенных к ним кочевниками, следы которых все ещё сохраняются в якутском языке и в их былинном эпосе. Приведем несколько примеров. Русскому «булат, булатный» в якутском языке соответствует «болот» — меч; «сайдак» — налучник, колчан, у якутов — «саадах»; «куйак» — латы, броня сохраняется без изменения — кунях (куйах); чепрак — «чапараак»; торока — «тёргюю»; даже такие слова как «торговать, торговля», по видимому, находятся в связи с названием шелка и мануфактурных тканей на древнетурецких языках — «торго».

Перейдем к нашим заключительным выводам.

Критическое изучение документов, относящихся ко времени установления русской власти в Якутии, приводит нас к убеждению, что господствующее в старой литературе мнение о пределах распространения якутского племени до прихода русских, основано на простом неведении и отсутствии серьезного научного интереса к делу изучения истории малых народов.

Весь обширный Вилюйский край, за исключением небольшого клочка земли по р. Чоне, должен быть показан исконной якутской территорией, где якуты-скотоводы жили и живут, эксплуатируя те самые места, которые

²⁶⁵ См. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркск. наречий. Т. 3, стр. 214— 216.

²⁶⁶ Там же, стр. 215.

²⁶⁷ Там же, т. I, стр. 436—437.

они занимали в момент прибытия казаков. В связи с этим фактом перед историком, разрабатывающим вопросы древней истории якутов, возникает серьезная дилемма: якуты, переселявшиеся из Прибайкалья на север, заняли раньше территорию Якутского или Вилюйского округа?

Точно также почти весь Верхоянский край, за исключением средней части бассейна Индигирки, где позже мы находим маленький Эльгетский улус с населением в 2000 человек об. п., был занят якутами-скотоводами. Следовательно, и появление якутов в этой стране полюса морозов встает перед взором историка как факт незапамятной древности, выходящей далеко за пределы трехвекового господства русской власти.

Если якутская скотоводческая колонизация задолго раньше до прихода русских казаков захватила все удобные сельскохозяйственные угодья в бассейнах Вилюя и Яны, то на основании каких данных вся полярная часть современной Якутии от Хатанги на западе и на восток, по крайней мере, до устья Яны должна быть показана свободной от своего теперешнего по-якутски говорящего населения? Если якуты-оленоводы, охотники и рыболовы б. Жиганского улуса, от которого позже выделился маленький Усть-Янский улус, имеющий 1000 душ населения, в момент появления казаков сидели на своих местах, т. е. в низовьях Лены до её дельты и до устья соседней Яны, то и картина распространения якутов по полярному северу, которую мы можем наблюдать теперь, отодвигается вглубь давно прошедших веков. Из полярных владений по-якутски говорящего народа мы были бы вправе исключить только колымский север, где небольшая колония якутов-скотоводов в составе 3000 человек об. п. появилась после установления власти русских царей.

Итак, «чудесное», как пишет Серошевский, перемещение почти половины якутского племени за пределы б. Якутского округа после прибытия русских мы должны и обязаны понять лишь как «чудо» простого неведения и полной беспризорности истории малых народов, населявших окраинные колонии императорской России.

В тесной связи с установленными фактами распространения якутов по необъятным просторам современной Якутской республики три столетия тому назад историческая проблема о времени появления якутов в пределах северо-восточной Сибири получает очень серьезный характер, ибо и продолжительность периода, потраченного якутами на постепенное

занятие такой обширной территории, не может не возрасти пропорционально квадратуре последней. Пред историком древней Якутии вырисовывается целая анфилада веков, упирающихся, может быть, к началу нашей эры, когда в глубинах Центральной Азии совершались великие перевороты, столкновения племен и народов, вызвавшие повальные переселения народов в прилегающих частях Сибири задолго раньше до эпохи, так называемого, «великого переселения» народов в Европе. Раньше мы познакомили наших читателей с теоретическим спором двух знаменитых академиков-лингвистов Бётлингка и Радлова по вопросу о древности или молодости якутского языка, следовательно, и народа. Этот спор с некоторым перевесом научного мнения Бётлингка продолжается и теперь, ибо велико обаяние имени и научных заслуг и академика Радлова. Рассмотренные нами исторические документы эпохи завоевания казаками всего Ленского края, по нашему мнению, всей своей тяжестью ложатся на сторону взглядов академика Бётлингка, ввиду чего надлежало бы этот давний теоретический спор признать ликвидированным. Лавры русского Мильтиада в области научной туркологии, которые долго не давали спать позднему Фемистоклу, должны быть присуждены окончательно и бесповоротно академику Бётлингу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ

Таастарыкка тахсан
Тангаралыыр кыылын
Тангнарыта кэйэн
Тамахтанан олорор,
Хонууларга тахсан
Курапааскыыр кыылы
Хомуйаахтаан киирэн
Кусуохтанан олорор
Хотокулар буолабыт!

*Из народных песен
северных якутов.
(Перевод см. Прил.)*

Глава I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕВЕРНЫХ ЯКУТАХ-ОЛЕНЕВОДАХ

I. ЯКУТЫ-ОЛЕНЕВОДЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА

Якуты на протяжении всего исторического периода, освещаемого четкими писаными документами, распадаются на два обособленных отдела, а именно, на скотоводов, размножающих конный и рогатый скот, и на оленеводов, в хозяйстве которых охота и рыболовство играют не меньшую роль, являясь его конститутивными элементами. Первую группу мы условно называем южными якутами или якутами-скотоводами, а вторую — северными якутами или якутами-олeneводами, разлагая последний термин на его составные элементы: оленеводство, охоту и рыболовство.

До сих пор якутам-олeneводам в смысле изучения основ их экономического быта, обычаев и нравов, не говоря, конечно, об истории, совсем не везло. Самые компетентные и присяжные якутоведы все свои рассуждения о бытии и прошлых судьбах якутской народности ведут так, как если бы она была совершенно однородна и едина по существенным признакам своего хозяйства и быта. Вопрос о существовании совершенно отличной от всей остальной якутской массы культурно-исторической группы «северных якутов» в известной нам научной литературе, унаследованной от царского периода, совсем не затронут. Этот случайный пробел, по-видимому, всего проще объясняется тем обстоятельством, что район обитания якутов-олeneводов, а именно, северо-западный угол Якутского края, не посещался компетентными этнографами, которые имели бы ясное представление об якутском племени.

Два знаменитых автора старого времени Миддендорф и Маак, столкнувшиеся с северными якутами, оба были натуралистами, а кроме того, в их время научная якутология только что зарождалась. Вторая причина слабой изученности северных якутов заключается в том, что занятая

ими обширная территория не объединена в административном отношении и не имеет одного центра экономического тяготения. Будучи разорваны пополам между ленскими и енисейскими центрами и историческими путями, северные якуты изучались порознь с двух сторон. Этнографы, которые сталкивались с частью якутов-оленьеводов, приписанных к Туруханскому краю, в собственно якутских центрах не бывали, подлинных якутов-скотоводов не видели, не владели и якутским языком. Поэтому вполне понятно, что исследователи с енисейской стороны не имели фактической возможности поднять вопрос о классификации якутов по их культурно-экономическим признакам. Таковы труды А. Мордвинова, П. Третьякова, Н. Кострова, Н. Латкина и многих других бытописателей приенисейского севера.

Протоиерей Хитров дал краткое этнографическое описание якутов Жиганского улуса, которые принадлежат к составу оленеводов ленского севера²⁶⁸. И этот автор не подозревал, что в лице жиганских якутов сталкивается с небольшой частью довольно обширной культурно-бытовой единицы якутского племени. Кроме того, он и не пытался сопоставлять жиганцев с якутами южных скотоводческих центров.

Позднее северные якуты частично были задеты в трудах компетентного по якутам этнографа В. Н. Васильева²⁶⁹. Но и он не смог выбраться из тупика ранних енисейских исследователей, ибо в его распоряжении не оказалось сравнительного материала по быту якутов-оленьеводов ленского тяготения. Для этого автора характерно, например, то, что он, наткнувшись среди тунгусов Туруханского края на элементы героического эпоса полярных якутов, приписал их первым. На этом вопросе мы остановимся подробно позже при описании быта и нравов северных якутов. Кроме того, мы были бы и не вправе предъявлять Васильеву особые требования по части общих классификационных схем в деле понимания якутской культуры, ибо пред ним, как полевым этнографом, стояли лишь задачи точного описания фактов. По туруханским якутам и долганам этнографические материалы Васильева представляют из себя единственно надежный и ценный

²⁶⁸ Д. Хитров. Описание Жиганского улуса. Зап.-сибирск, отд. русс. геогр, об-ва, 1856 г., кн. I, стр. 53—83.

²⁶⁹ Краткий очерк инородцев Туруханского края. Ежегод. Русс. антроп, общ. 1905—1907 гг. № 2. Изображения долгано-якутских духов, как атрибуты шаманства. Живая старина. 1909 г. № 2—3. Якутские названия разных предметов, собранных среди долган-якутов Енисейской губ.

научный источник. Языком якутов он владел в совершенстве и был опытным этнографом.

Наконец, третья причина неудовлетворительного состояния наших знаний об оленних якутах заключается в смешении их с тунгусами, которые вообще чрезвычайно легко утрачивают свои культурно-этнические признаки.

Ввиду изложенного нельзя удивляться и тому обстоятельству, что своеобразная и самобытная культура северных якутов осталась вне поля зрения такого талантливой якутоведа, как Вацлав Серошевский, давшего в своих «Якутах» общую сводку как литературных, так и им самим собранных этнографических данных. Его личные наблюдения ограничивались центральными районами Верхоянского и Колымского округов, где живут якуты, ведущие скотоводческое хозяйство обычного типа и лишь в виде исключения обращающиеся к оленеводству. Поэтому он делает следующие, обобщающие всех якутов, неверные заключения: «Якуты крайне неохотно заводят оленей, которых они откровенно зовут иноземным скотом. Якутов-олeneводоB, вроде чукчей или самоедов, совсем нет»... «Якуты Колымского округа разводят их исключительно почти ради почтовой гоньбы. Только в Жиганском да в Усть-Янском, да в северной части Эльгетского улуса есть якуты, обладающие настолько крупными стадами, что можно счесть их за оленеводов. Но таких мало. Я знаю всего одного из них; это некто Мартын, богач Эгинского наслега Верхоянского улуса, у которого, говорят, было до 2000 голов»²⁷⁰.

Богач Эгинского наслега Верхоянского улуса, выделившийся из среды якутов-скотоводов, конечно, ни в какой степени не может характеризовать тип оленного якута северо-запада ЯАССР, который, кроме оленей и собак, не видит около себя других домашних животных. Приведенное мнение Серошевского создает принципиальную путаницу и стирает резкую грань, существующую между якутами-скотоводами и оленеводами не только по основным признакам их экономического быта, но и по культурно-бытовым особенностям. Это неразличение двух обособленных отделов якутского племени наиболее отрицательное влияние имело в деле изучения истории его постепенного распространения с юга на север, от тепла к холоду, ибо передвижение народа с места на место в первую очередь

²⁷⁰ «Якуты». Стр. 307.

должно обуславливаться интересами его основного хозяйственного занятия. Чтобы уяснить себе роль якутов-оленоводов в истории древних якутских переселений, необходимо прежде всего проверить существование среди якутов оленеводческого быта. Когда и как среди них появились оленеводы, каково их этническое происхождение, нельзя ли допустить раннее переселение из Прибайкалья в бассейн средней Лены этих якутов-оленоводов или, может быть, вполне обьякученных тунгусов, культурно и этнически перемешавшихся с якутами? Для историка якутского народа все эти вопросы имеют первостепенную важность, ибо, при допущении в его составе очень давнего оленеводческого ответвления, при движении на север шедшего в авангарде всей остальной массы, задача понимания исторических событий, увлекших искони скотоводческий народ на север в зону оленеводческого хозяйства, облегчается наполовину.

Историки издавна интересуются вопросом о том, почему якуты оторвались от общей массы турецких племен и со своим рогатым и конным скотом очутились в окружении тунгусов- оленеводов, образовав посреди их совершенно чуждый этнически и культурно, остров. Большинство исследователей отход якутов на север из пределов Прибайкалья обычно ставит в связь с притеснениями иноплеменных соседей, в частности, ссылаются на нашествие из Забайкалья и верховьев Амура бурят-монголов. Но гипотеза отступления якутов на север в зону оленеводческого хозяйства под непосредственным натиском иноплеменного народа в условиях ленской действительности представляется совершенно нежизненным и кабинетным построением. Целый народ со скотом не может двигаться на авось в неведомую страну, где до того жили лишь оленеводы, охотники и рыболовы. Это значило бы обречь на гибель весь свой скот, а самих себя на неизбежную голодную смерть. При таких условиях каждый народ предпочтет отдаться на милость победителей, кем бы они ни были. С другой стороны, нельзя допускать, чтобы правящая верхушка якутов могла обладать столь сильной властью и авторитетом, чтобы весь народ следовал за ней чуть ли не в тартарары. Нашествие любого сильного неприятеля, в конце концов, означает прежде всего смену начальствующих лиц, народные низы с признанием власти победителей обычно сохраняют свое прежнее положение. Наконец, если, паче чаяния, на якутское племя, когда оно занимало всю область Предбайкалья, нагрянули с востока всей

массой монголо-буряты, то пред якутами оставался бы совершенно свободный тыл на запад, где родственные им турецкие народы издавна вели такое же как и у них скотоводческое хозяйство. В момент общенациональной опасности быть или не быть скотоводческий народ должен искать пути спасения только в тех странах, где он мог бы рассчитывать на продолжение своего привычного хозяйственного занятия. Гипотеза неожиданного нашествия на прибайкальских якутов бурят откуда-то с востока при наличии у первых енисейского тыла терпит фиаско. Самый факт проживания якутов на Лене громко вопиет об отсутствии у них исторических корней и родственных связей на запад от Предбайкалья. Если бы они имели хотя бы самое слабое представление о тех благодатных странах Южной Сибири, которые начинались всего-навсего в 700 км от истока Ангары и в момент русского завоевания почти пустовали, то вряд ли они превратились в обитателей чрезмерно сурового и оторванного от всего остального мира Ленского края. Различить очертания просторных степей и прекрасных урманов Канского, Минусинского, Ачинского и Красноярского уезда б. Енисейской губ. и дальше Мариинского, Каинского и проч. уездов б. Томской губ. могло помешать якутам-скотоводам только бурятское средостение. Как дальше убедимся, именно буряты Эхирит-Булгатского аймака, народ отборных охотников и метких стрелков, стоя живой и упругой стеной, заслоняли от якутов Южную Сибирь. Следовательно, историки якутов и бурят буржуазного периода, которые, приведя первых с запада, а последних с востока, заставляли их сталкиваться лбами в Приангарье, проповедовали свою собственную идеалистическую чепуху, которая, с точки зрения экономической географии Южной и Восточной Сибири, не выдерживает критики.

Переселение якутов вглубь Лены неизбежно предполагает поднятие этой дикой страны на новую ступень хозяйственного развития. Эта задача могла быть выполнена лишь при условии мирной обстановки небольшими отрядами колонистов, пользующихся материальными ресурсами своей метрополии и не прерывающих с ней хозяйственных взаимоотношений. Гипотезу скачкообразного перелета целого народа из Прибайкалья в бассейн Средней Лены нужно заменить теорией распространения якутской колонизации в этих областях задолго раньше их массовых переселений. Причины возникновения и органического роста этих северных колоний

прибайкальских якутов могли быть весьма разнообразны: естественный прирост населения, междуродовая борьба, отражение на якутах общих судеб древнетурецкого народа, классовый гнет, развитие торговли дорогой пушниной, эксплуатация отсталых народов дальнего Севера, передвижка самих якутов в пределах Прибайкалья в результате уступки части своих земель наседающим сильным врагам и т. д. Подробно всеми этими вопросами мы займемся в следующих главах. В настоящий момент нас интересует роль оленеводческой части якутского племени в истории его древних переселений с юга на север.

Существование вполне самобытного оленеводческого ответвления якутов, занимающего в настоящее время самые северные пределы Якутского края, убеждает нас в том, что якутская колонизация на Лене могла начаться и началась с переселения туда в ранние исторические эпохи этих оленеводов, одновременно охотников и рыбаков. Как дальше увидим, они составились из обьякученных тунгусов со значительной примесью отунгусившихся по быту монгольских и якутских родов. На базе этой якуто-монголо-тунгусскй оленеводческой культуры в бассейне Средней Лены и могла возникнуть значительно позже колония якутов-скотоводов. Без оленеводческого подножия мы лично и не мыслим возможности насаждения и развития на Лене культуры рогатого и конного скота. Каждая высшая хозяйственная культура не может сразу завоевать новую территорию, в особенности при переходе с более благоприятных условий на менее благоприятные. Она неизбежно должна была пройти тепличную и бездоходную стадию своего существования. В частности, говоря о конном и рогатом скоте в условиях современного Якутского края, мы должны признать, что якуты-колонисты первых веков свой хозяйственный план не могли строить на размножении скота, пригнанного из далекого юга. Местный олень, охота и рыболовство вот три кита, на чем могла держаться экономика ранних переселенцев. И вот почему при наших попытках реконструировать ранние этапы якутской истории на Лене приобретает особую важность изучение быта, материального и духовного, северных оленных якутов. С их переселением из Прибайкалья на Лену, по нашему мнению, занялась заря последующей общезякутской истории. Весьма возможно, что при отсутствии этих обьякученных оленеводов исторические судьбы якутского племени сложились бы совершенно иначе.

Поэтому-то мы и сочли необходимым подробнее остановиться на этом забытом и обойденном участке якутской этнографии, на якутах-оленеводах. Какова их численность, в чем заключаются своеобразие и особенности их быта, материального и духовного, можно ли отличить их от местных, позже обьякученных тунгусов и ламутов, наконец, какими данными могла бы располагать современная историческая наука в интересах восстановления их первоначального этнического происхождения и давности переселения из областей Прибайкалья на север? Посильные ответы на все эти вопросы мы попытаемся дать в нижеследующих страницах.

2. РУССКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ЭКОНОМИКА ЯКУТСКОГО СЕВЕРА

Раньше мы убедились, что русские казаки в эпоху завоевания края ошибочно относили к тунгусам оленеводов Жиганского улуса, который позже разделился на два — Жиганский и Усть-Янский. Эта ошибка, по-видимому, вскоре же была выправлена, ибо по ясачным книгам воеводы Барнешлева в Жиганском зимовье значатся 332 ясачных плательщика «якутов и тунгусов»²⁷¹.

В Жиганском улусе, в составе которого числилась, несомненно, большая часть плательщиков прежнего Жиганского зимовья, до последних дней самодержавия во всех официальных документах различались якуты и тунгусы, а именно, восемь якутских наслегов — четыре Хатыгинских, два Батулинских, один Туматский и один Кангаласский от двух тунгусских наслегов или родов — эжанского и кюпского. Это племенное различие тем более знаменательно, что ни по образу жизни, ни по языку и по местам расселения названные якутские и тунгусские роды не отличаются друг от друга. Эту этническую номенклатуру царского периода мы не имеем основания признать ни чьей-либо выдумкой и ни канцелярской ошибкой: именно так разграничивает себя само местное население Жиганского улуса. Эжанцы и кюпцы называют себя тунгусами, а остальные роды якутами. С другой стороны, само название первых вполне согласуется с существованием эжанского и кюпского родов среди тунгусов Алдана и Май, от которых они когда-то должны были оторваться. Никто и не сможет до-

²⁷¹ См. Допол. к Истор. Акт. Т. VI, № 136.

казать нам, что 332 ясачных души воеводы Барнешлева были исключительно тунгусами и что восемь якутских наслегов Жиганского улуса появились в период порусской истории.

Что якуты Жиганского улуса в первые же годы появления русских занимали ту же территорию, где мы застаем их теперь, довольно убедительно свидетельствует донесение или послужной список сотника Петра Бекетова об объяснении в низовьях Лены долганов и жиганов и постройке на их земли Жиганского зимовья, а также и чертеж «Всех сибирских градов и земель» Ремезова, относящийся к 1698 г., в котором «жиганы» показаны почти у самого устья Лены намного ниже г. Жиганска. Характерно и то, что самому большому острову дельты Лены в старинных картах дается наименование «Тумацкий»²⁷². Это название, несомненно, происходит от имени якутского наслега «Тумат», который и теперь занимает часть островов у дельты Лены. Географическое название «Тумат» прежде чем попасть на карту должно было очень долго существовать в быту, по всей вероятности, с первых же лет русского завоевания или даже задолго раньше. Русские промышленники обосновались у устья Лены и Оленека тоже очень рано, по-видимому, в начальные же годы объяснения края. Между прочим, рядом с островом Тумацким у дельты Лены находим «Остров Крестьянский» и «Крестьянскую протоку»²⁷³. Если бы на Тумацком острове искони веков не обитали якуты Туматского наслега, то этот остров должен был бы получить какое-либо русское название. Эти факты свидетельствуют о том, что расселение якутских родов и наслегов в низовьях Лены с начала порусской истории почти не потерпело изменений.

Якуты Жиганского улуса, или «жиганы» сотника Бекетова, в момент своего объяснения коней и коров, конечно, не имели, как не знают их и теперь. Они были и остались исключительно оленеводами, охотниками и рыболовами. Вообще по берегам Лены ниже устья Вилюя не существует хозяев с якутским скотом.

От устья реки Омолая до низовьев Индигирки в бережной полосе Полярного моря мы находим теперь целый якутский улус, Усть-Янский. Экономический быт этого улуса тот же самый, что и в Жиганском, т. е. оленеводство, охота и рыболовство. Если и констатируются кое-какие раз-

²⁷² См. карту «Устье Лены и северной части Якутского уезда», изданную Акад. наук в 1745 г. Сборник «Якутия». Стр. 38—39. Карта Ремезова воспроизведена там же, стр. 16—17.
²⁷³ Там же.

личия, то они количественные, а не качественные. Среди устьянцев был более развит песцовый промысел, который в свою очередь вызвал езду на собаках. Но, как увидим дальше, эти различия в экономике устьянцев не являются исконными и вызваны новыми факторами порусской истории. Если судить по названиям наслегов, то Усть-Янский улус надо признать отделившимся от Жиганского сравнительно позже. И в том и в другом улусе имеются по два одноименных наслега — Туматский и Батулинский. По всем признакам своего материального и духовного быта, о чем у нас речь ещё впереди, устьянцы точно также являются неотъемлемой частью якутов Жиганского улуса. В составе Усть-Янского улуса имеется лишь один маленький наслег — Куринский, образовавшийся из позже переселившихся якутов Верхоянского улуса, что устанавливается наличием в составе последнего соименного Куринского же наслега. Следовательно, это будет небольшая примесь из числа якутов-скотоводов.

Якуты Усть-Янского улуса во времена воеводы Барнешлева должны были платить ясак в Жиганское зимовье совместно с прочими «жиганами», ибо тогда по Устьянскому зимовью значились лишь 64 ясачных душ одних «юкагирей»²⁷⁴. Но по ясачным окладам 1736 г. в Устьянском зимовье значатся уже 116 душ — «якутов, ламутов и юкагирей»²⁷⁵. Эти документированные данные, на первый взгляд, свидетельствуют как будто о том, что якуты в пределах быв. Усть-Янского улуса появились лишь за время русского владычества в промежуток времени от 1676 г. до 1736 г. Но этот вывод будет скороспелым, ибо официальная приписка бродячих оленеводов к тому или другому зимовью ещё не указывает ни границ и ни пределов их кочевий. Например, якуты-олeneводы, зимующие около озера Есей, платили ясак и подати искони в Туруханске, а между тем каждое лето появлялись у устья р. Оленека, т. е. в пределах быв. Верхоянского округа. Часть тех же якутов летом бродила по Таймырскому полуострову.

Якуты и тунгусы-олeneводы тундру используют лишь как район для летнего кочевания и охоты на диких оленей, а время зимних морозов уходят со своими стадами далеко вглубь лесов. Судя по орбитам кочевков упомянутых выше есейских якутов, оленеводы расстояниями вообще не стесняются. Они оседло живут только в период наиболее жестоких зимних

²⁷⁴ См. Допол. к Истор. Акт. Т. VI. № 136.

²⁷⁵ Ясачные оклады этого года приводятся в статье Н. В. Воленс «Очерки хозяйственного строя Якутии». Сборн. «Якутия». Стр. 680.

месяцев, а остальные восемь месяцев все время перекочевывают с места на место. Вот почему территория, эксплуатируемая бродячими охотниками-оленеводами, может быть необычайно обширной.

Но со времени установления русского владычества в быту якутов-оленеводов совершилась целая экономическая резолюция, которая привязала подавляющее большинство их к берегам Ледовитого океана в течение круглого года, ввиду чего они утратили свое прежнее единство и территориально обособились друг от друга, превратившись в постоянных обитателей отдельных участков тундры. Ключ для понимания этого явления заключается в одном слове «песец».

Дело в том, что олениводы севера Якутской республики до прихода русских не могли заниматься песцовым промыслом в тех размерах, в каких он существует у них, вероятно, за два последних столетия. Как всем известно, песец водится по берегам Ледовитого океана. Промышляют его особыми самоловами или пастями, настораживаемыми на тундре по преимуществу близ берегов океана. Каждый промышленник имеет по сотне и более ловушек, которые объезжаются и высматриваются в зимнее время по несколько раз. Поэтому охотники за песцовыми шкурками должны зимовать у края полярного леса или даже на берегу океана, чтобы своевременно вынимать дорогую добычу. Следовательно, со времени развития песцового промысла полярный оленевод поневоле превращается в постоянного обитателя того или иного участка тундры, где он расставил свои ловушки. Если же снять со счета интерес песцового промысла, то оленевод будет связан с тундрой лишь привычками и потребностями своих оленних стад, которые в период лета спасаются от комаров и мошек лесного района в тундре. Подчиняясь инстинктам своих домашних животных, оленевод получает, с другой стороны, возможность увеличить продукцию своего охотничьего промысла, ибо с ранней весны до осени побережье океана кишмя кишит стадами диких оленей, ленок, иначе говоря, ожиревших гусей и уток. До наступления морозов улетают гуси и утки в теплые края, дикие олени тоже спешат укрыться в район тихих лесов, тогда и оленеводу на тундре делать нечего. Поэтому он также заблаговременно, как и перелетные птицы, спешит покинуть негостеприимные в зимнее время берега Ледовитого океана до будущей весны. Кроме того, полярный оленевод должен был на зиму покидать тундру, чтобы поддерживать посто-

янную хозяйственную связь с оседлыми скотоводами и обменивать часть своей продукции на необходимые для него предметы хозяйственного обихода и наряды более совершенной выделки. Он, несомненно, нуждался в обновлении своего промыслового инвентаря и снаряжения. Свои бродячие кузнецы могли справляться лишь с починками железных предметов первой необходимости, плавить руду они, конечно, были не в состоянии. Вот почему полярные оленеводы должны были зимовать в районах, близких к местам обитания оседлых скотоводов. Время от времени наиболее обеспеченные и богатые из них, вероятно, перекочевывали в определенные ярмарочные пункты для встречи со своими постоянными дружками²⁷⁶. В эпоху же якутской самостоятельности мы не вправе исключить и отношения административного подчинения, выражающиеся в формах приношения регулярных подарков власть имущим, может быть, и получения уполномочий на властвование в пределах того или другого рода, ибо трудно предположить, что якуты-олeneводы жили политически самостоятельно, не признавая центральных якутских властей. Если последние и не организовывали военные походы в места обитания оленеводов для их формального покорения, то обычные проявления внутренних распри и соперничества отдельных родоначальников в связи с необходимостью установления гражданского общежития и мира, несомненно, вовлекали их в сферу влияния центральных якутских феодалов. А отсюда один шаг до взаимоотношений данничества и подданства, складывающихся как порядок общепринятого обыкновения. Роды, отступающие от этого пути, лишаясь необходимого для них товарообмена (особенно в целях получения предметов вооружения), должны были бы хиреть, слабеть и уступать лучшие районы охоты и промысла своим соперникам, получающим поддержку от оседлых соседей. Высшая хозяйственная техника и культура сами по себе являются организующей силой хотя и при посредстве натурального товарообмена.

Урочище Жиганск, где казаки сотника Бекетова застали часть якутов Жиганского улуса и долган, вероятно, и были местом зимовки нескольких родов оленеводов, совершавших в летнее время турне по берегам Ледовитого океана на запад и восток от устья Лены. Об ярмарочных стоянках

²⁷⁶ В дореволюционной Сибири «дружками» называли друг друга русские и туземцы, ведущие длительное знакомство на почве постоянного товарообмена. Это — одна из форм проявления колониальной эксплуатации отсталых народов.

оленеводов бассейна р. Оленека по берегам Вилюя, на которые натыкались мангазейские отряды в первые же годы их походов вниз по этой реке, мы говорили ещё в VI-ой гл. первой части наших очерков.

Русское завоевание, помимо насаждения песцового промысла в хозяйственную жизнь полярных оленеводов, внесло ещё одну новинку, которая оказалась для них чреватой очень важными последствиями. Это развитой аппарат торгового обмена с использованием водного сообщения по Лене и по берегам Ледовитого океана. Иными словами, не сами полярные оленеводы в поисках нужных им товаров должны были приближаться к оседлым пунктам, а, наоборот, сами торговые посредники оседлого мира стали ездить к ним, стараясь по возможности удовлетворять их потребности в привозных товарах. В связи с этим, полярные оленеводы уже не имели нужды прикочевывать на свои прежние зимние стоянки. При новых условиях существования орбита их кочеваний сокращалась от берега моря до края ближайшей тайги, и вместе с тем они получили возможность полнее эксплуатировать естественные богатства притундровой полосы.

Мы не говорим уже об общих последствиях, затрагивающих всех аборигенов Сибири, в том числе и якутов, внедрения в хозяйственную жизнь системы развитого денежного обращения. Деньги, само собой разумеется, повсюду очень сильно интенсифицировали товарный обмен, породили новые потребности и более повышенные вкусы и житейские привычки. Если прежде натуральный товарообмен проходил обычно через родоначальников, распыляясь дальше тонкими струйками по индивидуальным хозяйствам, то теперь, благодаря частному торговому аппарату, туземная жизнь обросла новой и весьма сложной сетью производственно-общественных отношений. С другой стороны, и прежние внутренние взаимоотношения единичных хозяев со своими родовыми властями в высшей степени усложнялись благодаря установлению принципиально новых, прежде совсем неизвестных, непосредственных обязанностей их по отношению к государственной власти. Мы имеем в виду, конечно, пушной ясак, позже денежные подати и разного рода натуральные повинности, из которых особенно сильно затрагивала туземную жизнь и экономику подводная повинность. Так, например, все оленеводы якутского севера в определенную пору зимнего сезона обязаны были выстраиваться со своими кочевыми станами в одну непрерывную линию вдоль тракто-

вых государственных дорог для обязательной перевозки служилых людей, курьеров и даже частных купцов. Эти «русские» государственные порядки и денежный торговый обмен значительно раньше, сильнее, глубже и радикальнее воздействовали на экономическую, общественную и духовную жизнь северных якутов с их примитивным хозяйством, социальной организацией и мировоззрением, чем на соответствующие сферы южных якутов-скотоводов с их более устойчивым оседлым хозяйством и с своеобразной культурой, вынесенной из центрально-азиатских степей.

Итак, хозяйственная жизнь оленеводов якутского Севера в дорусскую эпоху протекала на принципиально иной плоскости, чем позже со времени подчинения их неумолимым законам всероссийского, а потом даже и всемирного пушного рынка. Общероссийская торгово-административная конъюнктура заставила их поделить между собой прибыльные берега Ледовитого океана. Теперь для нас, конечно, понятен факт появления постоянного якутского населения в пределах быв. Усть-Янского улуса, как и в других участках тундры. Но отсюда ещё отнюдь не вытекает, что те же якуты оленеводы не эксплуатировали тундру между Яной и Индигиркой в дорусское время, как район своих летних кочевков и охоты на дикого оленя.

Мы имеем исторический документ, на который исследователи не обращают должного внимания. Это расспросные речи енисейского служилого человека Пронки Лазарева, одного из участников похода Елеськи Юрьева-Бузы по берегу Ледовитого океана в 1635—36 гг. В актах расспросные речи Этого Пронки почему-то фигурируют два раза: в одном случае его имя приводится полностью «Пронка Лазарев Козлов», а в другом он назван сокращенно «Пронка Лазарев»²⁷⁷. Он рассказывает о походе Бузы на Оленек и на Яну. Нас интересует объяснение Бузой обитателей р. Яны. Если пользоваться первым показанием Пронки Лазарева (Козлова), то получается следующая картина:

«С усть Лены по правую сторону ходу парусного пятеро суток до усть Янги реки, по Янге реке вверх до якутов три недели; а взяли государева ясаку на 146 год два сорока 27 соболей, 4 шубы соболями, лисица чернубрая, восемь лисиц сивочеревых, одиннадцать лисиц красных; и на Янге реке делали мы четыре коча, и поплыли мы вниз по Янге реке стороннюю

²⁷⁷ См. Допол. к Ист. Акт. Т. 2, стр. 240 и там же № 88, стр. 243.

рекою до моря две недели, а на море поймали юкагирского князца Билгия и взято государева ясаку шуба соболья, 15 пластин собольих...».

И. И. Майнов в своей статье «Население Якутии» для установления пределов распространения якутов в эпоху нашествия русских пользуется только этим показанием Пронки Лазарева²⁷⁸. Учитывая «трехнедельное» плавание вверх по Яне Елеськи Юрьева с Пронкой, Майнов не отличает объясненных им якутов от якутов Верхоянского улуса, проживавших в областях средней и верхней Яны, открытых ещё по суше со стороны Якутского округа Постником Ивановым. Но однако, если мы ознакомимся со вторым показанием того же Пронки Лазарева, то надо придти к выводу, что Елеська Юрьев совсем не доходил до мест обитания скотоводов Верхоянского улуса. Вот его второе показание:

«Ходил он с Елеською Бузою по морю, для проведывания Ламы реки... и на устье де Яньги реки у якутов взяли де они твоего государева ясаку, на прошлой на 146 год 2 сорока 27 соболей, 4 шубы собольи, лисицу чернобурую, восемь лисиц сивочеревых, 11 лисиц красных, и с Яньги де реки, государь, шли они морем две недели и поймали де они на море юкагирского князца Бильгея и взяли де с него ясаку шубу соболью, а в ней 15 пластин...».

Ясно, конечно, что оба показания принадлежат одному и тому же свидетелю и трактуют об одном и том же событии. Второе показание разъясняет первое, которое при записи, по-видимому, искажено дьяком. Ошибка в следующем: Буза с устья Лены, конечно, не мог бы добраться в «пятеро суток» до устья Янги реки. Пятеро суток на парусах он мог бы идти лишь по правой Быковской протоке Лены до моря, а дальше по морю до устья Янги три недели. Значит, объясненные якуты были застигнуты у устья Яны. Правильность такого толкования первого показания Лазарева подтверждают и подчеркнутые нами слова «и поплыли мы вниз по Янге реке сторонною рекою до моря две недели». Если Буза вверх по самой Яне поднимался три недели, то, само собой разумеется, ни по какой «сторонной» реке он не мог бы сплыть обратно до моря. В данном случае, очевидно, речь идет о правой протоке дельты самой Яны. Сопоставляя два показания Пронки Лазарева, мы приходим к выводу, что Буза застал яку-

²⁷⁸ См. Сборник «Якутия», стр. 331—332.

тов и делал новые кочи приблизительно в районе современного села Качаьего, откуда расходятся протоки дельты Яны.

На этом примере мы убеждаемся, что и писаными документами нужно пользоваться с большой осторожностью, ибо канцелярское средостение между живыми деятелями той эпохи и современной наукой не всегда оказывается безупречным. На второе показание Пронки Лазарева из историков якутов, насколько мне известно, обратил внимание лишь Гр. Анд. Попов и допускает обитание якутов в понизовьях Яны в момент русского завоевания²⁷⁹.

Эти якуты, обнаруженные Бузой у устья Яны, могли быть только оленеводами, которые в летнее время совершали свое обычное кочевание по тундре. Они, вероятно, заходили и дальше на восток до границ современного обитания оленеводов Усть-Янского улуса, кочуя вперемежку с юкагирами и ламутами²⁸⁰. Развитая железная культура южных якутов не могла не давать им огромного преимущества пред аборигенами этого края. В преданиях полярных якутов мы не находим следов сильного сопротивления, оказанного юкагирами. Процесс объякучения последних, а также и верхоянских ламутов, нужно думать, намного старше эпохи нашествия русских. Со времени развития песцового промысла, когда якуты-оленеводы сделались постоянными обитателями участка тундры между

²⁷⁹ См. его статью «Расселение якутов в XVII и XVIII вв. «Изв. Якутского отд. геогр. об-ва. 1928 г., т. III, стр.

43.

²⁸⁰ Уже по написании настоящей работы летом 1933 г. нам удалось ознакомиться бегло в архиве ЯАССР с рядом выписок из Столб. Сибирь. Приказа, ещё не опубликованных, «составляющих особую папку под техническим обозначением «Фонд Васильевского» (фамкл. организатора выписок, командированного в центр в советское время). В тетради № 8 приведены выписки из книги ясачного сбора с новые реки Яны, что собирали енисейские служилые люди Петр Перфильев с товарищами за 144—146 г.» (1636—1638 гг.). Здесь перечисляются сборы с целого ряда якутов: «На Лене ниже Молоды реки (низовья Лены немного выше с. Булуна), а также из района Устья Яны — у тюкагирского князца (это современные ламуты рода «тюгэсиир» в б. Верхоянском округе) со всего рода три сорока 20 соболей, 280 опорка, 2 шубы соболей, с юкагирского князца с Омолая (река того же названия впадает в Ледовитый океан на запад от устья Яны) со всего ево роду 53 соболя, 4 опорка... С якуцкого тоена (начальника) с Камука, с Мадина да с ша-мана... (здесь наши карандашные заметки стерлись)... с их родов 66 соболей, 10 пластин... С Сасыля (якутское имя, имеющее нарицательное значение «лисица») ево роду 23 соболя, 4 пластины, с Корона и ево роду 10 соболей...» и т. д.

Здесь совершенно отчетливо устанавливается кочевание якутов (оленеводов) в эпоху русского нашествия вперемежку с ламутами и юкагирами на тундре в пределах б. Усть-Янского улуса. В пределах р. Омолая теперь кочуют как якуты-оленеводы, так и скотоводы, выходцы из разных наслегов соседнего Верхоянского улуса.

Эти исторические документы интересны ещё в том отношении, что устанавливают происхождение географического названия «Омолой», воспроизводящего имя одного юкагирского князя. Очевидно, в старину бассейн этой реки был целиком занят юкагирами.

Яной и Индигиркой, растворение юкагиров и ламутов в якутской среде должно было продвинуться вперед ещё успешнее.

Об изменении хозяйственных обыкновений жиганских оленеводов со времени развития песцового промысла свидетельствует упразднение г. Жиганска, как административного центра, и перенесение их управления дальше на север, на Булун. Когда это случилось, мы не имеем точных данных, но во второй половине XVIII столетия, по данным булунского архива, Булун уже существовал.

В начальный период завоевания Ленского края московское правительство взимало ясак почти исключительно соболями и лисицами, при ясачных платежах песец совсем и не упоминается. Так как эти звери водятся в тайге, то и обложенные ясаком северные оленеводы не могли оставлять свои древние обыкновения прикочевывать вглубь тайги. Поиски соболя и лисицы даже вынуждали бы их подольше пребывать в лесу, чем на тундре. В этот период развития ясачного вопроса Жиганское зимовье вполне отвечало своему назначению, ибо оно стоит в зоне сплошной тайги. Но дальше соболь постепенно исчезает и происходит замена его другими мехами, смотря по местным условиям. Со времени Петра I развивается казенная меховая торговля с границей. Наряду с казной на песца предъявляет спрос и частный рынок. В дальнейшем пушной ясак заменяется денежными податями. В связи с этим полярные оленеводы свои хозяйственные обыкновения должны были приспособлять к потребностям частного торгового рынка, чтобы умножить свои денежные доходы. Иными словами, погоня за песцом становится основной задачей их хозяйственной деятельности, сокращается орбита их кочеваний и они превращаются в постоянных обитателей прилежащей к берегам Ледовитого океана тундры.

На этих вопросах мы останавливаемся, чтобы учесть наиболее важные перемены в их хозяйственной жизни в период порусской истории и восстановить картину их древнего быта. Мы думаем, что русское влияние далеко не ограничилось привитием одного песцового промысла. Якуты-олeneводы дорусского периода не могли заниматься рыболовством по берегам Ледовитого океана, а также вряд ли держали и ездовых собак, что также связано с нуждами того же песцового промысла. И то, и другое, по

всей вероятности, явилось в результате оседания в полосе тундры и усвоения хозяйственной практики русских промышленных людей.

Приглядываясь к обычаям и нравам полярных якутов, а в особенности разбираясь в их промысловой терминологии, не трудно установить очень сильное русское влияние. Например, на всем протяжении северной тундры песцовые ловушки называются не иначе как «паас». Это, несомненно, русская «пасть». Действительно, старинное якутское «сохсо», падающий самолет на лисиц и зайцев, в настороженном виде представляет из себя разинутую пасть, каковое наименование должны были дать ему первые русские промышленники. Якут в районе тайги настораживает точно такие же «сохсо» на лисиц и зайцев, но почему же для песцовых ловушек он перенял русское слово? Все отдельные части он продолжает называть по своему: томторук, элбэрээк, эгэсэ, туорай, баттык, сэрии и т. д.

Точно так же по всему побережью океана охота на ленных гусей сетями носит название «окуол». Это слово чуждо якутам и звучит совсем по-русски от «околица» или «кол».

Дальше в районе развития песцового промысла места временных стоянок охотников довольно часто носят название «ыстаан» или «сими-эбийэ». Ясно, конечно, что это русские «стан» и «зимовье». В пределах Усть-Янского улуса ухо человека, привыкшего к говору южных якутов, поражают слова «собоут», «мюёрдэ», «руука». Собоут — общее название рыболовческого и охотничьего снаряжения, т. е. русское «завод», мюёрдэ — морда и руука — рукавицы. Там же якуты усвоили русские названия ветров «устуок» — восточный, «саапас» — западный, «сиибэр» — северный. Получило полное гражданство и слово «лайда» — мелкое место на берегу океана, в русском происхождении которого трудно сомневаться²⁸¹.

Что касается простонародного календаря и определения времени по православным двенадцатым праздникам и дням святых, то эти обычаи полностью усвоены полярными якутами. Православные календарные даты известны и якутам южных центров, но они нигде в такой степени не вошли в плоть и кровь якутов, как на дальнем севере. Слыша их разговор и наблюдая повседневные нравы, вы невольно поражаетесь картинами «древнего» русского благочестия. Икона самая необходимая принадлеж-

²⁸¹ Все приведенные слова см. в прил. «Олен. хосун. эпопея», «Словарь особенных слов в говоре якутов-оленевонов».

ность и украшение их убогого шатра. Иногда их бывает по две или по три. Возят их с величайшей предосторожностью, избегая соприкосновения их с нечистыми предметами. По утрам и по вечерам чинно и благоговейно совершают общую молитву. Все события и даты в их хозяйственной и обыденной жизни определяются днями православных праздников. Нигде в центрах Якутского края нельзя наблюдать популярность таких полупраздников, как дни святой Евдокии, царя Константина и Елены, не говоря о днях Михаила, Дмитрия, Прокопия, Егория, Николы, хорошо известных и южным якутам. Миддендорф среди туруханских якутов отмечает даже почитание дней св. Аксиинии, трех святителей, св. Алексея, Марии Египетской и т. д.²⁸². Но что ещё более подчеркивает и выделяет полярных якутов от их южных собратьев по православной выучке, это усвоение ими русского церковного термина «басхаал» (пасхалии). Так они повсеместно называют деревянный или костяной календаре с рубчиками и условными обозначениями всех церковных праздников. Даже Э. К. Пекарский при всем пристрастии к регистрации русских слов в специфическом якутском про изношении в южных округах не смог обнаружить это слово.

По всему побережью океана полярные якуты, несомненно, раньше якутов-скотоводов усвоили тип русской избы-рубленки, к которому они переходят непосредственно от конического чума, минуя известный тип якутской стоячей юрты, при наличии сплавного леса. Наконец, среди якутов Жиганского улуса каждый этнограф рискует впасть в большое заблуждение по поводу происхождения их изящных и легких лодочек, выдолбленных из толстого ствола наносного тополя. Местные якуты эти свои лодочки называют «тирэх тыы», тополевая ветка. Вначале мы сами были склонны не отделять эти лодочки от основных признаков древней рыболовческой культуры Севера, воспринятой якутами от какого-то туземного народа. Но, однако, русские крестьянские стружки, проходящие красною нитью от Волги и Камы по всем рекам Южной Сибири, разрушают эту скороспелую гипотезу местного происхождения тополевых лодочек полярных якутов. В районе Прибайкалья, может быть, и дальше в присаянских областях, хотя и констатируются у туземцев типы долбленных лодочек, но они

²⁸² Миддендорф. Путешествие на северо-восток Сибири. Коренные обитатели. Стр. 762.

необычайно грубы по технике изготовления и ни в какой мере не могли бы выдержать сравнения с северными тополевыми стружками²⁸³.

Все изложенные особенности в быте полярных якутов приводят нас к убеждению, что песцовый промысел по берегам Ледовитого океана впервые завели не якуты и не другие туземные народы, а русские промышленные люди 17 и 18 веков. Этот русский «завод» (этот старорусский хозяйственный термин и теперь бытует у русских старожилов Севера) унаследовали якуты-оленеводы и в связи с этим, из прежних таежных бродяг превратились в постоянных обитателей приполярной тундры.

Исторические акты устанавливают очень раннее проникновение на дальний север русских промышленных людей в сопровождении казачьих отрядов, объяснявших дальние Окраины северо-восточной Сибири. Так, например, енисейского десятника Елеську Юрьева с отрядом из десяти казаков к устью р. Оленека и Яны в 1635 г. сопровождали «40 промышленных людей»²⁸⁴. Затем из опубликованной «памяти казачьему Десятнику Василию Дуракову о сборе оброка с посадских и иных гулящих промышленных людей», проживавших в пределах Жиганского зимовья и на реке Оленеке, видит, что в 1676 г. русские промышленные люди уже осели в «Усть-Оленеке»²⁸⁵.

Во время второй Камчатской экспедиции среди якутов Жиганского улуса и на Хатанге уже существовал песцовый промысел. Лейтенант Прончищев у устья Оленека застал целое поселение русских промышленников из 12 семей, а поблизости их находились кочевья якутов и тунгусов. Через два года преемник Прончищева по исследованию побережья океана, Харитон Лаптев, русских обывателей устья Оленека описывает так:

«В зимовьях живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые через жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычаи схожи»²⁸⁶.

Полное объякучение русских поселенцев само по себе говорит за значительную давность их проживания среди якутов. Очевидно, это те промышленники, которые забрались на Оленек в первые же годы завое-

²⁸³ Образец долбленых лодок бурят можно видеть в этнограф. отд. Вост.-Сиб. краев. музея в г. Иркутске.

²⁸⁴ См. доп. к Ист. Акт., т. II, стр. 240.

²⁸⁵ Доп. к Ист. Акт., т. VII, стр. 133—134.

²⁸⁶ Цитир. по статье Л. С. Берга «История географического ознакомления с Якутским краем», Сбор. «Яку-тия», стр. 32.

вания края. По описанию Лаптева, якуты дельты Лены (теперь там мы находим 2-ой Хатыгинский и Туматский наследи) вели тот же самый образ жизни, который можно констатировать и теперь:

«Кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбами, оленями, гусями, лебедями и утками диким, которых великое множество по озерам мелким. Они же якуты промышляют песцов белых и голубых, через всю зиму ездят на собаках».

В эпоху нашествия казаков эти якуты вряд ли ездили на собаках, ибо, как видно из наказной памяти первых ленских воевод служивым людям, отправленным на реку Оленек, «собачьей рекой» слыла какая-то другая река, впадающая в Ледовитый океан к востоку от Лены. Пятидесятник Федька Чюрка, отправленный в 1640 г. на Оленек «самовольством пошел он Федька на море к Собачьей реке», очевидно, в Индигирку, где жили в массе юкагиры, которые и по сие время столько же рыболовы, сколько и охотники²⁸⁷.

Езду на собаках, как и рыбную ловлю по берегам океана в местах проживания якутов, должны были завести те же русские промышленные люди в интересах своего песцового промысла. Собаководство, конечно, палеоазиатского происхождения, но в данном случае русские люди, как более бывалые люди и не связанные с местной традицией, пересадили его в другую среду. Дело в том, что олени зимой не могут пастись на побережье океана из-за сильных ветров. Поэтому промышленники объезжают свои пастбища на собаках. Среди якутов Жиганского улуса, пользующихся собачьей тягой, в возгласах управления собаками можно констатировать русское слово «стой» в форме «тоой». Это приглашение к остановке. Слова же «направо», «налево» — «тах» и «тадах» какого-то туземного происхождения.

Потомки «промышленных людей» Усть-Оленека до самых последних дней царизма жили своим особым обществом, хотя по типу, языку, нравам к обычаям они слились с местными якутами до полной неузнаваемости. По-видимому, у них отсутствует и русское национальное самосознание. По 10-ой ревизии «в Усть-Оленском крестьянском об-ве» числи-

²⁸⁷ См. Доп. к Ист. Акт., т. II, стр. 263.

лось 62 души об. п.²⁸⁸. По посемейному списку земского заседателя 2-го участка Верхоянского округа к 1916 г. их осталось лишь 28 душ. об. п.

В Усть-Янском улусе русских промышленных людей, прививших якутам песцовый промысел, собаководство и рыбную ловлю на морском побережье, оказывается значительно больше. Они делились на две группы — «устьянских крестьян» и «мещан», живущих оседло в районе устья Индигирки. Первых по 10-ой ревизия числилось 66 д. об. п., а вторых 398. Поэтому вполне понятно, что русское влияние в этом улусе сказалось гораздо сильнее.

В районе Хатанги наличие русских старожилов констатируется тоже довольно рано. Упомянутый выше Лаптев сообщает о Хатанге:

«По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершины от 12° ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, но больше оленями, которых промышляют на плаву через реку осенью, когда идут олени с моря в лесные места, а весною також на плаву, идут от комаров из лесных мест к морю и озеру Таймурскому и в тундренные чистые места. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольнее»²⁸⁹.

По данным, полученным нами из Туруханского райисполкома весною 1925 г., в так называемом, затундренном крестьянском роде значилось 62 семьи с 345 душ об. п. Эти крестьяне живут на Хатанской тундре попеременно и в ближайшем соседстве с оленными якутами и долганами. Миддендорф пишет о них: «На Хете я нашел, что первоначально русские поселенцы до такой степени преобразились в якутов, что якутский язык сделался их настоящим родным языком, тем более, что поселенцы русского происхождения женятся на якутках»²⁹⁰.

Надо заметить, что они в свою очередь так повлияли на антропологический тип якутов, что последние, по словам якутских купцов, выезжавших к ним из Булуна, выглядят больше русскими, чем якутами. Нам лично весною 1924 г. в Усть-Оленеке удалось видеть четырех якутов из Анабара. Все они имели ярко выраженный тип метисов с преобладанием русской крови. И язык их пестрит руссизмами: «саабыл таки» — забыл таки, «мин

²⁸⁸ См. Памятн. книжку Якут. обл. 1867 г., стр. 119.

²⁸⁹ Статья Л. С. Берг. Там же, стр. 33.

²⁹⁰ Миддендорф. Там же, стр. 761.

таки» — я таки, «айыы москуойчаан» — выражение похвальбы чего-либо (отличное — московское), «тавно» — давно и т. д.

Итак, наблюдая современную жизнь полярных якутов нужно учитывать коренную ломку их быта в результате порусских влияний и приспособления к потребностям обширного российского торгового рынка. Если раньше они сами в зимнюю пору прикочевывали поближе к культурным центрам оседлых якутов, то с приходом русских администраторы и купцы стали навещать их с открытием навигации по Лене и Енисею на лодках, а позже и по зимним путям.

В существующей литературе описанные нами явления совсем не учитываются. Одни авторы слишком переоценивают порусские влияния, полагая, что до русских якуты ещё не проникли к берегам Ледовитого океана²⁹¹. Они склонны думать, что лишь со времени нашествия казаков началось рассеяние якутов и заселение ими побережья океана. А на деле оказывается, что русское нашествие отнюдь не расширило территориального распространения якутов, а изменило лишь способ связи центра края со своими окраинами, дав обитателям последних возможность полнее эксплуатировать естественное богатство занятой ими территории. (Пушные ресурсы, морскую рыбу, мамонтовую кость и проч.).

Кочевание оленних якутов по полярной тундре прямо обуславливалось наличием домашних оленей и весьма развитым охотничьим промыслом на диких оленей. В настоящее время нетрудно убедиться, что охота на дикого оленя успешно протекает лишь весной и осенью в полосе тундры. Особенно же продуктивна бывает охота на переправах диких оленей через Оленек и ленские протоки, где колют их на воде сотнями и тысячами. Этот промысел среди местного населения известен под названием «тиикээн». По нашим расспросным данным, в низовьях одного Оленека осенью в четырех пунктах ежегодно добывали до 4000 диких оленей. По рассказам самих якутов, в низовьях Лены, Оленека и Омолоя один хороший охотник убивал до 100 шт. диких оленей в год, а 40—50 голов на охотника совершенно заурядное явление. Те же жиганцы, которые рыбачат выше по Лене между Булуном и Жиганском, лишь в редкие годы могли упромыслить по 5—6 штук, а чаще бывает, что и совсем их не видят.

²⁹¹ См. гл. «Расселение якутов к моменту русского завоевания».

Стародавний экономический быт оленных якутов нашел свое яркое выражение в их героическом эпосе. Здесь они выступают по преимуществу, как охотники за дикими оленями. Мясо дикого оленя в сушеном и вареном виде составляло главное питание народа. Однако, в составе северных якутов издавна существовала довольно значительная группа хозяев, не обеспеченных домашними оленями. Эта часть занималась рыболовством в таежных озерах и по берегам больших и малых рек. Эти рыболовы, конечно, не имели возможности совершать дальние кочевки по берегам океана. В составе быв. Жиганского улуса эти маломощные рыболовы и теперь живут по берегам Лены, начиная от Жиганска до Булуна, никуда не отлучаясь от своих рыболовных угодий. Так как и оленеводческие части в зимнее время превращались в рыболовов, то мы были бы вправе признать, что охота и рыболовство в одинаковой степени составляли основу благополучия северных якутов.

Другие авторы, наоборот, недооценивают значение такого важного фактора, как приобщение первобытного населения всего Ленского края к торгово-хозяйственному аппарату огромного Русского государства. Если подходить с этой точки зрения, то экономический быт южных якутов сохранился гораздо более неприкосновенным, чем быт полярных, являющихся поставщиками импортного продукта, дорогой пушны. Н. В. Воленс, автор статьи «Очерк хозяйственного строя Якутии», по этому вопросу придерживается диаметрально противоположных воззрений. Он полагает, «что изменения в хозяйстве населения Якутии касались почти исключительно южных якутов. Хозяйственный строй Севера был гораздо более устойчив и консервативен и сохранился в большей неприкосновенности»²⁹². В хозяйстве северных якутов он не хочет узнать продолжение навыков и порядков, созданных русскими промышленными людьми, гораздо лучше якутов понимавших в каком продукте нуждается их далекая родина. Если якуты притундровой полосы стали выбрасывать на общероссийский рынок ежегодно по 23 000—27 000 шт. песцовых шкур²⁹³, то могло ли это обстоятельство пройти бесследно на структуре их хозяйства и образе жизни? Южного якута-скотовода пушной ясак и торговля задевали рикошетом. Благодаря им, он не превратился в охотника.

²⁹² См. сборн. «Якутия», стр. 689.

²⁹³ См. М. Константинов. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Стр. 61.

Продукты скотоводчества: мясо, масло, кожа и проч. превратились в товар значительно позже, когда в результате длительного развития появился внутренний рынок — города и прииски.

Итак, мы установили, что якуты ещё до прихода русских распространялись до берегов Ледовитого океана и эксплуатировали приполярную тундру в интересах своего оленеводческого хозяйства как летнее пастбище и охотничьи угодья. О составе, численности и о распространении северных якутов мы остановимся дальше. Из них только об якутах Жиганского и Усть-Янского улусов ещё мог бы возникнуть вопрос о позднем их образовании из беженцев порусской эпохи, уходивших из южных скотоводческих округов. Но, как мы убедились выше, исторические акты эпохи завоевания края совершенно исключают эту гипотезу. Небольшая примесь к ним верхоянских скотоводов в бассейне реки Омолая и в пределах Усть-Янского улуса легко устанавливается как их родовыми именами, так и вполне отчетливым самосознанием этих эмигрантов.

Массовое бегство южных скотоводов на территорию Жиганского улуса не могло иметь места по двум причинам. Во-первых, казаки, благодаря своему лодочному сообщению, сразу захватили как среднее течение Лены, так и понизовье её. Во-вторых, физико-географические условия Жиганского улуса составляли естественную преграду для поселения там скотоводов. Более или менее значительные волны порусских беженцев из Якутского округа, сильнее других задетого военными действиями, направлялись в скотоводческие районы — на Вилюй, в Верхоянский и Колымский край, отчасти и на Оймякон. Эти беженческие примеси среди старожилов опять-таки выделяются по их родовым названиям, имеющим свои параллели в местах выхода, а также и народными преданиями.

В Жиганский улус могли попадать только единичные беженцы, главным образом, участники неудачных восстаний, чтобы, смешавшись с окраинными якутами, избежать суда и наказания. По историческим актам устанавливается, что в Якутском округе наиболее упорное сопротивление казакам оказали якуты обширного Кангаласского улуса. Почти все известные восстания против русских организовывались князьями этого улуса. В связи с ликвидацией их восстаний в Вилюйском, Верхоянском и Колымском округах появились целые наслеги с наименованием «Кангаласский»

(Хангалас)²⁹⁴. Среди родов и наслегов Жиганского улуса мы находим один маленький наслег с тем же названием «Кангаласский», состоящий из 234 д. об. п.²⁹⁵. Из них собственно кангаласцев будет ещё меньше, ибо наслег состоит из двух родов, эженского и кангаласского. Первых — 69 душ, а последних — 165 д. Эженцы, как мы говорили выше, объякученные тунгусы. Эти 165 душ кангаласцев мы были бы вправе причислить к потомкам беженцев из Кангаласского улуса Якутского округа, эмигрировавших на север в эпоху восстаний. Намек на это сохранился и в преданиях самих жиганцев; они, якобы, происходят от якутского царя Тыгына или половины его народа, бежавшей на север при русском нашествии²⁹⁶. Но ввиду отсутствия в этих преданиях какого-либо характерного для кангаласцев фольклорного преемства, мы склонны думать, что эти беженцы были весьма незначительны и подбирались из разношерстного элемента, накопившегося в течение ряда лет. В их составе могут быть и единичные переселенцы, прибывавшие позже при мирной обстановке из разных улусов Якутского округа и присоединявшихся к первым кангаласцам по земляческой солидарности. К порусским же беженцам, наверное, принадлежит и маленький джобулгинский род в 4-м Хатыгинском наслеге, состоящий из шести семей с 26 душ об. п. «Джобулга» — местное название 1-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Предки этого рода тоже могли быть в составе кангаласских беженцев.

Эти незначительные примеси позднейших выходцев из южных округов, состоявшие, вероятно, из одиноких мужчин, обзаводившихся семьями на месте, конечно, не могли повлиять на культурное обличие северных якутов. Наоборот, они вполне уподобились коренным обитателям и потонули в их среде.

4. РОДОВЫЕ ИМЕНА, ЧИСЛЕННОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯКУТОВ-ОЛЕНЕВОДОВ

В якутах-оленеводах мы усматриваем раннее население бассейна средней Лены, отодвинувшееся на север в связи с переселением из областей Прибайкалья якутов-скотоводов. Для определения исторических пу-

²⁹⁴ Подробно об этих кангаласских беженцах см. наши очерки, ч. III, гл. IV.

²⁹⁵ Цифры приводятся по данным посемейного списка к 1916 г. из дел земск. засед. 2 уч. Верх. округа.

²⁹⁶ См. Сборник «Эллэйада», § 216.

тей постепенного отхода на север этого якутского авангарда очень важно установить названия их родов или мелких административных подразделений. Наличие тех же родовых названий среди южных якутов поможет нам отыскать районы их раннего оседания, ибо не все роды в полном составе могли выселяться на новые места. Отсталые части, сохраняя свои прежние родовые названия, служат как бы вехами на исторических путях их главных отделов. С другой стороны, параллелизм родовых имен может образоваться и в тех случаях, когда незначительные части южных родов позже вселялись в среду северных.

В предыдущем изложении мы чаще упоминали якутов Жиганского и Усть-Янского улусов, исходя из того соображения, что их принадлежность к якутскому племени является бесспорной. Во всех официальных документах и в этнографической литературе они постоянно фигурируют в качестве якутов, за исключением бекетовского донесения, о котором мы говорили раньше. Эти улусные наименования для нашего исторического исследования не интересны, ибо они оба географического происхождения. Якуты Якутского и Верхоянского округов название «Эджигээн» присваивают вообще всему понизовью Лены. Ламуты Верхоянского округа пояснили мне, что Эджигээн'ом они называют всю ту обширную страну, которая с водораздела Яны и Лены имеет покатость к последней. Является ли это слово ламутским и таково ли его действительное происхождение, для нас не имеет большого значения. Важно лишь то, что это имя не имеет никакого отношения ни к племенному и ни к родовым наименованиям оленных якутов. Таково же, конечно, и название «Усть-Яны» и «устьянский». Следовательно, историческое значение можно придавать лишь названиям родов или наслегов в упомянутых улусах. Названия наслегов Жиганского улуса мы уже знаем: четыре наслег с общим названием «Хатыгын» с порядковыми номерами, два с названием «Боотулу», один «Тумат» и один «Хангалас». Таким образом, в восьми наслегегах констатируется всего четыре родовых названия. Из них наиболее важным является название Хатыгын, ибо при общей численности якутов Жиганского улуса в 1372 д. об. п. (офиц. данные 1916 г.), принадлежащих к хатыгинской родовой группе было 918 душ об. п., т. е. ровно две трети всего населения улуса. Роды тумат и боотулу проживают в обоих улусах. Первых было 399 д., а вторых — 205 душ.

Род ногой проживает в Усть-Янском улусе. В нем значилось 415 душ. В том же улусе есть ещё один Юдюгейский наслег со 144 д. об. п.

Роды хангалас в Жиганском и кююрэ (куринский) в Усть-Янском мы признали позднейшими примесями из южных округов.

В обоих улусах, по данным 1916 г., значилось всего 2458 д. об. п.

Теперь мы обратимся к рассмотрению одного кардинального недоразумения, прочно укоренившегося в этнографической литературе в отношении самого главного отдела северных якутов. Не устранив его, мы рискуем не понять ни происхождения и ни роли северных якутов в древнейших стадиях исторической жизни всего якутского племени. Мы имеем в виду довольно многочисленное якутское население бассейна реки Оленека, которое совершенно неосновательно зачисляется в разряд тунгусов. Это недоразумение объясняется тем, что обитатели Оленека ещё ни разу не были объектом научного исследования, если не считать мимолетных замечаний о них двух натуралистов прошлого века, Маака и Чекановского. В этнографической и демографической литературе обычно автоматически повторяется установившееся в административной практике воззрение на обитателей Оленека как на тунгусов. Этот взгляд нельзя признать благонадежным источником при решении довольно сложного этнологического вопроса.

Как мы уже отмечали выше, якуты-оленеводы по своему экономическому быту и образу жизни очень мало отличаются от тунгусов-оленеводов и охотников. Поэтому и якуты-скотоводы своих северных собратьев называют не иначе, как тунгусами, исходя из их образа жизни и господствующих занятий. Первичное значение слова «тунгус» вопрос очень спорный, но одно несомненно, что оно не исходит из языка тех народов, которые этим именем обозначаются, ибо ни одно тунгусское племя не называет себя «тунгусами».

Якуты южных округов, приезжая в Жиганский улус, его аборигенов чаще называют тунгусами или омуками, несмотря на то, что последние сами себя величают якутами и в своей среде различают тунгусов по происхождению, эженцев и кюпцев. На тех же основаниях и вилюйские якуты оленеводов и охотников бассейна Оленека обычно называют «Елёён тонгустара» — тунгусы р. Оленека. Привычка якутов причислять своих северных родичей к тунгусам могла сложиться ещё в глубокой древности, когда

основное ядро этих оленеводов действительно было тунгусским и по своему происхождению. Культурное и этническое перерождение этих тунгусов путем постепенного прилива якутской крови за очень длительный период для народной массы могло остаться и незамеченным. О коренном перерождении их свидетельствует тот факт, что повсюду среди бесспорных аборигенов севера они неизменно слывут за якутов — «саха». Так верхоянские ламуты обитателей Жиганского и Усть-Янского улусов всегда причисляют к якутам. Наверное, также относятся и юкагиры, хотя мы лично и не имели возможности проверить это обстоятельство.

Часть населения Оленека в эпоху объясачения казаками укочевала на запад и заняла район озера Есей в верховьях Котуя, вытеснив оттуда местных тунгусов. Эти обитатели озера Есей среди последних также известны под именем якутов. Под той же этнической маркой они были зарегистрированы и туруханскими властями, каковыми остаются и по сие время. Нам удалось просмотреть старинные документы, относящиеся к концу 18-го столетия, в архиве Туруханского райисполкома. В них обитатели озера Есей отмечаются как якуты. Например, одно наставление о принятии мер предосторожности против эпидемии оспы, датированное 1 апреля 1798 г., адресуется «Есейской волости новокрещенных якутов князю Никифору Поротову». Эта административная практика считать обитателей Есея частью якутского племени, конечно, усвоена от тунгусов Туруханского края. Между прочим, не так давно в период советизации тунгусов Илимпейской тундры, последние составили протокол, в котором декларируют свои исторические права на земли в районе озера Есей и обидчиков своих называют «богатыми якутами». Ввиду важности этого документа для истории якутов приведем его точный текст:

«Мы, тунгусы Илимпейской тундры, район озера Есея считаем землею тунгусов со времен захвата нас казаками, выезжавшими из Туруханска во главе Сотникова. При взятии Есея тунгусами было убито семь человек казаков из лука, после чего стали появляться якуты, которые впоследствии оттеснили тунгусов и кочуют в настоящее время по Есее-Илимпейской тундре».

Протокол озаглавлен «О захвате богатыми якутами района Есея» и датирован 28 марта 1925 г.

Хотя в приведенном выступлении илимпейских тунгусов и чувствуется налет новых советских настроений, что сказывается в разоблачении прошлых деяний «богатых якутов», но, несомненно, эта идея реванша у них питалась какими-то смутными отголосками их устных преданий.

И. И. Майнов в своей статье «Население Якутии»²⁹⁷ обитателей Есея, не приводя никаких доводов, причисляет к тунгусам. В этнографической литературе они всегда упоминаются как якуты²⁹⁸.

Сопоставляя приведенные данные, нельзя не придти к выводу, что еще в эпоху русского завоевания оленеводы озера Есей, несомненно, говорили по-якутски.

Что есейские якуты являются неотъемлемой частью оленекских «тунгусов», ясно устанавливается сопоставлением их родовых наименований. По показанию Островских, есейские якуты принадлежат к трем родам — чорду, бэти и хатыгын. Долгих приводит следующие родовые имена: хатыгын, боотулу, осогостоох, бэти, эспек и маймага. Те же самые роды за исключением эспек и маймага зарегистрированы среди «оленекских тунгусов». По Патканову, разработавшему данные переписи 1897 г., оленекские тунгусы распадаются на роды: бетинский (бэти), чордунский (чорду), осогостохский (осогостоох), хатыгынский (хатыгын), 1 и 2 шологонские (сологоон), келтекский (кэлтээки), жахутский (джооху), тобуйский (туобуйа) и угулятский (югюлээт).

Приведенные данные бесспорно устанавливают, что есейские «якуты» и оленекские «тунгусы» образовались из частей одних и тех же родовых группировок. Поэтому зачисление из частей одних и тех же родовых группировок. Поэтому зачисление одних к тунгусам, а других к якутам нельзя не признать простым недоразумением. Мало того, из перечисленных родовых имен есейских и оленекских якутов род хатыгын, имеющийся по частям в составе тех и других, как нам уже известно, составляет две трети якутского населения Жиганского улуса, а род боотулу, констатированный среди есейских якутов, существует как в Жиганском, так и в Усть-Янском улусах. Иначе говоря, оленные обитатели озера Есей,

²⁹⁷ Сборник «Якутия». Стр. 396.

²⁹⁸ См. Кривошапкин. Енисейский округ. 1865 г. Изд. Имп. русс. геогр. общ-ва. Т. 1, стр. 371. Миддендорф. Коренные обитатели северо-востока Сибири. Стр. 759. П. Е. Островских. Извлечение из его дневника под заглавием «Поездка на озеро Есей», читанного на заседании Красно-ярского подотдела геогр. о-ва 28 января 1903 г. Известия подотдела за этот год, а также статья Долгих «Население полуострова Таймыра и прилежащего района». Жур. «Северная Азия», № 2, 1929 г.

бассейна Оленека, Жиганского и Усть-Янского улусов в дорусскую эпоху должны были составлять один народ.

Если в эпоху русского завоевания есейские якуты пользовались якутским языком, то тот же язык не мог не господствовать и среди их оленекских братьев, а тем более среди жиганцев и устьянцев. Об якутском языке «жиганов» Петра Бекетова мы можем судить и по имени их князя, объясаченного его казаками. Он носил имя «Каптагай», в якутском происхождении которого трудно сомневаться. («Хаптагай» значит плоский). О большой древности якутского языка в бассейнах Оленека, Анабара и Хатанги свидетельствует также обилие географических имен чисто якутского происхождения. Хотя составители карт безбожно искажают туземные названия, но тем не менее не трудно убедиться, что в указанном районе на первичную тунгусскую основу географической номенклатуры лег густой слой якутских названий. Тунгусские названия чаще оканчиваются на «гда», «кта», «нда», «да», «гна», например: Гинангна, Маыгда, Кукухунда, Джалинга, Омнундакта, Мюрюкта, Арбангда, Биректа, Чирингда, Куянгна, Чангада; типичны также и названия Горками, Курали, Угоян и т. д. Якутские названия очень часто в окончании принимают суффикс принадлежности — лаах, лээх, лоох, наах, ноох, узнаются также и по значению. Так в верховьях Оленека мы находим названия Аргаа-Салаа, Мастаах, Хоппо, Апка, Сордонгноох, Силигир, в системе Анабара — Хапчаан, Хатырык, Бииллэх, Тогой, Хантагыннаах (искажено), Эбэлээх, Куранах и т. д. Немало якутских имен и на Хатанге: Чааккылаах, Кыыллаах, Кюёх, Суруктаах, Суон-Юрях, Эсэлээх, Амбаардаах, Дыргалаах, Арылаах, Дьелах, Сомор-солоох, Урасалаах, Түөкэй, Тукулан, Улахан-Хабыда, Солур и т. д.

Эти топонимические названия свидетельствуют о давнем обитании в этих местах по-якутски говорящего народа.

Наконец, и родовые имена оленекских тунгусов большею частью звучат по-якутски, а некоторые из них образованы из слов с бесспорным якутским значением, например, осогостоох, кэлтээки. «Осогостоох» — беременная, брюхатая, брюхан, толстопузый, «осогос» — кишки, потроха, живот, брюхо, «кэлтээки» — хромоногий, приседающий на одну ногу, часто служит прозвищем человека. А имя «джооху» есть ничто иное как племенное название якутов, общепринятое у тунгусов — «джоко», «джокуо» (откуда и русское «якут»). Иными словами, род «джоко» очень рано

поселился среди тунгусов, ещё не утративших свой родной язык, и получил от них родовое имя «якут». Огромный процент родовых имен и у самих якутов-скотоводов не может быть объяснен с точки зрения их современного языка, например: джер, мытаах, Эргис, тыыллыма, нёёрюктээйи, нёмюгю, качыкаат, хоро, хах-сык, тулагы, хатылы, ёспёк, бахсы, тыарасы, кёдосю, атамай, кёбёкён, елтёк, бологур, наахара и т. д. Приведенные имена носят не более якутский характер, чем и остальные родовые имена оленекских «тунгусов» — хатыгын, чорду, бэти, солоогоон, маймага, эспэк, (возможно, что это имя точно совпадает с родовым именем ёспёк, встречающимся в быв. Дюпсунском улусе), первоначальное значение которых не может быть восстановлено.

Если некоторые родовые имена обитателей Оленека и озера Есей и были когда-то тунгусского происхождения, то они во всяком случае не принадлежат местным тунгусам, ибо у всех тунгусских племен на запад и на восток от оленных якутов родовые имена сконструированы довольно однообразно с преобладанием окончания «гир»: кюндэгир, удыгир, йолдогир, комбагир, гургугир, чапогир, панкагир, сирагир, сутокогир (по Ниж. Тунгуске и у илимпейских тунгусов), тюгэсиир, кюркэгир (верхоянские ламуты), баягир, никягир и т. д.

Родовые имена оленных якутов Анабаро-Хатангского района, в официальных документах именуемых обычно «затундренным якутским родом», нам неизвестны. Однако, нельзя сомневаться в том, что и они принадлежат к составу северных якутов, образуя среди них одно самостоятельное ответвление.

К той же группе оленных якутов нужно причислить и долган, обитающих в низовьях Хатанги и на Таймыре. Если они и представляют иноплеменную примесь к якутам, то утрату ими своих первичных культурно-этнических признаков нужно относить к фактам весьма отдаленной древности, ибо в настоящее время они в полной мере ассимилировались с северными якутами по языку, нравам и обычаям. Якутские купцы, выезжавшие к ним из Булуна, почти единогласно утверждали, что они называют себя «дулгаан сахата», т. е. якутами местности или рода дулган. Точно также самоопределял себя и один молодой долганин, встреченный нами в Булуне. Наши контрольные вопросы по важнейшим признакам культуры северных якутов обнаружили полное единство долган с последними.

Между прочим, в этнографической карте Сибири, изданной Академией наук (труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР) в 1929 г., долгане предпочтительно пред якутами обозначены как «сахы».

Таким образом, весь северо-западный угол Якутского края, ограничиваемый в меридианальном направлении нижним течением Лены (за исключением территории Усть-Янского улуса, выдвинувшейся на восток от Лены), в широтном 65-ой параллелью (водораздел Вилюя и Оленека), на западе местами обитания илимпейских тунгусов и самоедов и на севере Ледовитым океаном, может быть признан областью сплошного распространения оленных якутов. В этих пределах нельзя обнаружить ни единого человека, который владел бы тунгусской речью. Эта картина полной якутизации коренного тунгусского населения красноречиво свидетельствует о глубокой давности появления здесь якутского элемента. Нигде в других районах Якутской республики, где сталкиваются тунгусский и якутский элементы, нельзя констатировать подобное явление полной капитуляции тунгусов пред якутами. Это было бы абсолютно не мыслимо, если якуты впервые перешагнули через Вилюй лишь со времени появления русских. Те историки, которые область распространения якутов к моменту прихода русских ограничивают пределами одного Якутского округа, чтобы объяснить исчезновение тунгусского элемента к северу от реки Вилюя, должны допустить ряд чудесных явлений. Так как якуты до русских, по их мнению, размножали только коров и лошадей, то они на территорию обитания современных оленных якутов должны были вступить пешочком, чуть не голые и босые. Эти босяки должны были отобрать у местных тунгусов их оленные стада. Дальше, чтобы объяснить исчезновение тунгусского языка, нужно допустить поголовное истребление всех говорящих по-тунгусски или изгнание их куда-то в неведомую страну, ибо триста лет срок крайне недостаточный, чтобы в порядке естественной эволюции якутский язык одержал столь решительную победу. Мы знаем, что в момент прихода русских якуты занимали все среднее течение Яны, однако, все ламуты (эвены) по сие время говорят на своем языке. Тунгусы «семи кангаласских родов», несомненно, бродят между Леной и Алданом со времени появления якутов в пределах Якутского округа. Однако, и они до настоящего времени не подверглись полной якутизации, продолжая говорить на своем родном языке. Правда, обьякутели тунгусы быв. «Майского ведом-

ства», усвоившие якутское скотоводческое хозяйство, но, однако, большая половина их родов, занимающихся оленеводством и охотой по Мае, в полной неприкосновенности сохранила свой родной язык, нравы и обычаи. В пределах Олекминского края тунгусы живут в ближайшем соприкосновении с якутами, несомненно, со времени появления якутов на Лене, но, однако, и они не заменили свою родную речь якутской.

Само собой разумеется, что никаких чудес под луной не бывает. Ларчик открывается довольно просто: северные оленные якуты в пределах Якутского края появились задолго раньше якутов-скотоводов и вошли в тесное соприкосновение с местными тунгусами. Они пришли не скотоводами, а оленеводами, и по этой самой причине они интенсивно стали смешиваться с местными тунгусами, растворяя их в своей среде.

В верховьях р. Вилюя между устьем р. Чоны и территорией быв. Хочинского улуса мы находим один тунгусский наслег «Брангатский» с 624 д. об. п. И эти тунгусы обнаруживают картину полной якутизации, несмотря на то, что они занимают совершенно обособленную от якутских поселений территорию. Утрату ими своего родного языка нужно отнести ко временам незапамятной древности, ибо на занятой ими территории все географические имена за весьма малым исключением якутского происхождения. Весной 1925 г., проезжая через их поселения, вытянувшиеся вдоль Вилюя на протяжении 400 км, мы записали имена речек, озер и других географических пунктов. Приведем их перечень: Укукыт, Туойдаах, Кураанах, Буруустаах, Холумалаах, Хаапыча, Кюёллээх, Харыйалаах, Усун-Кюёл, Сунньукур, Киэнг-Юрэх, Билиилээх, Сордонгноох, Кюрчюгюнююр, Дуудар, Олгуйдаах, Ааллаах, Оросу, Анамджак, Ахтарында, Бииллээх, Нэнгэбил (по левому берегу Вилюй); Тарын-Юрэх, Дэлбиргэ, Куччугуй Ботубуйа, Бэс-Юрях, Курунг-Юрэх, Улуу-Тогой, Улахан-Ботубуйа, Мундулаах, Кусаган-Юрэх, Оруктаах (по правому берегу Вилюя). Названия порогов: Отонноох Уораана, Юёсэ-Хана, Аллара-Хана. Из этих 35-ти названий только три подчеркнутые нами являются чуждыми для якутов. На этой территории якутско-скотоводы проживать не могли ввиду её физико-географических условий. Очевидно, что эта местность со времен глубочайшей древности была занята оленеводческим народом, говорящим по-якутски. Брангатские тунгусы, по всей вероятности, унаследовали её от северных якутов-оленеводов, которые раньше оседали здесь.

Итак, в пределах Вилуйского округа не осталось ни одного тунгуса, говорящего по-тунгусски (за исключением тунгусов, забредающих из района Ниж. Тунгуски), а на правом берегу Лены все тунгусские роды, начиная от олек минских и вплоть до берегов Ледовитого океана говорят на своем языке за исключением части майских. Это обстоятельство говорит о том, что якуты-оленеводы в своем движении с юга на север прошли через Вилуйский округ и что Якутский округ очень долгое время находился во владении местных тунгусов.

Мы вправе задать вопрос, в каком направлении должны были расширять свои кочевья якуты-оленеводы, которые когда-то овладели бассейном Вилуя? Во всяком случае, не в сторону современного Якутского округа, ибо с охотой на дикого оленя в полосе тундры по своей продуктивности ни одна другая охота не может сравниться. Изучая героический эпос северных якутов, мы можем легко убедиться, что в их легендарных рассказах о своих предках охотничий азарт всегда связывается с избиением целых стад диких оленей. Приведем небольшую иллюстрацию в подтверждение этого положения. Два брата-витязя, собираясь на войну, хотят приготовить запас провизии для своих домочадцев и идут промыслять.

«Утром чуть занялась заря, оба они уже были на ногах и, надев обитые шерстью лыжи, пошли. Вышли на обширную равнину «алыы» и видят стадо диких оленей. На глаз было не меньше сорока голов. Юнгкээбил говорит: «Перебьем это стадо и довольно с нас, хватит!». Начали избивать, стараясь не пропустить стадо в лес. Когда братья обежали равнину три раза, гоняясь и поражая оленей, в живых остался лишь один годовалый теленок»²⁹⁹.

В другом случае сражавшиеся воины из сушеного оленьего мяса сооружают целый амбар, чтобы за его прикрытием защищаться от вражеских стрел³⁰⁰.

Съедание целой туши дикого оленя выставляется в иных случаях как признак особого молодчества излюбленного легендарного героя³⁰¹.

Эти образы доказывают, что северная тундра давно привлекала внимание якутов-оленеводов, как богатый промысловый район. Если дело обстояло так, то вилуйские оленеводы, и не расставаясь со своим Вилуем,

²⁹⁹ См. Прилож. к нашим очеркам «Оленекская хосунная эпопея», § 9.

³⁰⁰ Там же, § 28.

³⁰¹ Там же, § 2.

могли очень рано овладеть бассейном Оленека и совершать туда сезонные перекочевки для охоты за дикими оленями. Вместе с тем становится понятным полное исчезновение в этом районе тунгусского элемента. Когда якуты-оленеводы под давлением надвигающейся следом за ними якутской скотоводческой колонизации отодвинулись в свой охотничий район на постоянное жительство, то ассимиляция последних остатков тунгусов-аборигенов должна была идти ещё более ускоренным темпом.

В связи с изложенным мы вправе утверждать, что турецкая языковая стихия в лице якутов-оленеводов докатилась до берегов Ледовитого океана весьма возможно значите раньше, чем якуты-скотоводы успели добраться до Сайсарской равнины, где теперь стоит г. Якутск.

Борьба якутов-оленеводов с аборигенным населением полярного севера, конечно, облегчалась тем, что первые с представителями железного века, тогда как их противники должны были пользоваться костяными, роговыми или каменными орудиями. В героическом эпосе полярных якутов этот мотив столкновения двух разных культур тоже нашел свое отражение. На этом вопросе мы остановимся несколько позже.

Вероятно, задолго раньше нашествия русских якуты-оленеводы достигли современных пределов своего распространения по полярному северу, периодически прикочевывая в район якутских оседлых поселений. Те из них, которые владели большими стадами оленей и забирались в дальние углы западной или восточной тундры, могли возвращаться и в несколько лет раз. К событиям порусской истории мы отнесли выше лишь захват оленекскими якутами района озера Есей, где часть их возможно и раньше обитала совместно с тунгусами.

В связи с устранением недоразумения с обитателями бассейна Оленека, озера Есей, и долганами, искусственно, в силу русских административных порядков, выделенных от якутского населения Жиганского и Усть-Янского улусов, численность северных якутов может быть представлена в следующем виде³⁰²:

³⁰² Численность северных якутов, проживающих в пределах Туруханского края (якутов оз. Есей, за-тундринского рода и долган), устанавливалась нами по последним данным, приведенным в работе Б. О. Долгих «Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района». «Северная Азия», № 2 за 1929 г., стр. 49—76). Долгих, один из участников приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибирском крае, в указанной статье ясную картину этнического состава, численности, районов расселения, господствующего языка, отчасти даже обычаев и нравов притундрового населения Туруханского края на восток от Енисея до границ Якутской республики. Недостающие у Долгих сведения позаимствованы из опубли-

Якуты Жиганского улуса - 1372 д. об. п.	
Якуты Усть-Янского улуса	-1085
Оленекских якутов, числящихся «тунгусами»	
Вилуйского округа- 3286 д. об. п.	
Якутов озера Есей - 1062	
Якутов затундринского рода Туруханского	края - 1635
Долган - 1118	
Эженцев и купцев Жиганского улуса	- 368
Итого - 9937 душ. об. п.	

Общая численность якутов-оленеводов без малого десять тысяч душ обоего пола по сибирским масштабам при существовании многих самостоятельных племен, не насчитывающих в себе и полной тысячи душ, как, например, карагассы-тубалары, енисейские остяки-кетто, гиляки, алеуты, юкагиры и т. д., дает нам основание говорить о них, как о довольно внушительной культурно-этнической группировке, которая могла фигурировать с очень давнего времени наряду с якутами-скотоводами, составляя их северный авангард. Исчезновение с горизонта этнографической науки царского периода этого вполне самостоятельного отдела якутского племени, сыгравшего заметную роль в его прошлых переселениях на север, объясняется исключительно условиями их порусского существования. Якуты Есея и Хатанго-Анабарского района были приписаны к б. Енисейской губернии.

Оставшиеся в пределах быв. Якутской области тоже были разорваны пополам между Вилуйским и Верхоянским округами. Затем одна часть оленных якутов с развитием песцового промысла осела по берегам Ледо-

кованных материалов той же приполярной переписи 1926—1927 гг. (Изд. ЦСУ. Сибирского краевого стат. отд. Новосибирск. 1927 г., вып. I и II).

Численность якутов Жиганского улуса учтена нами лично в январе 1924 г. по поручению уполномоченного Якут. центр, исполн. ком. путем составления посемейных списков. В отношении населения Усть-Янского улуса мы воспользовались посемейными списками заседателя 2 уч. Верхоянского округа за 1916 г., обнаруженными в архиве села Булун.

В материалах переписи 1917 г. у М. П. Соколова («Якутия по переписи 1917 года». Вып. I и II. Иркутск, 1925 г.) приведены более устарелые данные. О численности якутов бассейна р. Оленека, официально значащихся «бродячими тунгусами Вилуйского округа», за неимением других надежных материалов, пришлось довольствоваться официальными данными на 1 января 1917 г., приведенными в работе М. П. Соколова. (Из общего числа вилуйских тунгусов нужно исключить население «брангатского рода». Это ошибочное название тунгусов «брангатского рода», вошедших в перепись населения Хочинского улуса под именем Брангатского же наслега, что осталось не замеченным Соколовым).

витого океана и оторвалась от других родичей, сохранивших свой прежний перелетный образ жизни с посещением тундры только в летнее время.

Благодаря лодочному сообщению по Лене и богатому песцовому промыслу между Яной и Индигиркой якуты Жиганского и Усть-Янского улусов были учтены сравнительно рано и получили правильно организованное улусное управление. Якуты же бассейна Оленека, по-видимому, никогда не имели своего административного центра и письмоводства. Поэтому и их населенные пункты, распределение занятой ими территории по родам и порядок их внутреннего управления, суда и расправы до советской эпохи оставались никому неизвестными. Статистические данные об их численности, имеющиеся в центрах Вилюйского края, вероятно, тоже являются весьма проблематичными, отражая картину «времен Очакова и покорение Крыма». О состоянии их административного управления в царские времена можно судить по одному мимолетному замечанию барона Майделя. Он пишет, что Кларк (один из немногих окружных управителей, выступивший в печати с довольно интересными очерками о вилюйских якутах) был долго исправником Вилюйского округа и не знал, что Жиганский улус принадлежал к его округу³⁰³. Тем более обитатели захолустного Оленека не могли привлекать внимания царских администраторов.

В составе Хатыгинских наслегов Жиганского улуса нами констатированы ещё мелкие родовые подразделения, наименования которых тоже могут быть использованы при разрешении исторических вопросов. Эти роды суть: омолоон (97 душ), эмис, архат, асыыкай, тюмэти, джобулга, хатыгын, эджигээн, ньымчаал (36 д.) и дулгаан (31 д.). В Кангаласском наслеге мы имеем ещё род эджээн (69 д.). По этим названиям можно установить позднейшие тунгусские примеси. Определенно тунгусы члены рода эджээн в Кангаласском наслеге, не говоря, конечно, об эджээнцах и кюпцах, образующих в составе жиганцев самостоятельные роды. И о роде ньымчаал среди самих жиганцев сохраняется живое воспоминание об их тунгусском происхождении. Таким образом, тунгусские вкрапления сравнительно незначительны, всего 105 душ, или 6% общего числа населения.

Остальные родовые имена звучат по-якутски, а некоторые из них совпадают с родовыми именами в Якутском и Вилюйском округах, как, например, омолоон и асыыкай, которые известны как названия наслегов

³⁰³ См. Барон Майдель. «Reisen und Forschungen im Jakutskisen in Gebiet», Т. 2, стр. 385.

в Мархинском улусе (Вилуйского окр.). Эмис и тюмэти встречаются в Якутском округе, первый в Амгинском улусе, а второй в Восточно-Кангаласком. Эти имена, вероятно, указывают на очень давние вкрапления небольших групп из южных якутов задолго раньше нашествия русских. Эпоха освоения самими якутами Вилуя и Якутского округа, несомненно, сопровождалась ожесточенной борьбой более ранних и поздних переселенцев. По установлении власти одних могли возникать и восстания покоренных старожильческих родов, как и в эпоху нашествия русских. В эти смутные времена побежденные роды или умиряемые повстанцы также могли частично спастись на север к оленным якутам, чтобы избежать суда и расправы новых господ. В этом отношении особенно интересно для нас народное предание, связанное с именем «Омолдоон»: к нему жиганцы обычно присоединяют эпитет — «охсусуулаах», т. е. воинственные, драчливые. В народных преданиях среднего и южного Вилуя, а также и Амгинского улуса Якутского округа легендарное имя Омолдоон принадлежит к числу самых знаменитых и громких именно по военным подвигам. Перейдя к истории южных якутов, мы убедимся, что омолдонцы принадлежат к более ранним переселенцам из числа якутов-скотоводов, которые долго были господами Вилуя и Амгино-Ленского плоскогорья. Поздние волны якутских переселенцев, само собой разумеется, положили предел самовластию воинственных омолдонцев. Поэтому и не мудрено, что наиболее строптивая часть этих вояк, не пожелавших уступать свои земли новым переселенцам, очутилась среди рыбаков и оленеводов дальнего севера. Это же имя, между прочим, застряло в названии реки в пределах Колымского края, где мы находим северо-восточный предел распространения колонизации якутов-скотоводов. Это река Омолон — один из правых значительных притоков р. Колымы.

На этих частных примерах кангаласцев и омолдонцев, очутившихся среди оленеводов в эпоху смут и борьбы за власть в центре Якутского края, мы можем уяснить и понять секрет происхождения северных оленных якутов вообще. Вероятно, со времен глубочайшей древности жалкие остатки побежденных родов, утратив свою власть, земли и скот, были вынуждены эмигрировать на тунгусскую территорию, где не оставалось иного выхода, как добывать себе пропитание охотой и рыболовством среди дружественных тунгусских родов. Спасались бегством к тунгусам, конечно,

не рядовые бойцы, а главари больших и малых родовых объединений со своими ближайшими приверженцами. За время своего предыдущего владычества и богатства они должны были установить деловые связи и дружбу с сопредельными тунгусскими родами в порядке обычной эксплуатации отсталых или колониальных народов. Когда же их территория подвергалась нашествию более сильных задних родов, то эти князья окраин после отчаянного сопротивления, потеряв все свои земли и животных, должны были думать лишь о спасении жизни. Тунгусский князь, этот рыцарь без страха и упрека, конечно, не выдаст своего старого приятеля его заклятым врагам. Как в Европе все политические эмигранты спасались среди горцев свободной Швейцарии, так издревле политические изгои якутского феодального общества могли свободно вздохнуть, лишь очутившись на территории своих друзей из тунгусов.

Анализ родовых имен северных якутов бесспорно устанавливает наличие среди них значительного количества собственно якутских родов, очень рано усвоивших оленеводческое хозяйство и тунгусский образ жизни. Если в их составе имеются тунгусские роды, то утрата ими своего этнического самосознания и родного языка, а также причисление их к якутам аборигенами севера свидетельствуют о том, что они вступили в бассейн Лены уже объякученными по языку. В связи с этим мы должны допустить, что якутским переселениям из Прибайкалья в бассейн средней Лены предшествовало переселение какого-то тунгусского племени в сильной степени задетого якутской культурой, весьма возможно, и со значительной примесью окраинных якутских родов. Эта гипотеза тем более представляется вероятной, что в момент русского завоевания северобайкальские буряты находились в тесном кольце многочисленных тунгусских племен, окружавших их по преимуществу с севера. Полную исчерпывающую карту распространения тунгусских племен в пределах современного Восточносибирского края дает «ропись против чертежу рекам и порогам от Енисейского острогу до Ленского волоку» — первых якутских воевод Петра Головина и Матвея Глебова от 1640—1641 г.³⁰⁴ По данным этого документа тунгусские племена занимали весь бассейн Верхней Тунгуски, начиная от устья до впадения Илима, весь Илим до его вершины, верховья Лены со всеми мелкими речками, впадающими в неё почти вплоть до со-

³⁰⁴ См. дополн. к Истор. Акт. Т. II, № 88, стр. 243—248.

временного Верхоленска и даже выше по Куленге. Бурятские кочевья начинались лишь с Качуга, с устья «Онги реки» (Анги). Даже в верховьях Илги совместно с бурятами кочевали и тунгусы. Верховья самой Лены около Байкала тоже были заняты тунгусами — «камчагирами». Река Киренга целиком была во владении тунгусов же. По «Ламе и Байкалу» жили тунгусы «кумкагиры и чилкагиры», и по ту сторону Ламы (т. е. Байкала) жили «оленные тунгусы».

Здесь мы имеем дело лишь с юго-западной границей распространения тунгусской территории. По существу же вся восточная половина Сибири по Енисей, по тундре до р. Хатанги, за исключением северо-восточного угла, занятого палеоазиатами и камчадалами, должна быть показана как исконная тунгусская территория. Часто повторяемое в литературе мнение о распространении всех тунгусских племен по Сибири из пределов Северной Манчжурии в исторические времена нужно признать скороспелой научной гипотезой. Что из пределов Амура и Манчжурии шло переселение в Сибирь тунгусских племен — факт бесспорный, но, если исключить тунгусов-оленоводо-вод из числа коренных обитателей таежной Сибири, то последнюю пришлось бы представлять нам совершенно пустою в недавнюю дотунгусскую эпоху, ибо нет никаких данных о том, чтобы северные палеоазиаты когда-то заходили далеко на юг. Гораздо проще допустить, что юго-восточная ветвь тунгусов со времен незапамятной древности вторгалась в Манчжурию со стороны Амура и, смешавшись с туземными племенами, образовала новые разновидности тунгусской народности. Разбираясь в событиях исторических времен, освещаемых данными китайской и даже русской письменности, нет надобности воображать себе те отдаленные века и тысячелетия, когда тунгус был тунгусом и когда по таежным дебрям и хребтам Сибири бегали не олени и лоси, а первобытные быки и мамонты. Подобная манера писания научных трудов напоминала бы зачин бурятских улигеров (былин):

«Давным-давно в глубокую старину,
Когда земля становилась землей,
Когда вода становилась водой...
Когда первая мать оленей
Козленком начала пастись...»

Мы имеем полное основание утверждать, что предки якутов и бурят попали в Восточную Сибирь, когда она в полном смысле этого слова стала «Сибирь» с её современными физико-географическими и климатическими особенностями, флорой и фауной и её коренными туземными обитателями. Следовательно, когда предки якутов впервые явились в Прибайкалье и заняли здесь открытые степные места, тунгусские племена точно также должны были быть господами таежных просторов и хребтов Восточной Сибири. Даже память якутских олонгхосут'ов (слагатели богатырских былин), описывающих травянистые степи, облюбованные их богатырями, не в состоянии воскресить ту отдаленную эпоху, когда окружающие леса и горы не были бы заняты тунгусами. В зачине якутских былин вслед за описанием бесчисленных голов рогатого и конного скота, составляющих богатство богатыря, неизменно вставляются трафаретные стихи для конкретной иллюстрации их обилия:

Когда по речке Оленеку
Разношерстные бегунцы
Забредали до верховьев, Этой
речки тунгусы Их
расстреливали до единого,
Не считал скота и не ведал
Сколько убыло...

Когда эти бегунцы
По речке по Халану
Ходили стадами, И
той речки тунгусы
Без остатка поедали,
Не мог он узнать —
Каких недоставало...³⁰⁵

Следы близкого соприкосновения тунгусов верхней Лены с якутами, несмотря на истекшее почти тысячелетие, до сих пор можно обнаружить в их языке. Так Е. И. Титов, составитель тунгусско-русского словаря, у тунгусов, бродящих по р. Тутуре (впадает в Лену около с. Жигалова), зарегистри-

³⁰⁵ Из былины «Саха Саарын Тойон», записанной нами со слов рапсода Намского улуса Петра Колесова летом 1921 г.

стрировал слова «тангара» со значением бог, «адарай» — доски продольные в санях, «талки-толки» — мялка имеет форму корыта с зазубринами по бортам³⁰⁶. (Последнее слово, по-видимому, у тунгусов по р. Киренге). Приведенные слова типичные для якутского диалекта и не могли быть заимствованы из других языков. И слово «сырга» — оленьи сани — звучат совсем по-якутски, а не по-бурятски («шарга-чарга»). Как дальше увидим, в языке северных якутов сохранилось гораздо больше специфических тунгусских терминов, совпадающих с наречием прибайкальских тунгусов. В якутскую эпоху истории Прибайкалья тунгусов здесь, наверное, было значительно гуще, нежели позже при бурятах.

Глава II

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

1. ГОВОР ЯКУТОВ ОЛЕНЕВОДОВ

Первоначальное не якутское происхождение основного ядра якутов-оленьеводов сильнее всего чувствуется в особенностях их говора, сохранившего довольно отчетливые пережитки какого-то тунгусского наречия, а также и явные примеси бесспорных монгольских слов, хотя и не столь многочисленных.

Некоторые особенности этого говора свидетельствуют о ближайшем родстве их носителей с якутским населением северо-восточного Вилюя. Это сказалось, например, в окании: Хотун, солуур, холбуйа и т. д., а не хатын, салыыр, халбыйа. Верхоянские якуты-скотоводы и весь север Якутского округа (Намцы, Дюпсюно-Борогонцы и Баягантайцы) определенно акают, тогда как население южной половины Якутского округа и всего Вилюя окают. Значит, оленеводческую культуру севера Якутского края, поскольку она отличается от местной тунгусской, принесли окающие якуты

³⁰⁶ См. Е. Инн. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926 г., стр. 3, 118, 137.

через бассейн Вилюя задолго раньше нашествия акающих якутов-скотоводов, наступавших на север со стороны Якутского округа.

В фонетике северных якутов интенсивное скрещение с тунгусами сказалось в палатализации (смягчении) коренных гласных в некоторых словах. Например, многие говорят «эгэллим» вместо «агаллым», «юстюн» вместо «устун», «кёрдюк» вм. «курдук» и проч. Нередко замечается смешение заднеязычных согласных. Вместо «х» вставляют «к» вместо «к» — «г», например: «миэкэ» вместо «миэхэ», «гэлии» вм. «кэлии», «гэриэс» вм. «кэриэс», «гилэнг» вм. «килэнг» «гильбиэннэрдээх иэдэсинг», «кэрэк бэйэлэнэн» и т. Д. Эти явления типичны для объякученных тунгусов и в южных округах.

В якутизации христианских имен у северных якутов наблюдается своя особая традиция, отличная от способов восприятия этих имен южными якутами. Например, имена Евдокия, Мария, Дарья, Прокопий, Василий у них приняли такие формы: Джэбдэк, Маарый, Даарый, Прокуус, Бачыык и проч.

Из морфологических явлений нужно отметить явное злоупотребление тунгусскими уменьшительными аффиксами «каан», «кээн», «чаан», «чээн». Северный якут постоянно прибегает к уменьшительным формам без всякой надобности: бысахчаан, сюгэчээн, табакаан, кисикээн, ыккаан, учугаччаан (близко), сайыннгыкаан (лето), «кыылкааны бултанабыт» и т. д. Эта тенденция особенно заметна при употреблении слов с притяжательными местоименными аффиксами. По-видимому, у них считается делом хорошего тона и благоприличия все то, что принадлежит человеку называть уменьшительными именами. Сильное пристрастие к уменьшительным именам констатируется у многих тунгусских племен.

Вместе с тем мы устанавливаем вероятное происхождение общеякутских уменьшительных аффиксов «каан» и «чаан», совершенно отличных от общетурецких. Во всех турецких наречиях, за исключением черных татар и якутов, уменьшительные аффиксы являются разновидностями «чаак-чэк» (шак-шэк, жак-жэк, джак-джэк, джик, цак-цык и т. д.). У черных татар и татар с р. Лебеди — «нак-нэк, нок-нёк»³⁰⁷ а у якутов — «каан-чаан»³⁰⁷. Турецкая уменьшительная форма на «чах» сохранилась лишь в

³⁰⁷ См. Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. § 40.

немногих аморфных словообразованиях, как, например, кулунчаак, солу-урчах, туутчах.

Ввиду наличия у тунгусов аффиксов «каан» и «чаан», а также их привычки часто прибегать к уменьшительным формам, можно усомниться в непосредственном монгольском происхождении якутского аффикса «кан». У илимпейских тунгусов «оронкоон» — уменьшительное от «орон» — олень, «пууртакаан» — ножичек, «кунгакаан» — ребенок, «джасыкчаан» — ящик³⁰⁸.

У северных якутов констатируются и неожиданные для южных говоров формы образования долгих гласных, например: «маа» из «маагы» — «маа сиригэр сююрэн киирдэ», «суо» из «сойуо» (суо ыйа — месяц гонки зверей по насту, название месяца), «тойуу» из «тогойум» — дитярько мое, «догоо» из «догоор».

В северном говоре бытует одна форма образования отыменных глаголов, совершенно неизвестная всем прочим якутам, за исключением левобережного населения северо-восточного Вилюя. Они от многих имен существительных образуют глаголы при помощи аффикса, который в якутском наречии указывает действие — обзаводиться чем-либо, приобретать что-либо, и употребляют с особым оригинальным значением. Например: от «кыыл» — дикий олень, при помощи аффикса «ла» образуется глагол «кыыл-ла-нар» со значением — ходить на диких оленей, охотиться на них. Точно также от «кюёл» — озеро — «кюёллэнэр» — рыбачить, от «мас» — дерево, дрова — «мастанар» — ездить за дровами, от «ыал» — сосед — «ыалланар» — ходить, ездить по гостям. Аналогично «глагольное» образование «ыттыыр» — гоняться за зверем с собакой.

Приведенное неправильное употребление якутских словообразовательных аффиксов приходится рассматривать как верные признаки «варваризма». То же явление сказывается в постоянном употреблении глагольной формы «ой-умсуй-ойумсут» вместо «ойуннаа-ойуннат». Совершенно оригинальное словообразование, неизвестное южным якутам, мы находим в глаголе «мэнгиэрт» — наживлять, от «мэнгиэ» — нажива. Здесь мы сталкиваемся с лингвистическим явлением другого порядка, которое нужно характеризовать как проявление «архаизма» в язы-

³⁰⁸ Наши записи, а также у Е. И. Титова. Тунгусско-русский словарь. О монгольском уменьшительном аффиксе «кан-хан» см. А. Д. Руднев. Материалы по говорам Восточной Монголии. Спб., 1911 г., стр. 201.

ке, т. е. сохранения отживших форм и слов. Глагол «мэнгиэрт» образован совершенно правильно, наподобие «хоруо-хоруорт», но южными якутами забыт. Таких архаичных слов в говоре северных якутов, по-видимому, сохранилось значительное количество. Приведем немногие примеры, зарегистрированные нами при беглом знакомстве с северным говором. Слово «ёс» употребляется со значением — обычай, правило, закон. Часто про общепринятое правило поведения говорят — «бу дойду джонун ёсё» привычка, обычай людей этой страны. У южных якутов мы находим лишь слабый намек на подобное значение слова «ёс» в понятии «ёс хосооно» — поговорка, крылатое речение дословно — складное выражение обычая. Глагол «юттэр» у северян значит — разжигать костер («уоту юттэр»), а у южан «юттэр» значит — скучить, уплотнить дрова в костре, чтобы он не потух. Существительное имя «джиэл» со значением «дверная крышка» у северян живое и употребительное слово, а у южан оно сохраняется лишь в былинном языке и в тавтологическом новообразовании «джиэл аана» (по существу, отверстие двери). Живой глагол «киристээ» — приложить стрелу на тетиву от «кирис» — тетива, несомненно, был известен когда-то и южанам. К тем же архаизмам нужно причислить целый ряд слов, исчезнувших или устаревающих у южан, но живых и обиходных в северном говоре: «сурт» — место, где останавливались с чумом, «тюсюю» — место остановки многих кочевников, «муннях» — группа чумов в одном месте, «оттук» — пастбище оленей, «курум» — свадьба (у южан вытесняется словом «уруу»), «куолбас» — гроб, «хараама» — олень темной масти, «туруу» — передышка, остановка при езде на оленях, «уктас» — чулки («кээнчэ» у южан), «дюрюктэ» — стружки для разжигания костра, «кэрикэ» — плоскогорье, «хосуун» — витязь, воин и т. д. Весьма любопытны и своеобразные глаголы в северном говоре: «мёккюйэр» — сворачивать, убегать (об оленях, домашних или диких), «эриттэрэр» — гоняться за диким оленем на домашнем, запряженном в нарты, «абалаа» — ругать, «кэб» — наткаться на что-либо.

Слово «нокоо» у южан служит формой обращения к парню — «эй, парень», а у северян употребляется и при обращении к девушке. (У южан — «хотуй»). Точно также и «балыс-балта» у южан — младшая сестра, а у северян и младший брат, что у первых передается словом «ини».

Если варваризмы свидетельствуют о чуждых этнических примесях к якутам, то архаизмы в языке нужно рассматривать, как доказательства давнего разобщения северных якутов от южных.

Мы останавливаемся на важнейших особенностях говора северных якутов, которые легко бросались в глаза при поверхностном ознакомлении с ним даже человеку, совсем не просвещенному в лингвистических премудростях. При более внимательном и длительном наблюдении, вероятно, можно отыскать и много других отклонений от южных говоров в области грамматических явлений, особенно в процессе словообразований и фонетики. Наши столкновения с северными якутами были кратковременны и касались района, сильно задетого позднейшим наплывом южных якутов (с. Булун и местечко Кюсююр). Кроме того, мы не имели возможности сузить наши исследовательские задачи до специальных вопросов лингвистики. На языковые явления мы обращали внимание лишь постольку, поскольку они дают возможность ориентироваться в этническом происхождении северных якутов, а также определить давность их обособления от остальной массы якутов. Подробное изучение северного якутского говора с точки зрения его отношения к якутскому диалекту и к другим языкам (тунгусским и монгольским) может быть выполнено лишь лингвистом по специальности. Ввиду этого свой попутный интерес к языку северных якутов мы ограничились лишь простой регистрацией небольшого количества слов, которые были для нас непонятны и свидетельствовали о чуждых примесях к якутскому племени или воскрешали более ранние стадии в развитии его языка.

Историка якутского племени не может не интересовать, например, неожиданное обнаружение в языке северных якутов явно монгольских слов, которые абсолютно неизвестны южным якутам-скотоводам. Например, в Усть-Янском улусе оказывается слово «малахай» со значением шапка. У бурят и халха-монголов «малагай» и «малгай» — шапка³⁰⁹. Далее, среди обитателей р. Оленека бытует слово «алха» со значением молот. У монголов и бурят «алха» и «алхо» — молот³¹⁰. Во многих пунктах пространства оленных якутов слово «чопчу» употребляется с довольно

³⁰⁹ См. И. А. Подгорбунский. Русско-монг.-бурят. слов., стр. 331.

³¹⁰ Впрочем, это слово можно рассматривать и как пережиток из какого-то тунгусского диалекта, ибо у илимпейских тунгусов слово «молот» — «салка» одного корня с монгольским «алха». Однако, в данном случае, по всей вероятности, сказалось комбинированное влияние монгольских и тунгусских наречий.

устойчивым значением «пуговица». Хотя «топчы» со значением пуговица известно в некоторых турецких наречиях (телеут., шорс., лебед, и каракирг.), в данном случае оно могло быть занесено лишь из монгольских наречий. В монгольских и бурятских наречиях «топчи» и «тобши» — пуговица (там же, 253 стр.). В Усть-Янском улусе якутское «хамса» — трубка, произносится «хангса», т. е. так же, как у балаганских бурят «ганза» — медная трубка китайской работы. В бассейне р. Оленека зайца называют «кутунах», что тоже неизвестно южным якутам. У селенгинских бурят — заяц — «охотоно». (Под-горб., 100 стр. Хотя «ходан» — заяц по-уряньхайски, а также «хойан, хойон» — и в целом ряде других турецких диалектов) .

Если северных якутов признаем лишь объякученными местными тунгусами, то откуда они могли бы получить эти монгольские слова, совершенно неизвестные южным якутам-скотоводам? Правда, слово «чопчу» известно и последним, но в другом значении: медные привески к кожаной и деревянной посуде или к одежде. Очевидно, северные якуты пришли откуда-то с юга, где они очень близко, гораздо ближе, чем южные якуты, соприкасались с монголами.

Лингвисты признали в якутском языке огромное количество слов, якобы позаимствованных из монгольских наречий, но указанные выше лишние монголизмы в языке северных якутов, скорее намекают на то, что происхождение якуто-монгольских языковых параллелей нужно искать не в монгольских позаимствованиях якутского языка, а, наоборот, в заносе древнетурецких элементов в монгольский. Что же касается путей проникновения в язык якутов-оленоводов монгольских элементов, то на них мы остановимся в заключительной главе по истории северных якутов.

В лексическом составе языка северных якутов, наряду с монгольскими словами, мы обнаруживаем значительное количество бесспорных переживаний из тунгусских наречий. Таковы все названия оленей по возрастам, по полу, по масти, частей оленьей туши, оленьей сбруи и вообще разная хозяйственная терминология, относящаяся как к домашним, так и к диким оленям, названия разных принадлежностей охотничьего промысла, вооружения охотника и воина, их одежда всякого рода предметов в хозяйственном быту оленеводов, названия разных родов пищи, некоторые слова, выражающие религиозные понятия, обычаи и прочее. (Об них см. в приложении «Словарь особенных слов в говоре якутов-оленоводов»). В

словаре приводятся все установленные нами параллели с тунгусскими наречиями. Этими языковыми пережитками устанавливается, что якуты вливались в тунгусскую массу, которая жила когда-то в ближайшем соседстве с монгольскими племенами.

Якутский язык признается совершенно однородным, слагающимся из нескольких местных говоров, слегка различающихся друг от друга. Мы не можем, конечно, настаивать на том, чтобы говор северных якутов рассматривался как самостоятельное поднаречие якутского языка. Но тем не менее мы позволяем себе думать, что говор оленных якутов расходится от говоров якутов-скотовсдов гораздо сильнее, чем последние между собой. Поэтому было бы целесообразно якутское наречие прежде всего разделять на говоры южные (скотоводов) и северные (оленоводов). Вместе с тем нельзя не пожелать, чтобы на говоры якутов-оленоводов обратили должное внимание специалисты-языковеды, ибо наши наблюдения и замечания в этой, чуждой для нас, области являются не более как суждениями простого обывателя.

На этом мы закончим наши краткие замечания о языке северных якутов. При определении этнического происхождения того или другого народа, язык не есть единственное доказательство. Его показания необходимо проверить и согласовать с другими данными, прежде чем придти к окончательным историческим выводам о происхождении якутов- оленоводов.

2. ОБЫЧАИ И ПРАВЫ СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ

Мы остановимся здесь лишь на тех обычаях якутов- оленоводов, которые значительно расходятся с тем, что можно наблюдать у южных, и могли бы свидетельствовать об особых путях их исторического прошлого или о давности отрыва их от главной якутской массы.

Хотя северные якуты усвоили общеп якутские названия месяцев, но некоторые из последних обозначаются у них по-другому. Например, летние месяцы они обозначают — «кумаар ыйа», «ыргахта ыйа» — месяц комара и овода. У илимпейских тунгусов, по нашим расспросным данным, летние месяцы имеют аналогичные названия — «нганма нии» — комариный, от «нганмакта» — комар, «һунмини» — _ месяц овода, от «һунмик-

та»— овод. На побережье Ледовитого океана один летний месяц называется «сара ыйа», т. е. месяц охоты на ленных гусей и уток. Один весенний месяц называется «суо ыйа» — месяц охоты на зверей по насту. Осенние месяцы тоже имеют параллельные местные названия, неизвестные остальным якутам: «кёппёх ыйа», очевидно, листопад, «кюёл тонгор ыйа» — месяц замерзания озер.

В этих названиях обнаруживается более древняя основа счисления времен года, свидетельствующая о давности занятий охотой, рыболовством и оленеводством. Северные якуты, вероятно, очень долго прожили в озерной области нижнего Вилюя, занимаясь рыболовством. Отсюда фиксация времени замерзания озер. Якуты-скотоводы летние месяцы называют по сезонным работам: «от ыйа» — время кошения травы, «атырдых ыйа» — время уборки сена (дословно, «вилы»), а оленеводы эту пору определяют по комарам и оводу, которые очень досаждают оленным стадам. Появление специального месяца гонки за зверем по насту точно также говорит о развитом охотничьем промысле.

Между прочим, у северных якутов более отчетливее, чем у южных, сохранилось почитание новолуния. Многие хозяйственные действия и важные события в их частной жизни, например, сговор невесты и свадьба, приурочиваются к новолунию. У южных якутов только в былинах и песнях упоминается «ый сангата, кюн ютюётэ» — новолуние, наилучший день...

В хозяйственном быту оленных якутов бросается в глаза одно их обыкновение, неукоснительно соблюдаемое повсеместно. Это так называемый «нъымаат» или «тюнгэсэ». Обычай заключается в том, что каждый охотник, упромысливший съедобного зверя, обязан уделить львиную долю из своей добычи одному из соседей или даже случайному посетителю. Охотник, убивший одного дикого оленя, отдает в «нъымаат» лучшую заднюю половину туши («дарама» — хребтовая часть) и шкуру, иногда к этому присоединяется грудина, сердце, печень, кишечный жир. «Нъымаат» обычно дается одному человеку и не делится между всеми соседями. Остальные должны получить аналогичные дары по очереди при следующих добычах. В некоторых случаях практикуется, т. н., «юлбюччю нъымаат» (полный н.), когда у самого охотника остается только голова оленя и сердце. «Нъымаат» совершенно не вызывает равносильного отдарка, тем более, что субъектами этого права обычно оказываются дряхлые старцы,

увечные вдовы, сироты или случайные гости. Обычай промыслового дара соблюдается и при рыболовстве, хотя, по-видимому, в этом случае нет установленной нормы. Одаривают лиц, не имеющих своих сетей. При добыче ценной пушнины, например, песцовых шкурок, обычно их не дарят, но тем не менее в виде исключения, случайных и уважаемых гостей тоже одаривают.

Описанный обычай должен был возникнуть среди искони охотничьего народа, являясь одной из форм социального страхования и пережитком более ранней коммунистической организации родового общества. Как известно, этот обычай широко распространен среди всех тунгусских племен. Да и самое слово «нъымаат» констатируется чуть ли не во всех тунгусских наречиях. Наличие якутского синонима «тюнгэсэ», выражающего то же самое понятие (от «тюнгэтэр» — делить), доказывает, что якутский элемент стал вливаться в тунгусскую среду с очень давних пор.

Интересно отметить, что аналогичный обычай дележа из охотничьей съедобной добычи практикуется у обитателей Урянхайского края (ныне Танну-Тувинский край).

Е. К. Яковлев пишет по этому поводу:

«По Кемчику сойот, встретив кого-либо едущего с добычей (не пушниной) при слове «уджа», «южа», берет заднюю ногу с частью позвоночника и шкуру, второй и третий встречные отрезают себе также лучшие куски мяса, так что убитшему зачастую ничего не остается»³¹¹.

О сойотах Точжинского хошуна, занимающихся охотой и оленеводством, М. Райков пишет:

«Только кожа животного поступает в полную собственность того, кто убил зверя, мясо животного делится между всеми остальными»³¹².

На побережье Ледовитого океана существует общественная охота на ленных гусей и диких оленей в местах переправы их через Оленек, ленские протоки и Хатангу. Добыча делится поровну между всеми взрослыми от 18 до 20 лет как говорят, «ёлбюгэннэн» (по податным единицам). Так ли было в дорусскую эпоху, решить трудно. Весьма возможно, что в этом обычае сказалось влияние русских промышленников и их артельного начала. На островах дельты Лены делят между всеми домохозяевами и

³¹¹ Этногр. обзор инородч. населения долины Южн. Енисея. Минусинск, 1900 г., стр. 67, также Г. Е. Грум-Гржимайло. Западн. Монголия и Урянхайский край. Т. III, стр. 63.

³¹² Райков. Отчет о поездке к верховьям р. Енисея в 1897 г. Изв. Русс. геогр. об-ва. Т. XXXIV, вып. IV.

ценные лесины, прибиваемые к берегу рекой. Побережье, наносный лес которого подлежит дележу, называется «потаак сирэ». Существует даже специальный смотритель за этим общественным лесом — «потаак тойоно». Общественная охота на диких оленей носит название «тиикээн», а на ленных гусей сетями — «окуол».

Среди оленных якутов распространено гадание о промысле или грядущей судьбе вообще по лопаточной кости дикого оленя. Гадание обозначается специальным термином «долуур» или «доруу». На лопатку (левой ноги) кладут горячие угли и раздувают, потом обливают её холодной водой, отчего кость дает разные трещины. По характеру и взаимному расположению трещин судят о том, что предстоит. Между прочим, одна большая трещина носит название «Сингкэн суола» (дорожка Сингкэна). Под Сингкэн'ем обычно разумеют дикого оленя или духа, дарующего этот род охотничьей добычи. Эта трещина предвещает удачную охоту. У кондагирских тунгусов в верховьях р. Ниж. Тунгуски «Сингкэн» — название духа леса, дающего охотничью добычу вообще. Гадание по лопатке оленя является тунгусским обыкновением, но констатировано и у карагассов, говорящих по-тюркски³¹³. У монголов, бурят и у турецких племен Алтае-Саянского нагорья весьма распространен обычай гадать по лопатке барана. Якутам-скотоводам гадание по лопатке зверя или домашнего скота чуждо или оставлено очень давно.

У оленных якутов существует ещё довольно сложный способ гадания по костяшкам налива, т. н., «биилкэ» (описание приема гадания см. прилож. «Словарь особенных слов в говоре якутов-оленеводов» — слово «биилкэ-миилкэ»). Это название, несомненно, есть видоизменение якутского слова «билгэ» — предугадывание будущности, судьбы, провидение. Как это слово, так и самый способ гадания усвоены и илимпейскими тунгусами. Любопытно то, что при гадании из костей на лима складывают фигуру человека. Сойоты налива не едят и приписывают ему человеческое происхождение³¹⁴. Человеческое происхождение налива разделяют и буряты.

Гадание по костям налива также чуждо якутам-скотоводам.

Игры у северных якутов мало отличаются от общек якутских: ыстанга, кылыы, куобахтыы, мас тардысыы, харах симсии и т. д. До недавнего вре-

³¹³ Н.Ф. Катанов. Поездка к карагассам. Зап. Русс. геогр. общ. по отд. этногр. 1891 г., т. XVII, вып. II, стр. 148.

³¹⁴ Яковлев. Там же, стр. 95—96.

мени у них практиковалось состязание в стрельбе из луков — «дал ыты-саа». У южных якутов о таких состязаниях рассказывается только в прениях.

Круговые танцы оленных якутов носят типично тунгусский характер, что особенно обнаруживается в их плясовых возгласах. Так якуты Жиганского улуса выкрикивали: сэрийэ, нуурай, наандыр; долгане — сэрийэ, сарыйа, начуо, нэчуо; анабарские якуты — нэйра, нэйро...

На одежде мы не будем долго останавливаться, ибо для читателей нашего исторического анализа она менее всего показательна. На севере у всех народов, не исключая пришлых якутов и русских, как будто господствует одинаковый покрой зимней одежды. Однако, у местных якутов вне всякого сомнения, господствуют тунгусские формы и названия. Старинные женские наряды не сохранились, а привозные — работы якутских кустарей. На север обычно попадали старинные, вышедшие из моды, наряды якуток.

Необходимо отметить, что якуты, живущие в районе Анабара и Хатанги, а также и долгане-мужчины ещё на памяти стариков носили косы и серьги.

В свадебных обрядах и обычаях северных якутов, по-видимому, повторяются общезакутские типы и порядки, но есть и некоторые отступления. При сговоре невесты её родителям полагается преподнести особый подарок ценной пушниной, т. н., «тумустаах» — шкурку песца, лисы или волка. Жених и его отец при сговоре присутствовать не могут, переговоры ведет особый сват. Если родители невесты согласны выдать дочь, они принимают от свата подарок. По обычаю, сват обязан сделать пред родителями невесты земные поклоны. Как обручение, так и самая свадьба устраиваются при новолунии. Некоторые говорят, что зять до уплаты установленного калыма, не может входить в дом тестя.

Позже при входе он также делает перед тестем и тещей троекратные земные поклоны и целует у них руки.

В этом отношении к северным якутам довольно близки карагасы. Якутовед В. Н. Васильев, посетивший карагас, пишет: «Сватовство напоминает долгано-якутское, встреченное мною в низовьях р. Хатанги на севере Туруханского края. Обыкновенно карагас, решив женить сына, посылает с каким-нибудь другим лицом к отцу намеченной невесты в подарок пла-

ток... Прием подарка должен означать, что отец девушки не прочь породниться с данным лицом»³¹⁵.

О поклонах зятя тестю пишет проф. Каганов: «Зять, приехавши, прежде всего наливает вина в чайную чашу и подает его своему тестю; подавая, зять становится на колени и, сложа руки топором (ладони к ладони), кланяется»³¹⁶.

Обычай преподносить пушнину при сговоре невесты констатирован нами и у тунгусов кондагирского рода в верховьях Ниж. Тунгуски.

Плата за невесту (сулуу), разные подарки (бэлэх), доставка провизии (курум), состав приданого и проч., мало разнятся от собственно якутских обычаев, за исключением, конечно, того, что у северян фигурирует оленный скот. Число оленей, входящих в состав калыма и в приданое, по праву, должно быть нечетным (кэлтэгэй).

Большое своеобразие и отклонения от общ якутских обычаев замечается в положении невестки. Так, например, повсюду у северных якутов молодая замужняя женщина не имеет права входа в жилище всех старших родственников мужа без предварительной жертвы их домашнему очагу. Она должна заколоть оленя и из его крови налить на очаг того родственника, в дом которого она желает получить вход. До этого жертвоприношения в случае надобности иметь какое-либо общение с теми родственниками, она должна лежать снаружи дома и разговаривать через порог. (Рассуждая логически, обязанность невестки приносить жертву очагу прежде всего должна выполняться в отношении родителей своего мужа. К сожалению, этот вопрос в моих материалах случайно остался неосвещенным).

Затем молодая женщина до истечения трех лет со дня переезда к мужу не имеет права ездить к своим родителям. Обычай жертвоприношения крови невесткой домашнему очагу не наблюдается у тунгусских племен по Ниж. Тунгуске, нет его и у илимпейских. У якутов-скотоводов мы находим очень слабый след жертвоприношения невестой огню по прибытии в дом мужа. Она при входе в юрту бросает в огонь лучину и кусочек жиру. В алгысах (молитвы-благопожелания) всегда говорится, что молодая приезжает в дом мужа «аал уоту отто» — разжечь священный огонь. В

³¹⁵ «Краткий очерк быта карагасов». Этногр. обозр. кн. LXXXVI — LXXXV, стр. 62.

³¹⁶ «Поездка к карагасам». Там же, стр. 146.

момент входа невесты в некоторых местах импровизируется разжигание огня высеканием кремня. Запрет молодой женщине не совершать поездки к своим родителям до истечения 3-х лет, весьма возможно, имел место и у древних якутов. Сговорный подарок («сынгаах хонгнорор кэсии») тоже существовал, но не обязательно пушниной. «О трижды девять поклонах» в якутской свадьбе сообщает А. Кулаковский, но только в отношении невестки к свекру³¹⁷.

У северных якутов более строго соблюдаются и разные запреты для невестки в отношении старших родственников мужа, т. н., киниитти: не показывать им непокрытые волосы, голые ноги, не проходить между ними и очагом, не произносить их имена и проч. Аналогичные запреты существуют у них и во взаимоотношениях зятя и тещи. Последняя не должна показывать зятю свои непокрытые волосы. Зять не должен садиться на нару тещи, пить из её чашки, не может выйти на двор, когда там находится теща. И здесь мы видим доказательство глубокой давности отрыва северных якутов от южных. У последних сохранилась только поговорка, из которой видно, что древние якутские зятья, как огня, боялись встречи со своей тещей и, если одолевала сильная жажда, то они предпочитали под прикрытием годовалого теленка темной масти сходить на четвереньках на водопой, чем войти в дом, где сидела теща.

Архаическое мировоззрение оленных якутов лучше всего характеризуется их взглядами на женщину, как на нечистое существо, из чего вытекает целый ряд житейских правил, оберегов от женщины. Традиционный северный якут не позволит себе одеть какую-либо часть женской одежды. Помимо невозможности в женской одежде идти на промысел, они этот оберег обычно объясняют тем, что у мужчины будут болеть кости. Даже больше того, женщина не имеет права вешать свою одежду поверх одежды мужчины, чтобы не осквернить её. Если случится это несчастье, то потерпевший мужчина не может идти на промысел, не совершив особый обряд очищения оскверненной одежды огнем и дымом можжевельника или богородской травы. Обряд носит название — «алаастыр». На горящие угли кладут кусочки упомянутых растений и встряхивают над дымом очищаемую одежду, произнося — «алаас, алаас». Из тех же воззрений вытекает необходимость очищения всякой одежды, сшитой женщиной

³¹⁷ См. Н. Толоконский. Якутские пословицы, загадки и проч. Иркутск, 1914 г., стр. 59.

для носки. Не дай боже, женщине перешагнуть через орудия промысла — сети, ружья, луки, копья и пальмы, орудия становятся уже негодными к употреблению. Опять нужно очищать их священным огнем. Потому же самому, порядочный мужчина-промысленник при спанье должен ложиться у стены, чтобы его жена легла спереди. В противном случае женщине пришлось бы перешагивать через мужа. Если женщина ложится сзади мужа, то она должна подниматься, обойдя его мимо ног.

Запрещают женщине подниматься на юрту, чтобы не осквернить всех её обитателей, очутившихся под её ногами. Одна якутка Жиганского улуса по этому поводу выразилась: «Даже в случае пожара нельзя женщине лезть на юрту».

Все эти обереги от женщины в особенности должны соблюдать мужчины, занимающиеся промыслом. Рыбы, звери и птицы обладают как бы чутким барометром и не идут на снаряд того промысленника, который осквернился от женщины. Поэтому рыбаки и охотники пред уходом на промысел, по правилам, должны произвести обряд очищения себя. Над дымом вереска или богородской травы они окуривают ноги, произнося «алаас, алаас, тюр, тюр».

При беременности женщины обереги усиливаются. Беременная не может проходить мимо настороженной ловушки на зверя. Когда случаются роды, то мужчинам из того дома вовсе запрещается ходить на промысел. По истечении родов они должны дождаться новолуния и произвести над собой обряд очищения. В Жиганском улусе мне рассказывали про один интересный казус. Некий старик, по имени Тынгкыча, принес жалобу улусной власти на своего соседа, который, выйдя из дома, где была роженица, прошел мимо его песцовых пастей.

Подобные воззрения на женщин, по-видимому, совершен но чужды тунгусским племенам, живущим вне якутского влияния. На Ниж. Тунгуске мне рассказывали про удалых тунгусок, которые наравне с мужчинами ходили на беличий промысел и добывали не меньше их.

Среди якутов-скотоводов в районах с развитым промыслом, охотой и рыболовством, спорадически можно наблюдать обряды очищения огнем орудий промысла, отчасти и обереги при беременности женщины и родах. Некоторые из описанных оберегов от женщины более устойчивее сохранились в Удьюгейском и Мастахском улусах Вилюйского округа. В

преданиях южных якутов тоже сохранились следы аналогичных воззрений на женщину. Например, о ботурусском герое Агайы сообщается:

«Одна из жен, лежа с ним вместе, как-то обняла его ногой. Он очень обиделся поступком жены и прогнал её от себя, т. к. она не должна была нечистой ногой осквернять мужа. Другую жену он прогнал только за то, что она свою обувь положила на его обувь, усматривая в этом тоже осквернение и неуважение к себе»³¹⁸.

О нем же рассказывается, что он однажды, убегая от своих врагов, не захотел проходить под постелью, вывешанной для проветривания, и перескочил через неё, «будучи брезгливым человеком». Очевидно, если не все якуты-скотоводы, то какая-то часть их когда-то разделяла воззрения северных якутов на женщину. В былинах богатыри до окончания своих военных подвигов воздерживаются от общения со своими нареченными женами, чтобы не утратить свою силу. Северные якуты при родах женщины вешают в юрте на три дня шкуру зайца или пучок белого конского волоса и называют их Айыысыт'ом. Этот обычай сохранился в тех же Удюгейском и Мастахском улусах Вилюйского округа, констатирован мною в некоторых наслегах Намского улуса и в Верхоянском улусе. У тунгусов Илимпейской тундры тоже имеет место ассоциация богини родов со шкурой зайца и в некоторых местах, например, на Чиринде тоже вешают ее при родах.

Между прочим, весьма любопытна почти повсеместно наблюдаемая привычка оленных якутов называть людей по именам их старших детей — отец и мать такого-то. Это, видно, один из видов табу на произношение имени отца или матери семейства. Обыкновение называть отца семейства по имени старшего сына установлено мною и у кондагирских тунгусов в верховьях Ниж. Тунгуски.

Чтобы закончить наш краткий обзор культурных особенностей и отличий северных якутов, остается нам упомянуть ещё об их своеобразном обряде укладывания ребенка в зыбку. При укладывании новорожденного в зыбку зовут ребенка-подростка, дают ему в руки нож или шило и просят положить этот предмет в зыбку. Ребенок должен положить нож три раза и каждый раз взрослый вопрошает его, так ли нужно класть младенца. После третьего раза укладывают новорожденного в его зыбку. В виде талисмана к колыбели ребенка привязывают деревянную модель ножа к маль-

³¹⁸ Эллэйада. § 189.

чику и ножницы к девочке. Этот обряд, весьма возможно, соблюдавшийся в старину и у южных якутов, интересен потому, что близкий к нему обычай до недавнего времени существовал у бурят (северо-байкальских). Бурятская семья имела особый заветный нож «мадага», почитаемый в качестве покровителя малых детей. Этот мадага привязывали к колыбели, чтобы он отгонял от ребенка злых духов. Обряд укладывания в зыбку — «юлгээдэ урулха» состоял в том, что бабка, держа новорожденного и мадага, спрашивала у него: «Кого положить в зыбку, младенца или кость быка?». Ребенок должен был дать ответ: «Клади младенца». Тогда бабка укладывает младенца³¹⁹.

Обряд очищения разных предметов, употребляемых при религиозных церемониях, над дымом можжевельника является у бурят одним из самых основных требований их шаманского ритуала. Очищаются огнем и буряты-охотники, перед выходом на промысел. Так П. П. Баторов пишет, что буряты-охотники, идущие в тайгу на промысел соболей и белок, должны перед выходом из юрты обкурить себя зажженной арцой (можжев.), окуривают также и винтовку. Кроме того, они кладут винтовку на плечо к задку и стреляют, не оборачиваясь назад. Это очищает их от всех нечистот-скверн, ибо таковые остаются позади и не последуют в тайгу за охотником³²⁰. Г. Н. Потанин сообщает, что и «урянхайцы на охоте устраивают сан, т. е. курение можжевельником на особом треножнике, называемом ургён»³²¹.

Воззрение о нечистоте женщины более отчетливее чем у якутов прослеживается у бурят. Например, у северобайкальских бурят при совершении общественных молений замужние женщины не могут присутствовать³²².

Общественные мольбища минусинских татар и урянхайцев почти в точности воспроизводят тип бурятских молений и в них «присутствуют одни мужчины, даже животные женского пола не могут быть на священной горе»³²³.

³¹⁹ Наши собственные расспросные данные в пределах Эхирит-Булагатского аймака, а также М. М. Нико-лаев.

«Обряды, связанные с рождением ребенка у бурят (эхир-булаг.)». «Бурятиявед». Сборн., вып. V, 1927 г., стр. 46—47.

³²⁰ «Белкование у аларских бурят и народные поверья». Жур. «Бурятияведение», 1925 г., № 1, стр. 10.

³²¹ Очерки Северо-Зап. Монголии. Ч. IV, стр. 92.

³²² П. П. Баторов. «Аларские тайлаганы». Отд. отт. из Изв. Сиб. отд. Русс. геогр. о-ва, 1926 г., стр. 8, прим.

³²³ Яковлев. Op. cit. Стр. 102.

Для уяснения культурно-этнических связей северных якутов в далеком прошлом более важно то, что их воззрения на нечистоту женщины и даже самый обряд очищения огнем почти полностью констатируется у сойот-урянхайцев. По этому поводу у Яковлева мы находим следующие строки:

«Женщина или вернее нижняя часть её считается не чистой, оскверняющей все внизу стоящее. Если женщина перешагнула через посуду, последняя подлежит очищению над огнем. Благодаря тому же, женщина не имеет права влезать на крышу, где она была бы как бы над головой других людей, не имеет права рыбачить и работать по прорытию арыков (оросительных канав), так как она оскверняет воду». (Там же 94 стр.).

Итак, в обычаях и нравах оленных якутов мы констатируем целый ряд особенностей, выделяющих их в особую группу от якутов-скотоводов. Одна часть их культурного своеобразия, несомненно, обязана своим происхождением очень давним тунгусским примесям, а другая часть вероятнее всего унаследована от ранних стадий культурно-хозяйственного развития якутского племени. При этом мы должны подчеркнуть общность целого ряда культурных признаков оленных якутов, тунгусов Илимпейской тундры, кондагирского рода в верховьях Нижней Тунгуски, карагасов и сойот-урянхайцев, отчасти и северобайкальских бурят. Вместе с тем намечается проживание основного ядра северных якутов в районе Предбайкалья и позднейшее передвижение их на север.

Мы не останавливались здесь на вопросе о культурных связях и взаимоотношениях северных якутов с палеоазиатами, хотя и имели бы право на это при рассмотрении некоторых фактических моментов. Например, жертва крови домашнего оленя невесткой очагу у северных якутов имеет некоторую аналогию со свадебными обрядами у чукчей, у которых мазанье кровью оленя имеет символическое значение — установления незримых связей человека с родом, мужа с женой и проч³²⁴. И у северных якутов интересующий нас обычай, по-видимому, можно рассматривать как реликт древнего свадебного обряда. Называние отца и мать семейства по имени их старшего ребенка констатировано у юкагиров. Отделение роженницы от прочих членов семьи в особое жилье для родов (у северных якутов называется «джуккаа-хаан») давно установлено и у финно-угров на се-

³²⁴ См. В. Г. Богораз. Чукчи. Ч. I. Перевод с англ. Лнгр. 1934 г., стр. 130—131, 136 и др.

вере. Но вряд ли имеется основание все эти особенности в нравах и обычаях наших северных якутов увязывать непосредственно с палеоазиатскими влияниями. Мы предпочли бы говорить не о палеоазиатской основе этих широко распространенных по всей Сибири культурных черт и обычаев, а об особой стадии культурно-хозяйственного развития значительной части аборигенных народов Сибири в целом, которую было бы правильнее характеризовать как палеосибирскую, а не палеоазиатскую, ибо действительные границы обнаружения этих признаков и реликтовых явлений в культуре выходят далеко за пределы непосредственного соседского влияния современных палеоазиатов.

3. ШАМАНСТВО СЕВЕРНЫХ ЯКУТОВ

Шаманистические воззрения и обрядовые действия, бытующие у якутов-оленьеводов, будучи поставлены в один ряд с аналогичными явлениями у южных якутов, обнаруживают целый ряд принципиальных отличий и особенностей. Автор этих строк провел одну зиму в уроч. Кюсююр (в низовьях Лены около с. Булуна) со специальной целью изучения северного якутского шаманства. Присутствуя на «священных» мистериях шаманов, мы запротоколировали текстуально все их существенное содержание (записано нами 6—7 мистерий обычного типа), ознакомились также с обрядовой стороной и догматическими представлениями северных якутов.

В этнографической литературе шаманистические воззрения якутов вообще принято делить по особенностям культового действия на «черное» и «белое». Причем надо заметить, что в настоящее время более полно сохранилось лишь «черное» шаманство, а «белое» со времени принятия якутами христианства начало быстро разрушаться и сохранилось в немногочисленных пережитках, но тем не менее все основные моменты «белой» веры якутов-скотоводов как в отношении догматов, так и обрядовой стороны, могут быть легко восстановлены при помощи ретроспективного анализа.

Самая важная особенность шаманизма якутов-оленьеводов заключается в том, что он целиком и полностью отвечает за, так называемый, «черный шаманизм», а о «белой вере» южных якутов северяне не имеют

никакого представления. Это явление обусловлено, конечно, тем обстоятельством, что весь комплекс религиозных понятий, представлений и обрядов, давших этнографам основание говорить о «белой» якутской вере, относится к идеологии хозяйства, покоящегося на эксплуатации конного и рогатого скота с их молочными продуктами. За пределами понимания оленных якутов остается весь древний якутский Олимп: Юрюнг Айыы или Айыы Тойон, его антипод Улуу Тойон, Уордаах Джэсёгёй, известный как покровитель конного скота, Ынахсыт Хотун — богиня, стоящая в таком же отношении к рогатому скоту, Маган Сылгылаах и Хара Сылгылаах — боги, понятия о которых сохранились только в мифах и в эпической поэзии, Джылга Тойон — бог судьбы и зиждитель мира и т. д. Совершенно чужда северянам и развитая демонология южных якутов, заменяемая у них более упрощенными представлениями. Как это ни странно, они почти не имеют представления и о духе богатого леса, Баай Барыылаах, образ которого в чрезвычайно отчетливых формах сохранился в памяти южных якутов. Но зато вся обрядовая сторона мистерии «черных» шаманов сохранилась на севере с поразительной полнотой. Южные якуты в области мистериальных действий обнаруживают лишь слабую тень того, что было в глубокой древности и воспроизводится до сих пор во всех подробностях их северными собратьями.

Шаманское действо на севере делится на два самостоятельных акта: камлание вниз для извлечения похищенной и страдающей души больного и камлание вверх к божеству для вручения ему этой души на сохранение или для очищения и излечения. Между этими двумя актами полагается промежуток в несколько дней. Южные якутские шаманы совсем забросили второй акт и ограничиваются скомканным представлением первого акта, который совершается ими так бледно и кратко, что, наблюдая за их действиями и словами, нельзя получить ясного представления о сущности шаманского лицедейства. Но, с другой стороны, шаманские мистерии северных якутов носят на себе ясные следы южного скотоводческого происхождения. Сущность их мистериальных актов мы не можем характеризовать иначе, как исполнение священной конской пляски. Конской пляской, представляющей из себя подражание дорожной хлыни верхового коня, шаманы добираются до «моря бед», куда нужно нырять уже в образе гадгары. С той же конской пляской они добиваются при втором камлании до

того пункта, откуда нужно возноситься вверх, по-видимому, приняв образ птицы. При пляске шаман в точности воспроизводит все замашки коня — ржет, фыркает, беспрестанно мотает головой, заставляет ловить себя, инсценировав вокруг веревочную изгородь, просит вкладывать себе в рот железный предмет, обычно «кэдэрээн» — скребок, служащий для обработки кожи, называя его «устуган», т. е. удила. Он не может плясать без «повода» (тэсиин) — длинного ремня, пришитого около ворота плаща у затылка и продернутого через обе подмышки. За повод постоянно держит возница — «тэсииннит», который как бы управляет конем-шаманом и временами должен укрощать его буйные порывы. Южное якутское шаманство когда-то, несомненно, носило точно такой же характер, ибо в нем сохранилось значительное количество пережитков аналогичных же культовых действий. В его мистериальных гимнах мы находим трафаретный стих — «арбах бастаах атыыр ойуун» — с растрепанными волосами (головой) жеребец-шаман, сохранились также понятия о вознице — «кутурукусут», о держании — «чор тэсиин» (звонко гремящего повода) и проч.

Мистерия северных якутских шаманов (камлание вниз в преисподний мир) нами подробно описана в журнале «Воинствующий атеизм» (№ 12 за 1931 г., стр. 120—145) с приложением подлинных текстов их молений. Интересующихся сравнительным изучением северного и южного якутского шаманизма мы отсылаем к указанной работе.

В вопросе о древних культурно-исторических взаимоотношениях северного оленеводческого и южного степного скотоводческого быта в области религии необходимо подчеркнуть один принципиальный момент, а именно, строгую ограниченность культурного влияния последних только внешней обрядовой стороной религии, оторванной от её догматических и мифологических основ. Говоря конкретно и применительно к наблюдаемым нами фактам, мы должны придти к следующему выводу: догматы и мифы древней стадии скотоводческой религии сохранились в пережиточной форме у самих южных якутов, тогда как соответствующая ей обрядовая сторона законсервировалась у северных якутов-оленьеводов, совершенно незнакомых с коневодческим хозяйством. Таким образом, миграционная теория буржуазных этнологов в самом существенном моменте терпит полное крушение, оправдываясь лишь частично в формальном моменте.

Зензинов, как известно, у устья р. Индигирки разыскал и описал «древних русских людей», т. н., русскоустыинских мещан, которые до сих пор поют былины и песни, сохраняющие колорит времен Иоанна Грозного и первых Романовых. «Древние люди» Зензинова всего лишь 250 лет тому назад попали на берега Ледовитого океана и, так сказать, окоченели там от страшной стужи благодаря оторванности от своей метрополии со всем комплексом своих тогдашних культурных понятий и представлений. Но, однако, по сравнению с ветхостью и архаизмом шаманистического ритуала северных якутов трехсотлетняя давность культурного обособления русскоустыинцев, по всей вероятности, является мизерной величиной. Культурную отсталость носителей конской мистерияльной пляски, пожалуй, следует измерить тысячелетиями. Культовая сторона северного якутского шаманизма до самого прихода Советской власти скрывала в себе сущность, альфу и омегу шаманистической религии скотоводческих народов не только одной Сибири, но и всей обширной Азии. Мы берем на себя смелость утверждать, что эти фактические материалы будут далеко не бесполезны и для знатоков древнегреческой религии и мифологии, ибо в них содержится нечто родственное дионисиевым мистериям классической Греции.

Только очень ранний отрыв северных якутов от всей остальной якутской массы и долгое проживание их вне непосредственного влияния последней могли бы удовлетворительно объяснить нам сильное расхождение северного и южного якутского шаманства.

В районе с. Булуна и в низовьях р. Оленека нам удалось собрать значительный материал по шаманскому культу туруханских, т. н., затундренных якутов, долган, есейских, оленекских, жиганских и устьянских якутов, а также и верхоянских ламутов. Основы шаманства у всех перечисленных народностей оказались совершенно тождественными, схожими почти во всех мелочах, что не оставляет никакого сомнения в наличии единого и общего для них всех источника, противостоящего как нечто цельное хорошо известному нам шаманству южных якутов-скотоводов. Основное ядро и центр полярного якутского шаманства мы должны показать в районе проживания оленекских якутов. В Жиганском улусе лучшими шаманами признаются оленекские. Таким образом, официальные «тунгусы» в отношении верований оказываются в роли якутов по преимуществу. Поэтому

не может быть никакой речи о том, чтобы обитатели р. Оленека были менее якутами, чем жиганцы и устьянцы. Очевидно, в дорусскую эпоху Оленекский край был центром якутской оленеводческой культуры, откуда расходились во все стороны все полярные якуты.

Чтобы проследить пути распространения своеобразной культуры полярных якутов нам пришлось совершить и весной 1925 г. этнографическую поездку вверх по р. Вилюю от г. Вилюйска до верховьев Чоны и дальше вниз по Нижней Тунгуске с месячной остановкой в с. Ербогачоне в районе проживания тунгусов кондагирского рода (по их собственному произношению «кюндэгир»).

Среди тунгусов бассейна Ниж. Тунгуски бытует более нетронутая и самобытная тунгусская культура, значительно отличающаяся от полярной якутской. Но тем не менее в ней отчетливо чувствуются следы влияния последней. В мистериальных действиях тунгусских шаманов в несколько иной обстановке выступают и конь, и бык, конское ржание и хватание железных предметов, а также и путешествия шамана вниз и вверх, соединенные в одном акте. Вместе с тем можно констатировать, что и полярное якутское шаманство восприняло некоторые тунгусские элементы, например, хоровое подпевание шаману, особенно ярко выраженное у тунгусов кондагирского, панкагирского и чапогирского родов. Мистериальная пляска шаманов по Ниж. Тунгуске в проти воположность якутскому представляет из себя по преимуществу подражание оленю в его дорожной пробежке. Эта же тунгусская подоснова чувствуется и в шаманстве северных якутов, которые «мать-зверя» (иньэ-кыыл) шамана неизменно представляют в образе самца дикого оленя, который рисуется желтой охрой или кровью на поверхности бубна.

Обрядовые действия тунгусских шаманов менее сложны и далеко уступают североякутским, будучи, однако, однотипны с последним. Во всяком случае, трудно сомневаться в том, что культуры северных якутов и тунгусов Нижней Тунгуски когда-то находились в близком соприкосновении.

Изучение всех особенностей северного якутского шаманизма любопытно и интересно ещё в том отношении, что им подтверждается правильность историко-материалистического понимания нередко наблюдающихся в истории явлений культурных миграций. Историко-

социологическое учение марксизма никогда не отрицало бесспорно устанавливаемые факты миграционных течений или культурных влияний, но оно решительно не приемлет и отвергает беспринципную и всеобщую миграцию, которая обычно служит прикрытием разнообразных идеалистических учений. Теория беспорядочных миграционных течений несовместима с диалектико-материалистическим учением Маркса — Энгельса, поскольку в последнем указывается определенный и закономерный путь культурно-исторического развития человечества. Но, однако, те культурные влияния и миграционные течения, активный полюс которых констатируется в странах с более высокой структурой хозяйственного развития, а пассивный в соответственно менее развитых, не только не противоречат учению диалектического материализма, а, как раз наоборот, подтверждают его или даже прямо обоснованы на нем.

О чем же говорят оленеводы и охотники северной сибирской тайги и полярной тундры, которые когда-то, в глубине давно прошедших веков, восприняли от южных степных народов их конскую мистериальную пляску с её характерной металлической завитушкой (железный скребок вместо удил)? Они говорят только о том, что оленеводческое общество и человек северной тайги по шкале экономического и культурного развития стояли намного ниже и были слабее южных степных коневодов. Первые были людьми патриархального родового общества, а последние к моменту наступления на них капиталистических отношений, как известно, переживали своеобразную феодальную формацию, и в далеком прошлом, весьма возможно, прошли и через стадию рабовладельческой социально-экономической формации, само собой разумеется, не античного типа, но тоже азиатского, порожденного степью и скотоводческим бытом, а также и всем человеческим окружением, куда войдут и оседло-земледельческие народы.

В мистериях северного якутского шамана внимание историка привлекает к себе одна ритуальная мелочь, повторяющаяся в наблюдаемых нами случаях с удивительным постоянством. По нашему мнению, она дает довольно ясный намек на древнее местожительство своих носителей. Дело в следующем. Северные шаманы в конце своей мистерии имеют обыкновение совершать торжественный обряд раздевания, т. е. снимают свой плащ, шапку, сдают своим помощникам бубен, сопровождая все это соот-

ветствующими стихами. Одновременно они воздают благодарение всем духам- помощникам, явившимся на их призыв, и приглашают их разойтись. В заключение этого обряда особыми магическими действиями замыкается челюсть шамана, чтобы она перестала служить говорильным аппаратом для незримо витающих духов. Вслед за тем происходит мистериальное умывание шамана. Пением особых куплетов он просит подать ему воду «прозрачного байкала» (дженкэрэ байгал уутун). По правилу, воду в посуде должен поднести невинный безгрешный отрок. Прежде чем разрешить выливать воду на свои протянутые руки, шаман пением трафаретных стихов подвергает водоноса целой исповеди:

«Усун оноолоогу кытта
Орооспутунг буолаарай?

Тэллэхтээги кытта
Тэллэриспитинг буолаарай?

Суорганнаагы кытта
Субуруспутунг буолаарай?

Сыттыктаагы кытта
Сылласпытунг буолаарай?

Не возился ли ты
С имеющими долгие полы?
Не якшался ли
С имеющими постели?
Не ходил ли ты по пятам
С имеющими одеяло?
Не обнюхивался ли
С имеющими подушки?

На все вопросы мальчик дает отрицательные ответы. Лишь после этой церемонии он разрешает выливать воду на руки и умываться, продолжая напевать, что вот, мол, «водою прозрачного байкала смыл дочиста свою грязь» и т. д. При первом прикосновении воды шаман обычно дерга-

ется, как от чего-то страшно холодного. Поэтому возницы шамана, обмакнув в воде пальцы, сначала обрызгивают его, чтобы приучить к холодной воде.

Надо заметить ещё, что Ледовитый океан в шаманской мистории неизменно фигурирует под названием «сиджинг байгал» — поганое море, на дне которого гнездятся злые духи, причиняющие людям все худые болезни. Южным якутским шаманам неизвестны ни этот обряд умывания и ни выражение «прозрачный байгал», тогда как «поганый байгал» со значением северного холодного моря всегда упоминается при нырянии. Исключения представляют лишь якуты северного Вилюя, проживающие на левой стороне реки в быв. Мастахском, возможно и Удюгейском улусах, где сохранились многие бытовые черты северной оленеводческой культуры. В указанном районе, например, полагается совершать два мистериальных акта, вниз и вверх, шаманы хотя и не умываются в обрядовом порядке, но иногда просят воду «прозрачного байкала» для утоления своей жажды. (Показание якута из Мастахского улуса Семена Абрамова, ныне студента Иркутского медреса)³²⁵.

Не вправе ли мы описанную особенность шаманского действия приписать долгому проживанию народа на берегах озера Байкал? Прозрачность и прохладность байкальских вод давно вошли в поговорку иркутян, пользующихся водою Ангары в 60-ти км от её байкальского истока. Проф. К. М. Миротворцев в одной своей работе пишет:

³²⁵ Мы должны сделать ещё одну оговорку: зимой 1924 года около с. Кюсюря нам удалось прослушать и записать мистерию одного шамана, по происхождению якута Верхоянского улуса. Она во всех мелочах воспроизводит обычный тип мистерий северных шаманов. Этот шаман был уроженцем бассейна р. Омоля, впадающего в Полярное море на запад от Яны, где мы находим смешанное оленеводческо-скотоводческое хозяйство. Не будучи знакомы с обычным типом камланий шаманов у скотоводов Верхоянского улуса, мы не рискуем обобщать отмеченные наши особенности упомянутого омоляского шамана на всех якутов верхоянско-индигиро-колымского севера.

Но однако, по собранным нами расспросным данным, шаманство верхоянских скотоводов, как и левобережное северновилуйское, стоит ближе к северному оленеводческому. Якуты-верхоянцы, абыйцы (на Индигирке) и колымчане по своему происхождению, по всей вероятности, представляют из себя смесь ранних вилюйчан с выходцами из Амгино-Ленского плоскогорья Якутского округа. Мы имеем основание подозревать, что ранняя вилюйская прослойка верхоянцев, абыйцев и колымчан, состоящая из группы родов — юсальцев, эгинцев и байдунцев, по своему первоначальному происхождению были монголы, само собой разумеется, обьякученные ещё на юге в пределах Прибайкалья.

«Река Ангара славится своей прозрачной, всегда холодной водой и быстрым течением и является единственной рекой, вытекающей из Байкала, куда впадает не одна сотня речек»³²⁶.

Из всего комплекса надстроечных явлений культуры область религиозных представлений, а тем более все обрядовые действия религии, признаются консервативными по самой своей природе. Поэтому и не приходится удивляться тому что северные якуты в своих религиозных церемониях не сделали ни одного шага вперед по сравнению с тем, что, м. б. две тысячи и более лет тому назад совершалось их отдаленными предками на берегах прозрачных и холодных вод «священного Байкала». Что озеро Байкал и его имя могли оставить свой след на шаманистических представлениях разных народов свидетельствует и легенда бурят о каком-то шаманском камне у истока Ангары, который, якобы, сдерживает воды Байкала. Имена же Байкала и Ангары постоянно фигурируют в гимнах бурятских шаманов, записанных нами в пределах Эхирит-Булагатского аймака. Что северные якуты имя «прозрачного байкала» получили непосредственно сами и перенесли на север, свидетельствует отсутствие аналогичных понятий и обрядов у южных якутских шаманов.

Историки и бытоописатели якутов давно обратили внимание на наличие в якутском словаре слова «байгал» со значением море, обилие вод, водная гладь³²⁷ и усматривали в нем след проживания якутов на юге около озера Байкал. Это общее мнение, однако, требует уточнения в том смысле, что в якутском языке слово «байгал», прежде всего, является не нарицательным, а собственным именем Ледовитого или Полярного моря, которое в разговорной речи обычно употребляется с постоянным эпитетом «муустаах», что значит ледяное: «Муустаах Байгал» — Ледяной Байгал. Это, по сознанию всех якутов, есть тот самый обширный водоем, куда текут все реки и в первую очередь, конечно, Лена, в бассейне которой обитает основная масса всего якутского племени. На почве этого весьма популярного географического имени в порядке уже вторичного словообразовательного процесса и родилось у якутов нарицательное имя «байгал» — как море и обилие всяких вод вообще. Это положение легко устанавливается тем фактом, что якутский язык сохранил слово «далай», которое,

³²⁶ См. «Районы Северной Азии». Вып. IV. Изд. Госплана СССР. Москва, 1928, стр. 11.

³²⁷ Э. К. Пекарский. Словарь якут. яз. Стр. 340.

как в монгольских, так и в турецких языках употребляется со значением море, океан³²⁸. Якутское «далай» Э. К. Пекарский в своем словаре переводит «масса воды в одном месте, водный мир, большая вода, самая глубокая вода, многоводное море, глубина моря»³²⁹.

Из изложенного вытекает, что основным фактом якутского языка, имеющим огромное значение для уяснения прошлых судеб якутского племени, является процесс образования собственного географического имени Северного Ледовитого океана, окрещенного якутами по имени озера Байкал. Этот словообразовательный процесс отнюдь не противоречит общему выводу историков о проживании предков якутов около озера Байкал, а, наоборот, ещё более уточняет его. Спрашивается, почему собственное имя Байкала якуты перенесли на Ледовитый океан? Ответ ясен: по той простой причине, что основная масса носителей якутского языка искони веков привыкла именовать «Байгалом» тот самый обширный водоем, куда стекали все известные им текущие воды. Это момент чрезвычайно важный для историка якутов, ибо им географически точно определяется та самая территория, на почве которой якутский народ в древние времена должен был выработать свою устойчивую языковую привычку. Почти все значительные текущие воды озеро Байкал принимает только с востока и отчасти с севера (верх. Ангара), тогда как с её западного берега одна мощная Ангара уносит её воды дальше на север. Это обстоятельство, между прочим, нашло свое художественное выражение в красивой легенде бурятского народа. Озеро Байкал глубокий старик, имеющий много сыновей — рек и речек, которые приносят в родительское лоно свои воды, но зато у старика одна единственная расточительная дочь, красавица Ангара, которая все нажитые воды отца уносит с собой куда-то на север в качестве приданого добра. Отсюда ясно, что древние якуты в период образования своего языка имели дело с сыновьями старика Байкала, а не с его дочерью Ангарой. Только в пределах восточного Прибайкалья и дальше в бассейне р. Селенги с её многочисленными притоками якуты могли выработать свою устойчивую языковую привычку именовать Байгалом общий водоем всех текущих вод, каковое понятие в процессе вторичного словообразовательного процесса расширилось вплоть до нарицательного име-

³²⁸ Бимбаев. Монголо-русский слов. Стр. 140. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркск. нар., т. 3, стр. 878.

³²⁹ Э. К. Пекарский. Там же, ст. 668.

ни — море вообще, довольно успешно конкурируя с древним «далай». Значит, основная масса якутского народа в бассейне Ангары была только в качестве временного гостя, прибывшего сюда с восточных берегов Байкала и после временной остановки следовавшего дальше на север с неискоренимой языковой привычкой — помещать Байкал за устьем своих текучих вод.

Так, на основании палеонтологического анализа словообразовательного процесса в якутском языке, рекомендуемого новым материалистическим языковедением — яфетидологией, почти незыблемо и с желательной географической точностью устанавливается древнее местожительство якутского племени.

Однако, якутский народ, в древние годы перешагнувший через озеро Байкал и оставивший его позади с переселением на север, не мог не отразить этого факта в своем языке. Об этом свидетельствует эпитет «ледяной», прилагаемый к собственному имени северного Байкала. Значит, где-то позади остался не ледяной, а просто Байкал.

Таким образом, у северных и южных якутов в связи с именем озера Байкал сохранились две параллельные антитезы: у первых «прозрачный Байкал», противопоставляемый «поганому» (вредоносящему) Байкалу, а у последних «Ледяной Байкал» с его логическим дополнением не ледяного Байкала. И то и другое ясно говорят о том, что якутское племя в целом в пределах северо-восточной Сибири является пришельцем из далекого Прибайкалья. Пред нами возникает вполне естественный вопрос: носители понятия «прозрачного Байкала» не принадлежали ли к составу древнейшего населения Приангарья? Решая этот вопрос, мы невольно останавливаем свое внимание на происхождении и семантике собственного имени «Ангара», столь тесно увязанного с именем Байкала. Оно тоже известно якутам.

В нашей памяти из воспоминаний времени отдаленного детства сохранилась одна скороговорка, точный смысл которой для нас не совсем ясен, но она интересна в том отношении, что в ней заключается имя реки Ангары:

«Ангхара-Джангхара.
Уолбара-Чуолбара...»

Весьма возможно, что это часть какой-то замысловатой якутской загадки или простая абракадабра, игра на рифмовку (все слова здесь оканчиваются на «ра»). В такого рода парных речениях любопытно то, что его вторая часть обычно является повторением или аналогом, иным вариантом, первой части. Иными словами, в данном случае между словами «Ангхара» и «Джангхара» нужно поставить знак равенства. Якутское «Джангхара» не является ли более древним и исходным вариантом имени «Ангхара-Ангара»? Если дело обстояло так, то как возможно было бы осмыслить имя «Джангхара»?

Имя Ангары вторично встретилось в записанной нами обширной богатырской былине якутов, имеющей название «Ала ынах уола Айдаан-Бухатыыр» (сын пегой коровы Айдаан-Богатырь). Сказитель Кузьма Слепцов, старик якут Западно-Кангаласского улуса, местожительство своего главного героя и его братьев помещает около какого-то «Ангара- Байгал» и вообще имя Байгал употребляется дальше с тем же эпитетом. Было бы проявлением чрезмерного скептицизма отрицать в этом сложном имени отложение в якутском языке сочетания географических имен р. Ангары и озера Байкала. Здесь для наших лингвистических изысканий важно то, что слово «ангара», по-видимому, входит как прилагательный эпитет к имени Байкала. В связи с предыдущим выводом о двойнике «Ангары» мы уже имеем «Джангхара Байгал». Если какое-либо собственное имя образуется от нарицательного слова, то первое не может не эволюционировать дальше в интересах отличия его от нарицательного значения. В турецких языках, построенных по принципу сингармонизма, самый простейший способ эволюции слова представляет из себя перемена огласовки, мягкой на твердую или наоборот. Якутский язык в этом отношении дает массу примеров такого словообразовательного процесса, при котором в качестве твердого остова для целого ряда родственных понятий остается прежний состав согласных звуков, а переменной величиной различные гласные звуки. Таковы, например, следующие ряды слов, ответвившихся от одного корня:

Барджыгыныыр,
Бырджыгыныыр,
Бирджигиниир,
Борджугунуур,

Бурджугунуур,

Сардыргас,
Сирдиргэс,
Сурдургас,

Баллыргыыр,
Боллургуур,
Буллургуур,
Бёллюргююр,
Быллыргыыр,
Биллиргиир,

Таллыргас,
Толлургас,
Тиллиргэс...

Допуская аналогичный словообразовательный процесс в интересующем нас прилагательном эпитете к имени Байкал, мы получаем:

Джангхара,
Джэнгкэрэ.

Иными словами, натываемся на знакомый нам из северного якутского шаманского фольклора прилагательный эпитет «джэнгкэрэ» — прозрачный, характеризующий отличительное свойство байкальских вод. Таким образом, ряд эволюционных переходов, приведших в конечном итоге к имени Ангара, намечается в следующем виде:

Джэнгкэрэ — Джангхара
Ангхара — Ангара

Джэнгкэрэ, древнее наименование Ангара по нашему палеонтологическому анализу — имя существительное, образованное от прилагательного «джэнгкир», в точном переводе значило бы — то, что отличается прозрачностью или фигурально «прозрачноводная». Данные якутского языка убеждают нас в том, что оно прилагалось как эпитет и к имени Бай-

кал, «джэнгкэрэ Байгал», а у южных якутов «джангхара» или «ангхара Байгал».

Какой народ первоначально так определял свойство байкальских вод и по нему наименовал р. Ангару, турецкого или монгольского языка? Дать определенный ответ на этот вопрос, мы не можем, ибо слово «джэнгкир» в форме «цэнкир» и «санхир» констатируется у бурят и монголов³³⁰, но со значением — голубой, лазуровый, каковые качества не менее красочно могут передавать оттенки байкальских вод, когда в них отражается голубое небо, верховное божество древних монголов и турок. Мы не исключаем возможности и того, что якутские «Джангхара-Ангхара» могли образоваться на почве фонетизации и легкого искажения бурятского прилагательного «санхир» (Санхара, Джангхара, Ангхара).

Глава III

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЯКУТОВ-ОЛЕНЕВОДОВ

I. ХОСУНСКИЕ СКАЗАНИЯ

Культурное единство и стародавняя обособленность якутов-оленеводов ещё более резко выступают в их героическом эпосе. Южным якутам свойственна идея о предках или прародителях народа, сказания о которых составляют содержание их героического эпоса. Северным якутам, живущим при оленеводческом хозяйстве, представление о предках тех или других родов совершенно чуждо. Но зато среди них весьма популярны рассказы о древних витязях, именуемых хосунами. Сказители хосунного эпоса совершенно не интересуются вопросами о том, какие отделы народа или роды произошли от тех или других героев и не пытаются восстанавливать имена их потомства. Хосун прежде всего есть вояка, в неко-

³³⁰ Подгорбунский. Русско-монголо-бурятский словарь. Стр. 64 и Бимбаев. Ук. соч., стр. 173.

торых случаях выступающий с функциями вождя и начальника довольно значительного народа.

Нам удалось записать важнейшие и популярные среди оленных якутов рассказы об их древних витязях-хосунах³³¹. Правда, разбросанность их на огромном пространстве, разделенном между разными административными единицами, из которых некоторые входят в состав Туруханского края, не всегда давала нам возможность осведомляться непосредственно с уст самих носителей хосунного эпоса. Часто мы записывали варианты сказаний с уст пришлых якутов, долго проживших в разных углах оленеводческого севера. Но сравнение с записями, сделанными с уст самих туземцев, показывает, что пришлые якуты улавливают сюжеты местного фольклора с большой точностью, иногда даже с сохранением диалектологического колорита. В одном случае неоценимую услугу оказал нам тунгус далекой Илимпейской тундры, который долго прожил среди якутов озера Есей и случайно приехал в низовья реки Оленека. Это Николай Данилов, по прозвищу Харчыыкаан, глубокий старик, уже переваливший за восьмой десяток лет, но тем не менее не подающий никаких признаков ослабления памяти и своих умственных способностей. Рассказы Данилова для нас интересны потому, что он принадлежит к группе многочисленных тунгусов Илимпейской тундры, которые являлись ближайшими соседями северных якутов, сохранили свой родной язык и типические особенности тунгусского быта, обнаруживая, однако, как мы указывали выше, следы очень давнего соприкосновения с якутской культурой. Сравнение бытовых черт северных якутов и илимпейских тунгусов может быть весьма показательным для установления происхождения первых со всем комплексом их культурных признаков. Данилов хорошо владеет как своим родным языком, так и якутским, не говоря о его прекрасной осведомленности в вопросах быта своего родного народа. Встретившись с ним в апреле 1924 года в местности Саардаах на Оленеке, мы в течение недели, не отвлекаясь ни на что другое, использовали его терпеливую любезность и готовность вести беседы на всякую тему. С его слов нами составлен небольшой словарь наречия илимпейских тунгусов, чтобы иметь сравнительный лингвистический материал для уяснения происхождения в языке якутов- оленеводов целого ряда пережитков какого-то тунгусского диалекта. С уст Данилова нами

³³¹ См. «Оленекская хосунная эпопея».

записаны также образцы собственного тунгусского и есее-якутского фольклора. Как и следовало ожидать, хосунные сказания есейских якутов оказались тождественными с жигано-устьянскими, составляя лишь особый вариант сюжета, распространенного по всему якутскому оленеводческому северу. Ввиду отсутствия в существующей литературе материала по хосунным сказаниям оленных якутов мы перевели на русский язык все наши важнейшие записи и составили особый сборник под заглавием «Оленекская хосунная эпопея».

Если в области шаманской поэзии и ритуала якуты- оленеводы выступают в качестве древнейших якутов с едва заметными следами тунгусского влияния, то в их хосунном эпосе гораздо сильнее сказались инородные, неякутские примеси. Пред нами выступают герои с явно нетурецкими именами, например, Юнгкээбил, Чэмпэрэ, Джагдааттыыр, Танггача, Юрэн, Чыынгхара, Эмчээгин, Чыымкаани, Эджээн и проч. Чувствуется явное преобладание тунгусских имен. Дальше, в описании наружности витязей мы находим такие четкие культурно-этнические признаки, как ношение кос с особым серебряным украшением «латахаан» и передников «далыс», свойственных тунгусским племенам. Глубочайшей древностью веет от военного обычая хосунов снимать скальпы с головы побежденных противников, что напоминает Нравы североамериканских индейцев. В некоторых рассказах снятие скальпа заменяется срезанием косы, что, якобы, для воина того времени было величайшим позором. Иные герои даже предпочитают кончить жизнь самоубийством, чем жить среди людей без косы. Часто встречающееся сопоставление воина с оленем, диким или домашним, говорит о том, что основы хосунного эпоса сложились среди искони оленеводческого народа. Витязь, убив противника, осведомляет об этом событии его родственников иносказательно, что, мол, мне удалось упромыслить одного «мойку» (название двухтравого оленя) или голенная кость витязя фигурирует в рассказе с названием кости дикого оленя («чонгку»).

Читателя современного воспитания должны поразить и следы антропофагии (людоедства): витязь-победитель неизменно вкушает или пробует костные мозги своего поверженного противника.

Не менее интересно и ритуальное самоубийство некоторых героев, чтобы получить возможность общения с родными мертвецами, напоми-

нающее японское харакири. Этнологи должны обратить внимание также и на следы ритуального убийства ближайших родственников или самопожертвование последних, чтобы доставить победу своим людям. Все эти особенности хосунного эпоса оленных якутов воскрешают пред нами картины классической древности. К этим вопросам мы ещё раз вернемся в заключении нашего обзора.

В названиях боевых принадлежностей витязей местами сохраняются тунгусские слова, например, «нимсики» — колчан, «сингтэпчээн» — что-то вроде кинжала, обоюдоострого ножа.

Характерно то, что невзирая на все указанные культурные признаки, казалось бы чуждые известному нам якутскому миру, герои хосунского эпоса нигде определенно не называются тунгусами. С другой стороны, они не противопоставляются и не ведут борьбу с якутами, но зато в числе их противников нередко оказываются местные тунгусы, татуирующие свои лица особыми швами, изображающими олени рога.

Для уяснения происхождения северных якутов и их отношения к тунгусским племенам севера было бы чрезвычайно важно сопоставить хосунные сказания тех и других. В качестве материала, могущего быть использованным при разрешении этого вопроса, мы приобщили к хосунному эпосу Нравы североамериканских индейцев. В некоторых рассказах снятие скальпа заменяется срезанием косы, что, якобы, для воина того времени было величайшим позором. Иные герои даже предпочитают кончить жизнь самоубийством, чем жить среди людей без косы. Часто встречающееся сопоставление воина с оленем, диким или домашним, говорит о том, что основы хосунного эпоса сложились среди искони оленеводческого народа. Витязь, убив противника, осведомляет об этом событии его родственников иносказательно, что, мол, мне удалось упромыслить одного «мойку» (название двухтравного оленя) или голенная кость витязя фигурирует в рассказе с названием кости дикого оленя («чонгку»).

Читателя современного воспитания должны поразить и следы антропофагии (людоедства): витязь-победитель неизменно вкушает или пробует костные мозги своего поверженного противника.

Не менее интересно и ритуальное самоубийство некоторых героев, чтобы получить возможность общения с родными мертвецами, напоминающее японское харакири. Этнологи должны обратить внимание также и

на следы ритуального убийства ближайших родственников или самопожертвование последних, чтобы доставить победу своим людям. Все эти особенности хосунного эпоса оленных якутов воскрешают пред нами картины классической древности. К этим вопросам мы ещё раз вернемся в заключении нашего обзора.

В названиях боевых принадлежностей витязей местами сохраняются тунгусские слова, например, «нимсики» — колчан, «сингтэпчээн» — что-то вроде кинжала, обоюдоострого ножа.

Характерно то, что невзирая на все указанные культурные признаки, казалось бы чуждые известному нам якутскому миру, герои хосунского эпоса нигде определенно не называются тунгусами. С другой стороны, они не противопоставляются и не ведут борьбу с якутами, но зато в числе их противников нередко оказываются местные тунгусы, татуирующие свои лица особыми швами, изображающими олени рога.

Для уяснения происхождения северных якутов и их отношения к тунгусским племенам севера было бы чрезвычайно важно сопоставить хосунные сказания тех и других. В качестве материала, могущего быть использованным при разрешении этого вопроса, мы приобщили к хосунному эпосу якутов два варианта сказаний тунгусов кондагирского рода, занимающего верховья Нижней Тунгуски, об их легендарном витязе Нургаабыл и сказание тунгусов Илимпейской тундры о двух героях — Джуупкур и Чаатаре. На основании этого материала нетрудно установить, что сказания упомянутых тунгусских племен весьма примитивны и являются ни чем иным, как слабым отголоском хосунного эпоса северных якутов. В этом отношении представляет большой интерес мнение названного выше илимпейского тунгуса Данилова, которое мы приводим ниже в дословном переводе:

«В нашем тунгусском наречии слова «хосуун» не существует, так говорят только якуты и объякученные тунгусы. Вместо слова «хосуун» у нас употребляется «суонинг», это «кэйсиилээх киси» (якут. слова, в переводе — человек занятый войной, убийством людей, буквально — колющийся человек; такого термина у южных якутов нет). Человека, искусного в охоте на диких оленей, у нас называют «баалан».

Затем, рассказав самый типичный вариант северных сказаний, слышанный им от есейских якутов, о борьбе витязей Юнгкээбил и Юрэн (в

других вариантах противник Юнгкээбиля чаще именуется Чэмпэрэ), он добавил:

«Среди илимпейских тунгусов такого рассказа мне не приходилось слышать. Там только по слухам знают, что когда-то жили витязи с именами Юрэн и Юнгкэбил и что они сражались друг с другом».

Но, однако, ошибся старик Данилов, ибо не бывает правила без исключения. Этнограф и якутолог В. Н. Васильев, ныне покойный, в 1905 г. в пути между озером Есей и Яконгдой с уст князя илимпейских тунгусов Николая Хирагир и его товарища записал, якобы, «тунгусские предания», рассказанные по-тунгусски и тут же переведенные на якутский язык. Оба рассказчика не говорили по-якутски, а Васильев по происхождению якутанин в совершенстве владел якутским языком. Эти тунгусские предания в переводе на русский язык Васильев опубликовал в журнале «Живая старина» за 1908 г., вып. II и вып. I за 1909 г., а затем позже, воспользовавшись записанным сюжетом, в компании с неким Соловьевым создал целое художественное произведение под заглавием «Урэн и Молюнга» и напечатал в №№ 1—2 журнала «Якутские зарницы» за 1927 г.

В этих «тунгусских» преданиях Васильева мы находим лишь в слегка переработанном виде точное повторение основ ного сюжета хосунного эпоса северных якутов о борьбе витязей Юнгкээбиля и Чэмпэрэ. У есейских якутов, в передаче Николая Данилова, эти имена заменены — Юнгкэбил и Юрэн, а в рассказе илимпейца Николая Хирагира фигурируют Урэн и Молюнга, причем оба героя представлены тунгусами, из которых Урэн признается своим илимпейским тунгусом, а его противник тунгусом каких-то неведомых и дальних стран. Бесспорно, конечно, что «Урэн» по записи Васильева вполне тождественен Юрэну в передаче есейских якутов.

При научном анализе взаимоотношений героических сказаний илимпейских тунгусов и якутов-оленьеводов художественное произведение самого Васильева и Соловьева, конечно, необходимо игнорировать, ибо в нем девять десятых принадлежит самим авторам, оседлавшим своего крылатого Пегаса. Сравнительно несложную фабулу народных сказаний авторы разработали на протяжении 37-ми страниц. В их произведении мы находим такие перлы интеллигентского творчества:

«Тихо в старом чуме. Тихо на белой, ровной пелене Яконду. Не воют северные ветры, не гудит тайга, не бьется и не стонет пурга. Тихо на старом Яконду».

Или старый тунгус, желая рассказать внуку о смерти его отца, ведет такие рассуждения:

«Настало время и пора тебе узнать про давнюю быль. Пусть прикоснусь я к ней снова мыслями моими, по старому почувствую я боль сердца моего, древние раны мои раскрою, болячки мои древние обнаружу, старые вороха воспоминаний моих переворошу, тени памяти моей сделаю ясными, как при свете яркого дня, ушедших людей одену снова мясом и костями тела их, снова дорогими и близкими сделав их для себя, чтобы снова оплакивать их? Этого ли хочешь от меня, друг мой? Пусть будет так, как хочешь ты, слушай же, что расскажу тебе...».

Все герои, простые рыбаки и охотники, рассуждают в этом роде. Однако, покойный В. Н. Васильев заслуживает и большой благодарности за то, что прежде чем заняться поэтическим творчеством за счет культурно отсталых обитателей озера Яконгду, исполнил свой научный долг, напечатав более или менее точный текст тунгусского рассказа при посредстве якутского перевода.

По поводу тождества сюжета илимпейского сказания, зарегистрированного Васильевым, и всех тех разнообразных вариантов, которые бытуют у полярных якутов, не может быть никакого спора. В связи с этим пред историком и этнологом-фольклористом возникает интересный вопрос: кто у кого позаимствовал? Северные ли якуты когда-то в глубокой древности переняли хосунный эпос илимпейских тунгусов или, наоборот, запись Васильева есть просто-напросто случайное позаимствование последними якутского фольклора? Как дальше увидим, тот или другой ответ на поставленные вопросы имеет огромное значение в деле разъяснения происхождения как северных, так и южных якутов.

Прежде всего, мы должны считаться с тем обстоятельством, что сюжет борьбы двух витязей со всеми характерными этнографическими мелочами у илимпейских тунгусов выступает в виде единственной записи, тогда как тот же самый сюжет у полярных якутов существует во многих вариантах и образует целый цикл сказаний. Поэтому не вправе ли мы присоединиться к приведенному выше мнению Николая Данилова, этого убе-

ленного сединой представителя илимпейского мира о том, что интересующий нас героический эпос принадлежит якутам-оленеводам и что илимпейские тунгусы знают только по слухам сказание о борьбе двух древних витязей, Юрэна и Юнгкээбиля? Эти слухи в пунктах близкого соприкосновения илимпейских тунгусов с северными якутами около озера Есей или на Хатанге, конечно, легко могли облечься в форму единичного позаимствования. В этом явлении не было бы ничего удивительного, ибо тесное общение двух племен не может не сопровождаться и смешением их фольклора. К тому же этнограф Васильев слишком быстро уверился в принадлежности записанного им предания самим илимпейским тунгусам и не попытался поставить сказителям контрольные вопросы о том, от кого, где и когда они слышали этот рассказ. Такие вопросы, по сути дела, были необходимы, ибо в Туруханском крае бродят смешанно, эксплуатируют одну общую территорию и сталкиваются друг с другом представители разных племен, подчиняющихся одной и той же власти. Например, по данным приполярной переписи 1926—1927 гг., в Хатангской или затундринской волости кочуют долгане, усвоившие язык и культуру северных якутов, всего 1118 душ, якуты затундринского рода около 100 хозяйств, якуты есейские, «тунгусы собственно северные» — 148 хоз. и «илимпейские» 6 хоз. Небольшое количество «долган заречных» и «собств. северных тунгусов» встречаются и в Дудинской волости. Наконец, в Илимпейской волости показаны «тунгусов илимпейских» 155 хоз., тунгусов «нижнетунгусских» 157 хоз. и «якутов есейских» 93 хоз.³³²

В дореволюционном русском обществе установилась нелепая привычка характеризовать туземные народы Сибири как «первобытных людей» и даже как «дикарей». Эта чисто обывательская точка зрения иногда усваивается даже «учеными» людьми, тогда как самое основное условие «первобытности» заключается в факте пребывания данного народа или группы людей в состоянии полной естественной свободы, вне гражданского общежития известных и правильно организованных государственных единиц. О какой же «дикости» и «первобытности» можно говорить, когда все туземные племена Сибири вот уже три века живут, подчиняясь писаным законам огромного европейского государства, полностью учтены похозяйственно и даже поименно, пройдя установленные акты граждан-

³³² Матер. приполярн. переписи 1926—1927 гг. Вып. II, стр. 3.

ского состояния, и в известной мере участвуют в делах общественного управления или самоуправления на основании законов, не ими сочиненных. Все они по коллективам или порознь участвуют в общей гражданской и хозяйственной жизни государства.

Если дело обстоит так, то что же удивительного в том, что современное сознание туземных народов Сибири будет необычайно смешанным и синкретичным по своему содержанию.

Ключ к быстрому разрешению интересующей нас научной загадки или дилеммы о том, кто у кого позаимствовал героические саги или мифы, содержится в остальной части «тунгусских преданий», записанных самим Васильевым с уст тех же илимпейских тунгусов. А именно, к последним попали известные в литературе легенды об якутском царе Дыгыне (Тыгыне). Эти рассказы Васильев озаглавил «Дыгын» и в предисловии к ним пишет:

«Дыгын представляет, по-видимому, один из вариантов известного якутского предания, заимствованного у якутов и несколько видоизмененного»³³³.

Это верное замечание (хотя нужно говорить, не «по-видимому», а несомненно и бесспорно) мы должны дополнить указанием на то, что в тунгусском повествовании о Дыгыне содержится также в сжатом виде и легенда о переселении мифического прародителя якутов Эллэя, сына слепого шамана. Во многих вариантах легенды об Эллэе, особенно южно-вилюйских и кангаласских, последний обычно представляется сыном слепого шамана, который советует сыну переселиться на другое место. При этом слепой отец, сопровождая сына указывает ему дорогу и дает разные советы. Между прочим, когда они очутились в безводной местности, Эллэй, по совету отца, волочит по росистой траве шелк или холст, а потом выжимает из него воду³³⁴. Тот же самый сюжет содержится и в рассказе илимпейских тунгусов о предках Дыгына. Предание излагается тунгусами так. Слепой шаман-якут имеет трех сыновей и советует им переселиться. Сыновья, по совету отца, достают холст в 20 арш. и, перебираясь через безлесный голец, «распустив его, волочили по траве. Дело было летом. Шли, выбирая травянистые места. Утром холст намокал от росы. Тогда до-

³³³ «Живая старина», 1908 г., вып. III, стр. 362.

³³⁴ См. сборн. «Эллэйада», §§ 1, 6, 8, 19, 20, 26, 30, 37, 40, 224, 229, 232, 265, 316 и 317.

ставали котел и выжимали воду из холста... Так они добывали воду и шли через голец».

Дальше, этот типичный сюжет эллэевского цикла в тунгусской передаче искажается приключениями одного брата, который во время охоты заблудился и повстречался с безголовым человеком со ртом на спине, где начинается шея и с медными лыжами. Сын слепого шамана едва спасается бегством от этого чудовища и находит отца и братьев. Вслед за этим рассказ переходит к якутскому царю Дыгыну, который властвовал над многочисленным потомством этих беглецов. Как видим, искажения заимствованного якутского предания выразились в забвении имени Эллэя, в замене его образами трех братьев и в бессмысленной вставке эпизода встречи с безголовым человеком. Но основной сюжет о бегстве потомства слепого шамана на новые места передан правильно. Из легенды о Тыгыне тунгусская память в точности сохранила сюжет якутских рассказов о взаимоотношениях Тыгына со знаменитым силачом и стрелком Бэрт-Хара, сыном бедной старушки, который жил питаясь одной охотой³³⁵. Причем сказители Бэрт-Хара превращают в тунгуса и забыли его якутское легендарное имя. Без изменения передается якутский сюжет о его невероятно большом луке, который не может натянуть сын Дыгына Чалла (вм. Чалла-айы). Дыгын, выдав за этого охотника замуж свою дочь, вероломно убивает своего зятя. И в этом пункте тунгусы не отступили от подлинника. В заключение сообщается убийство Дыгына и покорение его народа русскими, рассматриваемое как возмездие за убийство тунгусского витязя, т. е. Бэрт-Хара.

Есть ли надобность подробно трактовать здесь о возможных путях проникновения к илимпейским тунгусам этих подлинно якутских преданий, создавая из каждого пустяка сложную научную проблему? Пожалуй, будет вполне достаточно сослаться на отмеченное нами выше участие всех туземных племен Сибири в общерусском гражданском и торговом обороте, в котором якуты, как хорошие скупщики дорогой пушнины и как исконные эксплуататоры своих соседей, культурно отсталых тунгусских племен, давным давно стяжали себе далеко незавидную славу.

³³⁵ Якутские легенды о Тыгыне и Бэрт-Хара см. «Эллэяда». §§ 80, 100, 106, 118, 121, 138, 167, 168, 176, 178 и 310.

В описанной истории усвоения тунгусами важнейших элементов героического эпоса южных якутов-скотоводов особенно характерен маленький плагиат, а именно, присвоение тунгусами якутского легендарного героя Бэрт-Хара, обладателя большого лука. В самом деле, Бэрт-Хара, представляемый обычно бедным охотником, которого не любит Дыгын, а иногда даже приказывает и умертвить, по своему мифологическому образу весьма близок к типу тунгуса. Илимпейские тунгусы, как мы видели раньше, потерпевшие от «богатых якутов», отнявших у них район озера Есея, легко могли проникнуться особенными симпатиями к бедняку Бэрт-Хара, терпящему от царя якутов, и постепенно превратить его в своего брата, обижаемого тунгуса, тем самым отступая от текста собственно якутских преданий.

Поставив себе на разрешение вопрос о происхождении героического эпоса северных якутов и его взаимоотношения с илимпейским, мы были вынуждены уклониться несколько в сторону, чтобы уяснить себе личности сказителей-тунгусов, в устах которых, по записи этнографа Васильева, очутился один из вариантов хосунного эпоса полярных якутов. Эти сказители, можно сказать, пойманы с поличным, а именно, с фольклорным багажом довольно значительной ценности и с отчетливой маркой или клеймом собственника. Очевидно, князь Илимпейской тундры и его товарищ в дан ном случае являются весьма подозрительными личностями с интернациональным фольклорным сознанием и притом плохо разбирающимися в деликатных вопросах собственности на те или другие мифологические имена. Вопросы буржуазной собственности на фольклорные сюжеты и мифологические имена мы поднимаем здесь, само собой разумеется, не ради принципиальной защиты идеи собственности, а в интересах правильного разрешения стоящей пред нами научной проблемы. Во всяком случае, они не могут сойти за представителей самобытной дорусской илимпейской культуры. Если даже легендарные сказания якутов-скотоводов могли быть усвоены илимпейскими тунгусами, то тем больше шансов и психологических оснований имеется у последних для присвоения ими хосунного эпоса якутов-оленоводов, ибо в нем рисуется быт охотничьего народа, к тому же, как мы отмечали раньше, с огромной примесью тунгусского элемента.

Что же касается психологических предпосылок, то они тоже имеются налицо, ибо мы имеем основание думать, что илимпейские тунгусы пострадали от якутов-оленеводов не только при взятии ими района озера Есей в эпоху русского нашествия, но и задолго до того, когда объякученные тунгусы и якуты-оленеводы, покинув «прозрачные или лазурные» воды Байкала, заняли бассейн р. Вилюя. Отходя дальше на север при заполнении Вилюя якутами-охотниками, рыбаками и скотоводами, якуты-оленеводы должны были в свою очередь оттеснить илимпейских тунгусов, часть которых, заняв район озера Есея в качестве зимней квартиры, могла использовать в летнее время хребты и тундры Оленека и Анабара. С этой точки зрения хосунный эпос северных якутов отчасти мог питаться давно прошедшими историческими воспоминаниями о взаимоотношениях пришлых и туземных оленеводов. Вот почему мы и не имеем оснований протестовать против выписанных выше художественных прозрений Васильева и Соловьева о переживаниях старого тунгуса из озера Яконду, который «раскрывал свои древние раны, обнаруживал свои древние болячки и переворачивал старые вороха воспоминаний».

То обстоятельство, что старый дед тунгус из озера Яконду был бы сам не в состоянии столь же красноречиво выражать словами свои прошедшие душевные «болячки», как это описано в талантливом художественном произведении Васильева и Соловьева, ещё не доказывало бы того, что он или его отдаленные предки не переживали все это в натуре. Историк, производя анализ давно прошедших исторических событий, был бы не вправе отмахиваться от той реальной помощи, которую иногда могут оказать своей поэтической интуицией те или другие художественные натуры.

Усвоение илимпейскими тунгусами хосунного эпоса северных якутов-оленеводов в перевернутом виде мы рассматриваем, как веское психологическое доказательство того, что они когда-то оттеснялись последними, явившимися откуда-то извне. Оленекский хосунный эпос по своему содержанию отвечает двояким и диаметрально противоположным эмоциональным переживаниям, ибо в нем ясно ощущается не только торжество победителей, но и горечь поражения. Иными словами, его носители не только гнали и повергли кого-то, но и сами они кем-то были гонимы.

Вот почему оленекский эпос приходится подстать как победителю, так и побежденному.

Следовательно, содержание и основной тон героического эпоса, если он в данной среде очень популярен и его носители постоянно поддерживают его существование посредством поколенной передачи, можно рассматривать, как живые летописи, изложенные в художественных образах. Само собой разумеется, такого рода историческими доказательствами нужно пользоваться с величайшей осторожностью, ибо здесь историческая истина заключается не в словах и не в прямом значении народных рассказов, а в общем смысле тех или других художественных образов, легендарных героев, принявших вполне устойчивую форму.

Основной сюжет хосунного эпоса северных якутов вращается вокруг одного события, а именно, некий могучий витязь с братьями нападает на другого, занимающего со своим народом какую-то реку. У последнего витязя многолюдный народ и подчиненные воины, живет он бдительно охраняемая. Нападающие чаще представляются без особого воинского отряда в лице самих героев-братьев с двумя- тремя товарищами. Братья прибывают откуда-то издали и застают своего противника врасплох. Успех нападающих обуславливается, главным образом, внезапностью и неожиданностью их прихода. Сообразно с этим в легенде, во всех её вариантах, всегда и неизменно рисуется паническое бегство вождя народа или воинства, подвергшегося нападению. Победители захватывают богатство и остаток народа, иногда и жену поверженного витязя.

Но этот основной сюжет в ряде вариантов претерпевает сложные изменения, наряду с ним развивается и конкурирующий сюжет, по которому торжество победителей оканчивается местью сына витязя, подвергшегося вероломному нападению. При этом через все записанные нами варианты красною нитью проходят весьма характерные интернациональные элементы, которые никак не укладываются в рамки их собственной истории. Это обстоятельство намекает на то, что северные якуты являются только хранителями весьма интересных мифологических сюжетов, которые когда-то имели широкое распространение и свои центры исторического тяготения. При сравнительно-мифологическом методе изучения историческое значение хосунного эпоса северных якутов ещё более возрастает, ибо один факт позаимствования ими общечеловеческих мифологи-

ческих сюжетов может указать нам исходный пункт основного ядра носителей этого эпоса. Вместе с тем мы могли бы получить и некоторые ориентировочные вехи по вопросу происхождения также и южного, более многочисленного, отдела якутского племени, поскольку обе части народа должны были передвигаться один за другим в неразрывной связи.

Ввиду важности хосунного эпоса для истории всего якутского народа, мы считаем необходимым остановиться подробнее на анализе всех его существенных элементов, тем более ещё и потому, что этот вопрос до настоящего времени не был предметом специального изучения. Якутоведы даже и не подозревали о существовании самостоятельного цикла легендарных сказаний у якутов-оленьеводов, что, между прочим, и обусловило заблуждение Виктора Васильева, приписавшего один из их вариантов тунгусам Туруханского края.

В «Верхоянском сборнике», авторство которого приписывается Худякову, мы находим лишь незначительный элемент хосунного цикла, а именно, один вариант рассказа о Саappa-Хосууне, который является связующим звеном между героическим эпосом южных и северных якутов, принадлежа более к первому циклу. Главный же герой северных якутов, Юнгкээбил-Хосуун только упомянут под именем «Ынгкаабыл-Хосуна» в качестве среднего брата Саappa-Хосууна³³⁶.

Весьма смутный и искаженный отголосок сказаний об Юнгкээбиле слышал и Вацлав Серошевский среди якутов Намского улуса и в своей записи представил его настоящим тунгусом, весьма возможно, самостоятельно корректируя плохо понятый им сюжет. По его записи, враждуют два тунгусских витязя — «Бюлюй-Эрюнча» и «Джянги-Даринча». (Как давно известно по критическому разбору трудов Серошевского В. М. Ионовым, он всегда неверно и с грубыми ошибками транскрибирует слышанные им якутские имена и слова. Приведенные имена в устах якутских сказителей должны были звучать «Бёлюю-Ёрюнче» и «Джаангы-Дарынча», в которых начальные половины имен являются названиями целых краев — Вилуйского и Верхоянского). Последний витязь убивает первого, но у убитого остается сын Энкебиль (это наш Юнгкээбил), который мстит за убий-

³³⁶ См. «Верхоянский сборник». Стр. 67-68.

ство отца и со своими людьми переселяется из Вилюя в Верхоянские горы³³⁷.

Это очень интересный вариант сказаний якутов-оленьеводов, в котором мы находим одно из доказательств раннего проживания носителей оленекского героического эпоса в пределах Вилюя, а также, весьма возможно, и отголосок древних переселений части населения северного Вилюя за Верхоянские горы.

Серошевский, конечно, не подозревает о том, что его Энкебил на обширном пространстве распространения северных якутов представляется излюбленным героем по-якутски говорящего народа.

Таким образом, три якутоведа, столкнувшись с элементами северного якутского эпоса, смотрят в разные стороны: по Худякову Юнгкээбил — якут-скотовод, по Серошевскому — местный вилюйский тунгус и, наконец, Васильевым весь цикл этих сказаний совершенно отрывается от всякого якутского мира и пересаживается в Туруханский край. При таком состоянии наших знаний об якутах-оленьеводах и отсутствии какого-либо представления о своеобразии и самобытности их культурных признаков, их важная роль в истории древних якутских переселений на север, конечно, не могла быть осознана.

Изучение хосунного эпоса необходимо начать с ознакомления со всеми важнейшими вариантами, которые рассказываются в разных углах оленеводческого севера, обнимающего и якутов, и тунгусов. Чтобы облегчить это изучение, мы позволим себе изложить остовы разных сюжетов, выступающих у отдельных сказителей, в интересах усвоения основной схемы этого интересного героического эпоса. Не все же время бродить нам ощупью во тьме предрассветного тумана старой великодержавной этнографии на фронте якутского фольклора.

2. СХЕМА ОЛЕНЕКСКОГО ХОСУННОГО ЭПОСА

1. Булунский вариант. Сказитель И. Шадрин, живет около с. Булуна в низовьях Лены. (Олен. эпос §§ 1—3. См. приложение).

А). Витязь Юнгкээбил имеет брата Джакдааттура и ещё второго, именуемого просто кузнецом. Живут в верховьях р. Оленека. Однажды,

³³⁷ «Якуты». Стр. 226—229.

когда брат-кузнец был занят охотой на диких оленей при их переправе через Оленек, приходит витязь Чэмпэрэ и убивает его. Срезав его косу, он передает матери убитого. Затем, сделав затес на стволе растущей лиственницы, он говорит ей:

«Пока смола с этого затеса не зальет мой след, пусть Юнгкээбил следует за мной».

Юнгк., получив подкрепление от какого-то народа, именуемого «нууча», с которым он был во вражде, с братом Дж.³³⁸ идет на Чэмпэрэ. Перед походом братья при помощи шамана привлекают душу своего противника, летающую в образе совы, убивают её и съедают. Подходят к лагерю Чэмпэрэ, находящемуся на противоположном берегу Оленека. Братья, неосторожно разложив костер, привлекают внимание бдительного Ч—рэ. Последний с воинами идет на разведку, но тем не менее ему не удается обнаружить своих врагов, приникших к земле тут же. Вечером Юнгкээбил, сев верхом на суковатые обрубки деревьев, переправляется через реку. В это время в лагере Ч. затевается пляска. Сам Ч. заметил переплывающих, но принял их за диких оленей. Пользуясь наступившей темнотой, Юнгк. с братом проникают в лагерь врага и, присоединившись к пляшущим, ознакамливаются с его местожительством и образом жизни. Ч. не берет пищу руками, а подставляет спинку своей ладони, чтобы не замаслить свои пальцы. В противном случае они во время стрельбы скользили бы с тетивы лука. В его лагере находится один пленный «нууча», исполняющий обязанности работника (вернее, конечно, домашний раб). Братья, скрываясь около лагеря, ловят этого работника и уговаривают его перевернуть колчан своего господина. По совету Ю., работник скрывает от хозяина свое волнение, притворно упав около очага с вязанкой дров. Братья подкрадываются к лагерю во время камлания шамана, который предсказывает их близкий приход. Ю. стреляет в Ч—рэ, но тот увертывается, схватив перевернутый колчан, опрокидывает все свои стрелы и пускается в бегство вверх по Оленеку. Юнгк., издавая собачий лай, преследует его, выпуская стрелы. Ч. ловко увертывается и у его противника иссякает запас

³³⁸ В этом разделе при повторном обозначении имен героев в виду частоты этих повторений мы прибегаем к сокращениям, как, например, «Дж». — Джагдааттуур, «Юнгк.» — Юнгкээбил, «Ч» — Чэмпэрэ и т. д., но все эти имена в начале пересказов обозначаются полностью. Необходимость сокращений якутских или тунгусских слов вызывается частотой ошибок при наборе иностранных слов и трудностью корректурным исправлений.

стрел. Но в этот момент его догоняет брат, прибежавший по горе, и бросает ему колчан со стрелами. В одном месте Ч. перескакивает через Оленек. Но в этот момент стрела Дж. перерезает толстые жилы его ноги. Братья убивают Ч., срезают его косу и, расколов голенную кость, отведывают из мозга. Мозг оказался без вкуса, почему они заключают, что Ч. недавно перенес сильный голод. Захватив богатство Ч., братья возвращаются домой. Косу убитого передают своей матери, которая от радости тут же удавилась, чтобы на том свете передать этот трофей своему убитому сыну-кузнецу.

Б). (Эпизодическая вставка к рассказу). Юнгк. встречается с одним тунгусским витязем, который ищет его, чтобы сразиться. Юнгк. прикидывается другим и предлагает тунгусу помочь ему в охоте на дикого оленя. Во время охоты Юнгк. обнаруживает свою ловкость и меткость. Он съедает почти целую тушу убитого оленя, а тунгус ест как обыкновенный человек. Юнгк. показывает тунгусу свой огромный прыжок через всю равнину и предлагает сразиться. Тот просит пощады. Юнгк. срезает у него косу с головной кожей, чтобы показать его людям, как свой победный трофей.

В). (Вторая вставка). Юнгк. встречается с оспой, принявшей образ женщины-«нуучи» (русской). Он рубит её пальмой и срезает у неё мизинец. Оспа предлагает помириться, она не тронет его народ и не будет приходить на Оленек.

II. Есейский вариант. Со слов есейского якута наслега Чорду Юрюнг Борогон рассказал Николай Данилов. (Олен. эпоса. §§ 4—5).

Витязь Юрэн, живущий на Оленеке, приходит к местожительству витязя Юнгкээбиля и, воспользовавшись, отсутствием последнего, убивает его брата, витязя с косой. Затем также просит чтобы Юнгк. пришел к нему, пока не заведутся насекомые на шейном позвонке его убитого брата.

Юнгк, перед походом заставляет камлать шамана, который своими чарами заставляет поблукнуть верхушки деревьев по узкой тропе до жительства Юрэна. По этой тропе Юнгк. находит дорогу к врагу. Он идет в сопровождении своего брата Эджэна и шести товарищей. Также привлекают при помощи шамана душу Юрэна в виде ястреба и убивают. Затем убивают одного из своих воинов, чтобы его кровью обмазать свое боевое оружие. Добравшись до лагеря врага, переходят через реку. Люди Ю—на принимают их за диких оленей. Братья ловят старика-кашевара и спрашивают о вооружении и образе жизни его хозяина. По словам старика,

Ю. ест мозги диких оленей вилкой, чтобы не смочить свои пальцы. Он сам сидит на сторожевом помосте. Братья улавливаются с предателем, чтобы он во время боя обвязал голову белым платком. Братья, подкравшись, открывают стрельбу. Ю., выпустив бывшие при нем три стрелы, убивает двух товарищей Юнгк. и ударяется в бегство. Оба брата гонятся за ним. Ю. прыгает через речку и в этот момент стрела преследователей переломила его ногу. Убивают, расколов его голенную кость, братья отведывают мозг. Умиравший Ю. свою жену-красавицу, оружие и передник — «далыс» уступает Эджэну. Братья отцу убитого говорят, что застрелили мойкану (2-х травого дикого оленя) и что его костный мозг оказался водянистым. Старик это обстоятельство объясняет тем, что сын когда-то перенес голод.

Братья на обратном пути убивают одного тунгуса, который после смерти Юрэна не желает жить. Жена этого тунгуса дает своему сыну заговоренную стрелу (она была шаманка) и предлагает стрелять, не метаясь. Мальчик идет следом за братьями и убивает Юнгк—ля, угодив стрелой в его лоб.

У убитого Юрэна остался малолетний сын, который воспитывается старым дедом. Сосед-кузнец выковывает ему оружие и указывает местожительство Эджээн-витязя. Мальчик идет мстить, находит урасу Эд. Но мать мальчика узнает его и уговаривает помириться с Эд. и остаться у него за сына. Позже мальчика задирает медведь.

III. Анабарский вариант. Сказитель — якут Жиганского улуса Очкасов, кочующий в районе р. Анабара в ближайшем соприкосновении с туруханскими якутами затундринского рода. (Олен. эп. §§ 6—7).

Витязь Юнгк. живет на Оленеке. На него неожиданно ночью нападает витязь Чэмпэрэ с братом Маган-Хопоо. Юнгк. бежит, братья гонятся за ним. Юнгк. перескакивает через реку, в этот момент стрела Чэмпэрэ прорезает толстые жилы его ноги. Тут же убивают. Юнгк. уступает свой передник Маган-Хопоо. Братья отрезают заплетенную косу и отведывают из костного мозга убитого врага. Матери убитого говорят, что упромыслили самца дикого оленя и его костные мозги не имеют вкуса. Старуха это явление объясняет голодовкой, когда-то перенесенной сыном. Жену и все богатство убитого братья увозят с собой. Перед уходом делают затес на лиственнице и предлагают, если найдется кровный родич убитого, чтобы он последовал за ними.

От Юнгкээбиля остался трехмесячный сын, который воспитывается бабушкой. Подросши, мальчик просит рассказать об отце и матери, но бабушка всячески скрывает все происшедшее. Под конец она не утерпела и поведала внуку об убийстве своего сына и уводе невестки чужеплеменными витязями. Затем она просит внука, чтобы прежде чем идти на врагов, он заколол её и обмазал её кровью свое оружие. Мальчик так и сделал. Он отправляется мстить. По пути находит одного кузнеца, старого друга своего отца, который изготавливает ему вооружение. Кузнец советует мальчику хорошее оружие прятать, а на виду носить худое. Мальчик находит лагерь своих врагов, трех братьев, и, сказавшись сиротой, остается жить у них в качестве работника. Однажды он уличает Чэмпэрэ в убийстве своего отца, выбегает на двор, вступает в перестрелку и убивает всех трех братьев. Забрав мать, мальчик идет к себе домой. По пути заходит к кузнецу и рассказывает ему о своей победе. Дома оставался брат отца, который занимался рыболовством. Этот рыбак, узнав о совершившейся мести удавился, чтобы на том свете сообщить брату радостную весть.

VI. Оленекский вариант. Со слов двух стариков Кангаласского наслега Жиганского улуса рассказан якутом Инн. Гоголевым, уроженцем Намского улуса. (Олен. эп. § 8). Юнгкээбил и Чэмпэрэ — оба якуты Кангаласского наслега Жиганского улуса. Жили на Оленеке. У Юнгк. два брата, Джэгэдээттиир и другой подросток без имени. Юнгк. и Чэмп. каждый в отдельности имели свое войско и подчиненный народ. Однажды в отсутствии Юнг—ля приходит витязь Ч—рэ и убивает его младшего брата. Перед уходом Ч—рэ делает затес на лиственнице и предлагает Юнг—лю прибыть к нему, пока затесы не успеют заплыть. Юнгк. идет на обидчика. Подкравшись к его лагерю, он разведal его местожительство. Тот был окружен многочисленным народом. От густоты дыма шалашей грудь пролетавшей чайки делалась желтой. Народ был занят пляской, а в шатре самого Ч—рэ происходило камлание шамана. Юнгк., изобразив на голове из суковатых ветвей рога оленя, перешел вброд через речку и подполз к шатру Ч—рэ. Шаман, по просьбе последнего, прозревает образ жизни Юнгк—ля и говорит, что он лежит у себя дома, поглаживая живот. Юнгк., разузнав все что нужно, возвратился к себе домой. Осенью он собрался в поход на врага. Предварительно при помощи шамана заставляет привлечь душу Ч—рэ, вселенную в ястреба. Прилетевшую птицу он застрелил, из-

жарил и съел. Подкравшись к лагерю врага, Юнгк. поймал его работника «нуучу» и разузнал от него все приметы Ч—рэ): когда подают ему пищу — жир, он подставляет спинку ладони, чтобы не умаслить свои пальцы. Юнгк. просит «нуучу» перевернуть колчан своего господина, обещая вывести его в люди. Тот так и сделал. Затем Юнгк., подкравшись, пускает стрелу в Ч—рэ. Последний, увернувшись, хватает перевернутый колчан и рассыпает все свои стрелы. Очутившись без оружия, он пускается в бегство. Юнгк. гонится. Чэмпэрэ на бегу оборачивается и мечет в преследователя свой нож и прорезает тетиву его лука. Но в это время подоспел брат и бросил Юнг—лю свой лук. Юнгк. стреляет в бегущего и не может попасть. Ч—рэ добежав до речки, преградившей дорогу, перескакивает через неё. В этот момент стрела Юнгк—ля прорезала его подколенную жилу. Братья убивают Ч—рэ и отведывают из его костного мозга. Отрезанную голенную кость они принесли и передали матери убитого витязя. Говорят ей, что мозги потеряли вкус. Старуха объясняет это тем, что сын перенес сильный голод.

V. Второй булунский вариант. Сказитель— Иван Борисов, объякученный тунгус Эженского наслега, живет в районе Булуна. (Олен. эп. § 9). Живет Юнгк.-витязь с двумя братьями. Одного из них зовут Джагадаатткыр, а другой кузнец без имени. Юнгк., предчувствуя приход какого-то своего врага, с братом Дж—ром идет на охоту, чтобы на случай войны запасти провизию, а брату-кузнецу приказывает ковать оружие. Братья, вернувшись с охоты, находят кузнеца убитым. Он был весь утыкан стрелами. Братья тотчас же идут на врага. Подкрались к лагерю Чэмпэрэ. Народу у него — точно комаров в летнюю пору. Как раз Ч—рэ приступил к еде. При нем три колчана, наполненных стрелами. Пищу подавала ему жена. Он подставлял спинку ладони, чтобы не умаслить свои пальцы. Братья в этот момент выпустили стрелы. Ч—рэ сорвался с места, второпях опрокинул свои колчаны и бросился бежать. Братья побежали за ним вдогонку. Стреляют в бегущего и ни разу не попадают. Ч—рэ оборачивается и бросает рукой одну единственную стрелу, которая имела у него. Стрела угодила на тетиву лука Юнгк—ля и прорезала её. Тут подоспел брат и бросил с горы свой лук. Ч—рэ, добежав до одной речки, перескочил через неё, но в это время стрела Юнгк—ля угодила ему в пятки. Братья убили Ч—рэ и отрубили его голенную кость. Эту кость они передали матери убитого. Та раскалывает кость и убеждается, что в ней нет мозга, там одна вода и кровь. Старуха

это объясняет голодовкой сына. Народ убитого витязя подчиняется братьям. Последние, собрав его имущество, возвращаются к себе домой.

VI. Устьянский вариант. (Олен. эп. § 10).

Юнгкээбил и Чэмпэрэ живут на Оленеке, один выше по реке, другой — ниже. Дальше повторяется сюжет 2-го булунского вар. об убийстве брата кузнеца, поход на Ч—рэ с предварительным убийством птицы-души. Нападению на лагерь не предшествует разведка и ловля работника. Ч—рэ в своем лагере сидел на высоком помосте, постоянно готовый к обороне. Юнгк. с братом Джагадааттыыром, подкравшись, нападают. Стрела Дж—ра сразу перерезала тетиву лука Ч—рэ. Последний, очутившись без оружия, бросается в бегство. Братья гонятся. При погоне Дж. издает крики лебедя, подавая тем знаки своему брату. Кончается так же, как и в 1-м варианте, но отсутствует эпизод самоубийства старухи-матери.

VII. Второй устьянский вариант. Со слов устьянского якута Григория Шамаева пересказан пришлым якутом И. Прокопьевым. (Олен. эп. § 11). Живут на Лене два брата-витязя с отцом и матерью. Их имена рассказчик забыл. Однажды с Оленека прибыл витязь Чыынгхара и убил старика-отца со старшим сыном. Голенную кость сына он передал старухе-матери и предложил ей отведать из костного мозга. В мозгах оказались кровавые сгустки, образование которых старуха объясняет перенесенным голодом. Уходит, передав оставшемуся сыну приглашение — идти по его следам. Мать скрывает от сына убийство его отца и брата, но эту тайну выдает сосед-шаман, который называет имя убийцы. Парень с одним товарищем с тем шаманом идет на врага. Повторяется история с совой, в которой живет душа враждебного витязя. Шаман прозревает все то, что творится в лагере Чыынгхара, где народу видимо-невидимо, советует парням найти амбар и шалаш, в которых Ч—ра держит запас оружия, и испортить его луки. Затем, по совету шамана же, парни надевают на головы рога диких оленей, снятые с головной кожей, и переправляются через реку. Находят запасы оружия противника и перерезают тетивы луков. Повторяется эпизод с поимкой работника «нуучи», который рассказывает, что Ч—ра сидит на высоком помосте и не берет жир руками. Парни, подкравшись, стреляют. Чыынгхара бежит к месту, где припрятал оружие. Обнаружив их порчу, перескакивает через реку, но в этот момент один из преследователей стрелой прорезал его подкаленные сухожилия. Парни убивают его и отре-

зают две голени. Овладевают имуществом убитого. Работника «нуучу» женят на дочери Чыынгхара и уделяют ему из добычи.

VIII. Третий устьянский вариант. Рассказ, по-видимому, сильно испорчен при пересказе или представляет из себя новую переработку старых традиционных сюжетов. (Олен. эп. § 12).

Здесь интересно то, что «своим» героем признается Чэмпэрэ, который в других рассказах обычно представляется противником излюбленного героя Юнгкээбиля. Его убивают два неизвестных витязя. Остается в живых его маленький сын. Последний, чтобы отомстить за убийство отца, при помощи шамана делает свое тело неуязвимым для оружия за исключением коленной чаши, куда шаман вселяет его жизненную силу. Парень нападает на своих врагов в их стане, убивает одного из братьев, другой спасается бегством. Последний с девятью товарищами позже нападает на парня и убивает его. Раскрыв внутренности, они вынимают его сердце и печень, приносят их жене убитого. Но оказалось, что парень был ещё жив. Шаман сердце и печень вкладывает на место. Парень выздоравливает. Позже он умирает оттого, что его маленький сын, падая, ударился об его колено.

IX. Третий булунский вариант. (Олен. эп. § 13). В верховьях р. Оленека живет старик Ишаин, имеющий трех сыновей. Старшего из них зовут Мач-Чабаана, а остальные два брата подростки и фигурируют без имени. Однажды старший сын укочевал со своей семьей осматривать свои ловушки и не вернулся. Старик-отец предчувствует, что сын убит людьми враждебного племени, которые должны иметь на лицах вышитые швы, изображающие рога оленя. По его словам, должно быть другое дружеское племя, у которого прошитые на лице рога будут прямее. Старик умирает.

Однажды, когда братья охотились на переправе диких оленей, прикочевали какие-то тунгусы, лица которых были украшены прошитыми рогами. Языка их парни не понимали. Пришельцы без спроса взяли заколотых оленей. Парни встретили тут жену убитого брата, которая была отдана в жены старшему витязю. Парни ночью нападают на сонных врагов. Один из них стал отстреливаться, но когда стрелой прорезали тетиву лука, он бросился бежать. Парни погнались за ним. Убегающий прыгнул через речку, но в это время стрела прорезала толстую жилу его ноги. Парни убивают его. Одна женщина из избиваемых ранила одного парня, но ее тут же уби-

ли. Перед смертью она грозит мстостью витязя, Танггача. Победители овладевают имуществом убитых.

Младший брат, боясь нападения Танггача, хочет разыскать его. В одном месте он набрел на пять чумов. Перед одним чумом сидел витязь, в котором он предположил Танггача. Последний сев на оленя, вышел к нему навстречу. Парень стрелой убивает оленя. Сам витязь отскочил в сторону и стал увертываться от стрел. Но одна стрела задела в локоть. Парень заколол его и срезал косу с серебряным латаханом. Отец убитого предложил парню жениться на его дочери. Тот согласился. Однажды ночью тесть с сыном напали на зятя. Последний едва вырвался и бросился бежать. Тесть с людьми пустился за ним в погоню. Парень прибегает в табор другого народа, который был в дружбе с его отцом. Лица их тоже были прошиты рогами, но рога были прямые. Вождь этого народа отправил своих воинов навстречу тестю парня. Последний со своими людьми был истреблен.

Х. Илимпейский вариант. По записи Виктора Васильева.

Живет знаменитый тунгусский витязь Урэн. Где-то вдали славится другой тунгусский витязь Молюнга. Последний со своими воинами идет на Урэна. Лагерь последнего за рекой. Молюнга с воинами тихо перебрались через речку. Урэн настороже и слышит плеск воды, но приписывает шум диким оленям, переплывающим через реку. В лагере засыпают. Но один из людей Урэна идет в лес за хворостом и схвачен людьми Молюнга. Пленника расспрашивают об образе жизни Урэна. Он рассказывает его приметы: сидя на камне, берет мясо не руками, а таловыми стружками, чтобы не смочить пальцы, иначе де они будут скользить с тетивы. Отпускают его. Утром М—нга нападает. От стрелы Урэн увертывается и одним прыжком перескакивает через речку. В этот момент стрела М—нга вонзается в его икру. Товарищи М—нга избивают людей Урэна. М—нга не может попасть в раненого Урэна. Наконец, видя, что его люди уже истреблены, Урэн закрывает глаза и падает пораженный стрелой. Придя к отцу убитого, М—нга говорит: мы убили мойку, двухгодовалого дикого оленя, но у него растаяли костные мозги. Старик догадывается об убийстве сына. Затем М—нга говорит, что на своем пути оставит затесы на деревьях, по которым мститель может разыскать его. Он уводит с собой жену убитого витязя.

Отец Урэна среди убитых под котлом находит трехмесячного внука и воспитывает его, скрывая от него про убийство его отца. Мальчик-подросток спрашивает про затесы на деревьях, кем они сделаны. Дед не утерпел и рассказал внуку об убийстве его отца и уводе в плен матери Мюлюнгой. Парень идет мстить. По пути находит кузнеца, который сковал ему железную броню. Покинув кузнеца, парень находит табор М—нги. Спрятав свои доспехи в дупле дерева, он приходит в чум, где сидели одни женщины. Сказывается сиротой. Скоро приходит сам М—нга и во время еды рассказывает про убийство Урэна. Парень вскакивает и объявляет кто он. Выбегает в лес, обряжается в свои доспехи и берет оружие. Парень избивает всех воинов М—нги, а сам он просит пощады. Парень женится на его дочери и остается жить у тестя. Позже парень отпрашивается и уходит. М—нга догоняет зять, но в его чуме застаёт одних женщин. Он прячется в чуме и по приходе зятя стреляет в него из засады. Промахивается. Зять убивает его. Дальше парень находит своего кузнеца и одаряет его. Наконец, добирается до дому и встречается с дедом.

Этот рассказ является повторением анабарского варианта (III) с небольшими отступлениями, а имя «Урэн» взято из есейского варианта.

XI. Кондагирский вариант. (Верховья Нижней Тунгуски). Рассказы тунгуса брангатского рода Николая Григорьева и кондагирского рода Николая Каплина. (Олен. эп. §§ 15—17).

Знаменитый тунгусский витязь Нургаабыл живет на Илимпее, занимается истреблением других тунгусских родов. Однажды он с одним товарищем истребляет многочисленный тунгусский табор. От избиения случайно уцелел грудной ребенок, который воспитывается старым дедом. Перед уходом Нургаабыл говорит, что он на своем пути будет оставлять затесы на деревьях, по которым его может разыскать кто-либо из родичей убитых. Старик-дед приучает мальчика увертываться от стрел. Когда он возмужал, дед указал ему на затесы Нургаабыла. Парень идет мстить. По одному рассказу, он встречает двух дочерей Нургаабыла, которые приехали на верховых оленях за тушами двух диких оленей. Парень выпросил у них почки убитых оленей и съел. Придя в дом, девицы скрывают от отца встречу с неизвестным парнем. Парень нападает на Нургаабыла. По одной версии, он убивает его и женится на дочерях, а по другой — мирится с ним.

3. ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ХОСУННОМ ЭПОСЕ

Использование сказаний о героях и прошлых исторических событиях, бытующих или бытовавших когда-то в устной форме у тех или других народов, как научных источников при ретроспективном анализе давно прошедших этапов их исторической жизни, конечно, нельзя рассматривать как новый методологический прием в науке. В более ранней стадии развития европейской исторической науки, особенно в отношении так называемых классовых народов, этот прием, пожалуй, был господствующим и породил целый ряд неверных представлений и воззрений об отдаленной древности, следы которых в тех областях, где затрагиваются вопросы религии или национальной чести, далеко ещё не изжиты и теперь. Не говоря о бесконечной веренице мифических исторических личностей, украшающих начальные страницы в истории древней Иудеи, Греции и Рима, вполне достаточно напомнить и близкий для нас факт, а именно, знаменитую в свое время нормандскую теорию происхождения Руси, в основе которой лежит, как известно, устное сказание, записанное автором «Повести временных лет», о призвании первых князей, Рюриковичей. Этим путем герои легендарного рассказа и его дополнений — Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир превратились в живых исторических деятелей древней Руси.

Однако, подавляющее большинство современных историков к народной легенде, особенно когда дело касается не «классических» и не «исторических» народов, относится явно отрицательно, ставя её содержание в один ряд со всякого рода сказочными и фантастическими сюжетами устного народного фольклора.

Пред нами возникает дилемма, какая из этих точек зрения на научную ценность народной легенды должна быть признана правильной, ранних историков или поздних, более искушенных в разных методах научной критики? Невзирая на очевидный перевес и авторитетность последней группы, мы берем на себя смелость высказаться за необходимость пересмотра этих двух методологических позиций, взаимно исключающих друг друга. Если наивно реалистическое восприятие греческих и латинских героических сказаний, унаследованное от древних историков, и засорило исторический горизонт разного рода баснями, фантастическими события-

ми и фигурами, то этим фактом ещё не оправдывается резко нигилистическое отношение к легендарной истории любого и каждого народа. Да и раскрытие исторической ценности древнегреческого и латинского героического эпоса, может быть, ещё впереди, ибо методологией буржуазной историографии научная мысль ещё не может закончить весь цикл своего развития.

Правда, историки нас утешают, указывая на тот факт, что народные мифы и легенды далеко не игнорируются наукой, что ими всегда пользуются как источниками при уяснении религиозного мышления и мировоззрения людей более ранних стадий культурного развития и вообще при всякого рода описаниях статистического состояния отдельных сторон их быта. Что же касается динамики жизни, последовательного хода исторических событий, то в этом отношении полагаться на легендарное воспоминание народа нельзя. Иными словами, членораздельная история кончается там, где обрываются показания писанных документов. Следовательно, бесписьменные народы навсегда обречены самой историей оставаться неисторическими, так сказать, быть в нетях. Абсолютный ли это тупик или тупик только относительный, обусловленный недостаточным развитием буржуазной исторической методологии?

На вопросе об историческом значении героических сказаний южных якутов мы останавливались с достаточной подробностью³³⁹. Но, однако, между легендарным сознанием южных и северных якутов вряд ли можно было бы поставить знак полного равенства. Следовательно, и методы восприятия того и другого материала не могут быть вполне тождественными.

В отношении содержания оленекского хосунного эпоса взамен общих и абстрактных рассуждений о ценности, важности и нужности для истории народных легенд вообще мы можем предложить лишь попытку исторического анализа этого конкретного материала. Ошибаемся мы или стоим на верном пути, об этом должны судить по достигнутым нами результатам наши будущие критики.

Перейдем теперь к разбору изложенных выше сюжетов героического эпоса якутов-оленеводов.

Прежде всего, нельзя не констатировать, что во всех 12-ти вариантах народной легенды, несмотря на чрезвычайную разбросанность их носите-

³³⁹ См. ч. I, гл. IV.

лей на огромном пространстве, мы имеем дело с разновидностями одного и того же фольклорного сюжета. Основную фабулу этого цикла сказаний мы могли бы характеризовать, как осуществление священной мести: некий витязь совершает несправедливое убийство, братья или сын убитого героя, обуреваемые жаждой мести, нападают на обидчика и убивают его самого. В шести вариантах мстителем выступает сын убитого (II, III, VIII, X и XI), в пяти случаях — братья его (I, IV, V, VI и IX), а в одном варианте за убийство отца и брата мстит другой брат (VII). В пяти рассказах повод к мести осложняется ещё похищением женщины (II, III, VIII, IX и X) — матери, тетки или сестры мстителя. Причем мы могли бы отметить, что в более разработанных вариантах, сохранившихся у якутов Жиганского улуса и у есейских, повод к мести ограничивается убийством брата, а в рассказах анабарских и устьянских якутов, илимпейских и кондагирских тунгусов разработан по преимуществу сюжет мести сына. Из этих двух конкурирующих сюжетов месть сына можно признать более древним и основным. В этом убеждают нас сказания кондагирских тунгусов о Нургаабыле, сохранившиеся в форме безыскусственного рассказа, лишенного художественной обработки. Можно предположить, что эти тунгусы восприняли интересующий нас эпос очень рано и сохранили до наших дней лишь голый остов сюжета с забвением всех интересных фольклорных мелочей. Можно истолковать, конечно, и так, что последний сюжет есть первичный источник, общий для всех тунгусских племен, на фоне которого под влиянием пережитых исторических событий значительно позже разработан оленекский эпос.

Главными носителями этого героического эпоса мы должны признать северных якутов-оленоводо-в и притом по преимуществу тех из них, которые занимают бассейн р. Оленека, ввиду чего весь цикл сказаний было бы справедливо назвать «Оленекским хосунным эпосом» или «Оленекской эпопеей». В интересах простоты в дальнейшем изложении будем пользоваться последним сокращением.

Подходя к оленекской эпопее с точки зрения фольклористики, необходимо отметить чрезвычайную устойчивость основного сюжета и повторение на протяжении всех зарегистрированных нами вариантов весьма характерных приемов мифологического творчества. Укажем, например, на такие моменты, как оставление нападающим витязем затесов на деревьях

в знамение совершенного им деяния с приглашением своих врагов последовать за ним, скрадывание лагеря противников из-за реки, переход через реку с импровизацией диких оленей, бегство витязя, подвергнувшегося неожиданному нападению, и погоня за ним, скачок его через реку, ранение в момент прыжка в ногу, наличие предателя-работника, оказывающего помощь нападающим, отрезание голени врага и отведывание костного мозга, объяснение порчи вкуса мозга голодовкой, постоянное сравнение витязей с дикими оленями, отрезание косы (иногда полное скальпирование), предварительная охота за душой противника, летающей в образе птицы, и т. д.

По широте территориального охвата, популярности и устойчивости древнейших мифологических черт и, наконец, напряженности эмоциональных переживаний носителей эпоса, доказывающих особо подчеркнутое интимное отношение их к описываемым событиям, оленекская хосунная эпопея представляет из себя явление, заслуживающее большого внимания со стороны не только историков, этнографов-якутоведов, но и знатоков сравнительного фольклора и древней «классической» мифологии. По указанным своим признакам, она может быть, поставлена в один ряд с циклом эллэе-омогоевских сказаний южных якутов-скотоводов. Трудно было бы сомневаться в том, что оба цикла должны соответствовать двум самостоятельным этапам в истории развития якутских переселений с юга на север. Если у оленных якутов сложился и сохранился до наших дней столь самостоятельный и самобытный героический эпос, то это обстоятельство бесспорно свидетельствует о значительном территориальном разрыве между южными и северными якутами. Если бы обе части якутского племени долгое время сожительствовали в одной географо-экономической области с единым центром тяготения, то, по нашему мнению, было бы немыслимо сохранение оленекского эпоса наряду со сказаниями южных якутов. Зачатки первого были бы очень скоро поглощены мифологическими и историческими представлениями последних. Эти соображения убеждают нас в том, что места проживания и исторические этапы южных скотоводов и северных оленеводов постоянно не совпадали. Когда первые жили вне Прибайкалья, оленные якуты должны были заселять эту обособленную область. Когда якуты-скотоводы заполнили Прибайкалье, якуты-олeneводы в своей массе должны были отойти вглубь

Ленского бассейна. И, наконец, когда скотоводы нахлынули на север в зону оленеводческого хозяйства и стеснились в травянистых участках средней Лены, оленеводы вынуждены были отойти ещё дальше на север до берегов Полярного моря, где мы и застаем их теперь. При таком понимании общего хода древней истории и взаимоотношений северного и южного отдела якутов, между ними постоянно сохраняется приличная территориальная разобщенность, обеспечивающая культурно-экономическую самобытность северного отдела.

Описанная одиссея двух отделов якутского племени от Саянского хребта и окружения озера Байкала до берегов Полярного моря, почти полностью завершившаяся к моменту прибытия русских завоевателей, при ретроспективном взгляде на прошедшие исторические дали, представляют собой картину, конечно, и не столь священную и заветную для всего образованного человечества, как известное 40-летнее странствование классических евреев в пределах крошечной пустыни около горы Синай, но, во всяком случае, не уступающую последнему, по крайней мере по широте территориального охвата, сопряженным с этим странствованием по полярным пустыням трудностям и, наконец, по своей продолжительности. Эпоха якутских переселений с юга на север от тепла к заполярному холоду, по нашему мнению, основанному на обзоре всего изученного нами материала, должна была занять тысячелетний период, а именно, от конца 1-го века нов. эры до появления на исторической арене знаменитого завоевателя Чингис-Хана. Почему мы останавливаемся на этих датах? Ответить на этот вопрос мы сможем лишь в заключении нашего исторического обзора.

В оленекском эпосе выступает довольно отчетливо стародавнее якутское влияние на тунгусскую стихию. Это мы видим, например, в якутском самосознании современных носителей эпоса, за исключением, конечно, илимпейских и кондагирских тунгусов. Центральная фигура эпических сказаний Юнгкээбил-Хосуун нигде откровенно не называется тунгусом. В оленекском (IV) варианте он и даже его противник прямо определяются как якуты. Сказители вообще не отличают Юнгк—ля от самого себя, т. е, он в их сознании представляется северным якутом и занимается, главным образом, охотой за дикими оленями. В одном варианте упоминается его брат-рыбак. Якутское самосознание носителей эпоса нашло яркое выражение в эпизодической вставке к первому варианту, в которой

Юнгк—лю противопоставляется тунгусский витязь с косой. Последний ищет Юнгк—ля, чтобы сразиться с ним, и справляется о нем у него же самого. Ю., прикинувшись другим человеком, обнаруживает пред тунгусом свою меткость и богатырский аппетит, потом показывает ему свой гигантский прыжок и предлагает сразиться. «Тунгус повалился ему в ноги, умоляя и упрасывая этого не делать». Юнгк. отвечает ему: «Убив такого человека, могу ли я заслужить какую-либо славу?»» И отпускает его, срезав заплетенную косу вместе с головной кожей. При этом он добавил: «И у тебя, наверное, есть круг своей родни. Ты расскажи им, чтобы впредь к Юнгкээбилю приходили отборные люди, а не всякое ничтожество».

Такое высокомерное и презрительное отношение к местным тунгусам допустимо лишь со стороны пришлых завоевателей, которые уже перестали причислять себя к тунгусам. В связи с этим вполне естественно рождается вопрос: не объясняется ли популярность сказаний об Юнгкээбиле тем, что предки якутов-оленьеводов пришли на Лену откуда-то извне и одержали победу над аборигенами края, которыми должны были быть разные тунгусские племена? Не мешает здесь отметить тот факт, что вся восточная половина Сибири, точно отграниченная на западе р. Енисеем, включая бассейн Амура и значительную часть Манчжурии, должна быть признана исконной тунгусской территорией, куда значительно позже проникли с юга турки и монголы в лице современных якутов и бурят, эксплуатирующих степных травоядных животных. Следовательно, и весь бассейн Лены должен был иметь исконное тунгусское население, как и теперь занимающееся оленеводством и охотой. Если на поставленный выше вопрос нужно дать утвердительный ответ, то Юнгкээбил со своими братьями олицетворял бы пришельцев, а его противник Чэмпэрэ-витязь — туземный народ, т. е. одно из тунгусских племен.

К сожалению, оленекский эпос, по-видимому, уже давно вступил в стадию своего разложения, обусловленного, главным образом, усвоением его новыми элементами, которые не могли не вносить некоторые изменения в структуру первоначального сюжета. Это явление мы можем наблюдать и по нашим записям. Так, например, по пересказу пришедшего якута Иннокентия Гоголева, Юнгкээбил и его враг Чэмпэрэ растут вместе и принадлежат одному и тому же кангаласскому роду, о которых мы уже отмечали раньше, что он составил из порусских беженцев, якутов Канга-

ласского улуса, с небольшой примесью тунгусов Эженского рода (вар. IV). Гоголев же слышал сказание с уст двух старцев этого рода. Последние, по привычке южных якутов, обоих популярных героев северного эпоса превратили в своих собственных предков. По пересказу другого пришедшего якута Прокопьева, сказаний Усть-Янского улуса в звание народного героя возводится Чэмпэрэ (VII вар.). Он же в другом варианте, правильно воспроизводящем местные рассказы, имена Юнгкээбиля и его брата забыл, а их противнику дает имя Чыынгхара (VII вар.).

Стараясь разгадать историческую основу оленекского эпоса, нельзя упускать из виду огромный срок, истекающий со времени образования эпоса и тех реальных событий идеологическим отражением которых он является. Ввиду этого основные черты эпоса, передающие прошлое историческое событие, с течением времени могли исказиться и перепутаться. Поэтому, пользуясь народными легендами в современной редакции, как историческими источниками, мы должны игнорировать многие мелочи и сосредоточить свое внимание лишь на общем контуре сохранившихся легендарных сюжетов.

Самый характер восприятия фактов отдаленного прошлого при посредстве преемственной передачи из поколения в поколение устных рассказов обуславливает целый ряд типических ошибок, закономерно повторяющихся во всех народных легендах. Не вдаваясь в излишние подробности, мы укажем лишь на самые главные дефекты легендарного повествования.

Для каждого, думается нам, понятно, что в легендарных сказаниях о прошлых событиях, выходящих за пределы воспоминаний двух-трех поколений, не может быть даже приблизительно верных хронологических указаний. События в легендах как бы совершаются вне времени, с одной лишь неопределенной датой, что это было когда-то давно, встарь. В легендарном и былинном творчестве в отношении хронологии замечаются две крайности: все события и лица отодвигаются чуть ли не к воображаемой эпохе первых дней творения или, наоборот, приближаются к современности, какую бы отдаленную эпоху они ни отражали. Например, относительно Юнгк—ля в одном варианте наших сказаний сообщается, что где-то на берегу речки Уджи, притоке Анабара, будто бы до сих пор видны следы его дома-рубленка (вар. IV). В другом рассказе он оказывается со-

временником эпохи нашествия русских (вар. I). Не исключена возможность и того, что иной сказитель, чтобы убедить своих слушателей в действительности существования своего легендарного героя может сообщить, что такой-то старец в молодости видел и знал сына или внука Юнгк—ля. Анахронизм во времени есть типическая черта устных народных повествований об отдаленных событиях.

Не менее постоянна в легендарном эпосе аналогичная ошибка и при ориентировании событий в пространстве, которая обнаруживается в том, что народ, переселявшийся с места на место, обычно воображает, что вся его история протекала на той самой территории, которую он занимает в данное время. Иными словами, и все герои его легендарных повествований, сложившихся на другой территории, вместе со своими живыми носителями автоматически пересаживаются на новые места, хотя они и продолжают в сознании народа разыгрывать свои прежние роли. Но бывают и исключения, когда и последнее поколение носителей легендарного эпоса в своих сказах сохраняет более или менее отчетливые следы перемещения исторической сцены. Так, например, в легендах якутско-оленоводов, благодаря тесной связи всей экономической жизни народа с луговыми местами, располагающимися по речной системе Лены, а также более развитой общественности, ещё улавливается пространственное перемещение истории, ориентируемой по реке Лене. У северных же якутов, живущих при оленеводческом хозяйстве, роль позвоночного столба их прошлой истории в эпических сказаниях играет река Оленек. В этом факте, очевидно, сказалась легендарно богатая охота на диких оленей в низовьях реки Оленека³⁴⁰. Это промысловое место, вероятно, с очень давнего времени было занято головными частями народа, ввиду чего местожительство эпических героев чаще приурочивается к р. Оленеку. Но отсюда отнюдь ещё не вытекает, что то историческое событие, которое лежит в основе оленской эпопеи, обязательно должно было разыгаться именно здесь. Эпос дает лишь основную фабулу разыгравшихся событий: его популярность и территориальное распространение указывает на их широкий охват и напряженность переживаний тех поколений, которые создавали его. А вопросы хронологии и локализации разыгравшихся событий должен

³⁴⁰ См. в особ. прил. «Олен. эп.», «Словарь провинциализмов в говоре Якут.-олен-ов» слово «тиикээн».

разрешить сам историк по совокупности данных, как содержащихся в самом эпосе, так и добытых извне.

Ещё более характерной особенностью народных сказаний является постоянное сужение всей племенной истории до размера приключений одной или нескольких семей. Расшифровывая по легендам или былинам прошлую историю народа, всегда нужно иметь в виду, что отдельные герои обычно представляют за целые племена или его крупные подразделения. Впрочем, этот метод расшифровки образов ле генды вряд ли можно рекомендовать за пределами собственно скотоводческих племен, имеющих определенную общественную организацию.

Если оленекский героический эпос когда-то отражал борьбу пришлого и туземного народа, то его первоначальная редакция, вышедшая из уст победителей, не могла не отличаться от той, которую донесло до наших дней их позднее поколение, основательно смешавшееся с туземным народом. Потомки последнего, усваивая эпос победителей, могли превозносить и своего побежденного героя, мешая черты и культурно-этнические признаки борющихся сторон. Следовательно, объявление Юнгкээбиля и Чэмпэрэ представителями одного и того же народа нужно рассматривать как позднейшее наслоение. Однако, невзирая на указанный процесс постепенной ликвидации культурной и этнической противоположности главных героев эпоса, до настоящего времени в нем сохранились довольно отчетливые следы того, что побежденный герой когда-то фигурировал в качестве туземного тунгуса, тогда как его противники выступали со смешанными тунгусо-якутскими признаками.

Во втором варианте (есейском) мы находим такой эпизод. Братья, одержав победу над Юрэном, на обратном пути «зашли к одному тунгусу и рассказали, что вот они убили знаменитого Юрэн-витязя». Тунгус сказал: «Если мертв знаменитый Юрэн-витязь, то зачем мне оставаться в живых? Заодно покончите и со мной». Тунгус затеял с братьями перестрелку и был убит. Его жена-шаманка снаряжает своего сына, чтобы отомстить за убийство отца. Здесь главный противник Юнгк—ля косвенно сопричислен к местным тунгусам, тогда как он сам, очевидно, представляется героем с якутской речью.

Ношение косы сказители обычно приписывают противнику Юнгк—ля. Правда, по одному варианту у самого Юнгк—ля имеется брат, который

даже именуется «Витязь с косой» (Сусуоахтаах-Хосуун. II вар.). Это отличное имя одного как будто предполагает, что остальные братья не носили кос. Так в народном фольклоре, как мы указывали выше, образы братьев обычно символизируют самостоятельные отделы народа, а иногда и родственные племена, то в разных обыкновениях трех братьев (третий брат обычно представляется кузнецом), мы могли бы усмотреть показатели разного этнического происхождения северных якутов, отчасти и степеней якутизации тунгусских племен. Старший брат Юнгк., утративший косу, должен олицетворять тунгусов, раньше столкнувшихся с якутами, брат с косой — более поздние тунгусские примеси, а третий брат, кузнец по профессии, как дальше увидим, должен соответствовать якутскому элементу, очень рано усвоившему тунгусский образ жизни.

Кроме указанных намеков на этнические признаки героев оленекского эпоса, мы имеем один вариант (IX), в котором, по нашему мнению, сохранилась более древняя редакция эпоса. Здесь витязи Юнгк—ля и Ч—рэ, хотя и не упоминаются, но рассказ ведется в обычном стиле, т. е. два брата нападают на лагерь врагов, преследуют одного витязя, который прыгает через речку и в этот момент получает рану в ногу. В данном случае побежденные враги прямо определяются как тунгусы, татуирующие на своих лицах изображения оленьих рогов и язык которых героям победителям был непонятен.

О столкновении двух племен, стоящих на разных ступенях культурного развития, свидетельствует ещё один момент, подчеркиваемый во всех вариантах. Это — образ кузнеца, который в одних рассказах объявляется братом героя Юнгк—ля, а в другом — соседом молодого парня, совершающего месть над убийцами своего отца. Если ориентироваться от образа Юнгк—ля, то этот кузнец уже оказывается в противоположном лагере, но во второй стадии борьбы. И в том и в другом случае основная фабула оленекских сказаний вертится вокруг одного стержня, а именно, победа приписывается тому герою, который имеет союзника в лице ковача железного оружия. С другой стороны, и побежденный герой гибнет потому, что в нужный момент в его распоряжении не оказывается стрел. И победитель Юнгкээбил в самый критический момент получает подкрепление оружием от подросшего брата, бросающего ему колчан, наполненный стрелами или же лук. Очевидно, в борьбе двух племен, лежащей в

основе наших эпических сказаний, качество и количество вооружения играли решающую роль.

Что военная техника когда-то занимала умы носителей оленекского эпоса как сила, определяющая победу, ясно обнаруживается в тех вариантах, в которых месть осуществляется сыном вероломно убитого витязя (II, III и X). В этих рассказах победу над знаменитым витязем одерживает молодой парень, «малыш», чуть не «мальчик». При переводе на русский язык третьего варианта, записанного по-якутски нашим сотрудником Д. Кириллиным, нам пришлось испытать большое затруднение при передаче слова «ого» — дословно «дитя», «ребенок», ибо это дитя повергает в прах трех братьев, старых витязей. Нам казалось совершенно несуразной народная мысль — вручать победу над тремя взрослыми и опытными воинами почти ребенку, хотя бы он и был исполнителем справедливой мести. Поэтому мы сначала были склонны думать, что наш сотрудник неверно зафиксировал рассказ. Но недоумение рассеялось, когда мы обратили внимание на то, что по фабуле этот малыш встречается со старым кузнецом, который кует ему необходимое воинское снаряжение и даже обучает его воинскому искусству (увертываться от стрел. III вар.). В самом деле, если борются два противника с неравной воинской техникой, например, у одного огнестрельное оружие, а у другого простой лук, то первому совсем нет необходимости быть обязательно взрослым мужем, чтобы одержать победу над противником. Несомненно, эта самая мысль о решающей роли воинской техники и выражена в указанных нами вариантах, в которых повествуется о победе мальчика, имеющего союзника в виде ковача железного оружия. Дарует победу не физическая сила воина, а сила техники, которая дается случайным соседством с более культурными народами. Творцы оленекского эпоса, противопоставляя отрока взрослому воину, по всей вероятности, хотели в несколько утрированной форме подчеркнуть превосходство железной техники пред костяной и каменной. Но в позднейшую эпоху, когда железо получило всеобщее распространение и обладание железным оружием стало признаком каждого воина, в сюжете героических сказаний древняя традиция — наделять сталкивающихся противников разной техникой — могла постепенно исчезнуть в порядке новой интерпретации. Следовательно, читая рассказы о борьбе мальчика со взрослыми воинами, необходимо комментировать их указанием на то, что

у последних не было своих кузнецов и железного вооружения. Этот вопрос о роли кузнецов в оленекском эпосе особенно важен для уяснения древних взаимоотношений якутского и тунгусского племен.

Раньше мы признали, что из двух конкурирующих сюжетов о выполнении мести сыном или братьями убитого более ранним является сюжет о мести сына. Надо заметить, что и отношение кузнецов к героям эпоса разнится в зависимости от того, кто выступает мстителем. В более раннем сюжете кузнец неизменно рисуется посторонним человеком, на которого ребенок-мститель натывается совершенно случайно, а в поздних рассказах о мести братьев, кузнец выступает уже в качестве родного брата мстителей. Какой же исторический вывод мы можем сделать из разной трактовки типа кузнецов в легендарных сказаниях? Напрашивается лишь следующий вывод. Носители эпоса первоначально не обладали искусством кования железа (разумеется, и добывания из руды), но какой-то соседний народ, вступив с ними в культурно-этническое общение, стал снабжать их предметами своего кузнечного ремесла. Это обстоятельство, вне всякого сомнения, должно было усилить носителей оленекского эпоса и дать им перевес над соседними племенами. В эту-то стадию и должен был развиваться сюжет о храбром мальчике, который вымещает на соседях свои старые, отцовские и дедовские обиды.

Героические сказания должны были перейти во вторую стадию, когда соседний кузнечный народ стал смешиваться с основным ядром носителей эпоса и подчинил его полностью своему культурному влиянию. С этого момента уже не было никаких оснований объявлять кузнеца простым соседом или случайным благодетелем: кузнец превращается в родного брата народного героя.

Этот бесспорный вывод подтверждается и дополнительными пристройками к оленекскому эпосу, которые по счастливой случайности тоже нашли отражение в собранных нами сказаниях северных якутов. Мы имеем в виду совершенно самостоятельный сюжет об якутских кузнецах, превратившихся в легендарных героев.

Тип героя-кузнеца в оленекском эпосе точно так же, как и трактование сюжета о выполнении мести, приходится делить на раннего и позднего

го. Ранее сложившимся типом героя-кузнеца мы признаем Сааппа-Хосууна, а более поздним Дэлгэр-Уус³⁴¹. О первом типе в сказаниях говорится:

«Сааппа-Хосуун дружил с тунгусами. Он был кузнец и делал для них разные железные принадлежности. Сааппа-Хосуун жил в глубокой древности. Он был отборный из людей, быстроногий из людей».

Фигура Сааппа-Х. в сказаниях вырастает почти до образа титана. Окружающие его тунгусы по сравнению с ним представляются жалкими лилипутами.

«Тунгусы, стремясь прогнать якутов, постоянно охотились за ними, но им никак не удавалось убить Сааппа-Хосууна. ...Один тунгусский витязь, посмеявшись над бессильем своих братьев, «вызвался убить Сааппа-Хосууна». Когда подъехал тунгусский герой, «С.-Х. стоял на водопое и долбил прорубь. Тунгус подъехал к нему почти вплотную и с расстояния длинны пяти стрел начал стрелять. С.-Х. при каждом выстреле отскакивал в сторону и стрела пролетала мимо. Тунгус начал стрелять с расстояния одной стрелы, С.-Х. ловил стрелы руками и, перелаывая наконечники, стержни их подавал ему обратно. Испуганный тунгус погнал своих оленей обратно, но С.-Х. настиг его, схватил за косу и тотчас же отрезал её... Сделав свое дело, отпустил тунгуса на волю, но тот со стыда удавился тетивой своего лука».

В другом варианте при аналогичной обстановке С.-Х. орудует против тунгуса лишь своею пешней: тут же пешней срезал косу и сказал: «Живи, не велика слава убить тебя»³⁴².

Сааппа-Хосууна тунгусы пробовали колоть пальмами, но он «зажимал последние в подмышках и вырывал из рук».

В этом титаническом облике кузнеца С.-Х-на мы, несомненно, находим явные следы воспоминаний о тех давно прошедших временах, когда люди железной техники, нагрянувшие из далекого юга, боролись с действительными культурными лилипутами отдаленного севера, которые закаленным железным пальмам, копьям и остриям стрел могли противопоставить только свои костяные, роговые и каменные оружия. Если бы северо-восток Сибири обладал медно-бронзовой культурой, то боевое соотношение пришельцев и туземцев, конечно, не могло бы быть столь кон-

³⁴¹ См. прил. «Олен. Хосун. эпос.» §§ 21-24, 19-20. Там же, § 23.

³⁴² Там же, § 23.

трастным. Но, как известно, в этой области азиатского материка не знали медно-бронзового века, который вошел бы в обиход народного быта, и сразу перескочил, как это имело место в Африке, из эпохи камня и кости в железную эру. Если в бассейне Лены кое-где случайно обнаружены предметы бронзовой индустрии, то это, надо полагать, редкостные вещи импортного происхождения. В таком же отношении к меднобронзовой культуре, по мнению авторитетных по Восточной Сибири археологов, стояла и область Прибайкалья, точнее его северо-западные пределы, прилегающие к верховьям Лены. Проф. Б. Э. Петри в своем популярном обзоре археологии Прибайкалья, изданном сравнительно недавно (1-ое изд. в 1922, 2-ое в 1928 г.), пишет:

«Почти на всех без исключения стоянках, относящихся к самому концу ново-каменного периода, мы находим отдельные предметы, сделанные из бронзы — ножи, топоры, наконечники стрел, пуговицы, бляхи и даже большие бронзовые котлы. Но нигде мы не находим ни форм, в которых выливались эти предметы, ни шлаков, говорящих нам о выплавке меди из руды, ни даже курганов или погребений, где бы мы могли найти скелеты, снабженные инвентарем, характерным для бронзовой культуры. Даже наоборот — если мы находим погребение, содержащее бронзовые предметы, то вместе с ними мы имеем и предметы, сделанные из кремня и нефрита; это нам указывает на то, что по-прежнему главным материалом был камень и лишь отдельные бронзовые вещи, как предметы роскоши, были в обиходе туземцев... Но эти предметы... привозились откуда-то извне, из привольных степей Минусинского края, а, возможно, также и из степей Забайкалья и Монголии»³⁴³.

Если дело обстоит так, то мы вправе признать, что предварительные выводы археологических разведок в областях Прибайкалья и характерные признаки героического эпоса того оленеводческого народа, который в пределах первого тысячелетия нов. эры от границы Восточных Саян и озера Байкала проследовал вниз по всей Лене и там на севере разошелся веером по берегу Полярного моря, не только не противоречат, но и подкрепляют друг друга. Именно в пределах Прибайкалья должна была произойти первая встреча людей железной техники с его аборигенными оби-

³⁴³ Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-попул. очерк. Иркутск, 1928 г. Изд. 2, стр. 45—46. Также у Петри. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. Чита. Стр. 14—15.

тателями, которые, переживая развитую стадию ново-каменного века, лишь в виде «предметов роскоши», пользовались изредка привозной откуда-то извне бронзой. На вопросе о давности здесь в Прибайкалье железной культуры мы не будем останавливаться, ибо для наших целей вполне достаточно знать, что якуты, проследовавшие когда-то через эту территорию, как бы мы их ни повертывали, представляются людьми развитого железного века. Остатков железного века в Прибайкалье обнаружено вполне достаточно, хотя к детальному изучению их почти не приступали. Пока мы можем ограничиться одной цитатой из названного выше труда проф. Петри:

«Остатков железного периода мы имеем в нашей области много. Очень часто бывает, что на месте, где прежде жили рыбаки ново-каменного века, впоследствии поселялись жители, знакомые с выплавлением и употреблением железа»³⁴⁴.

Итак, в областях Прибайкалья и дальше на север в глубине Ленского бассейна когда-то давно, в легендарные времена, произошла встреча железа и камня. Нетрудно представить себе тот неожиданный скачок и революционный разряд, которые неизбежно должны были произойти в результате встречи этих вещественных символов двух культурно-экономических эр, пройденных человечеством. Одна картина социально-экономического бытия и культурного состояния при господстве в хозяйственно-производительной деятельности людей каменных орудий, совсем иная при орудиях и оружии с закаленными лезвиями из крепкого железа. Нет нужды доказывать, что естественным и обычным прологом такого рода смены эпох культурного состояния людей, организованных в общества, бывает прежде всего их вооруженное столкновение и поражение одних другими, если слабые не успеют спастись бегством в недостижимые дебри.

На юге в пределах Прибайкалья резкие противоречия при встрече камня и железа могли быть сглажены в результате постепенного усвоения железной культуры его древними аборигенами, ибо очаги последней, несомненно, находились где-то поблизости. Наличие довольно оживленных торгово-экономических связей обитателей древнего Прибайкалья с определенными краями устанавливается, как мы видели выше, и археоло-

³⁴⁴ Петри. Цит. соч. Стр. 55.

гическими раскопками. По способу добывания и обработки, а особенно по распространенности в рудном состоянии, железо по сравнению с медью и бронзой — металл более ординарный и доступный для массового употребления. Следовательно, он мог быть легко усвоен древними прибайкальцами путем простого позаимствования и культурного влияния своих соседей. Совсем иные условия в бассейне средней Лены, отрезанном от южных культурных центров обширными пространствами глухой тайги, диких горных хребтов и непривлекательного вообще по своим суровым климатическим условиям. Поэтому очень трудно допустить, чтобы аборигенное тунгусское население этого края, ещё находясь в стадии новокаменного века, могло бы близко ознакомиться и применять в своем быту железо до начала массовых переселений к ним части древних прибайкальцев, т. е. предков якутов-оленьеводов, уже усвоивших у себя на южной родине технику добывания и обработки железа. Начало железного века в глубине Ленского бассейна трудно мыслить без той трагической завязки, которая лежит в основе оленекского хосунного эпоса. Что дело обстояло именно так, об этом громко свидетельствует исключительная роль в интересующих нас легендах кузнецов по железу, выступающих в разных ролях: то они подстрекатели и пособники убийств, то своеобразные благородные «пацифисты», которые в борьбе с местными тунгусами не ищут себе боевой славы. В самом деле, велика ли была честь, имея в руках железный меч, одержать победу над противником, вооруженным простой дубиной с каменным набалдашником. Творцы оленекского эпоса, вероятно, потому превратили своего Сааппа-Хосууна в раннего толстовца, что его обычные «геройские» подвиги над беззащитными людьми севера были совсем лишены элементов рыцарского благородства, требующего, прежде всего, равенства вооружения. Надо полагать, и сами древние сааппа-хосууны стыдились перечислять свои победы над местными тунгусами, ибо моральная ценность этих подвигов отнюдь не могла быть выше благородства заплечных дел мастеров.

Столкновение высшей и низшей культуры всегда было плачевным для носителей последней, где бы это явление мы ни взяли. В особенности много зла своим младшим братьям на всех материках земного шара натворили носители железной техники. Пути распространения «железа» среди всех культурно отсталых отделов человечества, несмотря на вы-

сокую полезность этого металла в хозяйстве людей, обильно политы целыми потоками крови и слез всех первобытных людей, которым пришлось заплатить повсюду чрезмерно высокую «страховую» премию, в прямом и в переносном смысле этого слова, за свою культурную отсталость и позднее приобщение к культуре железа и стали. По-видимому, и сами носители железной техники, разбираясь задним числом в моральной ценности своих злодеяний, многочисленных погромов и избиений невинных младенцев природы, всегда нуждались в интересах самоутешения и примирения со своей протестующей совестью, в особых способах оправдания всей совокупности содеянного ими зла. Вот почему мрачные фигуры рыцарей железного века, выступавших в роли пионеров в далеких окраинах, в воспоминаниях отдаленного потомства неожиданно меняют свой натуральный облик и перекрашиваются в диаметрально противоположный белый цвет. Они оказываются истинными благодетелями страждущего, коснеющего во тьме невежества и первобытной дикости, обреченного на холод и голод культурно отсталого человечества. Но ясно, конечно, что эти ходульные и дутые образы являются лишь продуктами политического расчета, которые измышлялись лишь задним числом для уравнивания двух чашек исторических весов. Начальная эпоха наступления высшей культуры погружает в бездну чашу зла, это и есть подлинный героический период. Значительно позже в результате объективного хода самой истории и нормальной хозяйственной деятельности не «героев», а ординарных людей, с незримых прежде лазурных высот медленно опускается чаша добра, т. е. начинает сказываться благотворное влияние высшей культуры, занесенной в отсталую страну. Эта живая диалектика, присущая самой исторической действительности, обычно и находит свое идеологическое отражение в разного рода политических концепциях о несении «избранными» народами культурно-исторической, учительской миссии, распространения ими света религиозной истины и т. д.

Подробно знакомясь с содержанием оленекского хосунного эпоса, отразившего в своих образах и картинах интересную эпоху наступления из центральноазиатских степей на Крайний Север таежной Сибири железной культуры, мы неожиданно для себя обнаруживаем у якуто-тунгусских конкистадоров совершенно аналогичный описанному выше тип или способ политического мышления. Так как якутские роды, присоединившиеся в

раннюю эпоху к северным тунгусам со своим кузнечным ремеслом и железной техникой, должны были повысить продукцию их исконного охотничьего промысла, типы ранних якутских кузнецов в легендах стали идеализироваться, выступая в роли благодетелей и кормильцев тунгусского народа. Когда к Сааппа-Хосууну приехал его дальний родственник, молодой якут-витязь и предложил истребить тунгусов-тюгэсиров, а затем «отобрать у них имущество и пищу», он дает ему такой ответ:

«Я в продолжение всей моей жизни не убивал людей. Кроме того, я теперь живу с ними в мире... Если спрашиваешь моего совета, то не езди, там немало воинственных людей. Напрасно погубишь себя».

Но молодой витязь не послушался и поехал один... Через некоторое время Сааппа-Хосуун едет в тунгусскую территорию, чтобы разузнать о судьбе своего родственника. И он нашел:

«Все тунгусы-мужчины, живущие вдоль по этой речке, были перебиты до единого, остались женщины и дети. Но у последнего становища тунгусам удалось собраться вместе, они перерезали тетиву лука у якутского витязя и вступили с ним врукопашную на пальмах. Якут лежал весь изрубленный, но полегли с ним и все тунгусские витязи. Сааппа-Хосуун собрал всех женщин и детей, привез к себе и стал прокармливать»³⁴⁵.

В другом случае С.-Х., укротив одного строптивного тунгуса, щадит его брата и говорит их матери:

«Твой старший сын, видимо, глупый парень. Он напал на меня, когда я долбил прорубь. Я не хотел убивать его, отпустил на волю, срезав косу. Надо бы тебе унимать сына. Иначе, не ровен час, наткнется на острие пики, порежется об лезвие...»³⁴⁶.

Этот метод антитезы, сопоставление поступков черного и белого витязя, в народном эпосе, несомненно, носит черты анахронистического сопоставления нового и старого времени. По существу говоря, здесь мы имеем дело с раздвоением единого образа: один из них передает то, кем он был когда-то, а другой — его идеальную, воображаемую тень. Этот процесс политической деформации «героя» отдаленного прошлого оставил свой ясный след даже в семантике его собственного имени. Вторая часть этого имени, как мы знаем, есть нарицательное слово «витязь», а

³⁴⁵ «Оленек. хосунн. эпопея». § 22.

³⁴⁶ Там же, § 23.

первую часть «Сааппа», с точки зрения якутского языка, трудно понять иначе, как не усеченную форму глагольной именной основы «сааппат», употребляемой обычно в роли прилагательного. «Сааппат» — дословно значит не стыдящийся, не ведающий стыда. Следовательно, первоначальное имя нашего героя было «Сааппат-Хосуун» — витязь, незнающий стыда. Но зато устыдилось за деяния своего излюбленного героя (вернее, конечно, целой серии «героев») позднее поколение носителей эпоса и, прикрыв фиговым листочком последний звук в его имени («т»), силою фантазии соткало его новый, охорошенный образ, известного нам благодетеля тунгусов «Сааппа-Хосууна».

Попутно мы отметим здесь, что легендарный образ Сааппа-Хосууна получил свое отражение и на структуре сказаний об Юнгкээбиле. На последнего, как мы видели раньше, перенесли черты С.-Х—на, посрамляющего тунгусского витязя, отпустив его с отрезанной косой. Разница заключается, однако, в том, что образ Юнгкээбиля все-таки остается грубым и непривлекательным, что зависит, несомненно, от недостаточного политического развития якутов- оленеводов. Рассказы же о Сааппа-Хосууне, хотя они частично и усвоены северными якутами в пределах Усть-Янского улуса, принадлежат верхоянским якутам-скотоводам. Последние же в интересах установления отношений дружбы и симпатий с окружающими их многочисленными и воинственными ламутами-эвенами очень рано должны были позаботиться о перекостюмировке своего древнего Сааппат-Хосууна. Как мы убедились выше, с этой политической задачей они справились отнюдь неплохо и совсем по образу цивилизованных наций.

Другой легендарный кузнец северных якутов Дэлгэр- Уус, как показывает его имя, является также якутом. («Уус» по-якутски — значит кузнец, мастер). Нами записаны два варианта легенды об этом мифологическом герое. В одном варианте мы находим прямое подтверждение защищаемого нами положения, что якуты-олeneводы впервые занесли на север железную культуру.

Однажды к местожительству Дэлгэр-Ууса прикочевал тунгусский род. «Старик ковал им наконечники стрел. Оказывается, с железными наконечниками они раньше не были знакомы, для этой цели употребляли только рог. Они очень радовались и говорили, что железо лучше рога». «Эти тунгусы относились к старику с уважением. Когда случилось упро-

мыслить им диких оленей, приносили ему постоянно гостинец». (Олен. эп. § 20). В этой же легенде мы находим картину неравной борьбы местных тунгусов с родственниками этого кузнеца, ковавшего для них хорошее оружие, а для тунгусов плохие наконечники. Их взаимный бой изображается так:

«Стрелы противников, попадая, переламывались. Поэтому люди очень скоро перебили всех врагов, не оставив в живых ни женщин и ни детей. Оленей и имущество убитых собрали и поделили между собой. Все прибывшие остались жить там же, где жили старик со старухой».

По другому сказанию, Дэлгэр-Уус представлялся якутом, поселившимся на севере среди оленеводческого народа, из среды которого он берет себе жену. Сын его бродил с родственниками матери по тундре и занимался охотой, а старик оставался дома кузнечить. Сына кузнеца убивают тунгусские витязи. Отцу удается отомстить за убийство сына: оба виновника в кузнице старика падают под ударами его молота. (Там же, § 19).

Из приведенного материала мы видим, что отдельные элементы основного сюжета оленекского хосунного эпоса содержатся в легендах об якутских кузнецах, которые, поселяясь среди какого-то охотничьего и оленеводческого народа, вместе с ним вели борьбу с местными тунгусами, обладающими более примитивным вооружением. Вместе с тем становится ясным, что интересующие нас героические сказания о борьбе двух витязей, Юнгкээбиля и Чэмпэрэ, отражают эпоху борьбы местных тунгусов с пришлым оленеводческим же народом, в сильной степени обьякученным, всего вероятнее, уже говорящим по-якутски.

В наших хосунных сказаниях мы находим целый ряд мелких штрихов, которые свидетельствуют о том, что нападавшее племя пришло откуда-то издалека и что его нашествие для туземных тунгусов было совершенно неожиданным. По одному рассказу, братья желают идти на врага и не знают его местожительства. Помогает им колдовство шамана, который прокладывает по тайге путеводную тропу. (Вар. II). Мы знаем, что реальной основой этого идеологического образа при древних переселениях якутов, как оленеводов, так и скотоводов, была водная система реки Лены, упирающейся своими истоками в горы, окружающие Байкал с северо-западной стороны. Несмотря на то, что побежденный витязь изображается очень бдительным, он сам, его воины и народ оказываются совершен-

но неподготовленными для отражения врага. В нескольких вариантах преданий это обстоятельство подчеркивается картиной пляски и игр в стане туземного витязя, когда его противники уже подползли на расстояние выстрела или даже под покровом ночной темноты принимают участие в играх его народа. Победа решается паникой, созданной появлением неожиданных врагов. Исходя из особого оторванного и провинциального положения средней Лены, о чем мы говорили раньше, нельзя не прийти к выводу, что в устных сказаниях народа иногда точно улавливается наиболее характерная особенность пережитых исторических событий. При неожиданной встрече камня и железа и в натуре должна была произойти резкая смена смеха, игр и веселья плачем, всеобщим горем, ужасом и паническим бегством, в первую очередь, конечно, старых вождей и героев. С другой стороны, очевидно для каждого, что первоначальный сюжет эпоса, отражающего победоносную борьбу носителей железной техники с представителями костяной и каменной индустрии, не мог бы сохраниться в полной неприкосновенности до наших дней. Позднейшими стадийными переоформлениями отдельных частей древнего сказания и нужно объяснить утрату представления о неравенстве вооружения борющихся сторон. Но и этот дефект нам удалось исправить благодаря большой устойчивости пережиточных образов о кузнецах.

Так как длительное общение носителей оленекского эпоса с якутами не подлежит сомнению, то и переселение их на север могло быть обусловлено только сдвигами самих якутов-скотоводов в пределах Прибайкалья. Прежде чем отступить на Лену, якуты-скотоводы должны были сосредоточиться в пределах южных уездов б. Иркутской губ. Если раньше они занимали (предполагаем пока условно) обширную территорию, прилегающую к озеру Байкал с востока и запада, то утрата ими своих забайкальских владений и стеснение в Приангарье безусловно должны были отразиться на судьбах более ранних насельников последнего.

В нашем эпосе нет прямых указаний на то, что Юнгкээбил с братьями напал на своего противника, потерпев поражение от якутов-скотоводов. Но тем не менее в сказаниях сохранился один весьма характерный намек, который наводит историка на мысль, что движение на север обьякученных тунгусов произошло именно под давлением южных якутов. Дело в следующем. В четырех основных вариантах нашего эпоса (I,

IV, V и VI) ход событий излагается так, что походу Юнгк—ля на Чэмпэрэ предшествует налет последнего на жительство Юнгк—ля и вероломное убийство его младшего брата-кузнеца. В образе брата кузнеца выше мы определили чисто якутские примеси к тунгусскому племени. Во всяком случае, весьма знаменательное совпадение, что походу братьев на их противника, который по нашему историческому прогнозу должен был обитать на севере в пределах средней Лены, предшествует кровавая расправа над якутскими примесями оленеводческого народа. От кого могли бы пострадать эти отунгусившиеся якуты, как не от своих родичей- якутов, которые, теснясь к собственным окраинам, должны были бы давить на свои тунгусо-якутские части? Якутские роды, которые издавна жили сопредельно с тунгусами, потерпев поражение от наступающих родичей, в свою очередь уходивших от какой-то другой силы, могли бы спастись лишь бегством в тунгусскую территорию.

Пограничные якуты и тунгусы в результате долгого сожительства могли находиться в родственных связях. Это явление можно наблюдать и теперь в далеких окраинах Якутского края, где сталкиваются якутская и тунгусская стихия и где якутский скот в силу физико-географических условий отступает перед оленем. Зимой 1924 г. нам удалось ознакомиться с состоянием хозяйства, обычаями и нравами якутов Верхоянского округа, заселивших бассейн реки Омолая, впадающего в Полярное море немного западнее р. Яны. Появление якутов-скотоводов в районе Омолая, находившегося ранее во владении ламутов тюгэсирского рода, по всей вероятности, стоит в связи с нашествием русских казаков в центры Верхоянского края. Судя по преданию якутов Борогонского наслега, часть последних могла заселить Омолуй и ранее нашествия русских. (См. «Эллэйада». § 211).

По собранным нами данным, на Омолое проживали 82 якутских семьи, из которых 37 семей принадлежат Борогонскому наслегу, 15 сем. Эльгесскому, 11 сем. 1-му Эгинскому, 8 сем. 1-му Юсальскому, 8 сем. 5-му Юсальскому и 3 сем. 2-му Юсальскому наслегу. Из них 32 семьи сохранили якутский скот в количестве 144 голов конного и 247 голов рогатого скота. Кроме того, во всех 82 хозяйствах насчитывалось 3607 голов оленей. До 1917 года численность оленей у омолуйских якутов достигала до 16 тысяч голов, тогда как оленеводство местных ламутов выражалось в мизерных

цифрах. Якутов-оленоводов, ведущих тунгусский образ жизни, насчитывалось 50 домохозяев. Из этих 82 домохозяев 29 человек были женаты на ламутках. Кроме того, в 36-ти описанных нами ламутских семьях 17 человек были женаты на якутках. Таким образом, на Омолое мы наблюдаем начальную стадию образования смешанной тунгусо-якутской этнической группировки с господствующим оленеводческим хозяйством.

Если бы якуты и ламуты Омолоя под давлением якутов Верхоянского улуса, откуда вышли сами омолойские якуты, были вынуждены переселиться на новые места, то на их новой родине, несомненно, произошло бы полное слияние якутов с ламутами. Мы думаем, что аналогичный процесс смешения тунгусского и якутского элементов происходил когда-то и в районе Предбайкалья. А при дальнейшем переселении их вглубь ленского бассейна связующая оба элемента этническая и культурная спайка не могла не усилиться под влиянием встречи с третьим враждебным народом вплоть до образования однородной массы. При подобных условиях воспоминание о разном этническом происхождении составных элементов смешанного народа могло найти свое отражение в общем для них легендарном эпосе в образах братьев, героев-эпонимов, из которых один носил косу, другой занимался кузнечным ремеслом и т. д. Такие процессы органического слияния в одну общую массу разных этнических группировок могут быть установлены и доказаны при помощи исторического анализа лишь при наличии весьма благоприятных условий. В большинстве же случаев они остаются незамеченными, ибо быстротекущее время все больше и больше стирает все внешне различимые признаки внутренней спайки разных элементов в один народ, в одно племя с одним языком и с общими для всех преданиями и легендами. То же самое, несомненно, происходило везде и всюду, где сталкивались разные ступени хозяйственного и культурного развития народов.

Итак, косвенные указания на передвижение смешанного тунгусо-якутского племени под давлением наседавших на него собственно якутских частей в оленекском эпосе сохранились. Окраинные якутские роды после неудачной обороны своих насиженных мест от более многочисленных родов должны были спасаться на земле соседнего и союзного с ними тунгусского племени. Это обстоятельство должно было вызвать общее переселение тунгусо-якутских частей на север. Позднейшее поколе-

ние сказителей, воспринимая легенды своих отцов и дедов о том, что жестокие расправы над кузнецами (т. е. якутами) их родичей вызвали общее бегство на север, на территорию Чэмпэрэ-витязя, легко могло эту расправу над братом-кузнецом приписать последнему. Иными словами, основная причина народного переселения превращалась в повод для нападения на тунгусское племя, населявшее тогдашнюю Лену. Такая интерпретация народных легенд тем более является соблазнительной, что каждый завоеватель всегда бывает склонен подводить под свое злодеяние какое-либо подходящее моральное основание: витязь Чэмпэрэ де сам был виноват, ибо он умертвил нашего брата- кузнеца. Таким образом, чтобы отыскать в данных оленекского героического эпоса зерно исторической истины, мы должны будем исключить из основного сюжета идею возмездия, или точнее, родовой мести, присущую каждому первобытному народу на известной стадии культурного развития. Это не история, а пережиток первобытной морали, в рамки которой втискивается каждое народное повествование. И при дальнейшем изучении исторических сказаний якутоскотоводов мы будем постоянно наткаться на аналогичное явление, т. е. тенденцию подводить моральное основание под те или другие деяния излюбленных легендарных героев. В собственно якутских преданиях этот момент выступает гораздо ярче и рельефнее.

4. ЛЕГЕНДА О БОРОДАТОМ НАРОДЕ

В фольклорном сознании северных якутов мы находим один интересный сюжет, имеющий большое историческое значение. Это легенда о бородатом или сплошь волосатом народе, обитающем где-то на неизвестном острове Ледовитого океана. Нам удалось записать три варианта этой легенды среди якутов Жиганского улуса и два варианта в Вилюйском округе. Кроме того, мы слышали от многих якутов, побывавших на севере в пределах Усть-Янского улуса, что эта же легенда среди аборигенного населения этого улуса пользуется большой популярностью. Легенда о бородатом народе могла ожить в Усть-Янском улусе благодаря развитию там песцового промысла на Ляховских и ближайших островах архипелага Ан-

жу, а также в связи с целым рядом правительственных экспедиций по исследованию этих островов. Северные якуты все эти шумные экспедиции на острова океана, очевидно, поняли как поиски их легендарного бородатого народа.

Сюжет легенды таков. Некий промышленник на берегу океана или на острове случайно повстречался с одним из представителей бородатого народа. И тот и другой ездили на собаках. Бородатый человек предупреждает промышленника, чтобы он не вздумал ехать по его следам, и едет по льду прямо в открытое море. Промышленник вопреки запрету погнался по его следам и прибывает ночью в целое поселение. Он входит в одно жилье и, бросив на очаг древесные стружки, при свете пламени осмотрел наружность одного из обитателей: «Лицо его сплошь было покрыто волосами, также и груди». В некоторых вариантах легенды приключение охотника осложняется любовной связью с девушкой, «тело которой было покрыто волосами», да и она сама говорит: «Разве ты не слышал про людей (или племя), тело которых покрыто волосами? Мы и есть тот самый волосатый народ»³⁴⁷. По совету девушки охотник убегает, но её брат гонится за им. Охотник едва спасся. Однако, преследовать сорвал задние копылья его нарты. Волосатая девушка дарит охотнику мешок с дорогой пушниной. Волосатые люди обычно представляются великанами. Сказители морализируют, что, мол, волосатый народ будет разыскан, когда наступит последний век и начнется светопреставление. Один из них приплетает в легенду имя барона Толля, который якобы, погиб во время поисков этого народа. Затем, ввиду того, что песцовыми промыслами на островах в первое время занимались исключительно русские, в некоторых рассказах фигурирует казак, даже с указанием его фамилии (Цыпандин)³⁴⁸. В вилюйских вариантах нет указания на жительство бородатого народа на островах моря, а в одном случае бородатый народ превратился даже в семью якутского Байаная (лешего, духа богатого пушными зверями леса), но тем не менее ясно, что остов легенды один и тот же с бытующей у северных якутов.

По нашему мнению, легенду северных якутов о бородатом или волосатом народе нельзя понять иначе, как отдаленный отзвук рассказов об

³⁴⁷ Оленекская хосун. эпопея. § 32 и 33.

³⁴⁸ Там же, § 34.

айнах, живущих в южной части острова Сахалина, которые по развитию растительности на лице представляют единственный оазис среди окружающих безбородых народов. Поэтому нет ничего удивительного о том, что среди народов бассейна Амура, Манчжурии и Японии исстари сложилась легенда об айнах, как о мохнатом народе. Так, например, академик Шренк пишет о них:

«Нет ни одного описания айнов, как кратко и бегло оно не было бы, в котором не упоминалось бы о сильном развитии у них волос, как о самой выдающейся черте их наружности. При этом, чем известие древнее, тем обыкновенно эта особенность изображена в более ярких красках. Так Алозий Фрус в 1565 г. писал, что земля к северу от Японии населена дикарями, у которых все тело мохнатое, а борода и усы ужасно длинны. Подобные показания о сильной по всему телу растительности волос у айнов можно найти у Франсуа Карона, Фриса и др. Иезуитский миссионер Иероним де Ангелис (1622 г.), хотя и не упоминает о прочих частях тела айнов, однако говорит, что борода у них достигает до середины туловища. В «Екко-ки Канемона» (1652 г.) также сказано, что почти у всех мужчин борода очень густа, длиной иногда фута в два, и покрывает все лицо, за исключением глаз и носа»³⁴⁹.

Приведенные старинные известия, несомненно, являющиеся повторением народных сказаний об айнах, в отношении описания волосатости последних в точности совпадают со сказаниями северных якутов. Особенно интересным представляется и указание их местожительства на каком-то далеком острове Ледовитого океана. Спрашивается, какими путями легенды об айнах могли бы попасть к оленным якутам, минуя южных якутско-скотоводов?

Конечно, легко напрашивается ответ: занесли казаки, которые когда-то из пределов Якутского края совершали походы на берега Охотского моря и в бассейне Амура. Но, однако, это скороспелое решение нас удовлетворить не может, ибо в таком случае легенда о бородатом народе получила бы широкое распространение прежде всего в пределах Якутского округа, откуда снаряжались дальние экспедиции вверх по притокам Алдана и по Олекме. А между тем среди якутов ни этого округа и ни Олекминского не сохранилось никаких рассказов о бородатом народе. Лишь из-

³⁴⁹ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Спб., 1883 г., т. I, стр. 272—273.

редка среди южных якутов можно слышать точное воспроизведение жиганских и устьянских рассказов со ссылкой на проживание бородатых людей на каком-то острове Ледовитого океана и притом только с уст якутов, побывавших на севере.

Сюжет сказаний о бородатом народе в устах северных якутов носит отпечаток глубокой древности. Это доказывается также сохранением того же сюжета в пределах Вилюйского округа, который раньше был занят оленными якутами. Вилюйские сказания, как увидим дальше, во многом имеют пункты соприкосновения с фольклором последних. В связи с затруднениями объяснить происхождение сказаний об айнах под русским влиянием на якутский фольклор, мы вправе выдвинуть другую гипотезу, а именно, наличия в составе оленных якутов тунгусских родов, которые когда-то жили в бассейне Амура и оттуда могли вынести легенды об айнах.

И, действительно, проверяя родовые названия якутов р. Оленека, мы находим два рода с названием «сологоон». (В офиц. докум. 1 и 2 шологонские). Лингвисты вряд ли будут возражать против положения, что якутское имя сологоон вполне тождественно с племенным названием «солон», т. е. тунгусских родов Манчжурии, живущих по р. Нонни (левый приток Сунгари), отчасти и по Амуру. По поводу названия «солон» новейший исследователь их наречия Н. Н. Поппе пишет:

«Сами они называют себя эвэнги, т. е. так же, как все собственно тунгусские племена, в частности, тунгусы Забайкалья. Что же касается происхождения названия солон, то оно неясно. В свое время было высказано мнение, будто это название монгольского происхождения и по-монгольски означает стрелок, что, однако, основано на недоразумении, так как такого монгольского слова с этим значением вообще нет»³⁵⁰.

Племенное название сологоон-солон, сохранившееся у якутов, в процессе дальнейшей эволюции легко могло перейти сначала в «солоон», а потом в «солон», так как слог «ого» в турецких и монгольских наречиях обычно переходит в долгий гласный звук³⁵¹. Последующий переход долгого гласного в краткий, конечно, не представляет из себя ничего особенного (Ср. напр., бытование в различных турецких диалектах слова «батыр» наряду с «багадур», «бухатыыр» и «баатыр»).

³⁵⁰ «Материалы по солонскому языку». Ленинград., 1934 г., стр. 1.

³⁵¹ Радлов. *Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen*. Ч. I, стр. 72—76. А. Бобровников. *Грамм. монг.-калмыц. яз.* 1849 г., §§ 34—39.

Манчжурское происхождение северных сологонов подтверждается ещё тем обстоятельством, что в верховьях Амура на правом берегу были «оленные тунгусы шологонского рода, которые ныне и составляют другую часть амурских орочонов».(Л. Шренк. Там же, 185 стр.). Шренк ссылается на труд Орлова «Амурские орочоны»³⁵². Два шологонских рода кочуют между Алданом и Леной в составе тунгусов б. Кангаласского ведомства³⁵³. В статье И. И. Майнова «Население Якутии» имеется указание на наличие в эпоху объяснения тунгусов «Шелонской волости» на Витиме при Усть-Муйе в числе 70-ти ясачных душ. При этом автор добавляет «по позднейшему произношению Шологонцы»³⁵⁴. Русское начертание «шелон» подтверждает нашу гипотезу о тождестве якутских «сологонов» с «солонями» Манчжурии. Весьма возможно, что эти-то сологоны позже перекочевали к верхнеамурским орочоном, о чем упоминает Орлов. Сологоны-шелогоны остались и в составе южных якутов, а именно, в Западно-Кангаласском улусе, где они образуют один самостоятельный наслег — «2-ой Шелогонский» и живут на левом берегу Лены близ границы Вилуйского округа, занимаясь скотоводством³⁵⁵. Автор этих строк посетил названных сологонов зимою 1925 г. и не нашел в них никаких отличий от окружающих якутов. Один сологонский род имеется и в составе Мархинского улуса в Вилуйском округе³⁵⁶.

Очевидно, довольно многочисленные шелогонские роды, бывшие в составе северных оленных якутов, рассеялись при нашествии якутско-скотоводов. Одна часть их осталась на месте, усвоив якутское хозяйство, другая часть эвакуировалась на север с якутами-скотоводами и обитает теперь в бассейне р. Оленека и, наконец, остальные отодвинулись на правый берег Лены, где они должны были смешаться с местными алданскими тунгусами.

Патканов показывает «шологонов» и в составе тунгусов б. Майского ведомства³⁵⁷. Проф. С. В. Бахрушин по данным XVIII века приводит назва-

³⁵² См. Вестник Русс. геогр. об-ва. Ч. XXI, 1857, отд. II, стр. 96—97.

³⁵³ М. Н. Соколов. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск, 1925 г., стр. XXIII, а также И. И. Майнов. «Население Якутии» в сборнике «Якутия». Стр. 397, прим. Майнов ссылается на статистические работы Патканова.

³⁵⁴ И. И. Майнов. Там же, стр. 390—391.

³⁵⁵ М. Н. Соколов. Там же, вып. II, стр. 13.

³⁵⁶ М. Н. Соколов. Там же, стр. 74.

³⁵⁷ Майнов. Там же.

ния пяти «пеших ламутов» Охотского побережья: Ивьянский, Адганский, Шолганский, Уягирский и Нюньчинский. Он же приводит по труду Крашенинникова названия тунгусских родов Охотского побережья, извлеченные из документов XVII века. Среди этих названий мы находим и «шелоны», очевидно, это те же «солоны»³⁵⁸. Если родовое имя охотских «шелонов» идентично с якутскими «шелогонами-шелонами», то они, наверное, пробрались туда из пределов Якутского края при стеснении оленеводов-охотников позднейшей якутской колонизацией. Иными словами, захват якутами-скотоводами бассейна средней Лены произвел большие перемены в этнографической карте Восточной Сибири вплоть до берегов Охотского моря.

Манчжурские солоны делятся на «знаменных солон» и «бухта-солон». Первые занимались земледелием и состояли в знаменных войсках прежней Манчжурской династии Китайской империи. Бухта-солон же принадлежат к податному сословию, «главным видом занятий которых, в отличие от знаменных солон-земледельцев, является охота»³⁵⁹.

Отлив солон на север в русское Забайкалье, где они смешиваются с бурятскими родами, в литературе отмечен давно. Так в «Сказаниях бурят» (этногр. сбор.) мы находим следующие строки:

«Предводитель нерчинских тунгусов солон и солонгутов, происходящих от манчжур, Чжанчжун-ноён, прибыв к Нерчинску и познакомившись с русскими людьми, оставив подданство манчжурскому владельцу, вступил в русское подданство и принял православие, получил титул князя Гантимурова в награду, водворился на р. Урульге и сделался повелителем 15 родов тунгусов»³⁶⁰.

Таким образом, в районе Нерчинска почему-то сошлись солонгоны и манчжурские солон. Миддендорф приводит устные сказки казаков, что около 1832 г. с левого берега Амура перешли на правый берег «между Аргунью, началом Амура и Албазихой тунгусы-солонгоны», а за ними четыре года спустя последователи бёльоты 12 душ Кангаласской орды, плативших ясак русской казне. Они, по уверению тунгусов, «первоначально жили на Алдане, но выселились оттуда из-за тяжкого времени и чтобы избавиться

³⁵⁸ См. его статью «Историч. судьбы Якутии». Сбор. «Якутия», стр. 284 и там же, прим. 2.

³⁵⁹ Н. Н. Поппе. Цитир. выше соч. 48 и 1 стр.

³⁶⁰ Зап. Вост. Сиб. русс. геогр. об—ва по этногр. Т. I, вып. 2 «Сказания бурят, записанные разными собирателями», стр. 121.

от притеснений»³⁶¹. И те же «шологонцы», о которых сообщал Орлов, прикочевали в верховье Амура откуда-то из соседней области. Не вправе ли мы в этой тяге якутских сологонов к солонам Нерчинского района усмотреть обнаружение их древнего племенного родства или даже единства?

Во всяком случае наши лингвистические соображения о тождестве имен «сологоон» и «солон» подтверждаются как бытованием в старинных русских актах начертания «шелон- шолон», так и указанной выше встречей в верховьях Амура носителей этих племенных наименований.

Если в составе родов северных якутов мы находим часть манчжурских солонов, которые, судя по их вкраплениям в среду якутов-скотоводов, бродячих тунгусов Алдана, Май и Охотского побережья, когда-то должны были составлять довольно значительный процент оленеводческого населения Якутского края, то легко устанавливается и исходный пункт легенды о волосатом народе. Значит, она постепенно передвигалась на север вместе с объякученными тунгусами из пределов Манчжурии, где со времен глубокой древности свивали себе гнезда разные народы с грабительскими инстинктами, упражнявшиеся в собирании пушной дани с отсталых племен. Там при поисках мелких народов, могущих давать соболиную дань, не могли не интересоваться и айнами Сахалина, которые ввиду отдаленности и недоступности своего местожительства могли представляться обладателями больших запасов дорогой пушны. Вот почему в сказаниях северных якутов дева бородатого народа дарит своему ночному посетителю целый мешок, битком набитый дорогими шкурами, а по виллюйскому варианту легендарный образ айнов сливается с духом богатого леса Баай-Барыылахом.

По поводу тождества виллюйских вариантов легенды о волосатом народе с легендой северных оленеводов никаких сомнений быть не может. Правда, в первом варианте, записанном нами в Верхневиллюйском улусе, нет указания на волосатость неведомого народа, на которого набрел один охотник-якут. Но весь сюжет легенды построен по схеме сказаний северных оленеводов о бородатом народе. «Женщина прекрасной наружности», которую застал в уресе охотник, «подала охотнику две кожаные тунгусские корзины, туго набитые чем-то», и предлагает ему «не медля уходить», ибо скоро должен придти её «старший брат», который

³⁶¹ Миддендорф. Путешествие на Амур. Ч. II, стр. 733.

«лишит его белого солнышка». Дальше, когда охотник промедлил больше, чем следовало, действительно явился брат женщины, погнался за охотником и сорвал «заднюю половину его нарты». Охотник, однако, спасся и разбогател, ибо корзины были туго набиты отборными соболями. Как и в северных рассказах, женщина предупреждает, чтобы охотник никому не рассказывал о посещении их и получении дара³⁶². Другой вариант, записанный нами в Хочинском улусе, тоже повествует о приключении одного охотника, но неведомые люди, на которых он натывается, прямо определяются как «шерстистое или волосатое племя». Охотник тоже чуть не заплатил жизнью и «один из шерстистых погнался за ним, но был убит охотником». Правда, в этом кратком рассказе не содержится указания на романтические похождения охотника среди шерстистых, хотя он, «очувтившись в бедственном положении, прозимовал среди людей с шерстистыми лицами»³⁶³.

Таким образом, фольклорные мотивы и сюжеты отмечают пути переселения и оседания северных якутов-оленоводов, когда-то вышедших откуда-то из пределов Манчжурии или верховий Амура.

Установление манчжурского происхождения якутских сологонов дает в наши руки ключ для понимания и других элементов героического эпоса северных якутов, в частности, загадочного племенного наименования «нууча» (так определяется народность раба побежденного витязя), которое якуты, очевидно, позже перенесли на русских.

Академик Шренк, разбираясь в вопросе о происхождении солонов, ссылается на сообщение католических миссионеров, которые по поручению знаменитого китайского императора Кан-си составили карту Китая и встретились в Цицикарском округе на р. Нонни с солонами:

«Сами они, говорится у миссионеров, по своему происхождению причисляют себя к манчжурскому племени, считаясь потомками тех «ньючжей», которые под именем Гиней господствовали над Северным Китаем и после поражения, нанесенного им в 1204 г. монголами, спаслись в занимаемый ими ныне край»³⁶⁴.

Шренк ссылается на сочинение «Du Nalde, Descrip, de l'Emp. de la China».

³⁶² «Оленекская хосун. эпопея». § 39.

³⁶³ Там же, § 38.

³⁶⁴ Шренк. Цит. соч., стр. 190.

Это сообщение, по словам Шренка, отчасти подтверждается и архимандритом Палладием, который пишет:

«Некогда, рассказывают китайцы, вся страна Бухта (т. е. платящих ясак) принадлежала солонам и имя их было будто бы так славно, что дахуры и бродячие ороньчо считали честью носить имя солонов, даже и ныне, в Пекине и старый, и малый представляют себе солонов, как нацию воинственную и храбрую; м. б., что так было прежде; ныне же дахуры во всем преимуществуют пред солонами»³⁶⁵.

Но для нас, однако, важно не то, что имя солонов или сологонов было столь славно в истории древнего Китая, который, невзирая на свое величие, весьма часто оказывался под пятою завоевателей, выходивших из среды малокультурных кочевников; то тунгусов, то монголов, то турецких племен. Весьма возможно, что солонь — не потомки знаменитых «нью-чжи», а только их соплеменники, ибо в исторической науке довольно твердо установилось мнение, что последние по своему происхождению были тунгусы и до завоевания Китая жили по р. Сунгари и восточнее до Кореи, т. е. в ближайшем соседстве с солонами и даурами. Точно также трудно было бы возражать против того положения, что солонь, как и в недавнее время, использовались нью-чжи в качестве военных частей при их завоеваниях, тем более, что за ними установилась слава отличных стрелков из лука. Тунгусское происхождение первоначального ядра народа нью-чжи подтверждается и сохранившимся литературным известием об образе их жизни за полтораста лет до их возвышения. Китаец Ху-цяо, проживший в плену у Киданей и убежавший от них в 953 г., составил описание народов Манчжурии. В этом сочинении он пишет:

«Далее на восток (от Киданей) живут нью-чжень, искусные в стрельбе... Имеют много коров и оленей... Эти люди не имеют постоянного жилища, перевозят на коровах. Они бьют оленей, призывая свистом и едят сырое их мясо»³⁶⁶.

Проф. Васильев сообщает, что «нью-чжень» у некоторых авторов пишется «лу-чжень», их называют ещё «нью-чжи». В монгольской истории

³⁶⁵ Архим. Палладий. «Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Манчжурию в 1870 г.». Зап. Русс. геогр. о-ва по общ. геогр, 1871 г., т. IV, стр. 443.

³⁶⁶ Проф. В. Н. Васильев. «История древности восточной части Средней Азии от X до XIII века». Труды Вост. отд. Имп. арх. о-ва. Ч. IV, вып. I за 5857 г. «Дорожник Ху-цяо». Стр. 37—40.

Рашид-Эддина имя этого народа приводится в форме «ниучи»³⁶⁷. Эти вариации имени нюй-чжи и ниучи, а в особенности переход первого слога «нюй» в «лу» для нас весьма интересны, ибо в них мы узнаем и обычные варианты якутских имен «ну-ча» и «лу-ча», как дальше увидим, и «ну-чин» и «лю-чюн».

Если в составе северных и южных якутов мы находим часть манчжурских солонов, то обнаружение в оленекском хосунном эпосе племенного названия их непосредственных соседей или даже прямых предков. «Ну-чи» или «лу-чи» не представляло бы ничего особенного. Если же в наших сказаниях один из «ну-ча» фигурирует в качестве раба у какого-то другого тунгусского племени, то и это обстоятельство не должно смущать нас, ибо это доказывало бы лишь то, что часть северных якутов проживала в Манчжурии задолго раньше до эпохи возвышения «нюй-чжи», т. е. до 907 года н. эры, когда они могли быть в подчинении других, более сильных племен. В истории кочевых народов политическая чехарда и диалектические переходы из рабского состояния на положение господ и наоборот представляют самое обычное и нормальное явление.

В связи с изложенным мы должны признать, что племенное название «нууча-лууча» в языке и в фольклорном сознании якутов живет издревле. Как увидим ниже, живет не только голое имя, но, м. б., и какая-то часть самих нууча-лууча. Это обстоятельство приподнимает завесу над древнейшими историческими судьбами и всего якутского племени, ибо большая популярность среди якутов имени «нууча» доказывала бы, что некогда их предки проживали в ближайшем соприкосновении с манчжурскими нюй-чжи.

Мы позволим себе обратить внимание наших читателей на один разительный факт, подтверждающий близкое общение предков якутов с манчжурскими нюй-чжи. Дело в том, что в составе современных якутоскотоводов сохранилось немало родов, наименования которых довольно отчетливо устанавливают их принадлежность к манчжурским тунгусам «ну-ча» и «лу-ча» в якутском произношении.

В быв. Средневилуйском улусе есть два наслега с наименованием «Люючюн». По переписи 1917 г. в обоих наслегах числилось 1144 душ. об.

³⁶⁷ «История монголов. История Чиигис-хана до восшествия его на престол». Перевод с персид. Березина. Стр. 15.

п.³⁶⁸. Эти якуты живут по р. Танара и около оз. Ниджили. «Лу-чжэнь» и «люючюн», если принять во внимание свыше чем тысячелетний разрыв между датами констатирования этих имен, как будто не дают ощутительного расхождения. Эти вилюйские «люючюн’ы», судя по их современному местожительству, по всей вероятности, отстали от северных оленных якутов.

В составе Бетюнского наслега Намского улуса находим род «нуучин» (122 д. об. п.), если не ошиблись переписчики при переписи 1917 г. Китайские «ньюй-чжэнь» и якутское «нуу-чин» тоже звучат однотонно.

В Кильдемском наслеге Западно-Кангаласского улуса зарегистрирован род «нючикин» (127 д. об. п.). Это имя, очевидно, разновидность предыдущего нуучин, но с обнаружением родства с именем «нууча-нуучака». Имя «нуучакаан» является типичной уменьшительной формой на тунгусский лад. (От «нууча»).

В Восточно-Кангаласском улусе в Кететском (очевидно — «Кёдёт») наслеге находим род «нюччакан’ский» (74 д. об. п.). Один опрошенный нами якут этого улуса приведенное имя произносит «муучин-нуучин» и утверждает, что в составе Харанского наслега в роде (ага-ууса) кунгалаан имеется «иньэ-ууса» (подразделение рода) под названием «муучин». Последнее имя является незначительной вариацией имени нуучин.

В том же улусе в 4-м Нахарском наслеге тоже есть род нучака (132 д. об. п.).

В Мегино-Алданском наслеге Баягантайского улуса тоже обнаруживаем род «нучинский» (приблиз. 145 д. об. п.).

Наконец, в 1-м Сыланском наслеге Батурусского улуса опять встречается род «нутчасыт» (160 д. об. п.).

Приведенные родовые названия мы восстанавливаем по данным переписи 1917 г.³⁶⁹ Было бы желательно все эти имена проверить на местах и привести в научной транскрипции без всяких руссификаций. Мы лично имели возможность проверить лишь название люючюн в Средневилюйском улусе. Приведенное начертание есть точное произношение этого имени самими якутами.

³⁶⁸ М.Н. Соколов. Цит. соч., вып. II, стр. 54.

³⁶⁹ М.Н. Соколов. Цит. соч., вып. II, стр. 54.

Во всех семи «люючинских» или «нуучинских» родах значится 1904 д. об. п. При такой численности и большой разбросанности нуучинских родов объяснить их происхождение тем, что эти роды или их главы были русскими поселенцами, которые натурализовались среди якутов, было бы слишком большой натяжкой. Подобные явления среди якутов, конечно, могли иметь место, но лишь в виде исключительных случаев. Кроме того, большинство этих родов расположено далеко в стороне от русских поселений за исключением Кильдемского наслега, находящегося от г. Якутска в 25 километрах. Затем имя «нууча», служащее обозначением нарицательного понятия «русский», ни в коем случае не могло бы превратиться в «люючюн». В частности о «нуучин'цах» Мегино-Алданского наслега мы имеем данные, что они по своему физическому типу карымоваты, т. е. включают в себе примесь русской крови. Но это единичное явление отнюдь не подрывает нашу гипотезу о первоначальном тунгусском происхождении основной массы якутских родов с названиями «люючюн» — «нуучун».

Обнаружение наиболее многочисленных и компактных лючинцев в пределах Средневилуйского улуса говорит за то, что большинство их было когда-то в составе якутов-оленоводо- или же двигалось на север вслед за ними. Это обстоятельство ещё более подтверждает наше предположение об их манчжуро-тунгусском происхождении.

Выше мы ссылались на сообщение проф. Бахрушина о названиях пяти тунгусских родов Охотского края. Обращаем внимание читателей, что наряду с шелонами-солонками имеется там и нюньчинский род. Следовательно, те части якутских «нуучин-люючин», которые оставались оленеводами и охотниками, вместе с частью сологинов-солонов при нашествии якутов-скотоводов отошли на восток. Наличие тунгусов Нюньчинского рода в Охотском крае ещё более укрепляет нашу позицию о манчжурско-тунгусском происхождении значительной части якутов-оленоводо-.

Имеется ещё один факт лингвистического порядка, который намекает на древние связи и взаимоотношение носителей якутского языка с народами Манчжурии. Это — наименование третьего крупного тунгусского племени, издревле обитающего в Манчжурии, а именно, дауров или дагуров. По словам Н. Н. Поппе, не так давно изучавшего язык дагуров, их численность в северной Манчжурии доходит до 300 000 душ. Их язык в

настоящее время стоит «очень близко к наиболее древним из... монгольских наречий». «Сами себя дагуры называют «дагуур»³⁷⁰. Между прочим, во взаимоотношениях современных якутов с тунгусскими племенами обращает на себя внимание исследование якутов называть тунгусов нарицательной кличкой «атас», что значит по-якутски — друг, приятель. Сами тунгусы тех якутов, с которыми они имеют постоянные деловые связи, тоже именуют «аташ'каан» (дословно — дружок). В якутском языке наряду с «атас» для выражения того же понятия — друг, приятель, товарищ — сохранилось слово «догор»³⁷¹, не встречающееся ни в одном другом тунгусском диалекте. Между прочим, это якутское слово усвоили и местные русские старожилы и превратили в нарицательное наименование самих якутов. Каждый якут для русского человека прежде всего «догор». К незнакомому якуту русский обычно обращается: «Эй, догор». Исходя из современного якутского названия тунгусов своими «атас'ами», дружками, приятелями, мы как будто вправе предположить, что древним обычным обращением якутов к тунгусским племенам могло быть слово «догоор», которое с течением времени могло быть усвоено этими тунгусами как свое племенное обозначение.

Не являются ли манчжурские «дагуры» крестниками тех древних тунгусских племен, которые когда-то говорили на якутском диалекте? Не устанавливается ли вместе с тем и старинная дружба предков якутского народа с тунгусскими племенами Манчжурии?

Г лава IV

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

(Происхождение якутов-оленоводо- в и исторический путь их пере-селений на север)

³⁷⁰ Н. Н. Поппе. «Дагурское наречие». Ленинград, 1930 г., стр. 4—5. Матер. Комисс. по иссл. Монгольской и Танну-Туvin. респ. В. 6.

³⁷¹ Э. К. Пекарский. Слов. якут. яз., 727 стр.

Оленные якуты до переселения на крайний северо-запад Якутского края должны были заселять современный Вилюйский округ. Об этом мы говорили ещё во II-ой гл., ссылаясь на факт полной якутизации тунгусов в пределах Вилюя. Лингвистические особенности говора оленных якутов, а также шаманизм и остатки их особенных обычаев опять-таки частично обнаруживаются в районе обитания четырех северных вилюйских улусов, а особенно в Удюгэйском и Мастахском, расположенных к северу от реки Вилюя. Более определенные и ясные доказательства пребывания оленных якутов в пределах северного Вилюя мы можем почерпнуть из сравнения родовых наименований, а также отличительных признаков материального и экономического быта, констатируемых у коренных обитателей этой области и у первых.

По переписи 1917 г. в быв. Западно-Вилюйском улусе значатся два больших наслега с наименованием Боотулу (в офиц. док. Батулинском) с числом душ — в I-м Батулинском 886 д. об. п. и во 2-м Батулинском 482 д. об. п. Раньше мы уже удостоверились, что роды с тем же названием входят в состав якутов Есейского района, в Жиганский и Усть-Янский улусы.

В том же улусе Вилюя сохранился наслег Югюлээт (в офиц. док. Угулятский) с 520 д. об. п. Род югюлээт имеется среди якутов бассейна р. Оленека. В Угулятском наслеге Западно-Вилюйского улуса устанавливаются названия родов (ага-ууса) — хатыгын и чорду. Мы знаем, что хатыгыны составляют две трети Жиганского улуса, кроме того, они входят и в состав якутов Есейского района, а род чорду имеется также и в бассейне р. Оленека.

В Средневилюйском улусе мы находим Жахотский наслег (228 д. об. п.), в якутском произношении «Джооху». Очевидно, что этот наслег образовался позже из выделившегося рода (ага-ууса). Род Джооху, как нам известно, числится и в составе якутов бассейна Оленека.

По переписи 1917 года, в средневилюйском улусе в наслеге Тенюргястяхском (Тёнгюргэстээх) имеется род кэлтяки. По нашим расспросным данным, род кэлтээки есть в Кыргыдайском наслеге (б. Мастахский ул.), а также и в Кююлэтском. Род же кэлтээки один из самых многочисленных среди оленекских якутов.

В быв. Мастахском улусе есть два наслега с названием Кююлэт. В тесном соседстве с ними мы находим упомянутый выше Угулятский наслег

(Югюлээт). В настоящее время вилюйские якуты, по-видимому, хотя и отличают эти два имени, как Югюлээт и Кююлэт (последнее будто бы происходит от имени озера), но тем не менее лингвистическое сродство этих имен представляется несомненным: «Кююлэт есть то же, что и Югюлээт с усечением начального «ю» (гюлэт — кююлэт). Кююлэт'цы, вероятно, раньше усвоили якутский скот и перешли к оседлости, тогда как югюлээт'цы оставались оленеводами. То обстоятельство, что какое-то озеро носит название «Кююлэт» ещё не доказывает приоритет географического названия, ибо последнее сплошь и рядом может быть заимствовано от родового названия своих первых обитателей. Кроме двух Кююлэтских наслегов мы находим ещё кююлэт'ские роды в 3-м и 4-м Тогуйском наслегах (Средневилюйский ул.), а также и в Халбаатском наслеге (Верхневилюйский ул.).

Югюлээтских родов в общей сложности, присоединяя к ним кююлэтские, среди скотоводов северного Вилюя насчитывается 1511 д. об. п. (по переписи 1917 г. см. Соколов), а среди оленеводов р. Оленека 482 д., всего же около 2000 душ. Об их этническом происхождении мы скажем дальше.

Итак, почти все основные роды оленных якутов остались в пределах улусов северного Вилюя: боотулу, хатыгын, кылтээки, чорду, югюлээт и сологоон. В общей сложности эти соименные с северными оленеводами скотоводы нижнего Вилюя составят около 4000 д. об. п. Северных оленных якутов мы раньше насчитали до 10-ти тысяч душ. Прибавляя к ним их скотоводческие части, застрявшие в нижнем Вилюе, получаем около 14-ти тысяч душ, которые и должны составлять особую группу якутов, раньше переселившихся на Вилюй из Предбайкалья. Часть оленных якутов, оставшаяся в пределах нижнего Вилюя, могла обзавестись якутским скотом от поздних переселенцев, а некоторые роды могли и сами переселяться на север с небольшим количеством конного и рогатого скота.

Доктор Т. А. Колпакова, работавшая в Мастахском улусе в составе академической врачебно-санитарной экспедиции в 1925—1926 гг., между прочим, констатирует, что «на Мастахе матери кормят детей грудным молоком... нередко одновременно двоих и часто до пятилетнего возраста»³⁷².

³⁷² «Материалы Комиссии по изучен. Якутской Авт. Респ.». Вып. 10. «Краткие отчеты о работах отрядов якут. эксп. Акад. наук». Ленинград, 1929 г., стр. 121.

Это отступление мастахских матерей от обыкновений якутов, почти повсеместно прибегающих к кормлению грудных детей коровьим молоком, свидетельствует о том, что коренное население северного Вилюя долго жило при оленеводческом хозяйстве, не зная коров.

Ещё более разительное доказательство раннего проживания оленых якутов в пределах Вилюйского округа мы находим в особенностях их экономического быта.

Якуты-оленоводы повсеместно занимаются рыболовством. Рыбу ловят по преимуществу сетями в озерах, в летнее время и на реках. В их пищевом режиме рыба безусловно занимает первое место. Мясо диких оленей, лесная дичь, например, куропатки и перелетные птицы лишь в краткие периоды охоты вытесняют рыбу. Рыбу сушат и вялят. (Местные названия особых видов рыбной пищи — «порча, паарки, былаабыт и джуукала»). Из летнего и осеннего лова запасают рыбу на зиму в особых ямах или клетях (в сайбах). Такой запас рыбы носит название «аргыс». Это же название распространено повсеместно и у якутов северного Вилюя.

Пишущему эти строки в январе 1924 г. удалось обследовать экономическое положение якутов Жиганского улуса. С общими условиями жизни и быта жиганцев мы познакомились лично при разъездах, а статистические данные были собраны на съезде представителей наслегов.

Якуты Жиганского улуса, хотя и принадлежат по всем признакам своей материальной и духовной культуры к оленеводческому отделу якутского племени, но фактически очень слабо обеспечены оленями. В 360 самостоятельных хозяйствах, из которых они состоят, в 1924 г. было установлено нами всего лишь 6178 оленей, т. е. в среднем на одно хозяйство приходилось по 17 голов. Но и эти голые математические выкладки не точно передают состояние оленеводческого хозяйства жиганцев, ибо они делятся на две группы, которые очень сильно разнятся друг от друга по обеспеченности домашними оленями. Первая группа состоит из 64 хозяев, кочующих близ тундры по правым притокам Анабара и в низовьях Оленека. Они могут быть признаны настоящими кочевниками-оленоводами приполярной тундры и края леса. В среднем на хозяйство они имели по 68 голов. Вторая группа жиганцев не кочует, а живет оседло по преимуществу вдоль берегов понизовий Лены на север от заштатного города Жиганска и существует, главным образом, за счет зимнего и летнего рыболовства. Эта

группа, состоящая из 296 хозяев, в среднем на одну хозяйственную единицу имеет только по 6 оленей, но зато все хозяева более или менее равномерно обеспечены сетями (около 5 сетей). Исключение составляют лишь обьякученные тунгусы эженского рода, у которых в составе 25 семей имеется всего-навсего лишь 4 сети. Этот цифровой показатель, весьма вероятно, очень хорошо характеризует различие тунгусских и якутских хозяйственных навыков. Якуты, люди с более оседлыми привычками, очевидно, занесли на Лену довольно развитое рыболовство. Кроме того, волосяные сети (которые обычно вяжутся из белого волоса) сами по себе предполагают хозяйственные связи и товарообмен с коневодческим народом. До переселения якутов-оленоводчиков местные тунгусы могли употреблять только сети из тальникового лыка, которые очень непрочны, на морозе ломаются и отпугивают рыбу. Следовательно, до якутской эпохи на Лене вряд ли могло существовать зимнее рыболовство.

Рыболовство у северных якутов развито повсеместно и является одним из основных устоев их хозяйства. В Усть-янском улусе рыбой кормят даже ездовых собак, которые в зимнее время на берегу океана заменяют оленей.

Якуты притундровой полосы Туруханского края до самого последнего времени были очень богаты оленями. По собранным нами данным, якуты понизовий р. Анабара, всего около 50 семей, имели не меньше 25 тысяч голов оленей, т. е. по 500 голов на хозяйство. И здесь, конечно, средние цифры искажают действительную обеспеченность отдельных семейств. По всему полярному северу далеко разносилась слава об оленеводческом Крезе Анабара, о «Баай-Владимире» (по якутски «богач В.»), который, по рассказам, владея оленним стадом в 10 тысяч голов, наряду с которым не могли не существовать пауперы-батраки, служащие простыми пастухами у магнатов оленеводческого быта. Несмотря на обеспеченность оленями, все анабарцы занимаются и рыболовством. Благодаря своей покупательской силе, они были обеспечены волосяными сетями вдвойне выше наших жиганцев.

Об якутах Есейского и Оленекского районов у нас нет цифровых данных, но по общей информации, имеющейся в нашем распоряжении, их экономический быт точно также покоится на трех китах: оленеводстве, рыболовстве и охоте.

Повсеместная развитость рыболовства у северных якутов, а также и самый характер господствующего у них рыбного промысла, а именно, ловля сетями по преимуществу озерной рыбы, ясно доказывает, что они до своего переселения на север занимали обширный озерный район нижней половины бассейна Вилюя, где до сих пор рыболовство является очень важным подспорьем к скотоводческому хозяйству. Подробно об особенностях хозяйственного быта на северном Вилюе мы будем говорить в следующей части наших очерков, специально посвященной вилюйским якутам.

О раннем оседании на Вилюе якутов-оленоводов свидетельствует также и тот факт, что среди коренных вилюйчан до недавнего времени местами имелось немало хозяев, содержащих домашних оленей, тогда как в улусах Якутского округа нигде нельзя найти якутов-оленоводов, за исключением тех немногих случаев, когда оленные стада заводились торговцами-пушниками, совершавшими дальние поездки на оленях для сбора пушнины.

Стародавнее рыболовческое занятие обуславливает ещё одну особенность в материальном быте якутов-оленоводов.

Это — особый тип жилища, известного почти повсеместно среди якутов-оленоводов и называемого ими «холума». Холума представляет из себя конический и пирамидальный четырехугольный шалаш, обсыпаемый снаружи толстым слоем земли или кусками дерна. Остов холума образуют четыре толстых жерди или тонкие бревешки, скрепленные на замок своими верхушками и расставленные пирамидкой. На расстоянии аршина или полутора от верхнего скрепления прибиваются поперек брусочки, образующие верхнюю раму, на которую приставляются наклонно толстые жерди или плахи, образующие стены. Вверху остается дымовое отверстие. На середине земляного пола разводится огонь. Холума, каким бы убогим оно ни казалось на первый взгляд, представляет из себя начальный тип постоянного и неподвижного жилья, развившегося из шалаша. Этот тип жилья, по-видимому, был когда-то господствующим среди малооленных хозяев, живущих по преимуществу рыбным промыслом. И владельцы крупных оленных стад, большую часть года кочующие в переносных шатрах, в период зимних холодов могли жить в таких же холумах, более защищающих своих обитателей от ветров и непогоды. В настоящее время якуты-

оленоводы на зиму предпочитают ставить обыкновенные якутские юрты с наклонными стенами, обсыпая их снаружи также дерном и глиной.

Лишь в местах временной рыбной ловли над рекой или озерами они возводят холума.

По словам Серошевского, холума под названием «калыман» встречается и в Колымском крае³⁷³. Любопытно, не находится ли в генетической связи само географическое имя «Колыма» со словом «колыман — холу-ма», ибо не подлежит сомнению, что оно позаимствовано русскими от якутов, которые искони веков Колымский край на своем языке называли «Халыма» или «Холума» (смотря по аканию или оканию говорящего)? Нам удалось видеть типичные севернякутские холума, встречающиеся, главным образом в Жиганском и Усть-Янском улусах, и по Нижней Тунгуске у тамошних тунгусов рода кюндэбир, панкабир и чапобир. Они известны также и илимпейским тунгусам. Тунгусы этот тип жилья называют тоже голь-омо, голом, холумачаан. «Гуулама джу» — дом-рубленок русского типа. У верхнеангарских тутуро-ачеульских и киренских тунгусов — гула, гуло — изба, дом³⁷⁴. Очевидно, лингвистические корни якутского «холума» восходят к тунгусским названиям.

В данное время трудно решить, принесен ли тип холума обьякучеными тунгусами из их прибайкальской родины или усвоен ими от местных тунгусов. Во всяком случае, мы думаем, что холума было господствующим типом зимнего жилья у якутов-оленоводо-в в более ранние исторические эпохи, в особенности же у их рыболовческого ответвления.

Ни слово «холума» и ни тип подобного конического шалаша, крытого дерном, в пределах Якутского округа якутам не известны. Лишь в богатых былинах изредка попадает упоминание о «балыксыт киси буор урасата» — шалаш рыбака с земляной покрывкой. У вилейских же якутов понятие о холума вполне реальное представление, как не чуждо им и само слово. Например, по их сказаниям, Эчик, сын легендарного прародителя вилейских якутов Быркингаа- Боотура, «жил в круглом шалаше холума, заваленном дерном и питался исключительно рыбой, зажаренной на углях»³⁷⁵. Другой, ещё более популярный, герой вилейских сказаний Улуу-

³⁷³ «Якуты». Стр. 350— 351.

³⁷⁴ Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1920 г.

³⁷⁵ См. «Эллэйада». § 246.

Омолдоон (Великий Ом.) в детстве пропадает без вести, но, однако, его «следы привели к бывшему здесь жилищу древнего человека — холума»³⁷⁶. Ещё на памяти стариков Мархинского улуса в окраинных местах рыбаки жили в точно таких же холума. А в Мастахском улусе, по всей вероятности, и в Удюгэйском, смежном с первым, и теперь существуют холума. Один якут б. Мастахского улуса Семен Игнатьев, студент Иркутского медреса, сообщил мне, что приблизительно у четвертой части домохозяев имеются холума, преимущественно у рыбных озер.

По берегам р. Чоны во многих местах сохранились следы, по видимому, подобных же пирамидальных шалашей, обсыпанных глиной. Один старик якут, Тимофей Попов, так описывает эти археологические остатки:

«По реке Чоне во многих местах над озерами встречаются старые ямы, расположенные по углам четырехугольника... По видимости эти рыбаки заваливали свои дома по четырем сторонам дерном. Четыре ямы по углам всегда располагаются наружу земляных бугров, обозначавших, вероятно, стены домов... На правом берегу Чоны, около озера Бёрё-Кюёл имеются следы десяти домов»³⁷⁷.

Развалившиеся стены пирамидальных холума должны бы напоминать описанную картину остатков.

Сказанное о холума — зимнем типе жилья — полностью применимо и к типу легких летних шалашей, крытых со всех сторон древесной корой, которые и по сие время не вывелись у якутов Жиганского улуса. Это, так называемые, «хатырык отуу» (корьевого шалаш).

Корьевого шалаш у якутов Якутского округа точно так же не в ходу, как обычное жилье для семейных людей, хотя бы даже временное. Такие шалаша на скорую руку делаются только на сенокосе или во время кратковременных работ в тайге и вдали от обитаемых мест. Само собой разумеется, в них спасаются и охотники от непогоды. Это явление находит свое простое объяснение в том, что настоящий «саха», из которых состоит основное ядро якутского народа, немыслим без своих коров и коней и, кроме того, он в пределах своей современной родины никогда не кочевал, а жил всегда оседло. Охота и рыболовство для него всегда были лишь под-

³⁷⁶ Там же, § 138.

³⁷⁷ Там же, § 308.

спорьем к его основному скотоводческому занятию. Вот почему в отношении основной массы собственно якутов-саха ни корьевого шалаш и ни зимнее холума не могут быть показаны, как обычные типы жилья хозяйствующей единицы. Иную картину мы опять-таки находим на Вилюе, где осели и в наши дни объякутились (вернее было бы сказать, уподобились «саха») древние «ураангхай», народ первоначально нетюркского происхождения. На Вилюе, опрашивая глубоких старцев, мы также наткнулись на живые ещё воспоминания о том, что в старину де многие семьи якутов в летнее время проживали в корьевых шалашах. Это показание для нас, как уроженца Якутского края, было большой неожиданностью. Исходя из хозяйственных обыкновений и воспоминаний якутов Якутского округа, мы думали, что обычным и национальным типом жилья для якутского простолудина была и остается традиционная юрта «саха балагана» (стоячая юрта якута), летом обмазывается глиной, а на зиму коровьим навозом. Якутские же князья-феодалы как по воспоминаниям стариков, так и по ранним литературным источникам в качестве летнего жилья и как признак своего аристократического происхождения, м. б., и начальнического звания устраивали во дворе неподвижную коническую урасу очень больших размеров, крытую берестой. Мало того, как установлено нашими раскопками древних могил в пределах Западно-Кангаласского улуса, одну цельную покрывку подобной урасы князья неизменно клали в свою могилу. Эти княжеские шатры, по всей вероятности, сродни дворцам-шатрам или «сараям» древнетурецких степных феодалов. На этом сложном вопросе мы имеем в виду подробнее остановиться во 2-м томе наших очерков в связи с изучением общественной организации у якутов дорусской эпохи. Здесь же необходимо отметить, что княжеские берестяные шатры у старинных якутов нельзя смешивать с урасой, как типом первобытного жилья. Корьевые же шалаши жиганских якутов и вилюйчан раннего периода, кое-где встречающиеся у них и теперь, свидетельствуют об их охотничьем и рыболовческом прошлом и о позднем развитии у них скотоводческого хозяйства, позаимствованного извне.

Итак, якуты-оленоводы, переселившиеся когда-то в древности из Прибайкалья, заселяли Вилюйский округ. Помимо оленеводства они, как и теперь, несомненно, занимались рыболовством в многочисленных озерах северной половины Вилюя, а также и охотой. Изучая быт, нравы и обычаи

современных северных якутов, мы можем получить приблизительное представление о первой стадии якутской истории на Лене. Героический эпос оленных якутов содержит в себе довольно ясные доказательства того, что эти ранние переселенцы занесли на Лену железную культуру, благодаря чему они должны были одержать сравнительно легкую победу над местными тунгусами. Весьма возможно, что часть тунгусских аборигенов Вилюйского края отодвинулась на запад, где ныне мы находим разные тунгусские племена по Нижней Тунгуске и в Илимпейском районе со следами влияния на них якутской оленеводческой культуры. В эпоху заселения Вилюя якутами-оленеводами территория современного Якутского округа, по всей вероятности, имела местное тунгусское же население. Основное ядро этих тунгусов, бывших аборигенов Якутского округа, пред нами налицо. Это будут тунгусы б. Майского ведомства, значительная часть которых полностью обьякутела, обзавелась якутским скотом и живет оседло по Алдану около устья Май и выше. Эти оседлые тунгусы б. Майского ведомства ничем не отличаются от якутов более глухих районов ни по языку и ни по образу жизни. Только при наличии длительного общения с якутами центральных районов и отличного знания их языка в говоре этих тунгусо-якутов можно кое-когда уловить легкие следы их тунгусского акцента, которые у некоторых индивидуумов совершенно исчезают. Часть майских тунгусов сохранила оленеводство и кочевой образ жизни.

В настоящее время якутское скотоводческое население Амгино-Ленского плоскогорья достигает до 80 тысяч душ об. п. При определении численности древнего тунгусского населения этой же самой территории, конечно, нельзя руководствоваться современными якутскими масштабами, ибо при оленеводческом и охотничьем хозяйстве соотношение эксплуатируемой площади к численности и плотности населения должно было быть принципиально иным. Всех тунгусов б. Майского ведомства, кочевых и бродячих, по переписи 1917 г. насчитывалось 2936 д. об. п.³⁷⁸. (Из них оседлых и вполне обьякутевших было 1350 д.). Даже это количество тунгусов при оленеводческо-охотничьем быте не смогло бы довольствоваться тайгой одного Амгино-Ленского плоскогорья. Тунгусское население Алдано-Ленского горного района, как известно, до нашего времени занимает свою территорию. (Тунгусы 9-ти кангаласских родов, численностью

³⁷⁸ См. М.Н. Соколов. Цит. соч., XXIII стр.

до 1085 д. об. п.). О ликвидации их тунгусского образа жизни, нравов, обычаев и языка, очевидно, придется говорить лишь со времени развития Алданской золотопромышленности. К этим бывшим владельцам всех земель Якутского округа необходимо прибавить и тех тунгусов, которые с наплывом в этот край якутской колонизации откочевали на восток — на Охотское побережье.

Соприкосновение северных якутов в эпоху заселения ими Вилюя с тунгусами б. Майского ведомства устанавливается наличием в составе Жиганского улуса двух тунгусских родов — Эженского и Кюпского (по-якутски — Эджээн, Кюп). Эти эженцы и кюпцы могли оторваться только от тунгусов Майского ведомства, о чем свидетельствует наличие среди последних пяти родов с тем же названием «Эджээн» и одного рода с именем «Кюп»³⁷⁹. Два рода из эженцев имеют якутский тип хозяйства, говорят по-якутски, а три бродят с оленями. Кюпцы на Мае и теперь остаются бродячими. Не приходится сомневаться в том, что эженцы и кюпцы в стародавние времена находились в тесном общении с оленными якутами Вилюя. Только при этом условии часть эженцев и кюпцев могла переселиться на север одновременно с якутами-оленоводами. Между прочим, по есейскому варианту оленекского эпоса, главный герой северных якутов Юнгкээбил, имеет брата, которому дается имя Эджээн-Хосун³⁸⁰. Здесь, очевидно, мы имеем дело с отражением в народном фольклоре фактических отношений вилюйских оленеводов с тунгусами, аборигенами Якутского округа, когда последние были полными хозяевами этого края. Старшинство и командующее положение Юнгкээбиля свидетельствует о том, что вилюйские оленеводы тогда подчинили своему культурному влиянию амгиноленских тунгусов, м. б., держа их в положении политической зависимости, как поставщики железного вооружения. В ту эпоху оленеводы Вилюя должны были быть в несколько раз многочисленнее тунгусов Якутского округа, ибо у первых были огромные запасы рыбы в озерах нижнего Вилюя и весьма развитый охотничий промысел на диких оленей в бассейне Оленека. Затем сзади они должны были пополняться постоянным напором новых якутских колонистов. Этот процесс в конечном итоге и оттеснил их дальше на север.

³⁷⁹ М. Н. Соколов. Цит. соч., XXII—XXIII стр.

³⁸⁰ См. «Оленек, хосунн. эп.», §§ 4 и 5.

В главе о языке северных якутов мы отметили наличие в нем лишних монголизмов, в их нравах и обычаях тоже устанавливаются, правда, и не особенно резкие и отчетливые, следы соприкосновения с монгольским миром. Обнаружение монгольского влияния и примесей в северном авангарде якутского племени имеет огромное значение в деле прояснения прошлой истории не только якутов, но и бурят. До сих пор якутоведы и бурятоведы полагали, что монгольское племя в лице бурят наседало сзади на якутов и вытеснило их из Прибайкалья. При таком понимании исторического взаимоотношения якутов с монгольскими племенами передние ряды якутов, казалось бы, не должны были иметь тесное соприкосновение с монголами. В противном же случае пришлось бы придти к выводу, что когда-то якуты вторглись в Предбайкалье, уже занятое монгольскими племенами, и в своем дальнейшем движении на север увлекли в составе своих авангардов какие-то разорванные части монголов. Таким образом, наше традиционное представление о якуто-монгольских взаимоотношениях в районе Предбайкалья как бы переворачивается вверх ногами.

С другой стороны, наличие явных монгольских примесей в составе северных якутов, конечно, пришлось бы рассматривать, как одно из лучших доказательств защищаемого нами положения о южном, байкальском происхождении и самих северных якутов, ибо нигде в другом месте они не могли бы смешаться с монголами. Мало того, если монгольский элемент в якутском авангарде был довольно значителен, то первый толчок к якутскому переселению на север могли дать как раз эти монгольские части, чтобы избавиться от якутского национального гнета. Таким образом, якутизированные монголы оказались бы зачинщиками того движения, которое в дальнейшем своем развитии увлекло все якутское племя в таежные дебри крайнего северо-востока Сибири.

После этих предварительных соображений о принципиально важном историческом значении обнаружения монголов в северном отделе якутского народа, мы позволим себе указать, что родовое имя «югюлээт», констатируемое как среди оленеводов бассейна Оленека, как и тесно сопредельных с ними якутов северного Вилюя в количестве 2000 душ, является ни чем иным, как древним наименованием главного отдела калмыков-ойратов, занимающих теперь западную Монголию. В историческом

сочинении Санан-Сэцэна указывается, что племя четырех ойратов складывается из угэлэт, багатут, хойт и кэргут³⁸¹. По другим историческим данным, в состав четырех ойратов входят и Баргу-буряты. Дж. Банзаров пишет: «Новейшие известия калмыков считают четырьмя ойратами: 1) угэлэт, 2) хойт-багатут, 3) баргу-бурят, 4) дур-бэт, дзун-гар, хошут и торгут³⁸². По Банзарову, «Паллас, пользовавшийся неизвестно какими источниками, считает так: 1) өлот (угэлэт), 2) хойт, 3) түмэт и 4) баргу-бурят»³⁸³.

Во всех приведенных известиях в состав дурбэт (четырёх) ойрат неизменно находим угэлэт, это название в настоящее время произносится «олёт» или «элет». Тюрки Урянхайского края это имя произносит «ёёлэт» с долгим гласным в начале³⁸⁴. Стяжение слога «үгэ-югэ» в долгий гласный сохранилось в монгольской письменности в виде особого начертания. Об этом мы говорили выше при установлении тождества между якутским именем «сологоон» и «солон». В данном случае мы вторично сталкиваемся с тем же лингвистическим явлением, доказывающим большую архаичность якутского диалекта.

Что якутские угулятские (югюлээт) роды должны быть признаны объякученными калмыками подтверждается и тем, что в составе тех же северных якутов мы находим и другое монгольское племя Түмэт, показанное среди древних четырех Ойрат. Это будут два рода Түмэт в Жиганском и Усть-Янском улусах. Обнаружение среди оленных якутов одного рода, соименного с племенным названием Ойрат'ов, ещё возможно было бы счесть за случайное созвучие, но, когда отыскиваются два родовых названия, в точности совпадающие с именами основных подразделений Ойратов, то о случайности не может быть речи. Что якутские «туматы» являются иноплеменной примесью, как дальше увидим, подтверждается легендами вилюйских якутов, которые когда-то будто бы истребили целое племя «тумат». Очевидно, что в родах югюлээт (в составе их и «кююлэт») и түмэт мы имеем дело с объякученными монголами. К этим фактам мы можем добавить ещё и название одного наслега или рода в Усть-Янском улусе, т. е. в составе тех же северных якутов, а именно, «ногой» (офиц. их

³⁸¹ Schmidt. «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetcen Chungtain-dschi. 1829. 57.

³⁸² См. сборн. сочин. Банзарова. «Черная вера» и проч. СПб., 1891 г., статья «Об ойратах и уйгурах», стр.

84.

³⁸³ Sanl. hist Nachr. über die Mongol. Dölkerschaften. B. 1, 5.

³⁸⁴ См. Н. Катанов. Опыт исслед. урянх. яз. Прил. слов., стр. 157.

два— 1 и 2 Ноготские)³⁸⁵. Это бесспорно общемонгольское слово «нохой», что значит собака. Людям, незнакомым с местным произношением родовых имен, конечно, невозможно разобраться в этих сравнительно простых лингвистических вопросах, исходя из официальных, невероятно искаженных, названий, как, например, от «ногой», «ноготский». О былом монголизме этих ноготцев ясно говорит и то, что с ними вместе в маленьком улусе (с 1380 д.) упомянутые выше тумэты.

В связи с этими разительными фактами, само собой разумеется, должен возникнуть вопрос о том, где и когда якутские оленеводческие авангарды могли бы столкнуться с калмыками, ныне обитающими в совершенно иных областях, находящихся далеко в стороне от якутских исторических путей на север? Разбираться в истории кочевых народов вообще нелегкое дело, ибо характер кочевого быта сам по себе не предполагает прочной связи населения с землей. Номады чрезвычайно легко и быстро могут переместиться в разные области. Так, например, нам хорошо известно, что часть калмыков в начале XVII века, как раз в год завоевания якутов на Лене сотником Бекетовым, т. е. в 1632 г. под предводительством своего князя Хо-Орлока, прикочевала из Джунгарии на Волгу, откуда позже перешла на правый берег Волги в южно-русские степи, где по воле Советской власти они ныне образовали Автономную Калмыцкую область³⁸⁶. А племя тумэт в результате массовых сдвигов и переселений монгольских племен в эпоху чингисовых завоеваний перекочевало в южную Монголию, где входит теперь в состав Джосотуского сейма, земли которого находятся между городами Калган, Мукден и Пекин³⁸⁷. Подчиненные тумэтам хори (иногда именуемые хори-тумэт) живут в русском Забайкалье под названием хоринских бурят, что показывает нахождение древнего местожительства тумэтов где-то около озера Байкала. Вот куда разбросались соплеменники и ближайшие родичи якутских югюлээт, тумэт и ногой, в свою очередь заброшеных на дальний север в бассейн Оленека, у дельты Лены и дальше на восток в район устья Яны. Но, к счастью, установление того географического пункта, где происходило тесное соприкосновение северных якутов с калмыками, не представляет из себя головоломной пробле-

³⁸⁵ М. Н. Соколов. Цит. соч., стр. XIX.

³⁸⁶ Проф. Пальмов. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пред. России. Астрахань, 1922 г.

³⁸⁷ См. А. Д. Руднев. Материал по говорам Вост. Монголии. 1911 г., стр. 252.

мы. Дело в том, что рассеяние монгольских племен началось лишь со времени выступления на историческую арену знаменитого воителя Чингис-Хана. До него монгольские племена были притиснуты к окраинам Монголии и владели довольно жалкое существование. Обширные монгольские степи были заняты почти сплошь турецкими племенами. Северные якуты могли жить в соседстве с ойратами, само собой разумеется, лишь в джунгисову эпоху. Здесь мы получаем и приблизительную хронологическую зацепку о времени эвакуации оленных якутов из Предбайкалья на север. Ясно, конечно, что это событие должно было случиться за много сотен лет раньше появления Чингис-Хана (начало XIII ст.), когда дурбен-ойраты ещё не стяжали себе славу воинственного народа или, как говорится в бурятских улигэрах (былинах):

Когда великое внешнее море
Было величиной с ручей,
Когда огромная рыба Абарга
Была рыбешкой...

Историческими документами довольно ясно устанавливается, что ойраты и в их составе тумэты были коренными обитателями Приангарского края.

Итак, северные якуты по своему этническому происхождению представляют собой конгломерат из тунгусов, турок и монголов. Вопрос о датах постепенного передвижения их на север в данный момент мы разрешать не можем, ибо хронологическая связь событий может быть установлена лишь при сопоставлениях всего поработанного материала. Пока можно лишь предположительно ответить на общий вопрос: долго ли якуты-оленоводы, как носители ранней якутской культуры, прожили в бассейне Лены оторванно от якутов-скотоводов, оставшихся где-то около озера Байкала?

Большая самобытность, обособленность и своеобразие культуры северных якутов с большой вероятностью свидетельствуют за то, что их раздельное существование на Вилюе было очень длительным, во всяком случае, не одна и не две сотни лет.

СОДЕРЖАНИЕ

«Ураангхай-сахалар» Г. В. Ксенофонтова 3
Предисловие 10

Часть первая

ОБЗОР ТЕОРИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ И ИХ ДРЕВНИХ ПЕРЕ- СЕЛЕНИЯХ

Историческая литература о якутах 20

Глава I. Ранние историки якутов

1. Исбрандт Идес и первичный источник гипотез о южном происхождении якутов 24
2. Филипп Страленберг (Табберт) 33
3. Герард Миллер и Иоганн Фишер 44

Глава II. Поздние историки якутов 65

1. Основоположники минусинско-енисейских гипотез 68
2. В. Л. Серошевский о происхождении якутов 77
3. Н. А. Аристов 86
4. Д. А. Кочнев 88
5. В. Ф. Трощанский и В. И. Иохельсон 92
6. Проф. В. И. Огородников 101
7. Проф. Н. Н. Козьмин 105

Глава III. Знатоки турецких языков о происхождении якутов

1. Академик Отто Бётлингк 128
2. Герман Вамбери 133
3. Академик В. В. Радлов 138

Заключительные выводы 159

Глава IV. Устные летописи якутов. (К вопросу об историческом значении их героического эпоса). I—II 166

Глава V Южное происхождение якутов 202

Глава VI. Расселение якутов к моменту русского завоевания

1. Показание писанных источников 224
2. Воин Шахов о вилюйских якутах 242
3. Казачьи документы о местожительстве якутов Жиганского улуса 248
4. Что говорят казачьи документы о верхоянских якутах 252
5. Окраинные колонии якутов и пути русских завоевателей 254

Часть вторая

СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ

Глава I. Общие сведения о северных якутах-оленеводах

1. Якуты-оленеводы в этнографической литературе царского периода 266
2. Русское завоевание и экономика якутского Севера 272
3. Родовые имена, численность и распространение якутов-оленеводов 290

Глава II Культурно-бытовые особенности

1. Говор якутов-оленеводов 307
2. Обычаи и нравы северных якутов 313
3. Шаманство северных якутов 324

Глава III. Героический эпос якутов-оленеводов

1. Хосунные сказания 338
2. Схема оленекского хосунного эпоса 352
3. Отражения исторических событий в хосунном эпосе 361
4. Легенда о бородатом народе 386

Глава IV. Заключительные выводы. (Происхождение якутов- оленеводов и исторический путь их переселений на Север) 398